

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Чаиркина Наталия Михайловна

**ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗАУРАЛЬЯ: АНАЛИЗ И
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Том 1

07.00.06 – археология

Диссертация на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Научный консультант –

доктор исторических наук, академик

В.И. Молодин

Екатеринбург – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Том 1

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАУРАЛЬЯ.....	22
1.1. Методика поиска и исследования.....	22
1.2. История открытия и исследования торфяниковых памятников Кокшаровского, Горбуновского, Шигирского, Карасьеозерского торфяников; озер Шувакиш, Вашты, Половинное.....	32
1.3. Формирование и развитие научных концепций и идей по материалам торфяниковых памятников.....	60
ГЛАВА 2. ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ.....	83
2.1. Культура населения эпохи мезолита, хронология эпохи.....	83
2.2. Культура населения эпохи неолита, хронология эпохи.....	112
2.3. Среда обитания, хозяйство и модели освоения вмещающего ландшафта в эпоху мезолита – неолита.....	132
ГЛАВА 3. ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА ЗАУРАЛЬЯ.....	143
3.1. Археологические культуры и типы памятников.....	143
3.2. Периодизация, хронология и среда обитания.....	147
3.3. Основные направления хозяйственной деятельности.....	150
3.4. Аспекты мировоззренческих представлений.....	182
ГЛАВА 4. ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ.....	209
4.1. Археологические культуры и типы памятников раннего бронзового века.....	209
4.2. Археологические культуры и типы памятников позднего бронзового века.....	215
4.3. Хронология и среда обитания.....	229
ГЛАВА 5. ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.....	233
5.1. Торфяниковые памятники Восточной Европы.....	233
5.1.1. Торфяниковые памятники Севера Восточной Европы.....	233

5.1.2. Торфяниковые памятники лесной зоны Восточной Европы, Волго-Окского междуречья.....	239
5.1.3. Торфяниковые памятники Восточной Прибалтики.....	248
5.1.4. Торфяниковые памятники бассейна верхнего и среднего течения р. Западная Двина.....	258
5.2. Торфяниковые памятники Западной Европы.....	263
5.2.1. Свайные постройки.....	267
5.2.2. Деревянные сооружения – настилы, дороги.....	277
5.2.3. Жертвенные места и клады в болотах и торфяниках.....	281
5.2.4. Погребения в болотах.....	282
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	288
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	299
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	337

Том 2

ПРИЛОЖЕНИЕ 1	Археологические памятники Кокшаровского, Горбуновского, Шигирского, Карасьезерского торфяников; озер Шувакиш, Вашты, Ельничное, Половинное.....	4
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	Природно-климатические условия эпохи голоцена Зауралья по материалам спорово-пыльцевых диаграмм торфяниковых памятников.....	102
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	ТАБЛИЦЫ.....	154
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	171

ВВЕДЕНИЕ

Объектом предлагаемого исследования являются торфяниковые памятники – особый тип источников, располагающихся в болотах или торфяных залежах, своеобразие которых заключается в способности торфа и сапропеля (озерный ил) консервировать органические остатки. Они являются не только археологическими, но и природными объектами, условия и время формирования которых определены физико-географическими особенностями региона и природно-климатическими условиями. Такие памятники формировались в некоторые периоды голоцена, когда складывались благоприятные условия для заболачивания озер и прибрежных участков стоянок и поселений, консервации их культурных слоев и изделий из органики. Эти свойства торфяников обусловлены обилием в них влаги и слабой проточностью, что замедляет испарение воды из органики; небольшой теплопроводностью, которая дольше сохраняет низкие температуры; наличием в ряде слоев антисептических и токсичных веществ, главное – отсутствием доступа кислорода, что затрудняет деятельность разлагающих микроорганизмов.

Торфяниковые памятники содержат, как правило, полные разрезы осадконакопления всех периодов голоцена, позволяют с большей степенью надежности использовать методы естественных наук в палеогеографических реконструкциях.

На торфяниковых памятниках разных регионов мира обнаружены бытовые вещи, орудия охоты, рыболовства и земледелия; детали жилых, культовых и промысловых построек, произведения искусства, выполненные из органических материалов, не сохраняющиеся в культурных слоях иных археологических объектов.

Эти обстоятельства определяют статус торфяниковых памятников как уникальных природно-исторических источников, чрезвычайно важных для реконструкции палеосреды, быта и мировосприятия древнего населения.

Предметом исследования является реконструкция среды обитания и системы жизнеобеспечения, материальной и духовной культуры населения эпохи мезолита – позднего бронзового века Зауралья по материалам торфяниковых памятников.

Цель исследования состоит в определении специфики, анализе и интерпретации материалов торфяниковых памятников как уникальных природных и археологических объектов. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- систематика всего корпуса источников торфяниковых памятников Зауралья;
- характеристика основных признаков торфяниковых памятников;
- определение хронологии и периодизация археологических культур и типов памятников Зауралья эпохи мезолита – позднего бронзового века;
- определение функционального назначения торфяниковых объектов;
- выявление хозяйственных структур древних социумов по материалам торфяниковых памятников;
- характеристика культовой практики;
- реконструкция динамики палеоклиматических изменений голоцена, исследование ландшафта и окружающей среды;
- выявление пространственной локализации, системы расселения и вариативности моделей адаптации социумов к изменениям природной среды;
- корреляция выявленных структур и явлений с материалами торфяниковых памятников Восточной и Западной Европы.

Актуальность исследования. Современный уровень археологических исследований предполагает комплексный подход в изучении материальной и духовной культуры, системы жизнедеятельности, реконструкции палеоклимата

и среды обитания древнего населения. Такие работы сейчас не редкость, однако они, как правило, осложнены фрагментарностью источниковой базы, которой оперирует исследователь. В этом отношении торфяниковые памятники обладают рядом преимуществ и являются актуальными объектами исследования.

Зауралье представляет собой низкогорный регион, в котором специфика осадконакопления и почвообразования в конце плейстоцена и в голоцене привели к преобладанию смешанных (нестратифицированных) археологических комплексов, с не всегда надежным материалом для радиоуглеродного датирования и палеоэкологических реконструкций. Этим отчасти объясняется малое количество радиоуглеродных дат для зауральских памятников, что не позволяет до настоящего времени надежно определить время появления и существования культур эпохи мезолита – железного века, препятствует их синхронизации с материалами сопредельных территорий и пониманию культурно-генетических процессов, происходящих в регионе в этот период. Помимо «специфичности» источников, ситуация усугубляется и их явной недостаточностью: на протяжении последнего десятилетия в этом регионе практически не проводятся исследования береговых поселений.

В отличие от комплексов, располагающихся на минеральных почвах, торфомассивы содержат полные разрезы осадконакопления всех периодов голоцена, позволяют с большей степенью надежности использовать методы естественных наук в палеогеографических реконструкциях. Культурные слои торфяниковых памятников, как правило, хорошо стратифицированы, что дает возможность, в отличие от береговых комплексов со смешанными артефактами, рассматривать внутреннюю периодизацию археологических эпох и отдельных периодов региона.

На торфяниковых памятниках Зауралья обнаружено большое количество орудий труда и быта из органических материалов. Специфика и колорит, определяющие их особый статус в археологическом наследии, заключаются в

наличии здесь культовых объектов с комплексом построек, зооморфной, орнитоморфной и антропоморфной скульптурой. Актуальность предлагаемого исследования заключается в анализе и ретроспективной реконструкции природной среды, хронологии и периодизации археологических культур и типов памятников, хозяйственной структуры и культовой практики населения эпохи мезолита – позднего бронзового века Зауралья.

В последние годы за рубежом прогрессируют технологии полевых и лабораторных исследований этих памятников. Создаются крупные научно-исследовательские проекты по комплексному исследованию болотных массивов, систем жизнеобеспечения, материальной и духовной культуры древнего населения. Публикуются многочисленные сборники трудов и монографии, посвященные частным и общим аспектам этой темы. В России, к сожалению, невелико количество специалистов, занимающихся систематическим поиском и комплексным исследованием торфяниковых памятников. В целом немногочисленны, хотя и очень интересны, работы, посвященные костяному и деревянному инвентарю, типологии различных категорий артефактов, произведениям искусства и т.д., нет обобщающих трудов по торфяниковым памятникам отдельных регионов и России в целом. В предлагаемом исследовании приведен обзор наиболее известных объектов этого типа Восточной и Западной Европы.

Таким образом, выбор темы исследования не случаен, определен спецификой, важностью и уникальностью рассматриваемых источников. Он обусловлен участием автора в многочисленных полевых экспедиционных работах, в которых отработывалась методика поиска этих объектов, что привело к открытию новых торфяниковых памятников Зауралья и их комплексным исследованиям.

Территориальные рамки исследования определяются расположением объектов исследования – торфяниковых памятников на восточном склоне Урала, в лесной зоне Зауралья. Современные торфяные болота покрывают

около 3 % суши (т. 2, прил. 1–4, рис. 1) [Кац, 1971]. В зонах неустойчивого и недостаточного увлажнения болот немного, и размеры их невелики. Первое место в мире по запасам торфа занимает Канада, второе – Россия. Большие запасы есть в Индонезии, Ирландии, Великобритании, ряде штатов США. Предполагаемая площадь торфяных болот России составляет около 100 млн. га. Они распространены преимущественно в лесной зоне. Наибольшие площади болот и запасы торфа сконцентрированы на Севере Европейской части России, в Западной Сибири. Большими запасами торфа располагают Центральный, Дальневосточный, Восточно-Сибирский и Прибалтийский регионы. Уральский район по запасам торфа занимает третье место в России.

Рассматриваемый район – Зауралье – орографически подразделяется на полосу увалистого рельефа, тяготеющую к водораздельному хребту, и Зауральский пенеплен. Территория восточного макросклона характеризуется низкогорным рельефом с высотами 350–750 м, континентальностью климата и термическими инверсиями, обусловленными скоплением и застаиванием холодного воздуха [Прокаев, Кузнецова, 1974, с. 25, 28–29]. Для района типичны небольшие реки горного или полугорного характера, высокая озерность. Достаточная увлажненность территории определяет устойчивость уровненного режима водоемов и благоприятный кислородный баланс.

Зауральский пенеплен расположен между восточным макросклоном Уральского хребта и Западно-Сибирской равниной. В районе преобладает полого-холмистый и плоскоравнинный рельеф. Климат сравнительно сухой – в год выпадает до 400 мм осадков. Для пенеплена характерна высокая озерность. Озера испарительно-дождевого типа: сток незначительный или отсутствует. Органические показатели и бессточность озер определяют зимние кислородные голодания [Андреева, 1973, с. 116–118].

С Уральским хребтом и пенепленом связаны источники минерального сырья, зеленокаменной породы, сланцев, кварца, гранита и талька. Широко

распространен галечный кремень и кремнистый сланец, есть небольшие местонахождения яшмы.

В многочисленных реках и озерах живет около двух десятков видов рыбы. Хищные плотоядные звери представлены волком, лисицей и бурым медведем, рысью, соболем и лесной куницей, степным хорем, колонком, горностаем, лаской, норкой. Из парнокопытных встречаются лось, северный олень, косуля. Для уральских лосей и косуль характерны сезонные перекочевки с западного склона на восточный, с глубоких снегов на мелкие. Косуля встречается в основном в южных и восточных зауральских лесостепных районах, северный олень – в северном Зауралье. Видовой состав орнитофауны представлен отрядом куриных, нырковых и пластинчатоклювых.

Таким образом, Зауралье занимает несколько природно-климатических зон со специфическим рельефом, геологией, гидрографией, климатом, растительным покровом. Большая протяженность его территории в меридиональном направлении, различия в высотных отметках являются причиной разнообразия климатических условий северных и южных, горных и равнинных районов. Эти обстоятельства обусловили особенности болотообразования и благоприятны для выяснения основных факторов торфонакопления [Русский, 1992].

В Зауралье сейчас выявлено и частично исследовано более 60 торфяниковых памятников (т. 2, прил. 1–4). Их территориальное распределение неравномерно, что обусловлено как разной степенью археологической исследованности региона, так и спецификой, возрастом болотообразовательных процессов в различных частях этой территории.

В юго-западной части Среднего Зауралья, на возвышенном плато с холмисто-равнинным и горно-холмистым рельефом, обнаружено четыре торфяниковых памятника – Половинное Озеро I, IV, VII, X (т. 2, прил. 1; 4, рис. 2, 15). Они найдены на массиве Водяное–Глухое, расположенном в пологой депрессии восточного склона Уральского хребта на водоразделе р. Исети и

Чусовой, в проточной котловине, которая образовалась при заболачивании озер Половинное, Глухое и Щучье.

Для этого района Зауралья характерны неблагоприятные условия торфообразования, слабая заторфованность. Здесь встречаются провальные или карстовые озера, заболачивание которых привело к образованию небольших по площади торфяных месторождений в межгорных понижениях и долинах рек. Торфяные месторождения в карстовых формах рельефа имеют однородное строение и сложены, в основном, осоково-сфагновыми и осоково-гипновыми видами низинной залежи. Иногда они подстилаются тростниковым торфом. По долинам рек встречаются пойменные торфяные месторождения, зачастую вытянутой формы. Их залежь глубиной 1,5–2,0 м сложена, преимущественно, осоковым торфом.

На восточном склоне Уральского хребта в пределах подгорной равнины, к югу от р. Туры, в области увалисто-холмистого и плоскоравнинного рельефа, обнаружено 48 археологических памятников (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 2). Они располагаются в торфяно-сапропелевых отложениях оз. Шувакиш (Шувакиш I, V-Б, VI-В, VIII-Г, XI-Д, XIX-Е), Вашты (Вашты VI-А), Ельничного (Ельничное I-А) и Мелкого (у мыса Елового); на Шигирском (Шигирский Исток I и II, Варга 2, Анин остров, Анин остров II, Скворцовская Гора II, Резной I, Шигирское А, Шигирская III, Шигирское городище (болотное), Шигирское городище I, Язевская I и II), Горбуновском (Стрелка, Разрезы IV, IV-А, VI и VIII, Дальний разрез, Дальний разрез А и Б, Поперечный разрез, Новый разрез, Новый разрез А и Б; Филин Остров (торф), Береговая I и II (торфяниковая)), Карасьезерском (Разбойничий Остров, Карасьезерская I-А и II-Б) и Кокшаровском (Кокшарово I и VII (болотные), Кокшаровско-Запроточная VI (болотная), Кокшаровско-Юрьинская I, II и III, Юрьинская стоянка (болотная), Местонахождение на канаве). Археологические исследования проведены в заторфованной части 19 памятников (Разбойничий Остров, Береговая I и II (торфяниковые), Стрелка; Разрезы VI и VIII, Новый и Дальний Горбуновского

торфяника; Шувакиш I, Шувакиш XI-Д и Шигирское А, Шигирское городище (болотное), Анин остров и Анин остров II, Варга 2, Язевская I и II, Кокшаровско-Юрьинская I и II).

Этот район Зауралья дренируется глубоко врезанными долинами р. Тагила, Нейвы, Режа, верхними течениями Пышмы, Исети и их многочисленными притоками. Характерна довольно высокая заторфованность – 7,3 %. Торфяные месторождения здесь образовались при заболачивании озер и отрицательных форм рельефа: межувальных понижений, долин рек, древних ложбин стока. Залежи, образовавшиеся при заболачивании озер, сложены низинными типами торфа – осоковым, тростниковым, древесно-осоковым с отдельными участками верховой залежи, которые иногда достигают 6–8 м. Зачастую торфяная залежь подстилается сапропелем.

Месторождения межувальных понижений, древних ложбин стока и речных долин имеют однородное строение почти на всю глубину. Залежь сложена низинными видами торфа, по окраинам – древесным торфом [Торфяные месторождения..., 1976, с. XVI–XXI].

Северная горная часть Зауралья неблагоприятна для торфообразования. Месторождения встречаются только в горных долинах, межувальных понижениях, по долинам рек. Археологические исследования торфомассивов здесь и на северо-востоке Зауралья, в пределах западной части Западно-Сибирской низменности, пока не проводились. Поверхность территории последнего района ровная, дренируется слабо, пересекается глубоко врезанными широкими долинами рек. Особенностью района является высокая степень заторфованности (около 19,5 %) и наличие очень крупных болотных систем, которые имеют сложное строение [Торфяные месторождения..., 1976, с. XXI–XXIV].

Условия для накопления торфа не очень благоприятны и в юго-восточной части Зауралья, на возвышенном участке Западно-Сибирской равнины. Территория дренируется р. Пышмой, Ницой и их притоками. Небольшие

болотные массивы низинного типа приурочены к понижениям на водоразделах, провально-суффозионным котловинам и поймам рек. Верховая залежь слагается, преимущественно, фускум-торфом, подстилающимся низинным торфом. В органических отложениях оз. Молтаево обнаружен один археологический памятник эпохи раннего металла – поселение Молтаево II (т. 2, прил. 4, см. рис. 2).

Бассейн р. Конды, Ханты-Мансийский АО – обширная аллювиальная равнина, средняя заторфованность которой составляет 51 %, а заболоченность местами – 90 %. Средняя глубина торфа – 3,1 м, максимальная – до 6 м. Основными причинами заболачивания являются равнинность междуречий, их слабая дренированность, большая продолжительность и извилистость рек. В понижениях между гривами и на террасах р. Конды основными типами болот являются сфагновые озерково-грядово-мочажинные и грядово-мочажинные. К поймам рек приурочены осоковые, тростниковые, вейниковые и березово-вейниковые болота.

Здесь в торфяно-сапропелевых отложениях обнаружено 12 памятников эпохи раннего металла – железного века (т. 2, прил. 4, см. рис. 2). Получен новый материал по генезису болотообразовательного процесса, новые основания для палеогеографических реконструкций [Чаиркина, 2009, с. 179–189].

Таким образом, источниковой базой работы явились материалы около 60 торфяниковых памятников Зауралья. Их территориальное распределение неравномерно, что обусловлено как разной степенью археологической исследованности региона, так и спецификой и возрастом болотообразовательных процессов в различных частях этой территории. Несмотря на довольно обширную источниковую базу, научный потенциал и информационные возможности известных торфяниковых памятников Зауралья не равнозначны. На значительной их части проведены только разведочные работы, другие исследовались в XIX – середине XX вв. в традициях

описательного подхода и неполной фиксации. Поэтому в предлагаемой работе акцентировано внимание на материалах памятников, раскопанных с использованием междисциплинарного системного подхода.

Хронологические рамки исследования очерчены временем бытования торфяниковых памятников Зауралья – эпохой мезолита – позднего бронзового века, около 9 300–1 300 гг. до н.э. Культурные слои раннего железного века в исследованных памятниках немногочисленны и слабо информативны (т. 2, прил. 1–3).

Все радиоуглеродные даты, рассмотренные в работе, подвергнуты стандартным статистическим процедурам калибровки значений и суммирования вероятностей по группам по программе Calib Rev 7.0.2. Многие конвенционные даты имеют большое квадратическое отклонение, поэтому в исследовании использованы интервалы калибровки с вероятностью в одну сигму.

Культурные слои эпохи мезолита отложились в пребореальный и бореальный период, около 9 300–6 800 гг. до н.э.

Культурные слои эпохи неолита сформировались в атлантический период, около 6 200–3 800 гг. до н.э.

В предлагаемом исследовании для обозначения переходного времени от каменного к бронзовому веку используется не понятие «энеолит», а более универсальный и реально отражающий специфику этого периода термин «эпоха раннего металла». Нижняя граница бытования памятников эпохи раннего металла на территории Зауралья – около 4 000 г. до н.э., верхняя граница пока не подтверждена датами, определена гипотетически по нижней границе комплексов раннего бронзового века – около 2 500 г. до н.э. Культурные слои памятников этого времени отложились в конце атлантического – начале суббореального периода.

Культурные слои бронзового века сформировались в суббореальный период. По серии ^{14}C , в том числе AMS дат, ранний бронзовый век на

территории Зауралья датируется около 2 570–1 970 гг. до н.э., поздний бронзовый век по немногочисленным датам – около 1 500–1 300 гг. до н.э.

Методологической основой работы является комплексный подход, определенный спецификой торфяниковых памятников как уникальных природных и археологических источников. Он обеспечивается интегрированием общенаучных, традиционных археологических и естественнонаучных методов исследования.

Общенаучные методы исследования, анализ и синтез, позволяют проанализировать, выявить основные характеристики и синтезировать материалы торфяниковых памятников Зауралья. *Конкретно-исторический метод* дает возможность рассмотреть торфяниковые памятники Зауралья в контекстных, определенных пространственных, временных и культурно-исторических (социальных) условиях.

Сравнительно-исторический метод определяет закономерности и особенности формирования, распространения и функционирования торфяниковых памятников Зауралья, Восточной и Западной Европы.

Традиционные методы археологии

Метод формализованного систематического описания материалов всех торфяниковых памятников Зауралья является необходимым этапом исследовательского процесса, средством представления научных данных.

Археологические комплексы в торфяниковых памятниках Зауралья залегают в четких стратиграфических позициях, это дает основания для построения относительной хронологической шкалы региона. Она строится по материалам многослойных памятников с использованием *стратиграфического* (выявление культурных слоев, установление хронологического паритета между ними), *сравнительно-типологического* (установление эволюции типов артефактов и памятников) *методов* и *метода перекрестной датировки* (обоснование одновременности культурных слоев и археологических культур в разных памятниках по наличию в них однотипных вещей).

Технико-типологический анализ выявляет сходства и различия в изготовлении и использовании различных артефактов.

Метод аналогий позволил выявить серии подобных предметов на торфяниковых памятниках Урала, Восточной и Западной Европы, установить возможное функциональное назначение и хронологию ряда артефактов.

В реконструкции хозяйственных структур и отдельных аспектов мировоззрения, в раскрытии семантики ряда мифологических образов в предлагаемом исследовании применен метод *ретроспективного анализа* хозяйства и мифо-ритуальной практики обских угров – хантов и манси. Культурная преемственность и, вероятно, относительная этническая однородность населения Зауралья и севера Западной Сибири, несмотря на дискуссии о генезисе и хронологии многочисленных археологических культур этого региона, дают основания предполагать существование уже в эпохи мезолита – раннего металла культур, генетически предшествовавших таежному компоненту угорской культуры. На протяжении тысячелетий относительная стабильность ландшафтно-климатических условий обеспечила консервацию и сохранение традиционного хозяйственного уклада, а отдельные элементы мировоззренческих представлений сохранились в угорских легендах и мифах. Устойчивость традиций в ритуальной практике проявляется в однотипности, порой тождественности, отдельных элементов угорских святилищ и культовых площадок, обнаруженных на уральских торфяниках, в том числе в стилистике антропоморфной, зооморфной и орнитоморфной скульптуры.

Методы естественных наук:

– *геолого-геоморфологический метод* – исследование элементов и форм рельефа, к которым приурочены торфяниковые памятники;

– *спорово-пыльцевой (палинологический) и карпологический* – обеспечивают реконструкцию растительности и климата Зауралья в эпоху голоцена, позволяют получить комплексный материал для реконструкции естественной динамики ландшафтов района;

– *дендрохронологический* – датирование археологических находок, прежде всего, сооружений крупных конструкций по годичным слоям древесины;

– *археозоологический метод* – определение до вида фаунистических остатков, обнаруженных на памятнике; выявление возраста и пола животных; стратегии, сезонности и утилизации добычи; установление индикаторных видов для реконструкции ландшафтных условий.

Датирование археологических памятников голоцена Зауралья и создание хронологической шкалы осуществляются по комплексу разнообразных источников, обнаруживаемых на торфяниковых стоянках – вмещающему находки слою (торфу, сапропелю), природным органическим остаткам (древесина, уголь, кости животных). Для радиоуглеродного датирования используется и целый ряд артефактов, выполненных из органических материалов: фрагменты сооружений, монументальные скульптуры, некоторые категории бытового инвентаря. В культурных слоях зауральских памятников обнаружены уникальные антропоморфные, орнитоморфные и зооморфные скульптуры из дерева, кости и рога животных. Некоторые из них могут быть датированы по вмещающему слою или археологическому контексту. Другие скульптуры, составляющие довольно большую группу, обнаружены в XIX – первой половине XX вв. Их археологический контекст не всегда известен, поэтому определение возраста возможно только прямым AMS датированием.

Защищаемые положения:

1. Условия и время формирования торфяниковых памятников определены физико-географическими особенностями разных регионов мира, обусловлены изменениями природно-климатических условий голоцена, связаны с процессами болото- и торфообразования.

2. Торфяниковые памятники России представлены стоянками и поселениями, в том числе свайными, локализованными в некоторых районах, и немногочисленными культовыми местами. Функциональная специфика этих

объектов, бытовавших в эпоху мезолита – железного века в Западной Европе, более разнообразна – стоянки и свайные поселения (lake-dwelling), дороги (trackways), жертвенные места, погребения в болотах (bog bodies).

3. Источниковедческие и интерпретационные возможности торфяниковых памятников Зауралья неравнозначны. Они являются комплексным источником для определения хронологии археологических культур, реконструкции хозяйственных структур и культовой практики; в исследовании окружающей среды и выявлении вариативности моделей адаптации социумов к изменениям природной среды голоцена. Их интерпретационные возможности в реконструкции и определении динамики каменных индустрий, керамического производства и, как следствие, культурно-генетических процессов, ограничены, что обусловлено немногочисленностью этих категорий артефактов в культурных слоях функционально специфичных торфяниковых памятников.

4. Культурные слои эпохи мезолита отложились в пребореальный и бореальный период, около 9 300–6 800 гг. до н.э.; неолита – в атлантический период, около 6 200–3800 гг. до н.э. Небольшое количество исследованных торфяниковых памятников этого времени, их функциональная специфика и явная недостаточность материалов, не вполне отражающих реальную картину, пока дают немного оснований для определения динамики каменной и костяной индустрий, керамического производства, хозяйственных структур социума. Однако большой запас природных ресурсов и возможность ведения различных отраслей хозяйства, вероятно, определяли устойчивость мезолитической и неолитической экономики. Источниками по реконструкции мировоззренческих представлений являются гравированные предметы из кости и рога. Уникальна деревянная антропоморфная скульптура – Большой Шигирский идол. Огромный размер, уникальный декор и структурированность изображений, предполагает множественность его семантических текстов.

5. Культурные слои эпохи раннего металла обнаружены практически на всех памятниках, отложились в конце атлантического – начале суббореального периода, около 4 000–2 500 гг. до н.э. Материалы торфяниковых памятников этого времени дают многочисленные основания для реконструкции хозяйственных структур и мировоззренческих представлений, природной среды и вариативности моделей освоения вмещающего ландшафта древними социумами. Основными отраслями комплексного хозяйства присваивающего типа в эпоху раннего металла были домашние промыслы, обработка камня, глины, дерева, кости и металла, охота, рыболовство и собирательство, соотношение которых на разных этапах эпохи не было статичным.

Реконструируемые элементы мировоззренческих представлений находят большое количество аналогий в мифо-ритуальной практике обских угров. Устойчивость традиций проявилась в сохранении многих структурных элементов и атрибутики культовых площадок, обнаруженных на уральских торфяниках, в культовых местах хантов и манси.

6. Торфяниковые памятники, содержащие материалы бронзового века, не многочисленны. Культурные слои раннего бронзового века, представленные комплексами карасьеозерского типа, отложились в начале суббореального периода, в интервале 2 570–1 970 гг. до н.э. Они содержат керамику, изделия из камня, металла и органических материалов, культовые и производственные сооружения, являющиеся комплексным источником для реконструкции хозяйственных структур, культовой практики и среды обитания древних социумов.

Культурные слои позднего бронзового века, маркируемые материалами черкаскульской и межовской культуры, представлены на нескольких торфяниковых памятниках Зауралья, отложились в суббореальный период, в интервале 1 500–1 300 гг. до н.э. Археологический комплекс включает отходы деревообработки, изделия из камня, кости животных, керамику. Деревянные, вероятно, производственные сооружения зафиксированы на VIII, комплекс

культовых построек – на VI Разрезе Горбуновского торфяника. Культурные слои заключительного этапа бронзового века (гамаюнская культура) и раннего железного века (иткульская культура) Зауралья слабо насыщены и малоинформативны для комплексных реконструкций.

7. На территории Восточной Европы обнаружено большое количество торфяниковых памятников эпохи мезолита – раннего металла, содержащих богатейший ассортимент бытовых предметов и изделий, связанных с ритуальной практикой, выполненных из камня, глины, органических материалов. В бронзовом веке нарастающие процессы заболачивания, изменение системы освоения и использования вмещающего ландшафта приводят к резкому сокращению торфяниковых стоянок и поселений. Немногочисленные материалы железного века фиксируются лишь на отдельных памятниках.

8. Гибкие системы адаптации и освоения вмещающего ландшафта, обусловленные, во многом, культурными традициями строительства свайных построек, фиксируются у населения Западной Европы. Наряду с ними, по крайней мере, с эпохи неолита существовали разные формы освоения и поклонения болотам и торфяникам, бытовавшие на протяжении нескольких тысячелетий и отразившиеся в мифологии многих европейских народов.

Научная новизна работы заключается в том, что она является первым в отечественной археологии обобщающим трудом, посвященным уникальным природно-историческим источникам – торфяниковым памятникам. Приведен детальный анализ всех известных и введены в научный оборот материалы новых торфяниковых памятников Зауралья. Определены культурно-хронологические позиции ряда артефактов, полученных в XIX – первой половине XX вв., чей археологический контекст не был известен.

Обобщены результаты радиоуглеродного, в том числе AMS, методов датирования; предложены хронологические рамки бытования отдельных категорий вещей, типов памятников и археологических культур региона эпохи мезолита – позднего бронзового века.

На основе исследования многочисленного и разностороннего археологического материала – изделий из камня, глины, органики и металла – выявлены устойчивые, сохранявшиеся на протяжении нескольких тысячелетий, особенности производства орудий охоты и рыболовства, бытового инвентаря; проведены комплексные, ретроспективные реконструкции хозяйственных структур и производственной практики древнего населения Зауралья.

На основе комплексного анализа произведений искусства – зооморфных, орнитоморфных и антропоморфных скульптур, обнаруженных в культурных слоях торфяниковых памятников, – рассмотрены верования, культы и некоторые формы организации ритуалов; реконструированы ключевые аспекты мировоззренческих представлений населения Зауралья эпохи мезолита – позднего бронзового века.

На основе комплексных исследований этих объектов методами естественных наук (палинологический, радиоуглеродный, дендрохронологический и др.) определены факторы, условия и время формирования и функционирования торфяниковых памятников Зауралья. Высказаны предположения о вариативности моделей адаптации социумов к изменениям природной среды голоцена на протяжении VIII–II тыс. до н.э.

Впервые приведен обзор торфяниковых памятников, известных на территории Восточной Европы, рассмотрены свайные поселения, культовые места и погребения в болотах Западной Европы.

Теоретическое и практическое значение работы. Фактический материал, выводы и основные положения диссертации могут служить методологической базой для теоретических работ в области истории и культурологии, для реконструкций хозяйственных структур, культовой практики и среды обитания древнего населения Евразии.

Практическая значимость исследования заключается во внедрении его результатов в образовательный процесс, при создании учебников и учебных

пособий по региональной и российской истории для школьников и студентов различных учебных заведений.

Результаты и введенные в научный оборот материалы научного исследования используются при создании музейных экспозиций (г. Москва, Екатеринбург, Нижний Тагил), при подготовке обобщающих трудов по древней истории уральского региона и России, подготовке статей энциклопедического характера.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в 16 статьях в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки, 5-ти монографиях, 49 публикациях в региональных, федеральных и международных изданиях, учебном пособии.

Результаты исследования были представлены в докладах на международных симпозиумах и конференциях в Риге (1996), Джексенвилле (1999), Челябинске (1999), Ханты-Мансийске (2002, 2008, 2009), Екатеринбурге (2002, 2006, 2007, 2010), Новосибирске (2006), Санкт-Петербурге (2009), Салехарде (2012), Штральзунде (2013), Москве (2014). Они обсуждались на заседании отдела археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН, регулярно заслушивались на заседаниях отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти структурированных глав, заключения и приложения, включающего иллюстрации, таблицы, текстовую информацию по всем торфяниковым памятникам Зауралья и по природно-климатическим условиям эпохи голоцена Зауралья.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАУРАЛЬЯ

1.1. Методика поиска и исследования

Памятники, расположенные в торфяниках и заболоченных поймах рек, не имеют внешних опознавательных признаков, поэтому часто, особенно в XIX – первой половине XX вв., их обнаруживали случайно во время торфо- и золотодобычи, при проведении земляных работ – Шигирский, Горбуновский Сарнатский и другие торфяники.

Раскопки торфяниковых памятников были начаты в России в 20–30-х гг. XX в. Д.Н. Эдинг исследовал VI Разрез и стоянку Стрелка Горбуновского торфяника, А.Я. Брюсов – поселение на р. Модлоне в Вологодской области, раскопки поселения Сарнате в Латвии проводил Э. Штурмс.

Целенаправленные поиски торфяниковых поселений, расположенных на останцах и мысах надпойменных террас, к которым примыкают заболоченные речные старицы, на Европейском Северо-Востоке проводил Г.М. Буров [1966, с. 155–173; 1969, с. 130–135]. Обнаружению памятников этого типа способствовало то, что при наличии береговых обнажений хорошо заметны старичные отложения, если они не залегают ниже уровня реки. Торфяникам стариц-меандров соответствуют дугообразно вогнутые края надпойменных террас, которые выявлялись и оконтуривались шурфовкой и бурением. Использование этой методики дало возможность открыть поселения Вис I и Вис II в бассейне р. Вычегды и Симва, памятники на Мармугинском и Явроньгинском торфяниках в Вологодской и Архангельской областях. Г.М. Буров не исключал вероятность обнаружения новых торфяниковых памятников при массовом обследовании старичных отложений равнинных рек не только на Севере, но и в более южных районах. Для этого необходимо выявление и

оконтуривание древнего речного русла, у которого находится поселение, шурфовка на пойменном торфянике и обследование древних отложений, прорезаемых рекой, особенно в окрестностях берегового памятника.

В 70-е гг. XX в. был открыт и частично исследован целый ряд новых памятников в Зауралье, на Севере Европейской части России и Прибалтике. В 80-х гг. XX в. Д.А. Крайнов исследовал несколько стоянок на Сахтышском и Ивановском торфяниках Волго-Окского междуречья. В этот период начала выработываться специфическая методика их поиска и исследования, фиксации и консервации находок.

В последние десятилетия с появлением группы профессиональных археологов, исследующих торфяниковые памятники, разрабатываются целенаправленные методики их поиска и раскопок; создаются междисциплинарные проекты, направленные на комплексное изучение этих объектов.

Методики поиска и исследования торфяниковых памятников определены спецификой их образования. Они являются не только археологическими, но и природными объектами, условия и время формирования которых обусловлены физико-географическими особенностями региона и природно-климатическими условиями разных периодов голоцена. С их вероятностной локализации в пространстве, на которую указывает наличие в том или ином районе благоприятных или неблагоприятных факторов болото- и торфообразования, как правило, начинается определение первоначального района поиска торфяниковых памятников того или иного региона. Анализ физико-географических данных, в частности для Зауралья, дает основание предполагать их неравномерное распределение на этой территории. Условия для торфообразования неблагоприятны в юго-западной части региона, расположенной на возвышенном плато с холмисто-равнинным и горно-холмистым рельефом; в северной горной части, где месторождения встречаются только в горных долинах, межувальных понижениях и по долинам

рек. Не очень благоприятны условия для торфообразования в юго-восточном Зауралье, на возвышенной части Западно-Сибирской равнины, где небольшие болотные массивы низинного типа приурочены к понижениям на водоразделах, провально-суффозионным котловинам и поймам рек.

Высокая степень заболоченности и наиболее благоприятные условия для торфообразования наблюдаются на восточном склоне Уральского хребта в пределах Среднего Зауралья – подгорной равнины, в области увалисто-холмистого и плоскоравнинного рельефа. В этом районе, где сейчас известно 48 торфяниковых памятников, в последние десятилетия проводилась интенсивная работа и отработывалась методика по их поиску и исследованию [Чаиркина, 2010а, с. 85–92].

Торфяниковые памятники Зауралья располагаются на проточных озерах и озерных системах, редко – на речных магистралях. Изменение климатической ситуации в эпоху голоцена приводило к изменению уровненного режима и кислородного баланса зауральских водоемов. Происходило формирование озерных сапропелевых отложений и по возрастающей – заболачивание и заторфовывание сначала локальных, а затем значительных участков или всей акватории озер (т. 2, прил. 2). Эти факторы, связанные с геоморфологическими и палеоклиматическими условиями голоцена, определяют топографическое расположение этих объектов на том или другом торфомассиве и, как следствие, – методику их поиска. Большая часть памятников располагается в прибрежной части береговых поселений. Геоморфология этих участков в течение голоцена существенно видоизменялась и была обусловлена как общими, так и региональными изменениями климата, влиявшими на гидрологическую сеть и ландшафтную ситуацию. Постепенное нарастание торфообразования, выразившееся в увеличении мощности и ширины заторфованной прибрежной полосы, приводит к удалению торфяниковых стоянок (на большее или меньшее расстояние) от минеральных берегов.

Формирование торфяниковых памятников происходило в том случае, если процесс образования торфяно-сапропелевых отложений совпадал (или имел незначительный разрыв) со временем функционирования памятника, когда создавались условия для сохранения изделий из органики и консервации культурного слоя. Если такой корреляции не было и формирование торфяно-сапропелевых отложений началось после окончания времени функционирования памятника, то образование собственно торфяниковых памятников с сохранившимися органическими остатками не происходило.

В некоторые периоды голоцена образовывался верховой торф, распространяющийся («наползающий») на кромку минерального берега, на котором располагался археологический памятник. Подобные памятники, по существу, торфяниковыми не являются, это – минеральные стоянки, перекрытые поздними отложениями. Они известны на Шигирском, Горбуновском и других торфяниках [Сериков, 2000; Чаиркина и др., 2001]. Эта ситуация, вероятно, будет типичной для большей части сильно заболоченной территории ХМАО. Одной из задач выявления торфяниковых памятников здесь должно стать определение возраста формирования отдельных частей и комплексов болотных систем, их корреляция со временем функционирования археологических объектов.

В Верхнем Поволжье также известны стоянки, культурные слои которых перекрыты торфом и сапропелем, но не содержат органических материалов. Причиной является значительный разрыв во времени между формированием культурного или культуросодержащего слоя и перекрывающих отложений [Жилин, 1997; 2006б, с. 128–130].

Среди известных торфяниковых памятников Зауралья самые ранние датируются эпохой мезолита, они располагаются в прибрежных частях береговых поселений. Культурные слои этого времени (Кокшаровско-Юрьинская I, Кокшаровско-Юрьинская II, Кокшаровско-Юрьинская III, Кокшарово I (болотная), Береговая I (торфяниковая) и Береговая II

(торфяниковая)) сформировались в бореальный период в условиях сравнительно прохладного и сухого климата (т. 2, прил. 2).

Культурные слои эпохи неолита (Кокшаровско-Юрьинская I, Кокшаровско-Юрьинская II, Кокшарово I, Кокшарово VII (болотное), Юрьинская (болотная), VI Разрез Горбуновского торфяника, Стрелка, Береговая II (торфяниковая), Шигирский Исток I, Варга 2, Анин остров, Анин остров II, Шигирское А, Островок с глиняными горшками (болотная), Шигирское городище (болотное), Шигирское городище I (болотное), Шувакиш I, Вашты VI-A) отложились в атлантический период, в иных климатических условиях (т. 2, прил. 2). Только один из них (Стрелка) располагается в котловинной заторфованной части Горбуновского торфяника, остальные – на прибрежных участках береговых поселений. Мезолитические и неолитические слои в исследованных памятниках зафиксированы в минеральном грунте или сапропеле, которые только в более поздние эпохи были перекрыты торфом. Иными словами, ныне заторфованные части этих памятников представляли собой прибрежные незатопленные участки (формировались *in situ* слои в минеральном грунте) или были покрыты водами озера (слои располагаются в сапропеле). Во втором случае формируются слои с преднамеренно выброшенными или случайно затонувшими вещами, глубина и стратиграфия расположения которых не всегда определены возрастом их погружения. Они часто зависят от физических параметров (размер, форма, вес, плотность) затонувших предметов и характера вмещающего слоя.

На прибрежных участках береговых поселений, но в иных стратиграфических условиях – в верхней части сапропеля, на его контакте с торфом и в нижней части торфяных отложений – располагаются, как правило, и слои эпохи раннего металла (Половинное Озеро I, Молтаево II, Шувакиш I, Разбойничий Остров и др.). Эта стратиграфическая ситуация отражает интенсивное обмеление, заболачивание водоемов и начало торфообразования, происходившее в Зауралье в позднем атлантическом периоде и на его рубеже с

суббореальным периодом (начало – середина (третья четверть) III тыс. до н.э.). Постепенное нарастание торфообразования, выразившееся в увеличении мощности и ширины заторфованной прибрежной полосы, наблюдается в начале суббореального периода, в последней трети III–II тыс. до н.э. (т. 2, прил. 2). В этот период формируются слои бронзового века (Шувакиш XI-Д, Вашты VI-А, Разбойничий Остров, Кокшаровско-Юрьинская I, VI Разрез Горбуновского торфяника, Шигирский Исток I, Шигирское городище (болотное), оз. Мелкое).

Памятники, расположенные в прибрежной части береговых поселений, можно обнаружить шурфовкой, которой, как правило, предшествует бурение предполагаемой торфяниковой части стоянки. Обычно используется ручной торфяной бур, позволяющий делать скважины на глубину до 10 м. По результатам бурения, выполненного по квадратной сетке 10×10 или 5×5 м, можно составить подробную литологическую характеристику слоев. Детально анализируется стратиграфия скважин, присутствие в пробе признаков культурных слоев и береговых линий. Поиск таких памятников не вызывает особых затруднений, это – типичные, стандартные ситуации.

Торфяниковые стоянки Верхнего Поволжья располагаются, как правило, в котловинах с низкими берегами. Даже незначительное колебание уровня этих водоемов в финальном плейстоцене, раннем и среднем голоцене приводило к существенным изменениям очертаний их береговых линий. Места, удобные для поселения, могли затапливаться, перекрываться сапропелем и торфом, при понижении уровня воды могли вновь заселяться. Такие многослойные стратифицированные памятники известны на Ивановском, Подозерском, Озерецком и Сахтышском торфяниках [Жилин, 2002а, с. 112–122; Жилин, Савченко, 2004, с. 140–146].

Начиная с конца бореального периода, особенно интенсивно в первой половине атлантического периода (пик аридизации – около 7 200 л.н. [Алешинская, 2001]) на ряде торфяников Верхнего Поволжья наблюдается регрессия, в результате которой сокращается площадь озер. В это время

появляются первые торфяниковые стоянки, значительно удаленные от минеральных берегов, – стоянки Сахтыш 14 и Озерки 5 [Жилин, 2002в, с. 101–102; Жилин, Высоцкая, 2005, с. 168–189].

В Среднем Зауралье во второй половине атлантического периода, особенно интенсивно на рубеже атлантического и суббореального, в начале суббореального периода также наблюдаются регрессии водоемов и удаление от минеральных берегов ряда торфяниковых памятников – стоянка Стрелка, Дальний, Новый, Поперечный и VI Разрезы Горбуновского торфяника, I и II Язевские стоянки Шигирского торфяника и др.

Поиск памятников, удаленных от кромки коренного берега, сложен. Чаще всего они обнаруживаются случайно, в процессе торфоразработок. Для их обнаружения необходим тщательный анализ карт, на которых указана мощность торфяных и сапропелевых отложений, установленная при промышленной зондировке торфомассивов через каждые 100 м.

Эти материалы позволяют рассмотреть характер рельефа дна палеозера, выявить древние минеральные острова и участки с наибольшей мощностью сапропеля, которые указывают на максимально длительное функционирование их как водных акваторий. Важным является определение контуров озерных сапропелевых отложений – древних береговых линий. Археологические памятники, как правило, располагаются на кромке сапропелевых отложений или между его краями и минеральным берегом.

Особенно показателен с этой точки зрения анализ торфяно-сапропелевых отложений Горбуновского торфяника [Чаиркина, 2010б, с. 140–164]. Судя по карте отложений, их мощности, в центральной и северной частях массива выявляются контуры древних невысоких минеральных островов, формирование сапропеля на которых длилось относительно короткий период, а торфообразование началось довольно рано. Они вместе с мысообразным выступом северного коренного берега, условно разделяя палеозеро на восточную и западную части, были активно освоены, использовались древним

населением для выполнения сакральных (VI Разрез), возможно, утилитарно-практических действий (VIII Разрез). Функциональное назначение ряда памятников, расположенных здесь, – Дальний Разрез, Дальний Разрез А и Б, Поперечный Разрез, Новый Разрез, Новый Разрез А и Б, IV Разрез и IV-А Разрез – пока неясно. На южной, обращенной к бывшему озеру, оконечности мысовидного выступа северной части торфомассива расположена стоянка Стрелка.

Стратегия поиска торфяниковых памятников, расположенных на большем или меньшем удалении от коренного берега, сводится, таким образом, к выявлению кромки сапропелевых отложений, маркирующей древние береговые линии, и/или вычленению в рельефе древних островов, ныне, как правило, перекрытых торфяно-сапропелевыми отложениями, нивелирующими древний рельеф. Эти параметры определяются при анализе карт торфяно-сапропелевых отложений, проверяются детальным бурением и шурфовкой перспективных участков.

Иногда торфяниковые памятники выявляются при антропогенном или естественном разрушении. При торфоразработках культурные слои могут быть обнажены на большой площади. Исследование таких объектов осуществляется по методике, принятой для береговых памятников: фиксация находок, определение границы распространения культурного слоя, стратиграфия, количество и мощность культурных слоев [Жилин, 1997].

Практическая работа по поиску новых памятников на уральских торфяниках всегда осложнена сильной обводненностью массивов, большой (2–5 м) глубиной залежи и плохой проходимостью территории. Применение водооткачивающей техники возможно лишь при стационарных раскопках либо при обследовании памятников, расположенных рядом с подъездными путями, облегчающими транспортировку оборудования.

Сложно пока прогнозировать возможность использования для поиска новых и обследования структурных элементов (деревянных сооружений) уже

известных памятников геофизических методов, которые успешно применяются в зарубежной практике. Дело в том, что почти все уральские торфяники содержат в залежи пограничные горизонты, представляющие собой скопления погребенной древесины, чаще всего, большой мощности. Культурные слои, по крайней мере, эпохи мезолита – раннего бронзового века лежат под ними и, возможно, не будут вычленяться в стратиграфической колонке. Поэтому поиск новых торфяниковых памятников в Зауралье пока осуществляется с использованием бура и трудоемкой шурфовкой.

Культурные слои в торфяниках часто залегают на значительной глубине, поэтому обычно закладываются шурфы размером 1×2 м. При выходе на обводненные слои вдоль стенок раскопов и шурфов закладываются дренажные канавки, а в наиболее низком участке шурфа/раскопа устраивается колодец, в который спускается вода. Она удаляется при помощи насосов или вручную ведрами. Верхние слои без находок разбираются условными горизонтами по 20 см. Культурные слои, при хорошей работе дренажной системы, вскрываются в соответствии с общепринятой методикой. Они разбираются зачистками по литологическим слоям с индивидуальной графической и фотофиксацией всех находок и сооружений. К числу особенностей исследования торфяниковых памятников относится необходимость постоянного удаления воды, быстрая расчистка культурного слоя и извлечение органических остатков, подвергающихся деградации при воздействии воздуха.

Раскопки торфяниковых памятников физически сложны – выкорчевывание десятков поверхностных пней, прохождение мощного пограничного горизонта, удаление сотни кубических метров тяжелого торфяного балласта и ежедневное откачивание в среднем до 3 000–5 000 л воды. Вскрытие болотных отложений большими площадями в Зауралье затруднено и потому, что плотные торфяные отложения подстилаются пластичным сапропелем, насыщенным водой. При работе на одном раскопе более 2–3 недель и при большой обводненности сапропель вымывается и под

тяжестью перекрывающих торфяных отложений, стенки могут разрушиться, оползти. В этом случае не помогает и их укрепление досками, металлическими листами и др. Поэтому оптимальный размер раскопов торфяниковых памятников в Зауралье – до 50 м². Стационарные раскопки должны быть оснащены водооткачивающей техникой, устройствами для укрепления стенок раскопа, специальной упаковочной тарой, мини-лабораторией по консервации изделий из органики.

Изделия из кости, рога и дерева при извлечении из слоя запаковываются в герметичные полиэтиленовые пакеты, иногда специально заполненные сапропелем, являющимся прекрасным антисептиком, или заливаются 50 %-м раствором спирта. Консервация изделий из органики осуществляется в лабораторных условиях. Артефакты, долгое время находившиеся во влажных отложениях, сохраняют форму благодаря воде, которая поддерживает стенки клетки изнутри. Суть консервации заключается в своевременной замене клеточной воды на отвердевающий раствор [Лозовская, 2011а]. В конце XIX – начале XX вв. предметы из дерева для предотвращения деформации обрабатывались растворами и смесями глицерина, льняного масла с канифолью, спирта, желатина. В первой половине XX в. использовались растворы лака в спирту, канифоли в бензине или макового/льняного масла в скипидаре; обработка парафином, контролируемая медленная сушка. С середины XX в. консервация изделий из органики проводится в специальных лабораториях, используются синтетические продукты, вакуумные установки и инфракрасное излучение. Наибольшее распространение получил метод насыщения полиэтилен-гликолем (PEG) в комплексе с лиофилизацией (вакуумной заморозкой). Однако до сих пор идеального метода консервации, особенно для крупных изделий, не найдено. Консервация деревянных изделий стоянки Замостье 2 осуществлялась с использованием сахара. Преимуществом этого метода является простота и обратимость, недостатками – большой вес и длительность консервации [Лозовская, 2011а].

Исследования торфяниковых памятников сейчас невозможно без использования естественнонаучных методов. Для радиоуглеродного анализа отбираются образцы древесины, угля, кости, вмещающих пород и другие органические материалы. Образцы торфа и сапропеля для датирования берутся из культурного слоя, подстилающих и перекрывающих отложений. Для палинологического анализа – из стенки раскопа, отражающей стратиграфию памятника, как правило, с шагом 5 см по всей высоте разреза.

Отбираются и образцы для палеоботанического анализа, индивидуальные образцы растений, насекомых, моллюсков и др.

1.2. История открытия и исследования торфяниковых памятников Кокшаровского, Горбуновского, Шигирского, Карасьеозерского торфяников; озер Шувакиш, Вашты, Половинное

Кокшаровский торфяник расположен в Верхне-Салдинском г/о Свердловской области (т. 2, прил. 4, см. рис. 2, 6; 3). Торфяник озерного происхождения площадью около 14 км². В настоящее время значительная его часть заболочена, в центре сохранилось остаточное проточное Юрьинское озеро. На берегах палеоозера зафиксировано более пятидесяти археологических памятников, культурные слои восьми из них (т. 2, прил. 1; 4, рис. 4–22) располагаются и на прибрежных заторфованных площадках.

Торфяниковые памятники Кокшаровского торфяника были открыты и исследовались Ю.Б. Сериковым [2007а, с. 102–113]: *Кокшарово I (болотное)* (т. 2, прил. 4, см. рис. 10, 1–8; 11, 2, 4, 5; 19; 20; 22, 1, 5) и *Юрьинская (болотная)* (т. 2, прил. 4, см. рис. 10, 46; 21, 1–7; 22, 2–4, 6–11) – в 1980 г.; *Кокшаровско-Юрьинская II* (т. 2, прил. 4, см. рис. 10, 13–42) и *Кокшаровско-Юрьинская III* (т. 2, прил. 4, см. рис. 10, 9, 10), *Кокшаровско-Запроточная VI (болотная)* (т. 2, прил. 4, см. рис. 10, 12; 21, 8, 9) и *Кокшарово VII (болотное)* (т. 2, прил. 4, см.

рис. 10, 43–45; 21, 10, 11) – в 1982 г.; *Местонахождение на канаве* (т. 2, прил. 4, см. рис. 11, 9) – в 2000 г.

В 1979–1981 гг. проведены археологические раскопки *Кокшаровско-Юрьинской I стоянки* (т. 2, прил. 4, см. рис. 4–8) [Сериков, 1980, с. 171–172; 1992, с. 131–147]; в 2007 г. М.Г. Жилин, С.Н. Савченко, Ю.Б. Сериков исследовали *Кокшаровско-Юрьинскую II стоянку* (т. 2, прил. 4, см. рис. 9; 11, 1, 3, 6–8; 12–18) [Жилин и др., 2012, с. 61–97].

Все торфяниковые памятники, исследованные на Кокшаровском торфянике, – многослойные (т. 2, прил. 1). На Кокшаровско-Юрьинской I стоянке зафиксированы культурные слои эпохи мезолита – раннего железного века, на Кокшаровско-Юрьинской II стоянке – эпохи мезолита – бронзового века, Кокшаровско-Юрьинской III стоянке – эпохи мезолита и раннего бронзового века. На поселении Кокшарово I (болотное) обнаружены культурные остатки эпохи мезолита, неолита и раннего металла; на Кокшарово VII (болотное) – эпохи неолита и, возможно, мезолита; на Юрьинской (болотная) стоянке – эпохи неолита и, вероятно, мезолита и раннего металла; на Кокшаровско-Запорожской VI (болотная) – бронзового века, раннего металла и мезолита. Датировка Местонахождения на канаве затруднена.

Горбуновский торфяник расположен в Свердловской области, в 140 км к северу от г. Екатеринбурга, на территории муниципального образования «г. Нижний Тагил», занимает дно межгорной котловины овальной формы, вытянутой с юго-востока на северо-запад на 3,65 км, наибольшая ширина – 1,85 км (т. 2, прил. 4, см. рис. 2, 7). Осушение торфяника и добыча торфа так называемыми разрезами проводились здесь в начале XX в. Разрезы располагаются в центральной части заболоченной котловины, длинной осью ориентированы по линии запад – восток, с севера на юг получили нумерацию I–XI (т. 2, прил. 4, рис. 23). Сейчас на Горбуновском торфянике известно 15 торфяниковых памятников эпохи мезолита – раннего железного века (т. 2, прил. 1).

Наиболее полные сведения об истории археологического исследования Горбуновского торфяника приведены в статье О.В. Рыжковой и Е.А. Устиновой [2010, с. 6–30]. В начале XX в. во время торфоразработок здесь были обнаружены древние артефакты и остатки деревянных сооружений. В 1908 г. Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) направило на Горбуновский торфяник М.О. Клера [1909, с. 1–9]. Он установил порядок залегания находок в торфе, сделал описание обнаруженных сооружений. По его данным, «мост», который очень напоминает стлань или гать, был обнаружен в IV (по современной нумерации – VI) разрезе. На нем располагалась постройка – «балаганчик» с пологой двускатной крышей. Такие же сооружения встречены в III и II (V и IV) разрезах, к северу от VI разреза. М.О. Клер предполагал, что «мост» продолжался и между разрезами, в этом случае его длина достигала не менее 430 м. В 1909 г. археолог А.И. Колмогоров по поручению Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии провел осмотр места обнаружения первых находок. Он предположил, что в северо-восточной части древнего озера на расстоянии около 300 м от коренного берега и почти параллельно ему тянулся помост на сваях протяженностью 200 сажений (около 430 м), рядом с которым найдены многочисленные обломки керамики и кремня. Археологические памятники, обнаруженные на IV, V и VI разрезах, были названы соответственно *IV, V и VI Разрезы* Горбуновского торфяника.

В 1914 г. В.Я. Толмачев [1914] осмотрел торфяник, но археологические работы не проводил. В 1924 г. члены Тагильского общества истории материальной культуры С.Н. Топорков, Н.К. Францев, И.П. Шуберт и геолог В.И. Станкевич обнаружили на торфянике фрагменты керамики и кости животных. В том же году директор Тагильского музея А.Н. Словцов провел небольшие раскопки на VI Разрезе.

В 1925 г. Облархив и Комиссия по охране памятников старины, природы и искусства при УОЛЕ командировали на торфяник А.А. Берса [Тагильцева, 1994, с. 13]. По одной версии, он вместе с И.П. Шубертом исследовал траншею

на VI Разрезе, где были найдены каменные и костяные орудия, фрагменты сосудов, деревянное весло и орнитоморфная головка. Согласно другой версии, А.А. Берс не проводил никаких работ на Горбуновском торфянике, кроме непродолжительного осмотра. В 1925 г. Российская академия истории материальной культуры (РАИМК) обратилась в Уралплан с просьбой при добыче торфа обходить обнаруженные сооружения, сообщать о них в Академию, а также «находимые в торфянике вещи» сохранять и отправлять в музей г. Нижнего Тагила или Екатеринбурга. Вопросы эксплуатации торфяника стали согласовываться с органами охраны памятников истории и культуры [Рыжкова, Устинова, 2010, с. 8].

В 1920–1940-х гг. археологические исследования Горбуновского торфяника проводил Государственный исторический музей (ГИМ) и Нижнетагильский краеведческий музей (НТКМ).

IV Разрез расположен почти в центре Горбуновского торфяника (см. рис. 2, 7; 25, 23), открыт в 1908 г. краеведом Н.Ф. Топорковым, когда при добыче торфа обнаружен «мост» с остатками «балаганчика» [Клер, 1909, с. 1–29]. Вероятно, в 1920–1930-е гг. памятник обследовал Д.Н. Эдинг, в 1949 г. – А.Я. Брюсов [1948].

Особое место среди всех торфяниковых памятников Зауралья по количеству вскрытой площади, уникальному комплексу обнаруженных находок и сооружений занимает *VI Разрез*, расположенный почти в центре Горбуновского торфяника, в 600 м к западу от восточного берега (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 23, 25). В 1926–1939 гг. (за исключением 1930-го, 1934-го, 1935-го, 1937 гг.) раскопки VI Разреза осуществлял Д.Н. Эдинг [Эдинг, 1929, с. 3–27; Эдинг, 1937, с. 133–145; Эдинг, 1940а, с. 41–57; Чаиркина, 2012а, с. 685–708; Чаиркина, 2013а, с. 113–127; Чаиркина, 2013б, с. 68–80; Чаиркина, 2014б]. Количество вскрытой в этот период площади памятника не совсем ясно (т. 2, прил. 4, рис. 24, 25): существуют расхождения между данными полевых отчетов и публикаций.

Д.Н. Эдинг [1929, с. 3–27; 1937, с. 133–145] считал VI Разрез культовым (жертвенным) памятником, о чем свидетельствует состав находок – недостаточный для поселенческого комплекса набор каменных орудий и не слишком тщательная их обработка, специфичность слабообжиговой керамики, наличие культовых предметов – глиняных тарелок и деревянной скульптуры (т. 2, прил. 4, рис. 27–44). Отмечая разновременность комплекса, он ставит под сомнение первоначальную реконструкцию деревянного сооружения как «моста» или стлани, проложенного вдоль берега и поддерживающего отдельные «шалаша». Исследования последних лет корректируют и дополняют систему аргументации и представления Д.Н. Эдинга о характере, количестве и времени формирования культурных слоев VI Разреза.

В 1942-м, 1943 гг. обследование Горбуновского торфяника провели Уральское государственное геологическое управление и сапропелевая группа Уральской экспедиции АН СССР [Сукачев, Поплавская, 1946, с. 12, 16]. В 1943 г. Нижнетагильский горисполком принял решение о постановке торфяника под государственную охрану как научного заповедника [Рыжкова, Устинова, 2010, с. 6–30].

В 1948 г исследования VI Разреза продолжили сотрудники ГИМ А.Я. Брюсов и В.М. Раушенбах. Они выявили здесь два культурных горизонта – около 1 600 г. до н.э. и конца III тыс. до н.э., а также отдельные находки более позднего времени. В.М. Раушенбах [1958, с. 99–105] интерпретировала VI Разрез как поселение, состоящее из сооружений болотного типа, население которого занималось рыбным промыслом.

Исследования торфяниковых памятников Горбуновского торфяника были продолжены только в конце 1970-х гг.

В 1977-м, 1978 гг. Ю.Б. Сериков [1984, с. 102–114] открыл *стоянки и местонахождения Дальний разрез, Дальний разрез А и Дальний разрез Б, Новый разрез, Новый разрез А и Новый разрез Б, Поперечный разрез*. В 1978 г. раскопки Дальнего и Нового разрезов проведены В.Ф. Старковым.

В 1978–1980 гг. исследования Горбуновского торфяника осуществляла комплексная палеогеографическая экспедиция Института археологии и Института географии АН СССР под руководством В.Ф. Старкова и Н.А. Хотинского [Старков, Хотинский, Алексащенко, Калинина, 1979, с. 624; Старков, 1980б, с. 172–173; Хотинский, Немкова, Сурова, 1982, с. 148–151]. На основе анализа пыльцевых диаграмм и радиоуглеродных дат был составлен стратиграфический профиль Горбуновского болота, выявлены его контуры для 10 000, 8 000, 6 000, 4 000, 3 500 и 3 000 л.н.

Прослежена однонаправленная тенденция к сокращению площади озера от 400 га (10 000 л.н.) до 25 га (3 500 л.н.), выявлено 6 фаз усыхания озера и торфяника. Определение размеров и конфигурации Горбуновского палеоозера в различные эпохи голоцена позволили уточнить месторасположение древних стоянок. В эпоху мезолита на палеоозере были освоены самые высокие участки коренного берега, вода в озере достигала максимального уровня. В неолите были заселены северный и северо-восточный берег и острова Горбуновского торфяника. В эпоху раннего металла начинается заболачивание древнего озера. По предположению Ю.Б. Серикова [1984, с. 113], с этого времени до конца бронзового века часть берега опоясывал деревянный настил, который «мог соединять наиболее удобные для рыбной ловли участки ... между собой или с коренным берегом. Возможно, использовался он не постоянно, а сезонно».

В 1978–1980 гг. *VI Разрез* исследовал В.Ф. Старков [1979; 1980в]. В 2007–2009 гг. его раскопки возобновила Н.М. Чаиркина [Чаиркина, 2010б, с. 140–164; Горячев, 2010, с. 164–168; Антипина, Панова, Чаиркина, 2013, с. 1–9; Чаиркина, Павлова, Вилисов, 2014, с. 112–122] (т. 2, прил. 1; 4, рис. 45–70). В результате многолетних археологических исследований на *VI Разрезе* вскрыто более 1500 м² площади памятника, обнаружены деревянные сооружения, вокруг которых найдены антропоморфные и зооморфные скульптуры, посуда, средства передвижения, орудия охоты и рыболовства, выполненные из органических материалов. Результаты исследования пока обработаны и опубликованы не

полностью, дискуссионными остаются вопросы культурной принадлежности и датировки культурных слоев, функциональное назначение памятника.

Другим не менее известным памятником Горбуновского торфяника является *стоянка Стрелка*, открытая в 1929 г. (т. 2, прил. 4, см. рис. 23, 22). В 1932 г. памятник исследовался Д.Н. Эдингом, в 1948 и 1949 гг. – А.Я. Брюсовым [1952, с. 150–153] (т. 2, прил. 4, рис. 71–75). Возраст стоянки был определен по ^{14}C дате, полученной по нагару на сосуде – $4\ 360 \pm 200$ л.н. (Mo–1) или $3\ 350\text{--}2\ 700$ гг. до н.э. [Долуханов, Тимофеев, 1972, с. 69], по современной периодизации она соответствует эпохе раннего металла.

В 1989 г. А.Ф. Шорин [1997, с. 49–61] исследовал *Береговую I (торфяниковую) стоянку* (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 23, 37), расположенную в заболоченной части Береговой I стоянки.

В 90-х гг. XX в котловине Горбуновского торфяника были открыты несколько новых памятников. В.А. Арефьев и А.Ф. Шорин обнаружили *местонахождение IV A Разрез* (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 23, 24) и *стоянку VIII Разрез* (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 23, 26; 76), которая была исследована в 1990-м и 1991 гг. А.Ф. Шориным [2010, с. 113–123].

В 2008 г. М.Г. Жилин и С.Н. Савченко открыли и исследовали *Береговую II (торфяниковую) стоянку* (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 25, 35; 77; 78, 1, 2), расположенную в заболоченной части II Береговой стоянки. С 2008-го по 2013 гг. они вскрыли на этом памятнике $127\ \text{м}^2$. Исследованы культурные слои раннего, среднего и позднего мезолита, раннего неолита и энеолита, разделенные стерильными прослойками [Жилин, Савченко 2010а, с. 169–181; 2010б, с. 25–27; 2010в, с. 30–42; 2010г, с. 302–315; 2014, с. 20–24; Косинская, 2010, с. 31–32; Савченко, 2010, с. 136–137].

В 2012 г. М.Г. Жилиным и С.Н. Савченко проведено бурение и шурфовка торфяниковой части стоянки *Береговая I*. В шурфе в 40 м от раскопа А.Ф. Шорина выявлены культурные слои раннего, среднего и позднего мезолита и энеолита, разделенные стерильными прослойками. В 2013 г. на этом месте вскрыто $44\ \text{м}^2$.

Бурение и шурфовка на торфяниковой части стоянки *Береговая III* выявили культурный слой раннего неолита (устное сообщение М.Г. Жилина и С.Н. Савченко).

Стоянка Береговая V-A (торфяниковая) открыта в 2001 г. Ю.Б. Сериковым и А.А. Герасименко [Бунькова, Рыжкова, 2010, с. 60–61]. Расположена в заторфованной части стоянки *Береговая V*, которая занимает один из мысов коренного северо-восточного берега Горбуновского торфяника (т. 2, прил. 4, см. рис. 25, 36; 78, 3–10).

На торфяниковой части стоянки *Береговая IX* (т. 2, прил. 4, см. рис. 25, 8; 78, 13–16) М.Г. Жилиным и С.Н. Савченко в 2008 г. проведены бурение и шурфовка, открыта мастерская по изготовлению рубящих орудий, в том числе топоров с «ушками» [Жилин, Савченко, 2010а, с. 169–181].

В 2013 г. М.Г. Жилин и С.Н. Савченко провели бурение и шурфовку торфяниковой части стоянки *Серый Камень* (т. 2, прил. 4, см. рис. 25, 19), где выявили культурные слои раннего, среднего и позднего мезолита (устное сообщение М.Г. Жилина и С.Н. Савченко).

Таким образом, на Горбуновском торфянике сейчас выявлено 38 археологических памятников. Коллекции находок и полевая документация рассредоточены по фондохранилищам и архивам ГИМ, ИИМК РАН, ИА РАН, ИИиА УрО РАН, НТМЗ, НТГСПА. На 17 памятниках зафиксированы слои эпохи мезолита – раннего железного века, сформировавшиеся в торфяно-сапропелевых отложениях. Особый интерес вызывают промысловые (?) и культовые объекты, располагающиеся в центральной части заболоченной котловины – Дальний разрез, Дальний разрез А и Дальний разрез Б, Новый разрез, Новый разрез А и Новый разрез Б, Поперечный разрез IV, IV-А, VIII и VI Разрез (т. 2, прил. 1).

Шигирский торфомассив расположен в Свердловской области, в 70 км к северо-западу от г. Екатеринбурга, на территории муниципального образования «г. Кировград» (т. 2, прил. 4, см. рис. 2, 10; 79). Это обширная котловина,

ограниченная с севера высоким левым берегом р. Северная Шурала, с запада – восточными отрогами Уральского хребта, с юга и востока – небольшими холмистыми возвышенностями, которые встречаются и в котловине в виде небольших островов. Торфяник прорезается р. пра-Нейвой и ее притоками – Шигирским Истоком и Северной Шуралой. В центральной части массива расположено Шигирское озеро, разделенное дамбой. В южной части – Светлое и 2-е Глухое озеро, Андреевское болото; в северной – 1-е Глухое озеро (т. 2, прил. 4, см. рис. 79).

С XIX в. на Шигирском торфянике добывали золото, которое залегало на дне р. пра-Нейвы и ее притоков, было перекрыто иловато-глинистыми отложениями и торфом. Слои вскрывали разведочными «колодцами» диаметром около 1 м. По мере выяснения распространения золотой россыпи, земляными дамбами осушали часть торфяника и «пустые» пласты удаляли с большой площади, образовывались так называемые разрезы. При вскрытии их верхних слоев рабочие приисков находили изделия из кости и рога, дерева, камня и глины. Земляные работы велись вручную, лопатами, что создавало благоприятные условия для обнаружения даже мелких предметов. Первые находки, вероятно, были обнаружены около середины XIX в. На них долгое время не обращали внимания и сохраняли лишь единичные экземпляры. Первое известие о шигирских находках поступило от А.А. Миславского в 1879 г. Наиболее полные сведения о времени и условиях обнаружения здесь археологических предметов в XIX – начале XX вв. содержатся в трудах В.Я. Толмачева [1914]. Информация о современном состоянии и степени изученности – в коллективной монографии, посвященной археологическим памятникам Шигирского торфяника [Чаиркина и др., 2001].

Шигирские памятники стали первыми торфяниковыми стоянками, открытыми в России. Яркий археологический материал, прежде всего, предметы, выполненные из органики, вызвали большой интерес исследователей. А.П. Иванов по заданию Общества Естествоиспытателей

Императорского Казанского Университета исследовал Молебский участок торфяника. Собранные им предметы переданы в Музей Императорского Казанского Университета. В 1880 г. М.В. Малахов осмотрел берега Шигирского озера и Молебского пруда, обнаружил древнее поселение. В 1881-м и 1882 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) он вновь посетил торфяник, где нашел каменное и роговое орудие, орнаментированный костяной наконечник с кремневыми вставками.

В 1883-м и 1885 гг. геологические изыскания и сбор археологического материала на приисках проводил А.М. Зайцев. В 1887 г. торфяник посетил известный русский археолог Д.Н. Анучин и сын знаменитого коллекционера и археолога графа А.С. Уварова – Ф.А. Уваров. У служащих приисков они приобрели кости постплиоценовых животных, каменные, костяные и деревянные предметы, найденные на Старом Шигирском и Язевском приисках [Толмачев, 1914]. Коллекция, собранная Д.Н. Анучиным, сначала поступила в Музей Императорского Московского Археологического Общества, а затем в Императорский Российский Исторический Музей.

В 1887 г. на Старом Шигирском, Язевском и Курьинских приисках было найдено много деревянных изделий. Вместе с находками 1881–1886 гг. они составили коллекцию Главного Правления Верх-Исетских заводов. В 1888 г. она была передана в музей УОЛЕ вместе с записями о месте и условиях обнаружения каждого предмета [Толмачев, 1914].

В 1889 г. Д.И. Лобанов опубликовал «Каталог Музея УОЛЕ», в который вошел список из 40 предметов, полученных Музеем в 1888 г. от графа А.А. Стенбок-Фермора.

24 января 1890 г. на 2-м Курьинском прииске, на глубине 4 м вместе с деревянным веслом, тремя ложками и двумя каменными орудиями была найдена деревянная антропоморфная скульптура, которая сейчас известна как Большой Шигирский идол. Скульптура сохранилась плохо, ее доставали по частям. В 1893 г. Шигирскую коллекцию дополнили поступившие от

Г.Ф. Рупрехта скульптура антропоморфной головы – так называемый Малый Шигирский идол, найденный на глубине 4,26 м на Язевском прииске, а также деревянная ложка и костяной гарпун.

В 1895-м и 1896 гг. Шигирский торфяник посещали И.А. де Бай и О.Е. Клер. Собранные ими предметы были выставлены в Париже, а затем переданы в Национальный музей естественной истории в Париже (*Museum d'Histoire Naturelle de Paris*) [Толмачев, 1914]. Д.И. Лобанов опубликовал новый «Каталог Музея УОЛЕ», в который вошли 209 предметов, пожертвованных музеем в 1888–1897 гг.

В 1900 г. В.Я. и Н.Я. Толмачевы провели разведочные раскопки на северном берегу Шигирского озера у Скворцовской горы; на северо-восточном берегу обнаружили городище [Толмачев, 1914].

В 1900–1904 гг. В.В. Никитин составил геологическую карту массива с отмеченными на ней приисками. В 1906 г. Императорская Археологическая Комиссия (ИАК) приобрела около 100 костяных наконечников и других предметов с Шигирского торфяника, увеличив позднее коллекцию до 500 экз.

В 1911 г. В.Я. Толмачев осмотрел разрезы осушенной части Шигирского озера и выяснил условия залегания предметов в илистых отложениях. В 1914 г. ИАК командировала В.Я. Толмачева для подробного ознакомления с условиями обнаружения древних предметов. Он детально описал и сфотографировал новые разрезы Шигирского прииска, взял образцы торфа и других слоев, определил их мощность на разных приисках на основании анализа более чем 3 000 шурфов. Ю.П. Аргентовский в том же году обнаружил новые археологические памятники – стоянки Островок с глиняными горшками и Скворцовская гора [Толмачев, 1914].

В 1914 г. В.Я. Толмачев провел первую реставрацию и реконструкцию Большого Шигирского идола, в этом виде он и дошел до настоящего времени. В 1911–1913 гг. он объединил вещи, найденные на торфянике, в Шигирскую коллекцию, но, к сожалению, не успел завершить издание результатов своих

исследований. Однако те материалы, которые были опубликованы – история изучения Шигирского торфяника, описание приисков и археологического материала, – представляют огромный научный интерес. Сведения о разрезах 1883–1885 гг. он почерпнул, в основном, из работы А.М. Зайцева. Стратиграфия разрезов более позднего времени дается по данным, полученным от работников приисков и архива геологического музея Верх-Исетских заводов, по материалам М.В. Малахова, А.П. Иванова и В.Я. Толмачева; приведены также сведения из книги Верх-Нейвинской заводской конторы и музейных каталогов Д.И. Лобанова. В этих случаях степень достоверности информации повышается, порой сведения записаны приблизительно со слов лиц, доставивших находки. Вещи часто покупались, и продавцы, для повышения стоимости, могли сознательно увеличить глубину их обнаружения.

В течение последних 150 лет Шигирский торфяник подвергался постоянному антропогенному воздействию, значительная часть его уничтожена. Сейчас на этой территории выявлено 67 археологических памятников. Культурные слои в торфяно-сапропелевых отложениях зафиксированы на 13 из них (т. 2, прил. 1; 3, табл. 1–5; прил. 4, рис. 80–104).

Археологическое исследование Шигирского торфяника возобновлено в 1926 г, когда была открыта стоянка *Анин остров* (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 79, 32). В 1926 г. она исследовалась В.С. Доктуровским и Н.Н. Бортвиным [1928, с. 228, 229], в 1930-м и 1931 гг. – Д.Н. Эдинггом [1940б, с. 33, 73]; в 1956 г. – В.М. Раушенбах [1956, с. 60–63].

В середине 50-х гг. В.М. Раушенбах [1956] открыла и исследовала стоянки *Язевская I* и *Язевская II* (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 79, 40, 41).

История исследования Шигирского торфяника вновь возобновляется только в начале 90-х гг. XX в. В 1983-м и 1984 гг. Ю.Б. Сериков обнаружил культурные слои в заболоченных частях стоянок *Шигирский Исток I* и *II* (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 79, 1, 2); С.Н. Савченко и В.Н. Широков – *Резной I*. В 1987 г. С.Н. Савченко открыла стоянку *Резной II*. С.Н. Савченко, С.Н. Погорелов и Н.Р.

Тихонова провели археологическое обследование северного и юго-западного берегов Шигирского озера, где было выявлено несколько новых памятников – стоянки *Варга 2* (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 79, 28; 80–85), *Андреевская*, *Высокое*, *Резной III и IV*.

В 1984-м, 1986-м, 1989-м и 1990 гг. Ю.П. Литвиненко и Ю.Б. Сериков [1998, с. 216–217] провели на Шигирском торфянике подводные археологические работы, в процессе которых обнаружены кости лося и северного оленя; бобра, собаки, птиц и рыб; найден деревянный кол.

На дне Шигирского озера были собраны изделия из камня и керамика. Голова лося, выполненная из пяточной кости лося, размером 15,4×5,5 см найдена в сапропеле мощностью 1,5 м, почти у самого дна. Обнаружена роговая скульптура водоплавающей птицы – большого крохалея – размером 15,8×2,2×1,3 см коленчатой формы, которая, возможно, является частью или рукояткой какого-то составного изделия. Клюв птицы вытянут, с одной стороны насечками показана ноздря. Хорошо обозначен разрез клюва; конец подклювья, на который нанесены насечки, загнут вниз.

В 1986 г. между Старым Шигирским и 2-м Курьинским приисками золотодобытчиками на глубине около 4 м, на контакте сапропеля с глиной найден деревянный сосуд-скульптура лося.

В 1986 г. Ю.Б. Сериков обнаружил стоянки *Шигирское озеро V*, *Черемшанка I*. Памятники, названные исследователем как стоянки Шигирское озеро VI, Шигирское озеро VII и Шигирское озеро VIII, вероятно, уже были известны В.Я. Толмачеву.

В 1989 г. С.Н. Савченко открыла стоянки *Скворцовская гора III и IV*, провела дополнительное обследование Шигирского городища. Ю.Б. Сериков и Л.В. Серикова продолжили работы на северном берегу Шигирского озера, найдены стоянки *Шигирская I, II и III*.

В 1989 г. А.С. Литвяк провел археологическое обследование южного коренного берега Шигирского озера, где было обнаружено 6 новых

памятников: стоянки *Шигирский Исток IV* и *V*, *Андреевский Прииск II*, *III* и *IV*, местонахождение *Андреевский Прииск I*.

В 1989-м и 1990 гг. заторфованную часть стоянки *Островок с глиняными горшками* (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 79, 58; 86, 1, 2) (поселение *Шигирское А*) исследовал С.Н. Погорелов (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 79, 58; 87) [Погорелов, 1999, с. 80–81]. В 1990 г. А.С. Литвяк обнаружил *Шигирское городище (болотное)*, стоянки *Шигирская III (болотная)*, *Островок с глиняными горшками (болотная)* и *Скворцовская гора II (болотная)*, а также *Шигирская VII (болотная)* и *Шигирское городище I (болотное)* (т. 2, прил. 1).

В 1998–2000 гг. Н.М. Чаиркина исследовала заторфованную часть *Шигирского городища* (т. 2, прил. 1; 3, табл. 2–5; 4, см. рис. 79, 64; 89–94). В 2000 гг. Н.М. Чаиркина, С.Е. Чаиркин, Н.Г. Ерохин, А.С. Литвяк обследовали острова в западной части торфомассива. Обнаружено поселение *Шигирский Исток VI*, *Анин остров I* и *II*, *Скворцовская гора* и стоянки *Скворцовская гора V–XI*, *Резной V*, *Шигирская V*, *Горушки I* и *II*. В 2001 г. Н.М. Чаиркина и С.Н. Савченко исследовали заторфованную часть поселения *Анин остров II* (т. 2, прил. 1; 3, табл. 1; прил. 4, см. рис. 79, 33; 86, 3–5; 88). В 2006 г. стоянка *Варга 2* исследовалась С.Н. Савченко и М.Г. Жилиным [2007, с. 5–26] (т. 2, прил. 1).

Шигирская коллекция [Чаиркина и др., 2001, с. 105–110]. В 1888 г. по распоряжению графа А.А. Стенбок-Фермора 40 предметов с Шигирского торфяника были переданы в музей УОЛЕ. Они послужили основой Шигирской коллекции, значительные поступления в коллекцию происходили в 80-е гг. XIX – начале XX вв. Единичные находки и мелкие коллекции частных лиц пополняли фонды до 1924 г. Шигирская коллекция, хранящаяся в Свердловском областном краеведческом музее, включает 1977 артефактов: 1104 – изделия из кости и рога, 101 – из дерева. В собрании присутствуют пять медных и бронзовых орудий, две тальковые литейные формы, 328 фрагментов керамики эпохи неолита – раннего железного века.

Изделия из дерева. Большой Шигирский идол был обнаружен в восточной части Шигирского торфяника в одном из разрезов 2-го Курьинского прииска в торфе, на глубине 4 м. В музей УОЛЕ попало десять обломков этой скульптуры. Малый Шигирский идол – антропоморфная голова – найден в иловато-торфянистых отложениях Шигирского торфяника.

Рукоять весла, завершающаяся скульптурным стилизованным изображением головы животного, вероятно медведя, поступила в музей в 1911 г. от О.Е. Клера. Условия обнаружения и датировка неизвестны. Длина изделия – 31,9 см, размеры скульптурного изображения – 6,1×2,3–2,7 см.

Миниатюрная объемная голова медведя длиной 18 см, шириной 7 см, толщиной 5,5–6,5 см детализирована и тщательно обработана. Условия обнаружения и датировка неизвестны. Изделие выполнено, вероятно, металлическим орудием.

Ложка со скульптурно оформленной рукоятью головы птицы, вероятно, утки. Условия обнаружения и датировка неизвестны.

Фрагменты ковшей и ложек, вероятно, эпохи раннего металла найдены на Язевском, 1-м и 2-м Курьинских приисках (т. 2, прил. 4, рис. 95).

Деревянный прорезной черпак со скульптурной головой лося на конце рукояти, вероятно, эпохи раннего металла найден на дне Шигирского озера, на «спае слоев трясуги и мясниги».

В 1986 г. в районе между Озерным (Старым Шигирским) и 2-м Курьинским приисками был найден деревянный сосуд в виде скульптуры лося. По свидетельству очевидцев, он залегал под торфом, на глубине около 4 м, в нижней части сапропеля, на контакте с синей болотной глиной [Литвиненко, Сериков, 1998, с. 216].

Деревянный сосуд (т. 2, прил. 4, рис. 96, 1) длиной 24,2 см, шириной 10,5–26,5 см, толщиной 3,2–6,8 см найден в 1883–1885 гг. в торфе на глубине 3,9 м, в одном из разрезов 2-го Курьинского прииска. Датировка неизвестна, возможно, эпоха раннего металла.

Почти целый лук из сосны, слабо изогнутой формы, длиной 166 см, ширина у концов – 3,2 см, в средней части до 5,8 см. Изделие сегментовидного сечения, с зауженными концами. В центре с наружной стороны нанесена выемка шириной 5,2 см. Найден на Старом Шигирском прииске на глубине 1,8 м. Датировка неизвестна, возможно, эпоха раннего металла (вторая половина IV – конец III тыс. до н.э.).

На Язевском прииске, на глубине 7,8 м (?) найден поплавок из сосновой коры размером 18,0×4,0–9,0×0,5–0,7 см с отверстием в центре (т. 2, прил. 4, рис. 96, 2). Датировка неизвестна, вероятно, эпоха неолита – раннего металла.

В коллекции присутствует деревянный поплавок диаметром 12,6–14,8 см, толщиной 3,2 см с отверстием. Условия обнаружения и датировка неизвестны, вероятно, – эпоха неолита – раннего бронзового века.

Трудноопределимый предмет, условно называемый «музыкальный инструмент», – изделие, изогнутое почти под прямым углом. Вертикальная часть – рукоять длиной 39,5 см (до утолщения ручки), длина ручки – 5,5 см. Горизонтальная часть изделия является, вероятно, рабочим участком эллипсовидной формы длиной 24,8 см и шириной 4,3 см, на тыльной плоскости которого вырезано шесть зубцов усеченно-пирамидальной формы, разной высоты и размеров. Край изделия приострен, округлой формы. Условия обнаружения и датировка не известны (т. 2, прил. 4, рис. 96, 3).

В Шигирской коллекции присутствуют 32 предмета неясного назначения, выполненные из сосны, ели и лиственницы. Они представляют собой изогнутые стержни длиной 58–130 см, один конец которых, более тонкий, с отогнутой назад небольшой головкой, является рукоятью. Другой конец – рабочий, более массивный, заостренный, в поперечном разрезе трехгранный. На расстоянии 10–28 см от острия через боковые грани проходят одно-два сквозных отверстия четырехугольной формы, размером 1–2×2–4 см. Диаметры рукоятей – 2,5–3,5 см, ширина рабочего конца – 3,0–6,5 см. (т. 2, прил. 4, рис. 97). Подобные изделия, одно со вставленной в отверстие педалью, обнаружены на берегу р.

Аять, на I Быньговском прииске около Невьянского завода, около с. Мясниковского Камышловского района.

Два предмета Шигирской коллекции длиной 12,5–18,0 см, шириной около 5,0–6,0 см, длина насада – 5,0–5,5 см, возможно, использовались как педали для рассмотренных выше орудий. На одном изделии отверстия в насаде нет, на другом – сквозное четырехугольное отверстие размером 1,5×1,5 см. В культурном слое эпохи раннего металла поселения Шувакиш I найден обломок педали, по аналогии с которым изделия из Шигирской коллекции, вероятно, можно датировать этим же временем.

Деревянная острога с тремя остриями, тело и рукоять которой выполнены из целого ствола. Рукоять длиной 14,5 см, возможно, обломана, представляет собой овальный в поперечном сечении стержень. Тело длиной 15,3 см и максимальной шириной 9,3 см плоское (толщиной не более 2 см), расширяется к остриям. На его краю вырезано три паза прямоугольной формы для крепления острий, которые выполнены из дерева и, возможно, являются новоделом. Два боковых острия в виде двух наконечников с одним зубцом, среднее имеет два симметрично расположенных зубца.

На Язевском прииске на глубине 7,8 м (?) найдено весло с лопастью овальной формы размером 37×8 см и рукоятью длиной 54,5 см диаметром 2,5 см. Датировка изделия неизвестна, вероятно, эпоха раннего металла.

Веселко с лопастью овально-удлиненной формы размером 36,5×4,5×1,0 см и обломанной рукоятью длиной 36 см диаметром 1,2–1,6 см. Гравированный орнамент в виде волнистых линий покрывает лопасть с двух сторон. Небольшие размеры изделия и наличие орнамента, возможно, указывают на то, что это детская игрушка, оно могло также использоваться в ритуальной практике. Условия обнаружения и датировка неизвестны, вероятно, эпоха неолита – ранний бронзовый век.

Обломок лыжи в виде двух пластин шириной 10,0–11,2 см, толщиной 0,7–0,9 см изогнутого профиля с округлым неровным краем. Нижняя часть плоская

и гладкая, у конца слегка приподнята кверху. Поверхность хорошо обработана. Следов крепления нет. Два других обломка почти не изогнуты, возможно, являются обломками лопасти весла, толщиной 0,4–0,8 см. Условия обнаружения и датировка неизвестны, возможно, эпоха неолита – раннего бронзового века.

На Язевском прииске Шигирского торфяника, на глубине 7,8 м (?) найдено изделие длиной 39,5 см, шириной 1,5–4,6 см, которое, возможно, использовалось как мутовка или лопаточка. Датировка затруднена.

Трудноопределимый предмет с выгравированной антропоморфной личиной. Условия обнаружения и датировка неизвестны, вероятно, эпоха раннего металла.

Изделия из кости и рога представлены наконечниками стрел и гарпунами различных типов, рыболовными крючками, кинжалами и др. (т. 2, прил. 4, рис. 98–102) [Савченко, 2006а; 2006б, с. 114–121; 2007, с. 253–270].

В Шигирской коллекции более 1200 наконечников стрел, некоторые из которых декорированы, эпохи мезолита – средневековья. Они выполнены из плотной части крупных костей конечностей оленя и лося. На некоторых предметах сохранились остатки черной смолистой массы и каменные вкладыши.

Костяные наконечники стрел каменного века представлены цельными, без пазов и составными, или вкладышевыми. В первую группу входят массивные игловидные наконечники с округлым в сечении стержнем и насадом с упором или с коротким коническим, пирамидальным и клиновидным насадом. Острия конические, уплощенные, с «шишечкой».

Тонкие длинные игловидные наконечники, с округлым в сечении стержнем, плавно сужающимся к коническому острию. Насад длинный, симметричный или асимметричный конический, уплощенный или с одним скошенным краем насада (т. 2, прил. 4, см. рис. 98, 1–5).

Наконечники стрел длинные массивные с конической головкой, основание которой подчеркнуто рельефным пояском, стержень округлого сечения. Насад конический (пирамидальный) или клиновидный.

Наконечники стрел с биконической головкой, длинный стержень округлого сечения (т. 2, прил. 4, см. рис. 99, 3–5). Насад конический (пирамидальный) или клиновидный. Головки с рельефным пояском в наиболее широкой части, с биконическим расширением. Есть головки с несколькими поясками или канавками, а также головка с уступом в сторону острия.

Короткие биконические наконечники с рельефным пояском в средней части, без стержня, насад конический. Короткие наконечники, приближающиеся к биконическим, стержень не выражен, головка переходит в клиновидный насад.

Наконечники весловидные длинные, стержень округлого сечения с коническим (пирамидальным), клиновидным насадом или с упором. Перо длинное или короткое.

Наконечники с треугольным пером с шипами, с коническим (пирамидальным) или клиновидным насадом. Стержень длинный или короткий.

Наконечники однокрылые без шипа, один край крыла острый, другой – тупой с коническим (пирамидальным) или клиновидным насадом. Перо длинное или короткое.

Наконечники однокрылые с шипом на конце крыла с коническим (пирамидальным) или клиновидным насадом. Варианты оформления: с коротким пером и коротким шипом, с коротким пером и длинным шипом; с длинным пером и коротким шипом или длинным пером и длинным шипом.

Наконечники с одним мелким клювовидным зубцом, расположенным у острия, или на стержне округлого сечения с коническим (пирамидальным) или клиновидным насадом.

Наконечники с мелкими косыми подтрапецевидными зубцами по одному краю, стержень длинный, округлого сечения, насад длинный конический (т. 2, прил. 4, см. рис. 98, 6–10).

Составные вкладышевые наконечники (т. 2, прил. 4, см. рис. 99, 1–2; 100). У большинства вкладыши не сохранились, в тех случаях, где они есть, использовались правильные микропластинки без вторичной обработки, закрепленные смолистым веществом. Большинство этих наконечников повторяют типы цельных, но дополнены пазами, однако есть и специфические типы.

Массивные игловидные наконечники с одним коротким пазом, стержень округлого или близкого к нему сечения, насад короткий конический (пирамидальный) или клиновидный, острие коническое.

Массивные игловидные наконечники с двумя пазами, стержень округлого сечения, насад короткий конический (пирамидальный) или клиновидный, острие коническое.

Узкие уплощенные симметричные наконечники с одним или двумя пазами почти на всю длину орудия, насад не выделен или клиновидный.

Узкие плоские асимметричные наконечники, тупой край прямой, другой дугообразный с длинным пазом от острия, насад клиновидный.

Весловидные наконечники с длинным пером и пазами по обоим краям, с коническим (пирамидальным) или клиновидным насадом.

Однокрылые наконечники с шипом и пазом на крыле с коническим (пирамидальным) или клиновидным насадом. С вариантами: перо короткое с длинным шипом; перо длинное, шип короткий; перо длинное, шип длинный. Однокрылые наконечники с длинным шипом на длинном крыле и пазом на противоположном крае [Савченко, 2006а; 2007, с. 253–270].

Костяные *гарпуны* Шигирской коллекции представлены несколькими типами. Односторонние гарпуны, с одним-тремя зубцами, с симметрично или

асимметрично расширенным насадом; односторонние, крупные многозубчатые гарпуны (т. 2, прил. 4, см. рис. 101, 1–3).

Гарпуны односторонние, дву- и трехзубчатые, с крупными редкими зубцами, как правило, в верхней части орудия. Особенностью костяных зубчатых острий и гарпунов Зауралья являются крупные размеры, тщательность обработки и наличие гравировки.

В Шигирской коллекции присутствует несколько костяных *кинжалов*, выполненных из плотной части трубчатых костей животных. Они листовидной формы с плоской, лопатообразной рукояткой, снабженной отверстием для привязывания (т. 2, прил. 4, см. рис. 102).

Есть несколько изогнутых однолезвийных вкладышевых ножей (т. 2, прил. 4, см. рис. 102, 3, 5).

Рыболовные крючки вырезаны из цельной кости, не имеют зубцов (т. 2, прил. 4, см. рис. 101, 4). В коллекции есть костяные проколки, лоцила, кайла, трудноопределимые орудия.

Медные и бронзовые изделия представлены кельтами, наконечниками стрел, ножами и рыболовным крючком. Два медных кованых ножичка листовидной и подромбической формы. Бронзовые кельты шестигранной формы, ширина лезвия почти равна ширине втулки. По верхнему краю изделия опоясаны двумя-тремя рельефными параллельными или вертикальными линиями. Бронзовые наконечники стрел трехгранные. Одна из литейных форм предназначена для отливки антропоморфного идола.

Изделия из камня представлены наконечниками стрел, топорами, долотами, ножами, абразивными плитами, скребками и проколками, грузилами нескольких типов.

Изделия из глины. В Шигирской коллекции присутствуют 13 целых сосудов, 516 фрагментов керамики эпохи неолита – железного века, 15 изделий из глины (т. 2, прил. 4, рис. 103, 104). Местонахождение некоторых из них

определить сложно, другие были обнаружены на береговой части Шигирской стоянки и Шигирском городище.

Эпоха неолита представлена целым сосудом полуденского типа и фрагментами венчиков, стенок и придонных частей. Целая емкость слегка «закрытой» баночной формы с округлым дном, диаметр устья – 10,5 см, на внутренней стороне – наплыв. Край отогнут наружу, срез округлый, декорирован накольчатыми оттисками. В глине визуальнo фиксируется примесь талька. Сосуд орнаментирован шагающе-проташенной (?) техникой, которой нанесены горизонтальные плотные пояса.

Эпоха раннего металла представлена несколькими целыми сосудами аятского, шувакишского и липчинского типа, а также стенками и придонными частями от разных сосудов этих типов (т. 2, прил. 4, см. рис. 103, 3–11). Невысокая (9 см) открытая емкость аятского типа с диаметром устья 12 см чашевидной формы, с круглым дном. Венчик прямой, срез не орнаментирован. Сосуд декорирован оттисками тонкого гребенчатого штампа, которым на венчике нанесены три ряда наклонных оттисков. Такие пояса являются разделителями зон: один ряд наклонных оттисков отделяет композиции тулова, два – дно от тулова. В верхней части тулова нанесен треугольный зигзаг, в нижней части – строенные, веерообразно сходящиеся к дну, линии. Они образуют контуры полых или заштрихованных треугольников.

Сосуд аятского типа – невысокая (4,8 см) «закрытая» емкость баночной формы с круглым дном. Диаметр устья – около 6,5 см. Венчик слегка наклонен вовнутрь, округлый срез не орнаментирован. В глине – тальк, слюда, шамот и, возможно, органика и охра. Сосуд орнаментирован тонким длинным гребенчатым штампом. Внешняя поверхность венчика декорирована двумя горизонтальными линиями, которые являются разделителями зон тулова и дна. Тулово орнаментировано рядами наклонных оттисков. Дно – перекрещивающимися под прямым углом полосами, состоящими из четырех слегка расходящихся или пяти параллельных линий.

Сосуд аятского типа, вероятно, баночной формы, орнаментирован неглубокими оттисками близко поставленного, имитирующего отступающе-накольчатую технику, гребенчатого штампа. Нижняя часть сосуда и дно декорированы вертикальными, сходящимися линиями, состоящими из отдельных оттисков штампа.

Сосуд липчинского типа – небольшая, слегка открытая емкость с диаметром устья 8 см, высотой около 4 см, баночной формы с круглым дном. Венчик прямой, заостренный срез декорирован наклонными насечками. Внутренняя часть венчика орнаментирована наклонными оттисками гребенчатого штампа. Сосуд декорирован отступающе-накольчатой техникой, которой на венчике и верхней части тулова нанесены горизонтальные параллельные линии, разделенные на сектора сдвоенными вертикальными линиями. Нижняя часть тулова отделена от верхней горизонтальной линией. Нижний пояс заполнен наклонными параллельными линиями, на которые накладываются сдвоенные или строенные арки с тремя горизонтальными параллельными линиями в основании. Этот узор, ассоциирующийся с «розеточным» орнаментом, отделяет тулово от дна, декорированного параллельными линиями.

Поздний бронзовый и ранний железный век представлены несколькими емкостями (т. 2, прил. 4, см. рис. 104). Сосуд гамаюнского типа баночной формы, высотой 5 см, с короткой шейкой и круглым дном. Диаметр устья 6,3 см. Край сосуда отогнут наружу, срез округлый, не орнаментирован. В глине фиксируется примесь слюды, талька, кварцевой (?) крошки, возможно, шамота. Шейка декорирована расположенными в шахматном порядке ямками, соединенными резными линиями, образующими треугольный зигзаг. На переходе шейки в тулово – прочерченная линия – негатив от перетяжки шнура или элемент декора. Тулово сосуда орнаментировано близко поставленными, возможно, проташенными оттисками гребенчатого штампа, дно – перекрещивающимися линиями, выполненными той же техникой. Они

разделяют его на четыре неорнаментированных сектора, образуя орнамент «крест, заключенный в круг».

Остеологический материал Шигирской коллекции представлен костями волка, бурого медведя, выдры, зайца-беляка, бобра, кабана, косули, лося, северного оленя и домашнего быка [Косинцев, 1988, с. 33–34].

Данных о датировке вещей из Шигирской коллекции, создание которой – случай исключительный: она была собрана при вскрытии «вручную», лопатами большой площади торфяника, практически нет. Судя по керамике, которая датируется широким хронологическим диапазоном от эпохи неолита до железного века, и учитывая достаточно большую площадь, на которой были собраны артефакты, можно предположить, что они происходят из нескольких разновременных (VIII–I тыс. до н.э.) и, вероятно, разнофункциональных памятников – стоянок, поселений, культовых мест.

На исследованных зауральских торфяниковых памятниках хорошо представлены слои эпохи раннего металла и мезолита, комплекс находок которых находит аналогии в материалах Шигирской коллекции: весла, деревянная посуда, поплавки и грузила, наконечники стрел. Вероятно, и значительную часть Шигирской коллекции можно датировать этим временем.

Озеро Шувакиш площадью около 2 км² расположено в Орджоникидзевском районе г. Екатеринбурга (т. 2, прил. 4, см. рис. 2, 14). Болото, окружающее озеро, по условию торфообразования относится к типу низинных, выпуклой формы. Суходолы имеют холмистый рельеф и значительно возвышаются над поверхностью. Грунт дна состоит из слоев глины. В 1978-м, 1987–1990 гг. в заболоченной котловине озера Шувакиш С.Н. Погорелов [1999, с. 77–83] обнаружил 7 торфяниковых памятников – *Шувакиш I, I-A, V-B, VI-B, VIII-G, XI-D, XIX-E*. Стационарные раскопки проведены на двух поселениях – Шувакиш I и Шувакиш XI-D (т. 2, прил. 1). Торфяниковые памятники озера Шувакиш, исследованные разведками, содержали культурные слои эпохи раннего металла, расположенные в нижней

части торфа и верхней части сапропеля. На стоянках Шувакиш V-Б, VIII-Г, XIX-Е датировка слоя эпохой раннего металла проведена по стратиграфическим условиям залегания и следам обработки изделий из дерева, выполненных, вероятно, металлическими орудиями.

Поселение Шувакиш I занимает мысовидный участок коренного берега высотой 3–4 м, образованный руслом р. Шитовской Исток и берегом озера. Береговая часть поселения открыта в 1980 г. В.А. Борзуновым. В 1985 г. в 6–10 м от коренного берега была проложена дренажная канава, в выбросе из которой С.Н. Погорелов обнаружил обломки изделий из органики, камня и керамику. В 1986–1989 гг. Н.М. Чаиркина [2005, с. 67–119] и С.Н. Погорелов исследовали 314 м² площади памятника.

В раскопах заторфовой части представлен комплекс эпохи раннего металла, немногочисленные фрагменты керамики, изделия из камня и дерева эпохи неолита. В слое раннего металла найдена керамика, изделия из камня; деревянные древки стрел и обломки вершей, составное и целые весла; весло с рисунком, выполненным черной краской; полавки, лопатообразное орудие, колья, посуда и др. (т. 2, прил. 1; 3, табл. 6, 7; 4, рис. 105; 106, 3–5, 8–12; 107–110). Обнаружены кости лося, косули, бобра, барсука, птиц и рыб.

В некоторых публикациях, посвященных деревянному инвентарю торфяниковых памятников Зауралья, в разделах, где упоминаются находки поселения Шувакиш I-A [Погорелов, 1999; 2002а], речь идет о заторфовой части поселения Шувакиш I.

Карасьезерский торфяник находится в Октябрьском районе г. Екатеринбурга, в одном из межгорных понижений Туринско-Чусовского торфяно-болотного массива (т. 2, прил. 4, см. рис. 2, 16). Площадь сохранившейся озерной глади около 1 км², она окружена болотом площадью 4,0–9,0×11,0 км². Из озера вытекает р. Карасий Исток, впадающая в р. Исеть. Дно и берега сложены делювиальными глинами, суглинками и супесью. Котловина заполнена сапропелем и торфом. В 50-е гг. XX в. здесь проводились

работы по осушению озера, была проложена сеть дренажных канав. С части площади осушенного котлована снят поверхностный слой торфа. Берега и котловина бывшего озера сейчас активно осваиваются.

В 1988 г. С.Н. Погорелов и Н.М. Чаиркина обнаружили культурный слой в заторфованной части поселения Карасьезерское I и стоянки Карасьезерская II – поселение *Карасьезерское I-A* и стоянку *Карасьезерская II-A* (т. 2, прил. 1). Судя по стратиграфическим условиям залегания и аналогиям с материалами стоянки Разбойничий Остров, памятники могут быть датированы эпохой раннего металла.

Стоянка *Разбойничий Остров* расположена на одноименном острове размером около 100×130 м, в северо-западной части Карасьезерского торфяника (т. 2, прил. 1). Памятник, вероятно, занимал весь остров, ныне в значительной степени разрушенный, и прилегающую южную, юго-западную и юго-восточную заболоченную часть. С 20-х гг. XIX в. на острове велись активные поиски клада, что привело к практически полному разрушению культурного слоя береговой части стоянки, которая, судя по археологическому материалу, была заселена в эпоху неолита – раннего железного века. Археологическое исследование Разбойничьего Острова было начато в XIX в. членами УОЛЕ Н.А. Рыжниковым, О.Е. Клером, М.В. Малаховым. В конце XIX в. на заболоченном участке под южной оконечностью острова Н.А. Рыжников обнаружил культурный слой, содержащий изделия из дерева.

В 50-е гг. XX в. В.М. Раушенбах исследовала небольшой участок заболоченной части стоянки, а С.Н. Тюремнов составил спорово-пыльцевые диаграммы торфяного разреза памятника. Раскопки береговой части Разбойничьего Острова в 1987 г. проводились Н.М. Чаиркиной и Ю.П. Чемякиным. В 1989-м, 1990-м, 1993 гг. Н.М. Чаиркиной [2005, с. 119–161] вскрыто 198 м² заболоченной площади стоянки (т. 2, прил. 1; 3, табл. 8–10; 4, рис. 111–116). Памятник, вероятно, являлся специализированной рыболовной стоянкой эпохи раннего металла и раннего бронзового века. Обнаружены

обломки и целые весла, фрагменты лодки-долбленки, грузила, поплавки, каменные и деревянные наконечники стрел, боласы. На стоянке найдены обломки глиняной посуды, изделия из камня, два медных ножа. Деревянная утварь представлена обломками ковшиков, берестяным кузовком со следами обшивки по краю крапивным волокном. Изделия, возможно, связанные с сакральными действиями, представлены деревянными скульптурами птиц, лося и антропоморфа.

Многослойное поселение эпохи неолита, раннего металла и раннего железного века – *Ваиты VI-A* (т. 2, прил. 1) – находится в западной части оз. *Ваиты*, на территории городского округа «Верхняя Пышма» (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 2, 13); открыто С.Н. Погореловым [1999, с. 77–83].

Поселение эпохи раннего металла *Ельничное I-A* (т. 2, прил. 1) занимает заболоченный шлейф поселения Ельничное I, расположенного на южном берегу *Ельничного озера*, на территории городского округа «Верхняя Пышма» (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 2, 11). Открыто С.Н. Погореловым [1999, с. 77–83].

Озеро Мелкое расположено на территории муниципального образования «г. Екатеринбург» (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 2, 12). Шурф в торфе, в котором, вероятно, были зафиксированы культурные слои эпохи раннего металла и раннего железного века, заложен Е.М. Берс рядом с жертвенным местом и писаницей у мыса Елового [Чаиркина, 2005, с. 66].

Торфомассив Водяное-Глухое с озером Половинное расположен на территории муниципального образования «г. Первоуральск» Свердловской обл., примерно в 20 км к юго-западу от г. Екатеринбурга (т. 2, прил. 4, см. рис. 2, 15). Торфомассив вытянут с юго-запада на северо-восток на 8 км с максимальной шириной 4,1 км в центральной части, есть внутренние суходолы. Он расположен на водоразделе р. Исети и Чусовой, в проточной котловине, которая образовалась при заболачивании оз. Половинное, Глухое, Щучье. Обследование торфомассива проведено в 1997 г. группой специалистов – археологов, палинологов и биологов ИИиА и ИЭРЖ УрО РАН, НПЦ по

охране и использованию памятников истории и культуры. Открыто четыре торфяниковых памятника – поселение *Половинное озеро I*, стоянка *Половинное озеро IV*, поселение *Половинное озеро VII* эпохи раннего металла и поселение *Половинное озеро X* эпохи неолита – раннего бронзового века (т. 2, прил. 1) [Чаиркина и др., 1999, с. 54–76].

В XIX – начале XX вв. на *Приканавинском* и *Кремлевском приисках* (р. Пышма), *Быньговском прииске* (р. Аять), *Гальянском торфянике* (р. Тагил) [Кипарисова, 1956], *Острове Мать Анна* (Шайтанское озеро) [Толмачев, 1914], в *верховьях р. Пышмы* [Берс, 1951, с. 182–248] были обнаружены древние деревянные артефакты. Часть полоза саней длиной 140 см, шириной 9,0–14,5 см найдена в торфе на Приканавском прииске. Нижняя часть изделия плоская и гладкая, у конца слегка приподнята. В верхней части имеются восемь небольших и одно большое сквозное поперечное отверстие. Датировка неизвестна, возможно, эпоха неолита – раннего металла (VI–III тыс. до н.э.).

В *бассейне р. Конда ХМАО* зафиксировано 12 торфяниковых памятников (т. 2, прил. 4, см. рис. 2, 1–5) эпохи раннего металла – железного века, в культурных слоях которых помимо изделий из камня и керамики найдены отходы деревообработки и обломки трудноопределимых изделий из дерева [Чаиркина, 2009, с. 179–189].

Таким образом, в Зауралье сейчас известно более 60 торфяниковых памятников эпохи мезолита – раннего железного века. Разработана и успешно применяется методика их поиска и исследования. Однако в силу ряда причин пока не завершено обследование даже перспективных заболоченных территорий, на которых можно прогнозировать обнаружение новых памятников. Известные стоянки и поселения сконцентрированы, в основном, на Кокшаровско-Юрьинском, Горбуновском, Шигирском, Карасьерзерском и других торфомассивах в окрестностях г. Екатеринбурга.

Несмотря на довольно обширную источниковедческую базу, научный потенциал и информационные возможности торфяниковых памятников Зауралья не равнозначны. Некоторые объекты исследовались в XIX – середине XX вв. в традициях описательного подхода и неполной фиксации; значительная часть материала, в том числе деревянная и костяная скульптура, происходит из разрушенных стоянок, поселений и культовых мест, археологический контекст их не всегда известен.

На многих памятниках в 70–90-е гг. XX в. проведены только разведочные работы. Порой отсутствуют данные об их точном местонахождении, хронологии, культурной принадлежности и археологическом материале, не отобраны образцы для радиоуглеродного, споровопыльцевого и других анализов.

Исследования последних лет направлены на расширение ареала поиска новых торфяниковых памятников на территории Северного и Восточного Зауралья, ХМАО–Югры. Выполняются программы по точному позиционированию и дополнительному обследованию уже известных памятников. Современные, в целом немногочисленные, раскопки этих объектов в регионе проводятся с применением комплекса междисциплинарных методов. Перспективы изучения торфяниковых памятников и последующей интерпретации полученных данных очевидны, однако размер их исследований часто обусловлен значительным объемом финансовых, технических и физических затрат.

1.3. Формирование и развитие научных концепций и идей по материалам торфяниковых памятников

Первые торфяниковые памятники России были открыты в Зауралье во второй половине XIX – начале XX вв. на Шигирском торфянике [Толмачев, 1914]. В этот период осуществлялся в основном сбор информации о местах

обнаружения древних изделий, о характере и мощности культурных и литологических слоев; проводились геологические изыскания и др. Исследования торфяниковых памятников в этом регионе начались в 20–30-е годы XX в. на Горбуновском и Шигирском торфяниках [Эдинг, 1929, с. 3–27, 1940а, с. 41–57].

В результате этих работ были получены значительные собрания археологических коллекций, включающие изделия из глины, камня и металла, органических материалов, в том числе большая часть известной на сегодняшний день деревянной и костяной скульптуры. Эти коллекции, к сожалению, представлены либо слабо документированными сборами предметов, археологический контекст которых неизвестен, или происходят из недостаточно хорошо документированных раскопанных памятников. Значительная часть этого собрания, представленная тысячами единиц хранения, в 20–50-е гг. XX в. была передана в ГИМ и Эрмитаж; некоторые предметы еще во второй половине XIX в. вывезены за границу. К сожалению, значительная их часть до сих пор не обработана и не систематизирована. Сейчас коллекции хранятся в различных музеях России – г. Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Тагила – и Франции.

Однако, несмотря на эти факты, яркие, уникальные артефакты привлекают к себе внимание многих исследователей. Они становятся одним из основных источников для построения культурно-генетических моделей и единственным – для реконструкции хозяйственных структур и духовной культуры древних обществ Урала. В начале XX в. впервые применительно к зауральским материалам вводится понятие «археологическая культура». Исследователи рассматривали Урал как «промежуточную» территорию, расположенную между европейскими и азиатскими культурными очагами [Берс А., 1927, с. 4], противопоставляя ее западной (прикамской) и южной (андроновской) [Дмитриев, 1951, с. 28–93]. А.А. Берс, отмечая динамику в развитии зауральских культур, не видел их самобытности, рассматривал как

разные, часто не связанные образования, проникающие с других территорий или формирующиеся на месте. П.А. Дмитриев, напротив, отметив специфику культур Зауралья, не увидел динамики в их развитии. Эти подходы проявились в характеристике двух археологических культур, намеченных А.А. Берсом [1930, с. 43–48], – шигирской и андреевской. Первая, в развитии которой исследователь выделяет раннешигирскую (конец эпохи неолита – последние столетия III тыс. до н.э.) и андроновскую (1 400–1 100–800–700 гг. до н.э.) стадии, занимала территорию Среднего Зауралья. Восточный «отпрыск Шигиря» – андреевская культура, соотнесенная А.А. Берсом с угорской группой населения, по его мнению, продвинувшейся в Зауралье с территории Поволжья, была распространена в Тюменском Притоболье до первых столетий н.э.

Несколько иную точку зрения на содержание андреевской культуры высказал П.А. Дмитриев [1951, с. 82–86]. Отмечая значительное сходство с шигирской культурой, он ставит под сомнение ее существование как самостоятельного образования, датирует концом II тыс. до н.э. – VII в. до н.э.

Статья П.А. Дмитриева, посвященная шигирской культуре, подготовленная к печати в 30-х гг. XX в., когда археологические исследования на Урале только начинались, была опубликована лишь в 1951 г., когда наметилась тенденция пересмотра понятия и содержания «шигирская культура». Слабая на тот момент археологическая изученность территории привела к тому, что материалы разновременных памятников Шигирского торфяника П.А. Дмитриев объединил в одну культуру, ограничив время ее существования эпохой бронзы. Мезолитический и неолитический этап шигирской культуры остались им незамеченными.

Эти факты вызвали необходимость более детального изучения зауральского материала и, естественно, новое обращение к анализу археологических памятников Шигирского торфяника. Д.Н. Эдинг [1940а, с. 32–33] предложил отказаться от термина «шигирская» культура: она, по его

мнению, не опирается на единство вещевого комплекса, погребальных и иных сооружений, определена по многослойным памятникам.

Таким образом, в 20–40-х гг. XX в. совершенствуются методики раскопок торфяниковых стоянок, рассматриваются вопросы типологии и классификации вещевых комплексов, систематизации материалов. Предприняты попытки выделения и обоснования археологических культур, предложены первые этнические реконструкции. Однако, основываясь исключительно на слабо разработанных методах полевого исследования и типологического анализа, авторы не смогли расчленить археологический материал, не выделили разновременные комплексы.

К середине 50-х гг. XX в. в Среднем Зауралье были открыты и частично исследованы восемь торфяниковых памятников – IV и VI Разрезы, Стрелка, расположенные на Горбуновском торфянике; Анин остров, стоянки Язевская I и Язевская II на Шигирском торфянике; Разбойничий Остров на Карасьезерском торфянике и у мыса Елового на оз. Мелком. Большая часть этих стоянок и поселений существовала в эпоху неолита – бронзового века; в культурно-хронологических моделях 50–70-х гг. XX в. они являлись опорными комплексами.

В исследованиях начала 50–70-х гг. XX в. основной акцент сделан на пересмотре понятия «шигирская культура», вычлениении ее раннего субстрата, дифференциации материалов эпох неолита – железного века. Создаются первые схемы по периодизации и хронологии археологических памятников Зауралья; обосновывается специфика переходного периода от каменного к бронзовому веку.

А.Я. Брюсов [1952, с. 146–163] датировал шигирскую культуру эпохой неолита – бронзовым веком, III – серединой II тыс. до н.э. Подчеркивая ее самобытность, он отмечал и черты сходства с материалами сопредельных территорий – Южного Урала, Прикамья и Притоболья, сложившиеся в результате длительных контактов населения этих регионов. Большое количество

аналогий, порой тождество отдельных элементов, исследователь видел в культурах Южной Прибалтики и Среднего Зауралья начала – середины II тыс. до н.э., которое объяснял тесным взаимодействием их мезолитических и неолитических подоснов. Костяные вкладышевые орудия, игловидные наконечники и мелкозубчатые гарпуны Шигирской коллекции, по мнению А.Я. Брюсова [1951, с. 77], находят аналогии в материалах более древних, чем стоянки Горбуновского торфяника III–II тыс. до н.э., неолитических и мезолитических памятниках Нижнее Веретье, Пярну и Кунда.

Более светлая окраска кости, предполагал он, свидетельствует о том, что вещи обнаружены в сапропеле и, следовательно, относятся к более раннему времени. Темный цвет костяных орудий указывает на их обнаружение в торфе и более поздний возраст. Древнейшие типы костяных изделий Шигирского торфяника А.Я. Брюсов относил к VII–IV тыс. до н.э. и предполагал заселение севера европейской части России с Урала, а не с запада, как считалось ранее.

На основании анализа пыльцы и стратиграфии торфяникового разреза, а также радиоуглеродной даты пригара на сосуде стоянки Стрелка А.Я. Брюсов датировал этот неолитический, по его мнению, памятник концом IV – первой половиной III тыс. до н.э.

В начале 50-х гг. XX в. ряд археологических памятников эпохи неолита – раннего железного века, в том числе заторфованная часть рядом с писаницей у мыса Елового, исследованы Е.М. Берс [1951, с. 182–243]. Она систематизировала материалы горнолесного Зауралья, опубликовала археологическую карту окрестностей г. Свердловска, в том числе Шигирского торфяника, и каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея, в который вошла Шигирская коллекция [Берс, 1959, с. 29–38].

Е.М. Берс рассматривала западносибирскую андреевскую и среднезауральскую шигирскую (конец IV – середина II тыс. до н.э.) как самостоятельные культуры. Население первой, по ее мнению, в первой

половине II тыс. до н.э. проникает в Зауралье, что привело к исчезновению шигирской культуры, в которой она выделяет материалы эпохи неолита и бронзового века. Костяные изделия Шигирского торфяника, которые А.Я. Брюсов датировал мезолитом, по ее мнению, бытовали на Урале достаточно долго, до медного века [Берс, 1963, с. 31–32, 53].

В.М. Раушенбах исследовала ряд памятников, в том числе торфяниковых, в районе Нижнего Тагила, Аятского озера, Шигирского, Горбуновского и Карасьеозерского торфяников. Пересмотрела датировку шигирской культуры, разделив ее на шигирскую культуру эпохи мезолита – раннего неолита (?) и горбуновскую культуру эпохи неолита – бронзового века. Ранний этап горбуновской культуры отнесла к середине III – первой четверти II тыс. до н.э.; средний этап – ко второй-третьей четверти II тыс. до н.э.; поздний – к концу II – началу I тыс. до н.э.

Для раннего этапа шигирской культуры, по ее мнению, характерны вкладышевые, длинные игловидные и наконечники стрел шигирского типа, крупнозубчатые гарпуны. Поздний этап культуры характеризуется более короткими и менее тщательно выполненными наконечниками стрел, короткими гарпунами с зубцами средней величины, гарпунами с зарубками вместо зубцов и мелкозубыми. К шигирской культуре В.М. Раушенбах [1956, с. 60–63, 97, 100, 103, 105–106, 146–148] относил материалы разрезов 1906-го и 1911–1914 гг., памятники Новошигирского прииска и некоторые стоянки Курьинского прииска.

Полемизируя с А.Я. Брюсовым, она указывает на то, что цвет костяных предметов Шигирского торфяника зависит не столько от древности, сколько от вмещающего их слоя. Светлые типы сапропеля, окрашивающие кость в светлый цвет, могут лежать выше зеленовато-серых сапропелей, окрашивающих ее в темный цвет. Факт залегания костяных изделий в сапропеле, а не в торфе не свидетельствует о их древности, поскольку

сапрпель откладывается на Шигирском озере и в настоящее время. Поэтому цвет предметов не всегда может быть датирующим признаком.

В 1954-м и 1955 гг. В.М. Раушенбах [1961, с. 169–171] исследовала береговую мезолитическую стоянку Голый Камень, материалы которой, по ее мнению, находят большое количество аналогий в мезолитических стоянках Швеции. Шигирская культура, предполагает она, более древняя, чем производные от уральских прибалтийские культуры.

В.М. Раушенбах исследовала стоянки Язевская I и Язевская II, Анин остров, объединила их вместе с некоторыми памятниками Горбуновского торфяника и Среднего Зауралья в горбуновскую культуру. Последовательность ее трех этапов подтвердила стратиграфическими наблюдениями, а хронологические рамки – результатами анализов естественных наук. Палинологический, палеоботанический и палеозоологический анализы, проведенные по материалам некоторых памятников, позволили ей реконструировать палеоклимат и хозяйственный уклад населения Среднего Урала в эпоху мезолита – бронзового века [Раушенбах, 1956, с. 107–139]. Это было одно из первых комплексных исследований в отечественной археологической науке с применением методов естественных наук.

Однако В.М. Раушенбах не смогла в полной мере осуществить хронологическое разделение материала. Практически все исследованные памятники, за исключением VI Разреза Горбуновского торфяника, она считала однослойными.

Исследовательница предполагала существование на европейской и азиатской территории СССР в эпоху раннего неолита двух крупных племенных массивов – один, представленный в дальнейшем культурами ямочно-гребенчатой керамики льяловского типа; второй, приведший к сложению уральских и кельтеминарской культуры с гребенчатой керамикой. Учитывая точку зрения некоторых исследователей о том, что расселение населения с

гребенчатой орнаментикой керамики шло из Приаралья, она отмечает более древний по сравнению с кельтеминарской возраст шигирской культуры. Это приводит ее к заключению о том, что Урал и Западная Сибирь, а возможно и более южные области Казахстана вплоть до Аральского моря, могли явиться областью формирования культур с гребенчатой орнаментикой керамики [Раушенбах, 1956, с. 140–149].

По мнению Н.П. Кипарисовой [1960, с. 20–24], в посленеолитическое время на территории Среднего Зауралья бытовали две археологические культуры, имеющие общие корни в восточно-уральском неолите: аниноостровская (по названию стоянки Анин остров) и дмитриевская (по фамилии первого исследователя – П.А. Дмитриева). Аниноостровскую культуру, тождественную одному из этапов горбуновской культуры, по В.М. Раушенбах, она локализовала в северных районах Зауралья. Дмитриевская культура, по ее мнению, занимает южную часть Среднего Зауралья, область ее распространения, за исключением северной границы, совпадает с территорией шигирской культуры. Первый этап дмитриевской культуры начала II тыс. – XIV в. до н.э. связан с развитием местного субстрата. Второй – с продвижением к северу андроновских племен.

Наиболее древними памятниками Зауралья, по мнению В.Н. Чернецова [1968, с. 41–53], являются бескерамические комплексы с макролитическим инвентарем, находящим аналогии в мезолитических культурах Алтая, Енисея и Ангары. Проникновение в этот регион южного населения с микролитическим каменным инвентарем приводит к формированию памятников Шигирского торфяника.

В.Н. Чернецов предложил схему развития зауральского неолита (вторая половина V–IV тыс. до н.э.) с тремя преемственными фазами развития: козловской, юрынско-горбуновской и чэстыйягской. Он отмечал сходство декоративных композиций, техники орнаментации козловской культуры и памятников кельтеминарского типа, обращал внимание на близкий характер их

кремневого инвентаря, особенно наконечников стрел с боковой выемкой (кельтеминарского типа), некоторых видов геометрических микролитов, микропластин. Предполагал ранненеолитический возраст тех типов костяных изделий, которые В.М. Раушенбах относил к мезолиту. Материалы стоянки Стрелка и других горбуновских комплексов послужили основой для выделения юрьинско-горбуновского этапа уральского неолита.

Неолитические культуры лесного Зауралья, по мнению В.Н. Чернецова, входят в обширную этнокультурную общность, включающую культурные образования Средней Азии, Южного и Среднего Зауралья, сложившуюся на общей мезолитической подоснове. Переход к эпохе металла характеризовался не какими-то специфическими чертами, а лишь соотношением исчезающих архаических и появляющихся новых признаков. Он предполагал, что разделение уральской общности на западную – прафинно-пермскую и восточную, с которой связывал урало-сибирскую этнокультурную общность, праугорскую и самоедскую ветви – произошло в эпоху мезолита. В конце неолита единство материальной культуры ареала ослабевает, а археологические материалы подтверждают существование в этот период двух субареалов – западного, связанного с предками угорских народов, распространенного от Урала до Иртыша, и восточного – с самоедским этносом – от Оби до Енисея. Распад уральской общности произошел около 4 000 л. до н.э., финно-угорской – 3 000–2 500 л. до н.э. [Чернецов, 1973, с. 10–14].

К.В. Сальников [1952, с. 29–47; 1967, с. 3–6] включал зауральские культуры в круг неолитических образований лесной зоны Восточной Европы, позднее – в Приаральско-Западносибирскую культурно-историческую общность. Он относил археологические памятники эпохи неолита – бронзового века Среднего Зауралья сначала к шигирской, а позднее – к горбуновской культуре, сформировавшейся на основе Урало-Казахстанской общности эпохи неолита. В эпоху энеолита (начало (?) – середина

II тыс. до н.э.) в Зауралье из южных районов проникло родственное по неолитической подоснове боборыкинское население.

Исследователь сформулировал ряд научных концепций, некоторые положения которых востребованы до сих пор [Сальников, 1964, с. 5–23]. Он наметил существование Урало-Казахстанской историко-культурной области, в которую включил зауральские, приуральские, западносибирские, казахстанские и среднеазиатские культуры. Отмечая наличие специфических черт в культуре населения этих областей, подчеркивал схожесть орнаментальных узоров в декоре посуды, объяснял это их этнической близостью. Мнение исследователя созвучно представлениям ряда современных авторов о выделении в этом регионе круга родственных культур, культурно-исторической области эпохи раннего металла. На территории лесной зоны Среднего Зауралья К.В. Сальников [1962, с. 16–58] локализовал чебаркульскую, в лесостепном Зауралье – боборыкинскую культуру рубежа III–II тыс. до н.э.

В середине II тыс. до н.э. в местной среде формируется коптяковская культура [Сальников, 1967, с. 363–364]. Сложение черкаскульской культуры в лесном Зауралье К.В. Сальников связывал с генезисом местных культур, а элементы сходства с синхронной (XVIII–XVI вв. до н.э.) федоровской объяснял родственностью их подоснов – культур эпохи неолита и энеолита урало-казахстанской культурно-исторической общности. Несколько противоречивы его взгляды на соотношение коптяковских и черкаскульских комплексов. В декоре керамики первых, более ранних, он отмечал большее количество энеолитических элементов [Сальников, 1964, с. 5–23].

О.Н. Бадер [1970, с. 151–177] придерживался уральско-камской концепции формирования уральской общности, начальный этап которой относил к эпохе мезолита. В неолите, в III тыс. до н.э., произошло ее разделение на восточно-уральскую – угорскую – и западно-уральскую – пермско-финскую. Уральские неолитические культуры, по его мнению, сформировались на местной мезолитической основе, но под воздействием южных культур. О.Н.

Бадер предложил переименовать горбуновско-юрьинский и чэстыйягский этап неолита по В.Н. Чернецову в полуденский и сосновоостровский.

Л.П. Хлобыстин [1976] предполагал наличие генетической связи между коптяковской (XV–XIV вв. до н.э.) и черкаскульской (с XIV в. до н.э.) культурами. Первая, по его мнению, сформировалась в результате продвижения и ассимиляционного воздействия на местную аятскую культуру раннеалакульского населения, продвинувшегося с территории северо-западного Казахстана в лесное и лесостепное Зауралье в XVI–XV вв. до н.э.

Таким образом, в 50–70-х гг. XX в. существенно расширился фонд источников по истории Зауралья. Одним из основных итогов явилось вычленение культур эпохи раннего металла из совокупного археологического материала. Однако по-прежнему актуальными оставались вопросы культурогенеза, периодизации и хронологии культур. Произошло уточнение содержания, а затем и пересмотр понятия «шигирская культура». В.М. Раушенбах подразделяет ее на шигирскую культуру эпохи мезолита – неолита и горбуновскую позднего неолита – бронзового века. Однако выделение горбуновских комплексов по смешанным памятникам привело к нечеткости их характеристик. И, как следствие, Н.П. Кипарисова пытается ввести новые дефиниции – аниноостровскую и дмитриевскую культуры эпохи энеолита – раннего бронзового века, в технике орнаментации керамики намечает «гребенчатую» и «гребенчато-отступающе-накольчатую» стадии. Предложенные названия культур были неудачными, поэтому оказались невостребованными и в последующих работах не использовались.

В.Н. Чернецов и О.Н. Бадер наметили три этапа в развития восточно-уральского неолита. Точки зрения исследователей варьируют в названиях и признаках содержания фаз. В.Н. Чернецов в 50-х гг. XX в. дал характеристику энеолитического этапа Зауралья и Тюменского Притоболья. Позднее О.Н. Бадер назвал заключительную фазу восточно-уральской неолитической общности липчинской и отнес ее к энеолиту. Эпоха неолита в Зауралье, по В.Н.

Чернецову, заканчивается в конце III тыс. до н.э. – 2 200 г. до н.э., по О.Н. Бадеру, – в третьей четверти III тыс. до н.э.

Начало 80-х гг. XX в. знаменуется целенаправленными исследованиями различных археологических культур и эпох региона. В 1977-м и 1978 гг. Ю.Б. Сериков [1984, с. 102–114] открыл пять новых торфяниковых стоянок на Горбуновском, а в 1979–1982 гг. – семь памятников на Кокшаровском торфянике. Одна из них – Кокшаровско-Юрьинская – была исследована раскопками [Сериков, 1992, с. 131–147]. В 1981 г. он выявил две новые торфяниковые стоянки на Шигирском торфянике. В.Ф. Старков [Старков, Хотинский, Алексащенко, Калинина, 1979, с. 624; Старков, 1980б, с. 172–173] возобновил раскопки VI Разреза.

В этот период меняются представления о характере эпохи палеолита и мезолита Зауралья. В.Т. Петрин, сравнивая шигирские вкладышевые изделия с костяными кинжалами стоянки Чернозерье II, предположил палеолитический возраст некоторых изделий Шигирской коллекции [Петрин, Сосновкин, 1976, с. 3–20]. Несколько трансформируются и взгляды О.Н. Бадера [1977], который отказался от представлений о макролитическом характере зауральского мезолита, предполагает его местный генезис и допускает внедрение на его позднем этапе культурных элементов с юга.

В.Ф. Старков [1980а] наметил периодизацию археологических культур Зауралья, в том числе по материалам Горбуновского и Шигирского торфяников. Восточноуральская неолитическая культура, по мнению исследователя, сложилась на основе мезолитической общности, распространенной в лесной и лесостепной зоне Зауралья, Западной Сибири и Приуралья. Поздний неолит (памятники сосновоостровского типа) он датировал первой половиной III тыс. до н.э.; эпоху энеолита (липчинская культура) – второй половиной III тыс. до н.э., ранний бронзовый век (аятская культура) – началом II тыс. до н.э.

Особенности археологического изучения Среднего Зауралья в 70–80-х гг. XX в. проявились в специализированных исследованиях всех археологических эпох, в комплексном рассмотрении проблем культурогенеза и хронологии, реконструкции социально-экономических и этнических аспектов. Своеобразным итогом стало разделение энеолитического – раннебронзового, по В.Н. Чернецову, комплекса на энеолитические – липчинский, шапкульский, андреевский – и неолитический – боборыкинский. Липчинские комплексы определяются исследователями различными дефинициями: культура, этап, тип керамики, который атрибутируется одними как накольчато-отступающий и гребенчатый, другими – как накольчато-отступающий, или ложношнуровой, тип.

Многопрофильные исследования культурогенеза, этнической истории, хозяйственных структур и искусства населения Урала и Западной Сибири эпохи энеолита – бронзового века принадлежат М.Ф. Косареву [1981; 1984; 1987а; 1987б; 2003]. Заключительную стадию эпохи неолита восточного Зауралья исследователь рассматривает в рамках сосновоостровского этапа, трансформация культуры которого привела к сложению аятской культуры, аятского типа посуды с «развитым гребенчатым геометризмом», элементами андронидной орнаментальной традиции. Несколько иначе, чем предыдущие исследователи, М.Ф. Косарев [1987а, с. 256–259] трактует липчинскую культуру, посуда которой, по его мнению, декорирована ложно-шнуровой (накольчато-отступающей) техникой, находящей аналогии в керамике новокусковского типа юго-восточных районов Западной Сибири. Признавая вслед за В.Ф. Старковым наличие некоторого числа гребенчатой керамики моршининского типа в липчинских комплексах, М.Ф. Косарев указывает на значительное сходство последней с южноуральской суртандинской керамикой. Он не исключает возможность формирования липчинской культуры на территории Нижнего Притоболья при участии суртандинских и родственных им групп населения, пришедших из юго-восточных районов Западной Сибири.

Коптяковскую культуру исследователь рассматривал как новый этап развития традиций гребенчатого геометризма, включил в самусьско-сейминский этап. Период ее бытования определяется, с одной стороны, генетической близостью с аятской, с другой – с черкаскульской (не ранее XIII в. до н.э.) и федоровской культурой – XVI–XIV или XVI–XIII вв. до н.э.

М.Ф. Косарев [1987б, с. 268, 269] синхронизировал коптяковскую и абашевскую (баланбашскую) посуду, не исключал одновременность бытования ранней коптяковской и петровской (ранней алакульской) керамики Северного Казахстана.

В 90-е гг. XX в. рассматривалось несколько возможных вариантов неолитизации территории Зауралья. По версии некоторых исследователей, сложение ранненеолитических культур происходило в V тыс. до н.э. на основе местного мезолита под влиянием культур южных регионов. В.Т. Ковалева [1989] предполагает существование на территории Зауралья в раннем неолите автохтонной козловской и сформировавшейся при инфильтрации южного населения в местную среду кошкинской группы памятников, которая вместе с притоком нового населения из южных областей послужила основой формирования боборыкинской культуры. Автохтонная линия в позднем неолите представлена, по ее мнению, памятниками полуденковского типа, бытовавшими в IV тыс. до н.э., на позднем этапе – сосновоостровскими комплексами. Местные и мигрировавшие группы в основном оставались гомогенными, контакты и взаимодействия носили ограниченный характер и не приводили к сложению новых культур [Ковалева, 1989].

По мнению Е.Н. Волкова [1999, с. 10–13], один из компонентов козловских древностей генетически связан с местным мезолитом, второй – с кельтеминарским суперстратом, привнесшим идею керамического производства. Появление в Среднем Зауралье сосновоостровских комплексов, возможно, связано с миграциями носителей гребенчатого орнаментального стереотипа из Прикамья и Южного Урала. Их проникновение, вероятно, шло

параллельно с миграцией боборыкинских групп населения, генетические корни которых следует искать на территории Северного Казахстана. К раннему неолиту Е.Н. Волков относит памятники козловской культуры, к позднему – кошкинские, боборыкинские, сосновоостровские и полуденковские комплексы.

Иная модель неолитизации Тоболо-Ишимского междуречья и Западной Сибири предложена В.А. Захом [2005, с. 60–70]. По его мнению, в конце бореального – начале атлантического периода голоцена в лесостепное и горно-лесное Зауралье, лесостепное Приишимье и Прииртышье с территории Северного Прикаспия и Приаралья проникают и приносят традицию керамического производства носители накольчато-прочерченной орнаментальной традиции – праиндоевропейское боборыкинское население. В результате взаимодействия пришлого и местного компонентов формируются комплексы с хронологически наиболее ранней местной гребенчатой орнаментальной традицией. Дальнейшее взаимодействие нашло отражение в формировании кошкинских и козловских комплексов; процесс ассимиляции мигрантов фиксируется в формировании симбиозной полуденской культуры.

Дискуссионными остаются вопросы расположения «исходного» ареала боборыкинской культуры, пути, механизмы, причины проникновения этого населения на территорию Зауралья. Заслуживает внимания тяготение аналогий отдельных элементов культуры к материалам памятников Северного Прикаспия и Приаралья, возможно Кавказского Причерноморья [Ковалева, Зырянова, 2010].

Л.Л. Косинская [2001, с. 61–71; 2002, с. 215–223] включает неолитические культуры и культурные типы Урало-Западносибирского региона в одну культурную общность, предполагая, что понятие гребенчатой и прочерченно-накольчатой традиций характеризует скорее тенденцию развития нео- и энеолитической орнаментации. К концу неолита они в определенной степени обособились, чего нельзя сказать о ранне-неолитических комплексах, к которым она относит северные памятники с плоскодонной керамикой (амнинские,

сумпаньинские, боборыкинские, вероятно, сатыгинские), синхронизирует барсовогорские и полуденские памятники. Отмечая сходство ранненеолитической посуды Урала и Западной Сибири с комплексами некоторых культур центральной и северо-восточной части Европейской России, Л.Л. Косинская [2002, с. 215–223] объясняет этот факт одинаковыми процессами неолитизации лесных культур Евразии. Миграционный механизм она допускает только для боборыкинской культуры.

В конце XX – начале XXI вв. исследован целый ряд археологических памятников, в том числе торфяниковых, – Шувакиш I, Разбойничий Остров, Шигирское А, Шигирское городище, послуживших основой культурно-генетических реконструкций и хронологии эпохи энеолита – раннего бронзового века Зауралья.

Констатируя наличие ряда общих признаков в культурах региона, прежде всего в технике орнаментации посуды, в композиционном построении узора, общих типах орудий, исследователи приходят к выводу о существовании на восточном склоне Урала, прилегающих районах Западной Сибири и Северного Казахстана культурно-исторической области (КИО) эпохи энеолита [Чаиркина, 1993; Шорин, 1999].

Модели формирования энеолитических культур Зауралья рассмотрены в работах Н.М. Чаиркиной [1995; 2005]. Начало эпохи энеолита Среднего Зауралья маркируют материалы выделенной автором шувакишской археологической культуры и липчинского типа памятников. Субстратная основа для формирования шувакишской культуры, бытовавшей в Зауралье во второй половине IV – начале (середине) III тыс. до н.э., в автохтонной неолитической среде отсутствует. Большое количество аналогий материалы этой культуры находят в комплексах новоильинской, раннеборской и поздней верхневолжской археологических культур.

Формирование липчинских комплексов произошло на рубеже эпохи неолита и раннего металла, в местной среде. Элементы липчинской

орнаментики присутствуют в неолитической керамике кокшаровско-юринского и боборыкинского типов. Во второй половине IV – начале III тыс. до н.э. на территории Зауралья происходило взаимодействие и сосуществование групп населения с посудой липчинского и шувакишского типов, что привело к формированию аятской археологической культуры.

Вопросы формирования энеолитических культур Зауралья рассмотрены В.Т. Ковалевой и Т.Ю. Клементьевой [2004, с. 12–22]. Липчинская культура, по их мнению, сформировалась не на местной основе, а, вероятно, в результате инфильтрации отдельных групп населения, возможно, – Северо-Восточного Прикаспия.

Генезис шувакишского типа памятников они связывают с инфильтрацией южноуральского населения. Проникновение в лесное Зауралье в начале III тыс. до н.э. нового населения стало импульсом, под воздействием которого происходит формирование аятской культуры, субстратной основой которой явилась культура сосновоостровского типа.

Археологические культуры и культурные типы памятников эпохи энеолита Урала явились темой исследований А.Ф. Шорина [1999]. По мнению исследователя, в эпоху позднего энеолита на Урале произошло оформление культурно-исторической зоны культур гребенчатой керамики: восточной – Зауральско-Казахстанской КИО с гребенчатой геометрической традицией орнаментации посуды, связанной, возможно, с генезисом угорской языковой группы, и западной – Поволжско-Приуральской волосовско-гаринской, финно-пермской.

В работах 1990–2000-х гг. предложены культурно-генетические схемы развития зауральских культурных образований бронзового века. А.Ф. Шорин [1988; 1999] предполагает бытование коптяковских комплексов в Зауралье в конце второй четверти – середине II тыс. до н.э. в пределах сейминско-турбинского, абашевского и синташтинско-петровского хронологических горизонтов, несколько ранее черкаскульской культуры. Формирование

коптяковской культуры он связывает с зауральскими энеолитическими и раннебронзовыми образованиями, прежде всего аятской, в среде которой оформляется андроновидная орнаментальная традиция. Исследователь предполагает наличие культурно-хронологического пласта, разделявшего собственно аятские и коптяковские, черкаскульские и федоровские комплексы. В сложении коптяковской культуры, помимо лесного гребенчатого компонента, определенную роль, по его мнению, сыграли импульсы, исходящие из юго-лесной и лесостепной зоны Евразии, из среды синташтинско-петровских и абашевских групп населения. Немногочисленные бронзовые изделия, вероятно, из коптяковских комплексов имеют самусьско-сейминские параллели. Коптяковская орнаментальная традиция не получила дальнейшего развития и была, видимо, поглощена родственной, но отличной черкаскульской культурой.

В.Д. Викторова [1999, с. 49–54] выделяет два этапа в развитии коптяковской культуры. Для сосудов более раннего варианта характерен плоский венчик, профилировка горшковидной формы, переход от высокой шейки к тулову обозначен ребром. Реже встречаются небольшие сосуды баночной формы. Емкости украшались только штампованием, прокатыванием и уголком гребенчатого штампа. Узоры на шейке в виде меандра, «зиккурата», креста имеют, по мнению В.Д. Викторовой, южные аналогии, а композиции на сосудах свидетельствуют о взаимоассимиляции разных групп населения. В композициях некоторых (ритуальных?) сосудов сохраняются изображения водоплавающей птицы.

У сосудов второго, вероятно более позднего, варианта исчезает ребро, шейка плавно переходит в тулово. В их орнаментации, наряду с отпечатками гребенчатого штампа, используются прочерченные линии. Пояски уголковых вдавлений отсутствуют или нанесены небрежно; изображения «уточек» стилизованы [Викторова, 1999, с. 49–54].

М.Ф. Обыденов и А.Ф. Шорин [1995, с. 44–51] предполагают генетическую связь черкаскульской и зауральских культур эпохи энеолита –

раннего бронзового века, прежде всего, аятской. В последней они видят начальные этапы формирования андроновидной традиции гребенчатого геометризма, послужившего основой коптяковского, черкаскульского и отчасти федоровского орнаментального комплекса. Предполагают сложение керамических комплексов этих образований на единой основе, из посуды с так называемым нерасчлененным декором, сочетающим элементы всех трех орнаментальных схем. Коптяковский, сложившийся несколько раньше, и черкаскульский орнаментальный комплексы, по их мнению, родственны по своей подоснове, но генетически не связаны между собой. В XVI–XV вв. до н.э. в Зауралье фиксируются предчеркаскульские и, вероятно, коптяковские комплексы (в том числе, VI Разрез Горбуновского торфяника).

Период бытования черкаскульской культуры исследователи определяют XV–XII вв. до н.э., выделяют раннечеркаскульский (XV–XIV вв. до н.э.) и позднечеркаскульский (XIII–XII вв. до н.э.) этапы с тремя локальными вариантами, в том числе северным – кокшаровским с поселениями Кокшарово I, Юрьино IV, Кокшаровско-Юрьинская, VI Разрез Горбуновского торфяника.

В межовской орнаментике резко возрастает роль елочки и валиков, наблюдается преимущественное использование резной техники при сохранении основных элементов и гребенчатого штампа черкаскульского комплекса. По мнению исследователей [Обыденов, Шорин, 1995, с. 96–103], межовская культура генетически связана с черкаскульской, но на ее формирование, особенно на территории Среднего Зауралья, оказал влияние нижнетобольский компонент (сузгунцы и их потомки), особенно сильно проявившийся в позднечеркаскульское время на памятниках северного, кокшаровского, варианта. Межовская культура, включающая межовский (XII–IX вв. до н.э.) с пятью локальными вариантами (в том числе – кокшаровским) и березовский (VIII–VII вв. до н.э.) этапы, очерчивается временем от XII – до начала VII вв. до н.э.

Заключительный этап позднего бронзового века горно-лесного Зауралья, по А.Ф. Шорину и М.Ф. Обыдену, характеризует межовско-березовский комплекс, поздний – березовский – этап которого совпадал с экспансией северных гамаюнских и южных сарматоидных групп населения. В горно-лесной части Зауралья около VII в. до н.э. происходит переоформление межовско-березовского комплекса в иткульский раннего железного века, который на ранних этапах испытывал влияние со стороны гамаюнских групп, что привело к формированию смешанных иткульско-гамаюнских комплексов [Обыден, Шорин 1995].

Таким образом, особенности археологического изучения Зауралья конца XX – начала XXI вв. проявились в комплексном рассмотрении вопросов культурогенеза, хронологии, реконструкций материальной и духовной культуры. В этот период была разработана методика поиска и раскопок торфяниковых памятников; открыт и исследован целый ряд новых стоянок и поселений.

Деревянная и костяная скульптура Шигирского и Горбуновского торфяников рассматривалась в ряде работ, посвященных духовной культуре древнего уральского населения [Эдинг, 1937, с. 133–145; 1940б, 49–61; Мошинская, 1976]. Упоминание, описание или краткий анализ этих материалов присутствует в отдельных тематических публикациях или в работах общего характера.

Историографический обзор сложившихся к 40–50 гг. XX в. точек зрения различных исследователей на причины широкого распространения древнего искусства на территории Евразии и явного сходства зауральской и восточноевропейской скульптуры приведены в работе В.И. Мошинской [1976, с. 16–22]. В начале XX в. многие исследователи (Ю. Айлио, У. Сирелиус, А. Европеус) черты сходства зауральских и финских деревянных скульптур, традиционно относимых к эпохе неолита (археологический контекст не всегда был очевиден), объясняли проникновением на запад восточных групп

населения или наличием тесных связей между этими регионами. Эти представления отчасти подтверждались фактами изготовления некоторых деревянных изделий, обнаруженных на территории Финляндии, из сибирского кедра, который не был здесь распространен.

Иная точка зрения – о продвижении традиции изготовления деревянной скульптуры с запада на восток – высказана Э. Штурмсом [Sturms, 1948, p. 362–364]. На поселении Сарнате, которое он исследовал, были найдены деревянные ковши с орнитоморфными рукоятями, изготовленные из местных древесных пород. Эти изделия Э. Штурмс относил к комплексу культур гребенчатой керамики, традиции которой, по его мнению, распространялись с запада на восток. В зауральских скульптурах, имеющих явные аналогии в материалах Восточной Прибалтики, он видел «деградированный» вариант этой культуры.

А.Я. Брюсов [1952] и В.М. Раушенбах [1956] черты сходства зауральской и восточноевропейской, прежде всего, прибалтийской скульптуры объясняли связями населения этих территорий, развивавшимися на общей основе.

По мнению Г. Йессинга, для изобразительного искусства огромной территории, от Норвегии до Прибайкалья, был характерен специфический северный «евразийский анималистический» стиль, центром формирования и распространения которого был Урал.

Д.Н. Эдинг [1940б] не рассматривал уральскую скульптуру как изолированное и обособленное явление, а предполагал развитие этого анималистического искусства в среде охотников на значительной части лесной полосы Евразии и его участие в сложении скифского звериного стиля. Деревянную и роговую скульптуру, обнаруженную на уральских торфяниках, Д.Н. Эдинг [1940б] разделил на «художественные произведения» и «ремесленные изделия». Эта позиция исследователя была подвергнута критике В.В. Гольмстен [1946, с. 168–172], которая, соглашаясь с культовым назначением скульптуры, предполагала, что стиль изображений, в первую очередь, определяется различием их функции и семантики.

В работах 40–80-х гг. XX в. рассматривались вопросы, связанные с возможностью использовать для анализа зауральской деревянной и роговой скульптуры этнографический материал. Данные угорской этнографии привлекались Д.Н. Эдинггом [1937], С.В. Ивановым [1970] и В.Н. Чернецовым [1971], которые отмечали консерватизм культуры обских угров, проявившийся в изобразительном искусстве и культовой скульптуре.

Особенно аргументирован и обоснован этот подход в работе В.И. Мошинской [1976], рассмотревшей распространение древней скульптуры и мелкой пластики, выполненной из различных материалов, в Зауральско-Западносибирском регионе. На этой территории Среднее Зауралье, по ее мнению, занимает особое положение, проявившееся в наличии здесь большого количества всех категорий объемных изображений от эпохи неолита до раннего железного века. К эпохе бронзы она отнесла все скульптурные изображения Горбуновского торфяника, к раннему железному веку – некоторые скульптуры Шигирской коллекции – ложку и Большого Шигирского идола; возможно, к более позднему времени – Шигирскую антропоморфную голову. В изделиях эпохи бронзы и раннего железного века В.И. Мошинская видела сохранение традиций, присущих изобразительному искусству лесной полосы Урала и Западной Сибири эпохи неолита, а возможно, и более древних эпох. Своеобразная трактовка черт лица антропоморфной скульптуры крупными срезами, передача щек и глаз одной плоскостью возникла, по ее мнению, в деревянных изделиях и была перенесена на другие материалы, характерна она и для антропоморфных изображений народов Северной Сибири. Эта манера, вероятно, конвергентно и довольно рано возникла в разных районах лесной зоны от Прибайкалья до Северной Европы.

В Зауральско-Западносибирском регионе известны зооморфные (преимущественно лоси и медведи), орнитоморфные (в основном водоплавающие птицы) и антропоморфные изображения, частота и детали изображений, материал, из которых они изготовлены, а также сфера

применения изделий существенно различаются в разных локальных районах. По мнению В.И. Мошинской, зауральская скульптура имеет мало общего с изображениями Восточной Сибири и обнаруживает большее количество сопоставлений с материалами средней полосы России и, особенно, Восточной и Северной Европы [Мошинская, 1976].

Таким образом, материалы торфяниковых памятников с первых лет исследования становятся одним из основных источников для построения культурно-генетических моделей, реконструкции хозяйственных структур и духовной культуры древних обществ Урала.

ГЛАВА 2. ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ

2.1. Культура населения эпохи мезолита, хронология эпохи

На территории лесного Зауралья известно более 150 мезолитических памятников. Подавляющее большинство из них – стоянки, расположенные на минеральных грунтах, культурные слои которых часто смешаны с материалами других эпох. Радиоуглеродные даты, полученные по этим материалам, немногочисленны; спорово-пыльцевые анализы минеральных разрезов не проводились. Значительный вклад в изучение мезолита Зауралья внес Ю.Б. Сериков [2000], который открыл и исследовал большинство береговых и часть торфяниковых памятников этой эпохи в регионе, выделил среднезауральскую мезолитическую культуру, рассмотрел проблемы ее происхождения и хронологии, наметил специфику каменного и костяного инвентаря. Наличие на памятниках каменных шлифованных рубящих орудий и радиоуглеродная дата 470 ± 80 (ЛЕ-2060) л.н. или 5 510–5350 гг. до н.э. с Кокшаровско-Юрьинской I торфяниковой стоянки, связанная, по мнению исследователя, с мезолитическим слоем, привели автора к выводу, что практически все среднезауральские мезолитические памятники относятся к позднему мезолиту, а полученная дата фиксирует конец мезолита – начало неолита [Сериков, 1992, с. 146; 2000, с. 70–72]. В последнее десятилетие целенаправленные поиски и исследования мезолитических торфяниковых памятников на территории Зауралья проводят М.Г. Жилин и С.Н. Савченко [2010а; 2010б; 2010в; 2010г; Жилин и др., 2012]. В результате этих работ впервые открыты многослойные торфяниковые памятники, на которых культурные слои раннего, среднего и позднего мезолита, раннего неолита с хорошей сохранностью органических материалов разделены стерильными прослойками. Получены серии радиоуглеродных дат,

выполнен палинологический анализ ряда опорных разрезов, проведены комплексные реконструкции природной среды и всесторонний анализ всех категорий инвентаря с привлечением круга широких аналогий в комплексах памятников Восточной Европы и Сибири. Большое количество изделий из кости и рога, в том числе серия разнообразных орудий мезолитического облика, есть в Шигирской коллекции. Материалы этих исследований и коллекций легли в основу предлагаемого раздела работы.

Культурные слои эпохи мезолита зафиксированы на семи торфяниковых памятниках Зауралья (т. 2, прил. 1): Кокшаровско-Юрьинской I, Кокшаровско-Юрьинской II, Кокшаровско-Юрьинской III, Кокшарово I (болотной), Береговой I (торфяниковой) и Береговой II (торфяниковой), Сером Камне (торфяниковой). Вероятно, они присутствуют на Кокшарово VII (болотной), Юрьинской (болотной), Кокшаровско-Запроточной VI (болотной), в заболоченной части стоянки Скворцовская гора II. На поселении Шувакиш I слои эпохи мезолита зафиксированы на береговой части памятника, но не обнаружены на заболоченной площадке.

Четыре многослойные торфяниковые стоянки, содержащие, в том числе, культурные слои эпохи мезолита, исследованы раскопками – Кокшаровско-Юрьинская I, Кокшаровско-Юрьинская II [Сериков, 2007а, с. 99–114; Жилин и др., 2012] и Береговая I и II (торфяниковые) стоянки [Жилин, Савченко, 2010а, с. 169–181; 2010б, с. 25–27; 2010в, с. 30–42; Косинская, 2010, с. 31, 32; Жилин и др., 2012; Жилин, Савченко, 2014, с. 20–24]. Мезолитические комплексы содержат изделия из камня, кости и рога, дерева, волокнистых материалов, костные остатки животных.

Каменная индустрия. В заторфованной части Кокшаровско-Юрьинской I и Кокшаровско-Юрьинской II стоянок (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 4, 5, 13–15) обнаружены торцовые, призматические и конические нуклеусы. Среди пластин преобладают изделия шириной до 1 см, присутствуют пластины с ретушью, расположенной по краям, на торцовом и скошенном конце. Почти все резцы

выполнены на углах пластинок, присутствует серия симметричных острий на пластинах, есть единичные трапеции.

На отщепах изготовлены скребки различной формы и долотовидное орудие, найдено два шлифованных тесла, несколько заготовок и обломков шлифованных орудий, шлифовальные плиты и отбойники [Жилин и др., 2012, с. 37–40, 69–83].

Малочисленность выборки каменного инвентаря Береговой II (торфяниковой) стоянки (т. 2, прил. 1; 4 см. рис. 77) пока не позволяет наметить типологические и технологические различия каменных индустрий трех этапов мезолита, культурные слои которых выделены на памятнике. В мезолитических слоях присутствуют продукты первичной обработки кремнистых пород до стадии нуклеуса, немногочисленные пластинки, в том числе со вторичной обработкой, скребки на отщепах. Во всех выборках преобладают продукты обработки туффов, связанных с изготовлением крупных рубящих орудий. Найдены заготовки и немногочисленные законченные шлифованные орудия, шлифовальные плитки. В среднем мезолитическом слое обнаружен обломок сверленной каменной подвески и несколько грузил – куски камня без обработки, с обмоткой из растительных материалов [Косинская, 2010, с. 31–32].

Каменный инвентарь рассмотренных выше торфяниковых памятников в целом соответствует признакам каменной индустрии среднезауральской мезолитической культуры, среди отличительных признаков которой исследователи [Сериков, 2000, с. 97–115] отмечают наличие торцовых, призматических нуклеусов и их вариаций; широкое использование микролитической пластинчатой техники. На пластинах изготовлены все основные типы орудий – вкладыши, резцы, резчики, острия, скобели, наконечники стрел. На отщепах – в основном скребки и ретушеры. Ширина почти всех пластин не более 1 см, наибольшее распространение имели пластины шириной 0,5–0,8 см. Вторичную обработку в виде краевой ретуши, расположенной по краям, торцовым, скошенным или вогнутым концам, имеют до 13 % пластин. Довольно много резцов, изготовленных на углу пластин, и

резчиков с клювовидным, прямым или скошенным краем; острий немного. Специфическими чертами каменной индустрии эпохи мезолита Среднего Зауралья, реконструируемыми, прежде всего, по материалам береговых памятников, являются наличие боковых резцов, присутствие скребков нуклевидной формы и из расколотых нуклеусов, на плитках. Практически во всех комплексах есть шлифованные орудия. Все наконечники стрел – листовидные, черешковые, с намеченным черешком, вытянутые и укороченные – изготовлены на неполно ретушированных пластинах.

Геометрические микролиты представлены несколькими типами – симметричные или асимметричные трапеции, прямоугольники и параллелограммы; высокие симметричные или слегка асимметричные трапеции с боковыми выемками; низкие вытянутые асимметричные трапеции с одной боковой выемкой; низкий асимметричный треугольник [Сериков, 2000, с. 97–115]. На торфяниковых памятниках обнаружены единичные трапеции и прямоугольники [Жилин и др., 2012].

По мнению исследователей [Савченко, 2005, с. 229; Чаиркин, Жилин, 2005, с. 252–273; Савченко, 2011а, с. 35], уже в раннем мезолите Среднего Зауралья отжимная техника достигла высокого уровня. В качестве вкладышей использовались медиальные сечения микропластинок без вторичной обработки. Лишь небольшая часть пластин-вкладышей подвергалась ретушированию.

Однако очевидно, что рассмотренные комплексы торфяниковых памятников не исчерпывают всего разнообразия типов и категорий каменного инвентаря, присущих эпохе мезолита региона. В этой связи интересно сопоставление каменных комплексов береговых и торфяниковых памятников Юрьинского озера, проведенных исследователями [Жилин и др., 2012, с. 83–85]. Базовым долговременным береговым поселением здесь является Юрьино VII, сезонной стоянкой – Кокшарово XIII [Сериков, 2000, с. 97–115]. Все типы каменных изделий Кокшаровско-Юрьинской II стоянки представлены на других памятниках, близким или одинаковым является и сырье [Сериков, 1992,

с. 131–147; 2000, с. 97–115]. Существенные различия выявляются при сравнении состава каменного инвентаря этих комплексов [Жилин и др., 2012]. На Кокшаровско-Юрьинской II стоянке меньше отщепов, но выше доля категорий, связанных с первичной обработкой сырья и утилизацией нуклеусов. Выборка пластин демонстрирует обратную тенденцию. Особенностью комплекса торфяниковой Кокшаровско-Юрьинской II стоянки является большое количество орудий, по сравнению с другими категориями, и использование отщепов в качестве орудий без вторичной обработки; нет орудий для обработки шкур, много вкладышей.

Близкое соотношение категорий и групп каменного инвентаря характерно и для мезолитического слоя торфяниковой Кокшаровско-Юрьинской I стоянки. Доля пластин в выборке здесь несколько выше, а отщепов – ниже, чем на Кокшаровско-Юрьинской II стоянке, высока доля орудий с вторичной обработкой, нуклеусов и продуктов их утилизации. Близок и состав орудийного набора. Найдено много обломков шлифованных орудий, абразивных плит, грузил из плиток [Сериков, 1992, с. 131–147; Жилин и др., 2012].

Особенности структуры, состава и количества каменного инвентаря мезолитических слоев, возможно, объясняются функциональной спецификой заторфованных участков, по которым осуществлялись выход к воде и минимальная производственная деятельность, связанная с рыболовным промыслом, обработкой деревянного и костяного инвентаря. Другие бытовые занятия и основная камнеобработка, вероятно, были локализованы на минеральном берегу.

В мезолитических слоях торфяниковых памятников Зауралья обнаружены предметы охотничьего вооружения, орудия рыболовства и бытовые инструменты, заготовки орудий, выполненные *из кости и рога* [Савченко, 2014, с. 185]. Для изготовления костяных орудий в основном использовались кости крупных млекопитающих, прежде всего лося; реже – мелких животных и птиц.

На Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянках обнаружены цельные длинные игловидные и наконечники стрел с утолщенной головкой правильной биконической формы; обломки узких плоских наконечников стрел с одним длинным пазом и клиновидным насадом; а также однокрылые наконечники без шипа на конце крыла. Найдены обломки широких ножей и пешней; шилья, подпятники, орудия из нижних челюстей бобра; подвески с отверстием из резцов бобра (т. 2, прил. 1; 4, см. рис. 6–8, 12, 16–18) [Жилин и др., 2012, с. 40–60, 85–97]. На Кокшаровско-Юрьинской I стоянке обнаружены обломки короткого цельного и вкладышевых игловидных наконечников с одним пазом; фрагменты наконечника с конической и с утолщенной головкой неправильной биконической формы; обломки гарпуна или зубчатого остря, стилета и однолезвийных вкладышевых кинжалов; плоских прямых обоюдоострых остроконечных ножей и стамеска, обломок рыболовного крючка, подвеска из фаланги северного оленя. Эти изделия отсутствуют на Кокшаровско-Юрьинской II стоянке. В ее инвентаре есть обломок двукрылого наконечника стрелы и наконечника рогатины, целый экземпляр и фрагмент прямого цельного обоюдоострого кинжала; обломок плоского прямого двулезвийного вкладышевого кинжала; фрагмент плоского прямого обоюдоострого ножа и обломок ножа из лопатки лося; обломок иглы и ретушера или посредника из отростка рога.

Изделия из кости и рога обнаружены в трех мезолитических (III, IV, V) слоях Береговой II (торфяниковой) стоянки (т. 2, прил. 1) [Савченко, 2010, с. 136, 137; Савченко, 2014]. Из позднемезолитического слоя происходят фрагменты заготовок и костей со следами обработки, обломки орудий из челюстей бобра и широких ножей из лопаток лося, обломок шила, двуручный струг из трубчатой кости, три наконечника стрел – симметричный двукрылый с узким пером, коротким стержнем и клиновидным насадом, а также однокрылый с трехгранным пером, наконечник с утолщенной головкой биконической формы и биконическим утолщением на стержне и два

наконечника гарпунов. Найдена стилизованная головка зверя из отростка рога лося, деревянный стержень.

Изделия из среднего мезолитического слоя представлены сериями орудий из челюстей и резцов бобра; обломками широких и узких ножей, шильев; фрагментом наконечника гарпуна, обломками трудноопределимых орудий, заготовками и отходами производства. Присутствуют обломки орнаментированных плоских прямых и изогнутых вкладышевых ножей, клинок кинжала-стилета, острие игловидного наконечника и целый узкий плоский вкладышевый наконечник. Обнаружен «клад» костяных наконечников стрел, включающий десять двукрылых наконечников и заготовку вкладышевого узкого плоского асимметричного наконечника.

В раннемезолитическом слое находки менее многочисленны – четыре обломка наконечников гарпунов, рыболовный крючок [Савченко, 2013, с. 218], заготовка изогнутого колющего кинжала из рога, широкие ножи из лопаток, обломки плоского изогнутого и двух прямых ножей (один с пазом); орудие из челюсти бобра; рукояти орудий и кости со следами обработки [Савченко, 2010, с. 136–137; Савченко, 2014].

Исчерпывающие аналогии практически всем этим изделиям приведены С.Н. Савченко и М.Г. Жилиным [Савченко, 2011б, с. 174–176; Жилин и др., 2012, с. 53–60, 94–96]. Наиболее ранние цельные и вкладышевые *игловидные наконечники стрел* известны на памятниках финального палеолита и мезолита от Западной Европы до Восточной Сибири [Мочанов, 1977; Жилин, 2001; Савченко, 2011б, с. 156–162]. Цельные игловидные наконечники многочисленны в материалах эпохи неолита – раннего металла [Загорска, 1983; Крайнов, 1996, с. 166–173; Молодин, 2001]. В Восточной Сибири вкладышевые игловидные наконечники доживают до эпохи неолита и энеолита [Федосеева, 1980, с. 197; Питулько, 2003, с. 99–151].

Обломок цельного массивного игловидного наконечника с коническим острием происходит из среднего мезолитического слоя Береговой П

(торфяниковой) стоянки, для которого получены ^{14}C даты по кольям в интервале 9 010–8 670 л.н. [Жилин, Савченко, 2010б, с. 304]. Вкладышевые игловидные наконечники и уплощенные с одним пазом обнаружены в мезолитическом слое Лобвинской и Шайтанской пещер [Чаиркин, Жилин, 2005, с. 252–273].

Разные варианты игловидных наконечников есть в материалах Шигирской коллекции и в святилище Камень Дыроватый [Сериков, 2000, 115–123]. Для вкладышевого игловидного наконечника с одним длинным пазом из Шигирской коллекции получена дата 9 470±45 л.н. (ОхА-22282) или 8 820–8 650 гг. до н.э. [Савченко, Лилли, Жилин, 2011, с. 49–55].

Наконечники стрел с утолщенной головкой и длинным стержнем, так называемые *наконечники «шигирского типа»*, распространены в лесной зоне Восточной Европы в основном в раннем и среднем мезолите. Наконечники с головкой неправильной формы более характерны для второй половины мезолита и неолита [Жилин, 2001, с. 64–66]. В Западной Сибири они единичны, датируются эпохой неолита – раннего металла [Молодин и др., 1980; Молодин, 2001].

Наконечники стрел с утолщенной головкой конической формы и немногочисленные наконечники с головкой правильной биконической формы с уступом имеют аналогии в материалах Веретье 1, Становое 4, Ивановское 7 [Ошибкина, 1997, с. 70; Жилин, 2001, с. 64; Савченко, 2011б, с. 164; Жилин и др., 2012]. Они есть в Шигирской коллекции и в материалах пещеры Камень Дыроватый [Сериков, 2000, рис. 123, 1; 2004, с. 46; Савченко, 2007, с. 253–270].

Наконечники стрел с головкой правильной биконической формы с рельефным пояском на головке и гладким стержнем в Восточной Европе распространены на памятниках мезолитических культур веретье и бутовской. В Прибалтике и на Верхней Волге они доживают до раннего неолита в материалах нарвской и верхневолжской культур [Крайнов, Хотинский, 1977, с. 42–68; Гурина, 1996, с. 135–162]. На Урале найдены в мезолитических слоях

Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянки, в пещере Камень Дыроватый и Шигирской коллекции [Сериков, 2000, с. 120; Савченко, 2007, с. 253–270; 2011б, с. 164; Жилин и др., 2012, с. 54–55].

Наконечники стрел с биконической головкой правильной формы с рельефным пояском и коротким оттянутым жалом «шишечкой» с рельефными поясками – «воротничками» под головкой на стержне (т. 2, прил. 4, см. рис. 6, 23) есть только в уральских материалах [Савченко, 2007, с. 253–270; Жилин и др., 2012, с. 56].

Узкие плоские симметричные вкладышевые наконечники стрел с одним длинным пазом и коническим или пирамидальным насадом найдены в пребореальных и бореальных памятниках Восточной Европы [Жилин, 2001; Ошибкина, 2006], в мезолите Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 180], есть в Шигирской коллекции [Савченко, 2011а, рис. 4, 1, 2, 4; 5, 1].

Один из распространенных на Урале, не встречающийся на других территориях тип вкладышевых наконечников – узкие плоские асимметричные с одним длинным пазом и клиновидным насадом. Такие наконечники найдены в большом количестве в мезолитическом слое Лобвинской пещеры, датируемом второй половиной пребореала – началом бореала [Чаиркин, Жилин, 2005, с. 252–273]. Обнаружены они и на Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянках (т. 2, прил. 4, см. рис. 16, 6, 11), для одного из них по кости и смоле из паза получены ¹⁴C даты, соответствующие бореальному периоду. Узкие плоские вкладышевые наконечники найдены в мезолитическом слое Лобвинской пещеры [Чаиркин, Жилин, 2005, с. 252–273]. Целый наконечник с сохранившимися вкладышами и заготовка происходят из среднего мезолитического слоя стоянки Береговая II (торфяниковая) [Савченко, 2010, с. 136–137; Савченко, 2011б, с. 162]. Многочисленны подобные наконечники в материалах пещеры Камень Дыроватый [Сериков, 2000; Калинина, 2006, с. 393–402] и в Шигирской коллекции [Савченко, 2011а, рис. 5, 2, 3, 6–9; 6].

Цельные однокрылые наконечники без шипа на конце крыла (т. 2, прил. 4, см. рис. 7, 2) в Восточной Европе немногочисленны [Жилин, 2001]. В Западной Сибири подобный наконечник обнаружен в могильнике Сопка 2/3 [Молодин, 2001, рис. 46, 39]. Они есть в святилище Камень Дыроватый [Сериков, 2000; Калинина, 2006, с. 393–402], Лаксейской пещере [Чаиркин, Жилин, 2005, с. 252–273] и в материалах Шигирской коллекции.

Однорядные наконечники гарпунов и зубчатых острий среднего размера с редкими зубцами клювовидной формы бытовали в Восточной Европе и Сибири в эпоху мезолита – раннего металла [Хлобыстин, 1987, с. 327–358; Кольцов, Медведев, 1989, с. 174–186; Крайнов, 1996, с. 166–173; Жилин, 2001]. Похожие наконечники есть в шигирских материалах [Савченко, 2006б, с. 114–121; Жилин и др., 2012, с. 57].

Колющие узкие прямые кинжалы-стилеты с тупыми краями из трубчатых костей известны на мезолитических памятниках Восточной Европы [Жилин, 2001, с. 111], присутствуют в Шигирской коллекции [Савченко, 2005, с. 213–237].

Массивные прямые, вероятно, длинные, вкладышевые кинжалы с одним длинным пазом находят аналогии в мезолитических памятниках Восточной Европы и Сибири [Ошибкина, 1997, рис. 48, 3, 50, 5; Жилин, 2001; Питулько, 2001, с. 162–164].

Плоские прямые остроконечные обоюдоострые ножи из расщепленных ребер и *широкие ножи из лопаток* находят много аналогий в мезолитических и неолитических памятниках Восточной Европы [Жилин, 2001, с. 125, 127]. Они есть на Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянках, в раннеолитическом слое Береговой II (торфяниковой) стоянки и в Шигирской коллекции [Савченко, 2005, с. 213–237; 2010, с. 136–137; 2014, с. 181–208; Жилин и др., 2012].

Плоский прямой обоюдоострый нож с закругленным острием (т. 2, прил. 4, см. рис. 18, 2) и *нож из нижнего края лопатки лося* (т. 2, прил. 4, см. рис. 18, б), находят многочисленные аналогии в мезолитических и неолитических

памятниках Восточной Европы, они есть в Шигирской коллекции [Жилин, 2001; Жилин и др., 2012, с. 57–58].

Пешни (т. 2, прил. 4, см. рис. 7, 7) имеют аналогии в материалах мезолитических и неолитических памятников от Прибалтики до Зауралья, есть в Шигирской коллекции [Жилин, 2001; Ошибкина, 2006].

Шилья (т. 2, прил. 4, см. рис. 7, 4, 8) широко распространены, находят аналогии в мезолитических и неолитических памятниках Восточной Европы и Сибири. На Урале они обнаружены в мезолитических слоях стоянок Кокшаровско-Юрьинская I и II; в верхнем и среднем мезолитических слоях стоянки Береговая II (торфяниковая) [Савченко, 2010, с. 136–137; 2014, с. 181–208; Жилин и др., 2012, с. 58].

Подпятники для лучкового сверла из стопы лося есть только на Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянках.

Орудия из нижних челюстей бобра были широко распространены в Восточной Европе в эпоху мезолита и неолита [Жилин, 2001]. Они найдены в мезолитическом и смешанном культурном слое Кокшаровско-Юрьинской II стоянки, в раннеолитическом и мезолитических слоях Береговой II (торфяниковой) стоянки, на стоянке Варга 2, есть в Шигирской коллекции [Жилин и др., 2007; Савченко, 2010, с. 136–137; 2014, с. 181–208; Жилин и др., 2012, с. 59].

Подвеска со сквозным отверстием из резца бобра (т. 2, прил. 4, см. рис. 7, 5) имеет немногочисленные аналогии в мезолитических материалах Восточной Европы [Жилин, 2001].

Прямые аналогии *обломку цельного двукрылого наконечника стрелы с коротким симметричным пером без шипов, с уступами на переходе в стержень* (прил. 4, см. рис. 16, 12), обнаруженному на Кокшаровско-Юрьинской II стоянке, не известны. Похожие наконечники есть в мезолите Восточной Европы [Жилин, 2001]. На Урале близкие наконечники происходят из

пещеры Камень Дыроватый [Сериков, 2000] и Шигирской коллекции [Жилин и др., 2012, с. 95].

Наконечники рогатин с коническим острием из продольно разрезанных трубчатых костей известны в материалах мезолитических культур кунда, веретье, бутовской [Жилин, 2001; Ошибкина, 2006]. В уральских материалах они представлены в Шигирской коллекции, по обломку одного из них получена ^{14}C дата $8\,565\pm 45$ (OxA-22283) л.н. или 7 600–7 560 гг. до н.э. [Савченко, Лилли, Жилин, 2011, с. 49–55; Жилин и др., 2012, с. 95].

Цельные плоские или уплощенные прямые, симметричные обоюдоострые кинжалы имеют широкие аналогии в памятниках мезолитических культур кунда, веретье и бутовской [Лозе, 1988; Lozovski, 1996; Ошибкина, 1997; Жилин и др., 2002]; раннеолитической верхневолжской культуры [Крайнов, 1996; Lozovski, 1996]. В Восточной Сибири они известны на памятниках эпохи энеолита – бронзового века [Хлобыстин, 1987; Горюнова и др., 2004]. В уральских материалах представлены в Шигирской коллекции [Савченко, 2005, с. 213–237; Жилин и др., 2012, с. 95].

Плоские прямые симметричные обоюдоострые вкладышевые кинжалы с двумя пазами имеют широкие аналогии в памятниках позднего палеолита, мезолита и неолита от Северной Европы до Восточной Сибири, раннего металла Восточной Сибири [Ошибкина, 1997; Жилин, 2001; Питулько, 2003; Горюнова и др., 2004]. Они представлены в Шигирской коллекции [Савченко, 2006б; Савченко, 2014, с. 203].

Швейные иглы с ушком имеют многочисленные аналогии в памятниках позднего палеолита – раннего металла лесной и лесостепной зон Евразии.

Посредники и ретушеры из отростков рога представлены на мезолитических и неолитических памятниках Восточной Европы, в Шигирской коллекции [Жилин и др., 2012, с. 96].

Таким образом, костяная индустрия мезолитических памятников Зауралья имеет большое количество аналогий и значительное сходство с

материалами Восточной Европы, на что неоднократно указывалось исследователями [Брюсов, 1952; Раушенбах, 1956; Ошибкина, 1997; Жилин, 2001; Савченко, 2006а; 2011б; 2014].

Специфически уральскими чертами являются применение абразивной обработки, а также подавляющее преобладание у наконечников стрел насадов клиновидной формы. Подпятники для лучкового сверла из костей стопы лося и подвески со сквозным отверстием из обломков резцов бобра известны лишь в Среднем Зауралье [Жилин и др, 2012, с. 60].

Источники по реконструкции *духовной культуры* эпохи мезолита в материалах торфяниковых памятников немногочисленны. Самым хорошо исследованным памятником духовной культуры Зауралья, в том числе эпохи мезолита, является пещерное святилище Камень Дыроватый, в котором обнаружено не менее 10 000 наконечников, изготовленных из разных материалов эпохи мезолита – позднего средневековья. Около 3 000 костяных и каменных наконечников стрел датируются эпохой мезолита, более 600 из них с *гравированными изображениями* [Сериков, 2000, с. 93–95].

В Шигирской коллекции и в мезолитических слоях торфяниковых памятниках Зауралья присутствует большое количество предметов из кости и рога, в основном, наконечников стрел с гравированными изображениями (т. 2, прил. 4, см. рис. 99–102). Основными элементами их декора являются точки, насечки-нарезки, прямые и волнистые линии, зигзаги, заштрихованные треугольники, ромбы. Орнамент нанесен техникой прорезывания, нарезки, насечки, единично – своеобразным отступанием [Сериков, 2000, с. 203–206].

В.Н. Чернецов [1971, с. 107] сравнивал орнаменты наконечников стрел Шигирской коллекции с наскальными изображениями Урала. Гравировка на них, по мнению исследователя, не является «устоявшимся орнаментом», на каждом изделии обнаруживается собственный рисунок. Обычно это – волнистые, прямые или ломаные линии, в том числе зигзаги с отростками. Все линии вытянуты по длинной оси наконечника и имеют «разрывы» – «воротца»,

в которых размещены фигуры в виде прямоугольников или шестигранников с отроостками, неправильных овалов или ромбов. Эти изображения присутствуют и на изделиях Камня Дыроватого, которые И.В. Калинина [2009, с. 233–240] включает в I группу изображений «композиции» и рассматривает их как знаковую систему, символизирующую значение пути-следа зверя, тропы «жизни», ведущей к «смерти» – жертвоприношению животного. Они наносились только на вкладышевых наконечниках, которые использовались, по мнению В.Н. Чернецова [1971, с. 83], «...для прикалывания добычи, попавшей в ловчие ямы». В орнаментах на наконечниках стрел он усматривает изображения охотничьих засек и ловчих ям, которые наносились во время сезонных обрядов с целью привлечения в ловушки добычи и размножения зверей. К похожему выводу пришел К.В. Сальников [1952, с. 22], который привлекал орнаментированные наконечники Шигирского торфяника в качестве аналогий орудиям из погребения у села Пеган, считая, однако, что на предметах изображены рыболовные ловушки. Установив, таким образом, связь семантически близких с наскальными изображениями орнаментированных наконечников стрел с охотой, В.Н. Чернецов [1971, с. 108, 110] предполагал, что время возникновения наскальных изображений относится к периоду бытования этих костяных наконечников.

Ко II группе изображений И.В. Калинина [2009, с. 240–249] относит «орнаменты» – гравированные и закрашенные охрой линии, которые выполняли «защитные» функции. На вкладышевых наконечниках они размещены вдоль пазов, «скрепляли» вкладыши с костяной основой. На наконечниках с биконической головкой спиралевидная гравировка, видимо, воспроизводила обмотку, «укрепляющую» черенок наконечника. Эту же функцию выполняло изображение косоугольного креста (перевязывание, сшивание).

Третья группа изображений, по мнению И.В. Калининой [2009, с. 240–249], включает в себя знаки-метки – «тамгообразные», напоминающие древовидные, антропоморфные и другие изображения. В IV группу входят

граффити, объединяющие рисунки, выполненные тонкими неясной конфигурациями или беспорядочно расположенными гравированными, окрашенными охрой линиями.

Костяные скульптурные изображения. В Шигирской коллекции СОКМ более 300 игловидных наконечников стрел, на трех из них присутствует небольшое утолщение на острие (т. 2, прил. 4, рис. 99, 1): у одного в форме маковки, у двух они представляют собой миниатюрные скульптурные изображения голов водоплавающих птиц. Утолщение на острие наконечника не имело практического назначения. Возможно, они имели магическое значение и были связаны с охотничьими обрядами. Небольшие утолщения в виде шишечек есть на острие у некоторых биконических наконечников стрел с длинным стержнем, которые бытовали, по крайней мере, с эпохи мезолита. Наличие утолщений на них, возможно, говорит об аналогичном назначении.

В позднемезолитическом слое Береговой II (торфяниковой) стоянки найдено стилизованное скульптурное изображение головы зверя из отростка рога лося [Савченко, 2014, с. 203].

Деревянная антропоморфная скульптура. В 1880 г. на Шигирском торфянике, в одном из разрезов 2-го Курьинского прииска в торфе, на глубине 4 м, в десяти обломках был найден так называемый Большой Шигирский идол. По данным В.Я. Толмачева [1914], он обнаружен вместе с тремя деревянными ложками, двумя каменными орудиями и веслом. Однако, учитывая не всегда достоверную информацию об условиях обнаружения археологических предметов на Шигирском торфянике [Чаиркина и др., 2001, с. 6–15], а также современную датировку зауральских деревянных ложек и весел эпохой раннего металла [Погорелов, 2002а, с. 151–164; 2002б, с. 123–141; Чаиркина, 2005, с. 215–217], одновременность этого комплекса находок вызывает сомнения.

Первая реконструкция Шигирского идола в виде человека с руками и скрещенными ногами, выполненная Д.И. Лобановым, была неудачной. Отсутствовала связь между отдельными обломками, некоторые антропоморфные изображения

оказались перевернутыми. Это послужило поводом для новой реконструкции, осуществленной В.Я. Толмачевым [1916, с. 94–99]. В таком варианте скульптура высотой не менее 530 см состояла из антропоморфной головы размером 21×34 см и доски шириной – 23–25,5 см, на которой вырезаны схематичные антропоморфные изображения, и не соединяющегося с ними конца ствола размером 66×20 см (т. 2, прил. 4, рис. 117, 1). К сожалению, сейчас средняя часть изделия длиной около 193–200 см утрачена (т. 2, прил. 4, рис. 117, 2).

Скульптура была изготовлена из целого ствола лиственницы сибирской или ели сибирской [Горячев, 1999, с. 47] в эпоху мезолита, 8 680±140 л.н. (9467/1) или 7 950–7 590 гг. до н.э., 8 750±60 л.н. (9467/2) или 7 940–7 680 гг. до н.э.; 8 620±70 л.н. (Ле-5303) или 7 710–7 580 гг. до н.э.

После реконструкции она была прорисована первый и пока единственный раз тщательно, но, к сожалению, не совсем точно. По боковым сторонам нижней части антропоморфной головы, венчающей скульптуру, нанесено, как минимум, по пять зарубок, а на щеках – по две линии, которые отсутствуют в графическом изображении. На левой щеке под парными линиями фиксируются еще два коротких отрезка. Принципиальным является наличие седьмой антропоморфной личины (у В.Я. Толмачева их шесть), расположенной на оборотной стороне, где прерываются треугольные зигзаги и на оригинальном рисунке изображена трещина. Есть неточности в расстоянии между некоторыми элементами и изображениями, а также менее выпуклы, чем это показано на рисунке В.Я. Толмачева, носы личин лицевой стороны, они не «сливаются с плоскостью лба» (т. 2, прил. 4, рис. 117). Поверхность скульптуры обработана не очень тщательно, на ней много сучков и неровностей.

Судя по тому, что рядом с Большим Шигирским идолом не было зафиксировано никаких сооружений, сомнителен и комплекс сопровождающих находок, не исключено, что он найден не там, где был установлен первоначально. Возможно, подобно ряду западноевропейских антропоморфных скульптур [Immortal ..., 2001], идол являлся структурной частью прибрежного

участка поселения или культовой площадки, а после выполнения своих функций был преднамеренно погружен на заболоченную поверхность, в торф.

Сложен и вопрос о возможных вариантах его экспонирования. Нижняя часть скульптуры протяженностью 20–30 см слегка заострена и, возможно, предназначалась для вкапывания. Однако для устойчивости конструкции, учитывая ее высоту (не менее 530 см), значительная часть длины должна была находиться в земле и/или дополнительно укрепляться камнями. Но даже в этом случае верхняя часть скульптуры, ширина которой сейчас равна всего 25 см, испытывала бы колоссальные нагрузки от воздействия атмосферных явлений. Возможно, нижняя часть фигуры была вкопана, например, у подножия дерева и укреплена к нему левой боковой стороной, нижняя половина которой не гравирована. Во всех приведенных реконструкциях какая-то часть изображений была скрыта от глаз обозревателя. В этом случае сложно объяснить уместность ее декорирования, если не предполагать в гравированной, но не обозреваемой части особый семантический смысл. Оптимальным для обозрения было бы неглубокое вкапывание скульптуры и укрепление верхней части противовесами. Впрочем, не исключено, что она не предназначалась для обозрения и вертикального экспонирования, а была специально изготовлена для погружения в воду или помещения на заболоченную поверхность.

К интерпретации изображений Шигирского идола не раз обращались исследователи. Д.Н. Эдинг [1937, с. 143] предполагал в них единство шести человекоподобных существ и подчеркнутое преобладание одного из них. Такой характер идола обусловил его необычную высоту, а в связи с повторяемостью на скульптуре нескольких идеограмм лица, были введены условные линейные обозначения их тел.

В.Т. Петрин и И.В. Усачева [2003, с. 83–86] часть геометрического орнамента, покрывающего поверхность Большого идола, интерпретировали как варианты «скелетного стиля», предполагая, что вертикальная цепочка из одного (только тулово), двух (тулово и ноги), трех (тулово, ноги, голова?) ромбов в

определенном контексте должна восприниматься как изображение человека. Множественность ромбов в цепочке или кривой сетке, возможно, могли обозначать множественность людей.

С.Ф. Кокшаров [1990, с. 4–28] обнаруживает элементы сходства в иконографии некоторых изображений Большого Шигирского идола и антропоморфных фигур, входящих в состав орнаментальных мотивов энеолитической керамики бассейна Конды, для раскрытия семантики ряда композиций и образов которой он использует этнографические и фольклорные материалы обских угров. Наблюдаемые несоответствия у однотипных по стилю изображений на идоле и керамике исследователь расценивает как стремление разнообразнее представить один и тот же образ мифических героев и показать их множественность.

На новые детали изображений Большого Шигирского идола, отражающего сложную систему мифологических представлений населения Урала эпохи мезолита, обратили внимание С.Н. Савченко и М.Г. Жилин [2004, с. 130–135].

В Шигирской коллекции и в мезолитических слоях торфяниковых памятников Зауралья есть большое количество изделий из кости и рога с гравированными изображениями. Отдельные элементы или части этих композиций – зигзаги, ромбы, прямые линии, насечки, «вложенные углы», или «елочка», древовидные фигуры – входят и в состав изображений Шигирского идола. Эти элементы, вероятно, универсальны; использовались для конструирования семантически разных орнаментов, в том числе антропоморфных изображений. Возможно, они олицетворяли какие-то качества предмета, явления или персонажа.

Большой Шигирский идол – самая большая и самая древняя деревянная антропоморфная скульптура в мире, аналогий которой нет в археологических материалах других эпох [Chairkina, 2000, p. 14]. Огромный размер, уникальный декор и структурированность изображений явно предполагают

множественность его семантических текстов, в одном из которых, возможно, отражена мифологическая картина мира мезолитического населения Зауралья.

По археологическим материалам региона, по крайней мере, с эпохи раннего металла фиксируется вертикальная, трехчастная модель мироздания, в изучении отдельных аспектов которой и в раскрытии семантики ряда мифологических образов используется метод ретроспекции мифо-ритуальной практики обских угров [Чаиркина, 2004, с. 109–143].

Вертикальная модель мироздания чаще всего представляется в образе вселенского дерева, невидимая (корневая) часть которого символизирует Нижний мир, видимая – Средний, вершина – Верхний мир. Вселенское дерево рассматривается как мировая ось, соединяющая миры Вселенной, и как олицетворение жизни, в рамках которой осуществляется жизненный круговорот. Эта модель универсальна и широко распространена в культурах древних и этнографических социумов. Присутствует она и в представлениях обских угров. Троичность является структурной основой Мироздания, каждый блок которого подразделялся на три уровня, с соответствующей трехступенчатой градацией статуса его обитателей. Оно включало в себя сложнейшую систему пограничных, концентрических и взаимопересекающихся структур с многопорядковой динамичной соподчиненностью [Косарев, 2003, с. 125–145].

Фрагменты семантического текста Большого Шигирского идола, возможно, в чем-то созвучны схеме мансийского *сат нак люлит ялпын торум* – семислойного жизненного пространства [Ромбандеева, 1993, с. 20–21], согласно которому «земной слой располагается посередине: сверху от него находятся три небесных сферы, снизу – три подземных. Нижнее из небес совпадает с верхним слоем Земли, верхнее из подземелий – с ее нижним слоем. Семеричность общей картины (как и троичная тройственность) сохраняется» [Головнев, 1995, с. 563–567; Соколова, 2009, с. 516–517, 530–537]. Следуя этой логике, можно предположить, что в скульптуре отражена вертикальная семисферная (по числу

ликов) модель мироздания.

На Большом Шигирском идоле присутствуют явно распознаваемые антропоморфные личины, сопровождающий их гравированный декор мог быть изображением тела, одежды, головного убора; возможно, – стихии, того или иного качества персонажа, количество которых определяется числом антропоморфных личин, а нумерация – расположением (снизу вверх) на вертикальной оси скульптуры.

Первая сфера занимает нижний слой Нижнего мира, заселена *персонажем 1*, расположенным на оборотной стороне, в заключительной части скульптуры (т. 2, прил. 4, рис. 117, 3). К сожалению, сохранилась только часть изображения. Лицо смоделировано в двухплоскостной манере. С ним не стыкуется вертикальная прямая линия, олицетворяющая позвоночный столб (?), от которого отходят вложенные углы («елочкообразный» узор) с опущенными вниз сторонами. Разведенные в стороны ноги показаны двумя короткими линиями, между ними нанесен отросток – фаллос (?). От ног персонажа вверх отходят две симметричные линии, левая из которых отсутствует на рисунке В.Я. Толмачева. Возможно, эта фигура объемная: на ее лицевой стороне нанесены вертикальные линейные зигзаги. В этом случае высота изображений варьирует от 50 см на оборотной стороне до 80 см – на лицевой поверхности. Боковые стороны не декорированы.

Вторая сфера расположена в среднем слое Нижнего мира, с ней связан *персонаж 2*, изображенный на лицевой стороне (т. 2, прил. 4, рис. 117, 3). Лицо выполнено в двухплоскостной манере, надбровные дуги и прямоугольный нос возвышаются над плоскостью щек и глаз. Характер контура головы изображения определить сложно. Если рассматривать «елочкообразный узор», расположенный над личиной, как атрибут этого персонажа, то с учетом нижней части, подчеркнутой углом, контур приобретает ромбическую форму. Не исключено, что верхняя фигура самостоятельна, в этом случае двойным треугольником подчеркнут только нижний контур личины. Туловище состоит из

входящих друг в друга шести углов с опущенными вниз сторонами («елочкообразный» узор), позвоночный столб не обозначен. Ниже нанесен треугольный зигзаг в виде незамкнутого ромба, который образует, по крайней мере, одну правую ногу, согнутую в колене с отогнутой ступней. Фрагмент левой части этого изображения утрачен, поэтому наличие второго зигзага, обозначающего левую ногу, достоверно определить сложно, скорее всего, она отсутствовала. Высота фигуры 60 см. Боковые стороны не декорированы.

Третья сфера, совпадающая с нижним слоем земли и верхним слоем Нижнего мира, заселена, вероятно, женским персонажем 3, расположенным на оборотной стороне скульптуры (т. 2, прил. 4, рис. 117, 3). Лицо смоделировано в той же манере, что и у предыдущих фигур. Его нижний контур не выделен, короткой горизонтальной линией изображен рот. Возможно, верхний контур обозначен «елочкообразной» фигурой, расположенной над личиной. Тулово (позвоночный столб) оформлено вертикальной линией, с левой стороны которой отходит вертикальный зигзаг, возможно, – рука, согнутая в локте. Между ней и туловом нанесены две горизонтальные короткие линии. Бедрa подчеркнуты тремя горизонтальными линиями, ниже которых расположен не замкнутый снизу ромб, изображающий, вероятно, ноги, одна из которых – левая – согнута в колене. Между ними, от тулова ниспадают семь расположенных друг за другом коротких насечек (точек), возможно, подчеркивающие пол фигуры. Такой же стилистический прием отмечен на одном из палеолитических рисунков Игнatieвской пещеры. Снизу фигура высотой 80 см ограничена горизонтальной линией. Фрагмент правой части этого изображения утрачен, поэтому наличие здесь зигзагов, обозначающих руку и ногу, достоверно определить сложно, скорее всего, они отсутствовали. Боковые стороны не декорированы.

Персонажи 3 и 2, вероятно, парные. Первый, расположенный на оборотной стороне, олицетворяет женщину; второй, возможно, мужчину, контур головы которого оформлен ромбом.

Четвертая сфера расположена в среднем слое Среднего мира, с ней связан единственный персонаж 4, высеченный на лицевой стороне доски (т. 2, прил. 4, рис. 117, 3). Лицо смоделировано в той же манере, что и предыдущие. От него исходят «лучи», по четыре с каждой стороны, направленные вверх. Туловище оформлено, как и лицевая сторона персонажа 1, горизонтальными линиями (не менее семи) и одним (?) (левая сторона фигуры разрушена) вертикальным зигзагом, от одного угла которого отходит горизонтальная линия. Изображение завершается вложенными углами, или «елочкообразным» узором, с опущенными вниз углами по три с каждой стороны. Персонаж 4 высотой 90 см отделен от персонажа 6, расположенного ниже, пятью горизонтальными параллельными линиями.

На правой боковой стороне, в верхней части этого изображения, нанесены, по меньшей мере, четыре горизонтальные параллельные насечки, ниже которых расположен вертикальный зигзаг, в нижней части – с мягкой моделировкой углов, спускающийся до личины 2; левая сторона не декорирована. Возможно, этот персонаж, как и персонажи 1 и 7, объемный: иначе сложно объяснить наличие декора в виде незамкнутых линейных ромбов, расположенных на его оборотной стороне и не связанных с какой-то личиной. В этом случае лицевое и оборотное изображение фигуры заканчиваются на одном уровне, создается впечатление ее целостности и законченности.

Сложно сказать, образуют ли самостоятельную композицию расположенные под персонажем 4 древовидные узоры или изображение животного (?) (на оборотной стороне). Интерпретация их как симметрично древовидных придает сюжету особый семантический смысл. В этом случае в композицию следует включать и нижнюю часть персонажа 4, оформленную в виде вложенных углов, или «елочки». Тогда верхние части «древовидных» фигур расположены в Среднем мире, а нижние, отделенные от последнего горизонтальными линиями на лицевой стороне и прерывистостью декора на оборотной стороне, – в Нижнем мире. Впрочем, не исключено, что эти

изображения являются атрибутами персонажей 2 и 3, возможно, олицетворяющими их высокие головные уборы, или служили своеобразными оберегами, разделяющими Средний и Нижний миры.

Третий нижний слой Верхнего мира, совпадающий с верхним слоем земли, заселен *персонажем 5* высотой 120 см, расположенным на оборотной стороне доски (т. 2, прил. 4, рис. 117, 3). Его личина, несколько отличающаяся от остальных изображений, отсутствует в графическом рисунке В.Я. Толмачева. Небольшим углублением показаны глазницы, короткий нос смоделирован на месте подрезанного сучка. Сложно сказать, обозначает ли незавершенный, незамкнутый ромб, расположенный ниже, выполненный одинарной линией, нижний контур его головы или таким образом оформлена верхняя часть тулова. Под ромбом изображены вложенные углы, или «елочка», с опущенными вниз сторонами – «ребра»(?), по три с каждой стороны. Завершают изображение вертикальные зигзаги с мягко моделированными углами, образующие незамкнутые ромбы, нижние края последнего, как и у персонажа 1, отогнуты вверх. Зигзаги «проникают» в персонаж 4, доходя до его личины, олицетворяющей Средний мир.

Второй слой Верхнего мира занимает *персонаж 6*, расположенный под фигурой 7 на лицевой стороне (т. 2, прил. 4, рис. 117, 3). Лицо выполнено в двухплоскостной манере с объемно моделированным носом. Нижний контур лица выделен треугольником, тулово изображено в контурной манере в виде двойного встречного вертикального зигзага, образующего три незамкнутых ромба. Высота фигуры – около 100 см. Нижняя часть изображения не смыкается с расположенным ниже персонажем 4 Среднего мира, а отделена от него, по меньшей мере, четырьмя горизонтальными линиями.

Верхнюю сферу (слой) Верхнего мира занимает единственный в своем роде, с детально проработанной головой, шеей и чертами лица – глаза, нос, рот, насечки вдоль щек, линии-борозды, наложенные на щеки, – *похожий на человека персонаж 7*. Это – единственная достоверно объемная фигура с

тщательно выполненной головой, плечами и туловом, гравированным с лицевой, оборотной и боковых сторон (т. 2, прил. 4, рис. 117, 3). О не объемности большей части других изображений, их односторонней визуализации, свидетельствует несоответствие уровня расположения личин и сопутствующего им декора на лицевой и оборотной поверхности скульптуры.

Верхняя лицевая часть тулова персонажа 7 изображена 26 (?) параллельными горизонтальными линиями, имитирующими, возможно, одежду или, учитывая «скелетный» стиль декора оборотной стороны, – ребра и внутренние органы (?). Не исключено, что они выполняли защитные функции, подобно линиям, разделяющим миры на скульптуре Большого Шигирского идола. Нижняя часть тулова декорирована двумя вертикальными зигзагами с мягкой моделировкой углов, доходящими до персонажа 6. Высота изображения по лицевой поверхности скульптуры 130–135 см.

Плечи на оборотной стороне подчеркнуты прямой линией и треугольным зигзагом, под которым нанесен узор в виде вложенных углов, или «елочки», с опущенными вниз линиями, имитирующими, вероятно, ребра. Нижняя часть тулова оформлена двумя вертикальными зигзагами, образующими незамкнутые ромбы, с мягкой моделировкой углов. Верхние ромбы выполнены двойными линиями в контурной манере, а один край самого нижнего отогнут вверх. Высота персонажа 7 на оборотной стороне скульптуры чуть больше, чем его изображение на внешней поверхности, достигает 150 см.

Верхние части боковых сторон этого персонажа декорированы одиночными вертикальными зигзагами, доходящими до верхней линии ромбов оборотной стороны. Ниже этот мотив на правой боковой поверхности переходит в наклонные параллельные линии, доходящие до средней части персонажа 4, а на левой стороне зигзаг, становясь более широким, спускается до его личины.

«Действующие лица» скульптуры – антропоморфные существа, при всей схематичности они, как и деревянные идола эпохи раннего металла,

обнаруженные на зауральских торфяниках, настолько реалистичны, что создается впечатление об их соответствии вполне определенным мифическим персонажам или, учитывая значительный хронологический разрыв между археологическими и этнографическими материалами, их прототипам в обско-угорской мифологии.

Они индивидуальны и концептуально едины, абсолютно повторяющихся изображений, «сконструированных» в целом из нескольких повторяющихся элементов, нет. Лица всех персонажей выполнены в одном, так называемом уральском, стиле, присущем деревянной антропоморфной скульптуре Зауралья эпохи раннего металла и скульптурам обских угров [Эдинг, 1937, с. 123–125; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 141–187; Чаиркина, 2004, с. 109–143]. Их детали, за исключением изображения рта в виде округлой выемки у персонажа 7 и горизонтального отрезка у персонажа 3, не проработаны, едва намечены. Щеки и глаза, слегка углубленные у персонажа 7, изображены одной плоскостью, над которой выступает прямоугольный (за исключением персонажа 5) нос.

Контур головы оформлены по-разному: у «верховой» фигуры 7 она специально смоделирована, идентифицирована с головой человека. У фигуры 6 – подчеркнута треугольником; 5 и 2 (?) – возможно, ромбом. У персонажей 4 и 3 контуры головы, как будто, не обозначены, над первой из них возвышаются лучи, обращенные вверх, над второй – вниз. Нижняя часть головы последних персонажей подчеркнута горизонтальными линиями. Моделировка контура головы фигуры 1 не ясна.

Заполнение «тел» почти всех изображений индивидуально. Разным количеством горизонтальных параллельных линий оформлена верхняя часть персонажей 7 и 4, вероятно, бедер – у изображения 3. Одним из самых распространенных элементов являются вложенные углы, или «елочка», которые нанесены на оборотной стороне персонажа 7, тулове изображений 5, 2 и, вероятно, 1; в нижней части фигуры 4. В декоре всех персонажей присутствует вертикальный зигзаг (персонаж 4) или зигзаги (персонаж 7),

вертикальные зигзаги, образующие незамкнутый ромб (персонажи 3, 2) или ромбы (5, обратная сторона персонажа 7). Только сдвоенными незамкнутыми ромбами оформлен персонаж 6.

Вероятно, женской является фигура 3, нанесенная, как и мужская фигура 1, на обратной стороне. Остальные персонажи по косвенным признакам – насечки на боковой поверхности щек, изображающие бороду(?) (персонаж 7), контур головы (персонажи 6 и 2), исходящие кверху лучи и аналогии в стилистическом оформлении с персонажем 7 (персонаж 4) – рассматриваются как условно мужские, они изображены на лицевой стороне.

По близкому стилистическому воплощению изображений разных миров (5–7 и 4; 4 и 1–3), наличию прерывистости в декоре наблюдается *противопоставление трех миров*, присутствующих на скульптуре. Горизонтальными параллельными линиями отделен Верхний мир (персонажи 5–7) от Среднего мира (персонаж 4). Большим количеством линий – пятью – Средний мир от Нижнего мира (персонажи 1–3). Противопоставление наблюдается и в последовательном, от нижнего к верхнему, увеличении высоты персонажей. Пространство Верхнего мира достигает 240 см, Нижнего – 180–200 см, они заселены большим количеством персонажей, чем Средний мир, пространство которого ограничено 90 см.

Слои внутри миров выглядят более монолитными, взаимосвязанными, используются близкие стилистические приемы изображения фигур. *Взаимосвязь миров* проявилась в «проникновении», расположении фигуры 5 Верхнего мира на уровне верхней части персонажа 4 Среднего мира. Направленные вверх лучи, исходящие из головы персонажа 4, призваны подчеркнуть его ориентированность в Верхний мир; лучи его нижней части ориентированы вниз, в Нижний мир.

Вверх, в Средний мир, направлены «лучи-ветки» древовидной фигуры или изображение животного (?), размещенного над фигурой 3 Нижнего мира. На вертикальной оси скульптуры верхняя половина этого изображения

расположена на уровне средней части персонажа 4, заселяющего Средний мир, нижняя – в Нижнем мире, что, вероятно, подчеркивает его статус как переходного, расположенного на границе миров.

Сюжет о предохранении от Нижнего мира проявился в древовидных фигурах, являющихся переходными, расположенными на границе миров берегами. Горизонтальной линией от переходного изображения «рожающей» (?) женщины отделен самый нижний слой Нижнего мира, заселенный мужским персонажем 1.

Основная семантическая нагрузка Верхнего мира приходится на персонаж 1. Центральная фигура Среднего мира – персонаж 4, Нижнего – фигура 1. Эти семантические центры миров разделены, вероятно, парными (мужчина – женщина) изображениями – 6, 5 и 3, 2. Женские персонажи нанесены на оборотной стороне скульптуры, они переходные, связывают Верхний и Средний мир (фигура 5) и Средний и Нижний мир (фигура 3).

Возможно, в композиции фигуры 3 отражен *«мотив рождающей силы земли-дерева»*, выраженный в обычае рожать у подножия дерева [Головнев, 1995, с. 563–567]. Она расположена в верхней части Нижнего мира, где находятся корни деревьев. Особое звучание этому сюжету придает интерпретация изображения, расположенного выше, как древовидного.

Является ли скульптура Большого Шигирского идола, созданная в эпоху мезолита, стилизованной моделью Вселенского дерева, сказать сложно, но имитация правдоподобна: огромный размер, практически не обработанный, с сучками ствол; заостренный, явно предназначенный для вхождения в землю, конец. Очевидна и многоуровневость, структурированность его «обитателей». Возможно, эта скульптура является своеобразным мифическим текстом – повествованием о мироустройстве, присущем мезолитическому населению Зауралья.

Хронология и культурная принадлежность. Культурные слои эпохи мезолита торфяниковых памятников Зауралья располагаются в четких

стратиграфических позициях. На Кокшарово I (болотной) и Береговой II (торфяниковой) стоянках они перекрыты культурными слоями эпохи раннего металла и неолита; на Кокшаровско-Юрьинской III и Береговой (торфяниковой) I – эпохой раннего металла; на Кокшаровско-Юрьинской I – слоями эпохи неолита – железного века; на Кокшаровско-Юрьинской II – эпохи неолита и бронзового века.

Хронология мезолитических памятников региона, рассматривающихся в рамках среднезауральской культуры, устанавливается по серии радиоуглеродных дат, полученных по вмещающим слоям археологических памятников, изделиям из дерева и прямым AMS датам изделий из кости и рога [Zaretskaya et al., 2012, p. 783–794] (т. 2, прил. 3, табл. 11). Она подтверждается многочисленными хорошо датированными, рассмотренными выше, восточноевропейскими [Жилин, Савченко, 2012, с. 120–138], в существенно меньшей степени западносибирскими аналогиями костяного и рогового инвентаря.

Мезолитический слой Лобвинской пещеры по костям лося датирован $9\ 265 \pm 255$ л.н. (ИЭРЖ-92) или $9\ 115\text{--}8\ 230$ гг. до н.э., относится к концу пребореального – бореальному периодам.

AMS даты, соответствующие середине бореального периода, получены для вкладышевого игловидного наконечника с одним длинным пазом ($9\ 470 \pm 45$ л.н. (ОхА-22282) или $8\ 820\text{--}8\ 650$ гг. до н.э.) и рогатины ($8\ 565 \pm 45$ л.н. (ОхА-22283) или $7\ 600\text{--}7\ 560$ гг. до н.э.) Шигирской коллекции, а также по кости ($8\ 635 \pm 40$ л.н. (КИА-42078/2) или $7\ 670\text{--}7\ 590$ гг. до н.э.) и смоле из паза наконечника ($8\ 520 \pm 35$ л.н. (КИА-42078/1) или $7\ 590\text{--}7\ 550$ гг. до н.э.) Кокшаровско-Юрьинской II стоянки [Савченко, Лилли, Жилин, 2011, с. 51; Жилин и др., 2012].

Последние даты косвенно указывают на предположительный возраст мезолитического слоя стоянки Кокшаровско-Юрьинская I и свидетельствуют об ее относительной одновременности с Кокшаровско-Юрьинской II стоянкой. Наиболее детально, по вмещающему слою, изделиям из кости и дерева

датированы три нижних культурных слоя Береговой II (торфяниковой) стоянки, они на сегодняшний момент устанавливают хронологию и периодизацию эпохи мезолита Среднего Зауралья. Ранний мезолит датируется около 9 800–9 600 л.н. или около 9 300–8 900 гг. до н.э. (пребореальный период); средний – около 9 000–8 800 л.н. или 8 300–7 800 гг. до н.э. (первая половина бореального периода) – и поздний мезолит – около 8 300–8 000 л.н. или 7 500–6 800 гг. до н.э. (конец бореального периода).

Вопрос о происхождении среднезауральского мезолита по имеющимся материалам торфяниковых памятников, даже с привлечением данных береговых поселений и стоянок, пока однозначно не может быть решен. Сложно установить и технико-типологическую динамику каменного инвентаря по немногочисленным в целом коллекциям. Исследования последних лет дали возможность проследить определенные тенденции в развитии костяной индустрии эпохи мезолита и неолита Зауралья [Савченко, 2014, с. 181–208]. Вероятно, одними из самых ранних являются изделия, обнаруженные в раннемезолитическом (V) слое Береговой II (торфяниковой) стоянки (т. 2, прил. 1; 4, рис. 118, 119). Здесь найдены обломки наконечников гарпунов и широкого ножа из лопатки; плоского изогнутого и прямых ножей, в том числе, с пазом; рукоятка для бокового скребка и орудие из челюсти бобра, рыболовный крючок [Савченко, 2010, с. 136–137; 2013, с. 218–221; 2014, с. 185–191].

Изделия из кости и рога среднего мезолита довольно многочисленны, обнаружены в мезолитических слоях Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянок, в IV культурном слое Береговой II (торфяниковой) стоянки (т. 2, прил. 1; 4, рис. 120). Они представлены игловидными наконечниками стрел разных типов, узкими плоскими и однокрылыми наконечниками стрел без шипа на конце крыла. Появляются двукрылые симметричные наконечники стрел без шипов на конце крыльев и наконечники стрел с утолщенной головкой и стержнем между головкой и насадом, представленные несколькими типами, а также массивные рогатины с костяными наконечниками, сделанными из продольно разрезанных

крупных трубчатых костей. Сериями представлены орудия из челюстей и резцов бобра, обломки широких и узких ножей, шилья. В среднемезолитическом слое Береговой II (торфяниковой) стоянки присутствуют обломки орнаментированных плоских вкладышевых прямого и изогнутого ножа с пазом, острие игловидного наконечника и целый узкий плоский вкладышевый наконечник. На Кокшаровско-Юрьинских стоянках найдены подпятники для лучкового сверления, подвески из резцов бобра [Савченко, 2010, с. 136–137; 2014, с. 191–201].

К позднему мезолиту относятся находки из III культурного слоя Береговой II (торфяниковой) стоянки, из которого происходят обломки орудий из челюстей бобра и широких ножей из лопаток, обломок шила и наконечники стрел – двукрылый симметричный с узким пером ромбического сечения, а также однокрылый без шипа на крыле с трехгранным пером. Обнаружен наконечник с головкой правильной биконической формы и биконическим утолщением на стержне. Охотничьи ножи и кинжалы представлены бытовавшим ранее типом – прямым обоюдоострым уплощенным с пазами для вкладышей. Появляются новые типы – прямой и изогнутый колющие массивные уплощенные с тупыми краями (т. 2, прил. 1; 4, рис. 121) [Савченко, 2010, с. 136–137; 2014, с. 201–204].

Исследованиями последних лет доказано, что территория лесного Зауралья была прочно освоена человеком уже около 10 000 некалиброванных радиоуглеродных лет назад, начиная с раннего пребореального периода [Жилин, Савченко, 2010б; Жилин, Савченко, 2010в; Жилин и др., 2012].

2.2. Культура населения эпохи неолита, хронология эпохи

Культурные слои эпохи неолита обнаружены на 18 памятниках (т. 2, прил. 1) – Кокшаровско-Юрьинская I, Кокшаровско-Юрьинская II, Кокшарово I, Кокшарово VII (болотное), Юрьинская (болотная), VI Разрез Горбуновского

торфяника, Стрелка, Береговая II (торфяниковая), Шигирский Исток I, Варга 2, Анин остров, Анин остров II, Шигирское А, Островок с глиняными горшками (болотная), Шигирское городище (болотное), Шигирское городище I (болотное), Шувакиш I, Вашты VI-А. На нескольких – ряд Разрезов Горбуновского торфяника, Язевские стоянки, местонахождения и стоянки Половинное озеро VII, Половинное озеро X, Шувакиш XIX-Е, Шувакиш V-Б – культурные слои гипотетически (по стратиграфическим условиям залегания) могут датироваться широким диапазоном – эпохой неолита – ранним бронзовым веком. Однако бесспорных данных, указывающих на их неолитический возраст (наличие ^{14}C дат, керамики и т.д.), пока нет; поэтому в этом разделе исследования они не рассматриваются.

Комплексы первой группы памятников, содержащие культурные слои эпохи неолита, не равнозначны. Некоторые из них – Кокшарово I, Кокшарово VII (болотное), Юрьинская (болотная), Анин остров, Островок с глиняными горшками (болотная), Шигирское городище I (болотное), Вашты VI-А – пока исследованы разведочными шурфами. В них обнаружено небольшое количество материала – фрагменты керамики и изделия из камня, редко – изделия из кости и дерева.

Среди исследованных раскопками практически нет хорошо стратифицированных комплексов, представленных всем спектром артефактов. На Кокшаровско-Юрьинских I и II стоянках эти материалы найдены в одних литологических слоях с комплексами эпохи раннего металла и бронзового века; вычленяются типологически или по аналогиям, что не всегда достоверно, особенно для каменного, костяного и рогового инвентаря.

На VI Разрезе несколько фрагментов керамики кокшаровско-юрьинского типа были обнаружены в раскопах Д.Н. Эдинга 1926–1928 гг., условия их обнаружения и сопутствующий материал неизвестны. Вероятно, они найдены в верхней части сапропеля, являлись затонувшими или преднамеренно

выброшенными в воду вещами и не связаны с комплексом деревянных сооружений.

Столь же мало информации о стратиграфических условиях залегания и хронологии артефактов стоянки Стрелка, исследованной в 30–50-е гг. XX в. Д.Н. Эдингом и А.Я. Брюсовым. Между тем, комплекс находок этого памятника, содержащий большое количество костяных и деревянных изделий, представляет исключительный интерес.

На Береговой II (торфяниковой) стоянке, Анином острове II, Шигирском городище (болотном), поселении Шувакиш I, исследованных раскопками, стратиграфические позиции культурных слоев эпохи неолита определены, но комплекс находок не велик (т. 2, прил. 1). Поэтому на сегодняшний день хорошо исследованной и датированной серией радиоуглеродных дат, но давшей, в целом, небольшой комплекс артефактов, является однослойная стоянка Варга 2.

Таким образом, неолитические комплексы, исследованные на торфяниковых памятниках Зауралья, немногочисленны, содержат изделия из камня, кости и дерева, кости животных, основным культурно-хронологическим индикатором служит керамика.

Керамические коллекции, за исключением нескольких целых емкостей Шигирской коллекции, чаще всего представлены небольшим количеством обломков, по которым сложно реконструировать форму сосудов и композиции декоров. Эти признаки неолитической посуды торфяниковых памятников реконструируются только в комплексе с материалами береговых памятников.

Для эпохи неолита Зауралья исследователи выделяют несколько типов керамики, которые характеризуются особенностями формы сосудов, размерами и формой наплывов с внутренней стороны венчиков, композициями узора и использованием тех или иных технических приемов декорирования. По мнению некоторых исследователей, возможно, наиболее ранним для эпохи неолита Зауралья является недавно выделенный по материалам поселения

Исетское Правобережное I *романовский тип керамики*¹ [Кернер, 2011а, с. 56–62]. Он обнаружен в виде отдельных фрагментов на торфяниковой стоянке Варга 2 вместе с сосудами кошкинского и кокшаровско-юрьинского типа [Чаиркина, 2007, с. 39–63]. Характерны емкости открытой формы с коротким наплывом, прямым и волнистым краем, на котором иногда фиксируются рельефные выступы. Большинство сосудов декорировано полностью, на некоторых орнамент покрывает только верхнюю часть и дно. Двухзубыми, иногда трехзубыми инструментами выполнялись прочерченные, прочерченные с отступанием, накольчатые и накольчатые с отступанием горизонтальные и диагональные прямые, волнистые линии, зигзаги, заштрихованные треугольники [Кернер, 2011а, с. 56–62].

Керамика евстюнихского типа (т. 2, прил. 4, см. рис. 86, 3) обнаружена на ряде торфяниковых памятников – Шигирский Исток I, Анин остров, Анин остров II и Шигирское городище (болотное). Сосуды несколько раздутых и/или вытянутых пропорций, с прямыми или слегка отогнутыми венчиками с наплывами, круглыми днищами. Характерны горизонтальные композиции узора – чередующиеся прямые и волнистые линии, зигзаги, взаимопроникающие треугольники. Есть емкости с более разнообразным декором. Орнамент наносился прочерчиванием инструмента с гладким краем, иногда двухзубым, редко – оттисками короткого гребенчатого штампа, выполняющими роль разделительных поясков или бордюров [Сериков, 1991, с. 32–45; Герасименко, 2003, с. 42–43].

Керамика кокшаровско-юрьинского типа на торфяниковых памятниках Зауралья зафиксирована на стоянках Кокшаровско-Юрьинская I и II, Кокшарово I (болотное), Юрьинская (болотная), VI Разрез Горбуновского торфяника, Стрелка, Варга 2, Анин остров, Шигирское городище (болотное) (т. 2, прил. 4, см. рис. 9, 1, 4, 5; 21, 2, 6, 7; 22, 5; 81, 1–6; 82, 1, 5, 8).

¹ Устное сообщение Кернер В.Ф.

Характеристика посуды этого типа приведена в разделе, посвященном керамической коллекции стоянки Варга 2.

Керамика *кошкинского типа* найдена на стоянках Кокшаровско-Юрьинская I и II, Юрьинская (болотная), Кокшарово VII (болотное), Варга 2, Шигирское городище I (болотное) (т. 2, прил. 4, см. рис. 22, 3; 82, 3, 6, 9; 86, 4). Характеристика посуды этого типа приведена в разделе, посвященном керамической коллекции стоянки Варга 2.

Полуденский тип керамики обнаружен на торфяниковых стоянках Кокшаровско-Юрьинская II, Кокшарово I (болотное), Юрьинская (болотная), Стрелка, поселении Анин остров. Сосуды круглодонные, характерен плоский срез венчика; напльвы короткие. Длиннозубым гребенчатым штампом выполнены прочерченные, проташенные, штампованные или «шагающие» оттиски, которыми нанесены монотонно чередующиеся горизонтальные пояса (т. 2, прил. 4, см. рис. 9, 7; 20, 2, 3; 71, 5, 6, 8).

Керамика боборыкинского типа (т. 2, прил. 4, см. рис. 20, 4) зафиксирована на Кокшаровско-Юрьинской I (басьяновский тип?), Кокшарово VII (болотное), Береговой II (торфяниковой). Сосуды баночной и горшковидной формы с плоским и уплощенным дном. Прочерченной или отступающей техникой наносились прямые и волнистые линии, неглубокие наколы. Декор, как правило, занимает верхнюю часть емкостей, иногда располагается на днищах или внутренней поверхности. По верхнему краю некоторых сосудов расположен валик, рассеченный ямками или наколами.

Басьяновский тип керамики найден на стоянках Кокшаровско-Юрьинская I (?) и II, поселении Кокшарово I (болотное) (т. 2, прил. 4, рис. 9, 3; 19, 1–3). Он выделен как локальный лесной вариант боборыкинской посуды, сходство с которой наблюдается в форме емкостей и техники орнаментации [Шорин, 2000, с. 88–101; 2001, с. 154–161; Шорин, Вилисов, Шорина, 2013, с. 31–34]. Сосуды горшковидной формы с плоским или уплощенным дном, с высокой вертикальной, чаще вогнутой, шейкой, переходящей в раздутое тулово с резким

перегибом, который образует ребро на внутренней стороне. Орнамент занимает одну или две трети поверхности сосуда, представлен чередующимися одиночными или многорядными горизонтальными линиями или зигзагами, выполненными двузубым инструментом, реже – резцом в технике прочерчивания иногда с отступанием, наколами.

Более подробно рассмотрена *керамическая коллекция стоянки Варга 2* (т. 2, прил. 1). Она представлена несколькими типами, но по основным технико-морфологическим показателям выглядит единым комплексом [Чаиркина, 2007, с. 39–63]. Характерны стандартность примесей формовочных масс – большое количество талька, меньшее – слюды, песка и органических веществ; однородность обжиговых процессов, что, вероятно, является следствием использования глины одного или нескольких, однотипных по составу, сырьевых источников. Близок характер орнаментов и техника их нанесения – наколы, отступление и прочерчивание двузубым штампом или инструментом с рабочим краем гладкой формы, реже – оттиски «шагающей» гребенки. Судя по обнаруженным обломкам и отсутствию плоских днищ, сосуды круглодонные, отмечено небольшое преобладание слегка «закрытых» емкостей над «открытыми», примерно равное количество сосудов кокшаровско-юринского и кошкинского типов с наплывом на внутренней стороне венчиков.

Керамика *кошкинского* типа (т. 2, прил. 4, см. рис. 82, 3, 6, 9), численно преобладая над другими типами керамики, в раскопе 1 залегала в тех же стратиграфических условиях, что и кокшаровско-юринский, который практически отсутствует в раскопе 2. Для венчиков кошкинского типа характерна более разнообразная манера оформления. Орнамент наносился преимущественно прочерченной, прочерченной с периодическим отступанием, отступающей или накольчатой техникой, присутствуют сосуды, сочетающие ее с оттисками гребчатого, в том числе «шагающего», штампа. Характерной чертой декора внешней поверхности является нерасчлененность композиций узора на венчиках и тулове. Они состоят из монотонных горизонтальных

поясов более или менее плотно расположенных волнистых с разной амплитудой или прямых параллельных линий. Реже – из горизонтальных и наклонных волнистых, прямых разнонаправленных линий, волнистых и горизонтального пояса «шагающей» гребенки. Встречена неполная орнаментация поверхности.

В отличие от сосудов кошкинского типа, *кокшаровско-юрьинская керамика* декорирована преимущественно в «отступающей» технике, при использовании накалывания и прочерчивания инструментами с рабочим краем гладкой формы, двузубого штампа, единично – оттисков «шагающей» гребенки (т. 2, прил. 4, рис. 81, 1–6; 82, 1, 5, 8). Зона венчика почти всегда подчеркнута, композиции на тулове индивидуальны. Они состоят из взаимопроникающих треугольников, заштрихованных в разные стороны, концентрических 3–5 полукругов (арок), «древовидных» фигур. На некоторых сосудах фиксируются пояса из горизонтальных параллельных и длинных наклонных линий. Узор плотный, покрывает всю поверхность. На одной емкости по краю венчика присутствует рельефный налп.

На стоянке выявляется группа керамики – венчики и стенки от разных сосудов, которая по ряду признаков – использование «отступающей» техники, вероятно, полная орнаментация сосудов – характерна для кокшаровско-юрьинского типа керамики; по другим показателям – отсутствие геометрических фигур, более свободное расположение декора и его линейность – напоминает керамику кошкинского типа.

На стоянке Варга 2 присутствует небольшое количество фрагментов керамики, орнаментированной гребенчатым штампом. Судя по стратиграфическим условиям залегания вместе с керамикой кошкинского и кокшаровско-юрьинского типа, по составу примесей в глине, а также присутствию на сосудах с гребенчатой орнаментацией прочерченной техники и оттисков гребенки на кокшаровско-юрьинской и кошкинской посуде, можно

предположить одновременность бытования всех типов керамики, обнаруженных на памятнике.

Различия заключаются в преобладании в разных типах той или иной техники орнаментации (при наличии другой), в степени орнаментированности и композициях узоров. Оттиски двузубого и гребенчатого штампа, реже – «шагающей» гребенки на керамике кокшаровско-юрьинского типа зафиксированы на Кокшаровском холме [Шорин, 2001, с. 154–161], на керамике кошкинского типа поселения Нижнее озеро III [Чаиркина, Дубовцева, 2014, с. 4–13].

Изделия из камня. В неолитическом слое Кокшаровско-Юрьинской I (т. 2, прил. 1) стоянки найдено несколько десятков каменных орудий – ретушеры, шлифованный нож, обломки шлифованных орудий, шлифовальные плитки, массивные пластины с ретушью, грузила, скребки на отщепках, заготовки наконечников стрел и наконечники листовидной формы, шлифованные топоры, отщепы [Жилин и др., 2012].

Каменные изделия этого времени Кокшаровско-Юрьинской II стоянки (т. 2, прил. 1) представлены нуклеусами (т. 2, прил. 4, см. рис. 10, 13), скребками и острием на отщепках, отщепами с ретушью, шлифованным изделием из талька, отбойником и наковаленкой; шлифовальными плитками, абразивной пилой, обломками шлифованных орудий, отщепами [Жилин и др., 2012]. В неолитическом слое раскопа 2 заболоченной части Шигирского городища обнаружены кремнистый скол и галька со следами использования (т. 2, прил. 1).

На стоянке Варга 2 (т. 2, прил. 1) фиксируется расщепление нуклеусов, преимущественно из кремнистых пород и халцедона; оббивка и абразивная обработка заготовок – туффигов и сланцев [Косинская, 2007, с. 64–83]. Орудий из отщепов почти в два раза больше, чем из пластин. По степени микролитизации пластин материалы стоянки Варга 2 сопоставимы с неолитическими комплексами поселения Исетское Правобережное,

Кокшаровского холма [Кернер, 1991, с. 46–67; Сериков, 1991, с. 32–45; Вилисов, 2006, с. 181–188]. Однако доля орудий из пластин в них, по сравнению с материалами стоянки Варга 2, выше.

Техника резцового скола использовалась редко, сплошная двусторонняя обработка не отмечена; как правило, ретушировался рабочий край. Набор морфологически выраженных изделий невелик – наконечник стрелы, скребки, долотовидные орудия и острия, пластины с ретушью на боковых краях. По мнению Л.Л. Косинской, две трети орудий использовались для обработки кости, рога и древесины, большинство характеризуется слабым износом. Есть изделия с признаками смены функции.

Шлифованные орудия представлены деревообрабатывающими изделиями линзовидного, овального и прямоугольного сечения.

Таким образом, для каменного инвентаря торфяниковых памятников Зауралья эпохи неолита характерно небольшое разнообразие каменного сырья. Присутствуют орудия из пластин и отщепов, рабочие края которых оформлены краевой ретушью; мало резцов, но много скребков на отщепах, есть обломки деревообрабатывающих орудий.

Микролитическая вкладышевая техника, вероятно, существовала в Зауралье не только в мезолите, но и, по крайней мере, в раннем неолите. Обломок костяной оправы с пазом для вкладышей, микропластинки и нуклеус для их получения найдены на стоянке Варга 2 [Косинская, 2007, с. 64–83]. Обломок костяного узкого вкладышевого наконечника стрелы с двумя пазами – в ранненеолитическом слое стоянки Береговая II (торфяниковая) [Савченко, 2010, с. 136–137].

Как и каменный инвентарь мезолитических комплексов, материал рассматриваемой эпохи не отражает всего многообразия и специфики неолитической каменной индустрии Зауралья, а является отражением хозяйственных занятий, осуществляемых древними коллективами на прибрежных участках береговых поселений и стоянок.

Изделия из кости и рога. К эпохе неолита, вероятно, можно отнести некоторые костяные изделия, обнаруженные на Кокшаровско-Юрьинской I стоянке – заготовки ножей, рукояти орудий, острие, наконечники стрел, трудноопределимые обломки и скульптурку головы лося. Изделия этого времени Кокшаровско-Юрьинской II стоянки представлены игловидными и с утолщенной биконической головкой наконечниками стрел, плоскими вкладышевыми кинжалами и широкими ножами, подвесками из резцов бобра (т. 2, прил. 1) [Жилин и др., 2012].

В ранненеолитическом слое Береговой II (торфяниковой) стоянки найдены обломок струга из ребра животного, роговой посредник, орудия из нижних челюстей бобра, обломки заготовок и костей со следами обработки (т. 2, прил. 1). Фрагмент насада узкого плоского наконечника стрелы с пазами и вставка клевца из рога, обнаруженные здесь, ранее в неолитических материалах Урала не были известны [Савченко, 2010, с. 136–137].

На стоянке Варга 2 изделий из кости и рога немного, они происходят из раскопа 1 (т. 2, прил. 1) [Жилин, Савченко, 2007, с. 12–14]. В слое 4 обнаружен обломок шила и плоского массивного вкладышевого орудия, фрагмент шила, конус из отростка рога, а также два обломка рога со следами обработки.

В слое 5 найден обломок орудия из нижней челюсти бобра, роговое лезвие тесла и почти целый топор с зауженным лезвием, немногочисленные аналогии которому известны в материалах мезолитических памятников лесной зоны Северной Европы, Прибалтики и Восточного Прионежья [Жилин, 2001].

Костяные и роговые изделия обнаружены на стоянке Стрелка Горбуновского торфяника, исследованной в середине XX в. (т. 2, прил. 1). Материалы памятника пока, к сожалению, полностью не обработаны и не опубликованы. Однако некоторые изделия из органики этой стоянки типологически могут быть отнесены к эпохе неолита или раннего металла (т. 2, прил. 4, рис. 122), мезолитические слои на памятнике не зафиксированы.

Изделия из дерева в неолитических слоях исследованных памятников малочисленны. На поселении Анин остров II они представлены рейками, палочкой, фрагментами доски и ствола с затесом. В раскопе 2 Шигирского городища (болотное) – щепой и рейками; в раскопе 3 – рейками, обломками трудноопределимых орудий, плашками и фрагментами стволов с затесами (т. 2, прил. 1).

Хронология и периодизация. Первые периодизации и культурно-генетические схемы эпохи неолита Зауралья были предложены почти полвека назад, однако культурно-хронологическая атрибуция эпохи, происхождение и соотношения разных культурных типов и групп памятников остаются дискуссионными, что в определенной степени обусловлено малым количеством исследованных, особенно в последние годы, памятников.

Материалы береговых и торфяниковых памятников эпохи мезолита и неолита Зауралья демонстрируют преемственность в развитии технологий обработки камня, кости и рога, а также в системе расселения и природопользования. По меньшей мере, в эпоху мезолита в среде местного населения складывается устойчивая знаковая система, воплощенная в декоре Большого Шигирского идола и в гравированных изображениях на костяных и роговых изделиях в виде прямых и волнистых линий, зигзагов, заштрихованных треугольников, ромбов, нанесенных прорезыванием, нарезками, насечками, единично – отступанием. Этот набор декоративных элементов, выполненных, по существу, той же техникой – прочерчиванием, наколами, реже – отступанием, присутствует в орнаментах неолитической керамики кошкинского, кокшаровско-юрьинского и евстюнихского типов. На костяных наконечниках стрел обычен частый, широкий и растянутый зигзаг, зигзаг с отростками [Сериков, 2000, с. 205–206]. На керамике эпохи неолита зигзаги обычно наносились оттисками гребенчатого штампа или «шагающей» гребенкой. Вероятно, в эпоху неолита в среде аборигенного населения, наряду с введением ряда инноваций (в том числе – нового материала для

декорирования), сохраняются основные элементы знаковой системы и изобразительной деятельности, присущие мезолитическому населению Зауралья.

С другой стороны, глиняная посуда, обнаруженная на всех неолитических памятниках, выполнена по определенным канонам и стереотипам, не демонстрирует начальных этапов освоения керамического производства, что, возможно, указывает на ее неместное происхождение. Судя по радиоуглеродным датам, наиболее ранней посудой, появившейся на этой территории, по меньшей мере, в середине VI тыс. до н.э., является керамика кошкинского и, возможно, чуть более поздняя керамика кокшаровско-юринского типа. Если идея керамического производства была воспринята (привнесена или заимствована) местным населением, то велика вероятность копирования, прежде всего, основных технико-технологических и морфологических характеристик посуды – близкий (с элементами адаптации к местным сырьевым ресурсам) по составу аналог первоначального рецепта формовочных масс, формы сосудов, возможно, технического приема орнаментации. Керамика кошкинского и кокшаровско-юринского типов находит аналогии в глиняной посуде неолитических культур Среднеазиатского региона, прежде всего, кельтеминарской культурной общности конца VII–III тыс. до н.э. [Виноградов, 1981]. Сходство прослеживается в рецептурах формовочной массы, морфологии сосудов кругло- и остродонной формы, в наличии ладьевидных емкостей, со сливами; в технике нанесения узора (прочерченная и гребенчатая, в том числе «шагающая», насечки, ногтевые вдавления), преобладание волнистого и прямолинейного орнамента, традиции росписи красной краской (в Зауралье – сосуды, окрашенные охрой). Аналогии, безусловно, неполные. Идея керамического производства в Зауралье, возможно, была заимствована через систему посредников, которыми, вероятно, выступало родственное по мезолитической подоснове раннеолитическое население Южного Зауралья, на территории которого фиксируются те же типы керамики,

что и в эпоху неолита Среднего Зауралья. В этом случае допустима «потеря» и транзитный характер (сосуды ладьевидных форм, которых нет в Среднем Зауралье, но они есть в памятниках севера Западной Сибири) некоторых первоначальных элементов керамического производства, его адаптация к местным стереотипам культуры, наложение на «адаптированный образец» семантических текстов, выработанных в собственной среде. В этом случае сходство процессов неолитизации лесных культур Евразии можно объяснить продвижением керамического производства с юга на север и с запада на восток как результат культурной диффузии, поэтапное заимствование готовой технологии северными группами населения [Косинская, 2002, с. 215–223; Chairkina, Kosinskaia, 2009, p. 209–235].

Дискуссионность проблемы неолитизации Зауралья обусловлена во многом разным качеством публикаций археологических материалов, что затрудняет сравнение комплексов, определение динамики орнаментальных традиций. С другой стороны, культурная интерпретация неолитических комплексов Зауралья является в значительной степени методологической проблемой, которая определяется разными подходами в определении понятия «тип керамики». Одни исследователи понимают под ним всю совокупность керамического материала, обнаруженного в полузакрытых или закрытых комплексах, в том числе декорированного разными техническими приемами и композициями орнамента, порой – с разной формой посуды и прочими признаками. Другие, к числу которых относит себя и автор предлагаемого исследования, подразделяют эту совокупность на составляющие элементы – типы, для которых характерны определенные технические приемы декорирования и композиция орнамента. Эта градация объективно затруднена многокомпонентностью керамических комплексов и тем, что неолитическая посуда Зауралья и Западной Сибири не демонстрирует стилистического многообразия: для декорирования использовали схожие мотивы и сюжеты. Своеобразие орнаментации культурных типов достигается путем

использования разнообразных орудий для декорирования и сочетания различных способов работы ими [Чаиркина, Дубовцева, 2014, с. 4–13]. Реальным инструментом исследования многокомпонентных комплексов, является, вероятно, выявление отдельных групп (типов) керамики на том или ином поселении, определение их археологического контекста и анализ взаимовстречаемости на разных памятниках.

Анализ керамических комплексов затруднен и определением понятий «локальный» и «хронологический» вариант, «пограничность» типов керамики, орнаментальные традиции. Применительно к Южному, Среднему и Северному Зауралью, Тюменскому Притоболью и северу Западной Сибири исследователи оперируют ограниченным количеством терминов, обозначающих бытовавшие типы керамики на разных этапах эпохи неолита – кошкинский, боборыкинский, кокшаровско-юринский, полуденковский, сумпаньинский, сатыгинский и т.д. С одной стороны, оправдано нежелание исследователей вводить новые типы, с другой – очевидно, что реальный материал зачастую «не вписывается» в существующие дефиниции. Например, материалы памятников Северного и Среднего Зауралья, севера Западной Сибири и керамические комплексы эпонимных памятников Кошкино V и Боборыкино II (Курганская обл.), даже учитывая традиционность и определенную «закрытость» керамического производства, не могут быть очень похожи друг на друга. Между ними 500–1 000 км и явная, большая или меньшая, хронологическая не одновременность. Отсюда – возникающая повсеместно проблема определения типов керамики: «кошкининский тип – не кошкининский тип» и т.д.

Неолитические слои торфяниковых памятников Зауралья располагаются в четких стратиграфических позициях. На стоянке Кокшарово I культурный слой эпохи неолита лежит выше мезолитического слоя и перекрыт слоем эпохи раннего металла; на Кокшаровско-Юрьинской I – выше мезолитического слоя, перекрыт слоями эпохи раннего металла – железного века. На Кокшаровско-Юрьинской II культурный слой этого времени залегает выше мезолитического

слоя и перекрыт культурным слоем эпохи неолита и бронзового века. На Береговой II (торфяниковой) – выше мезолитических, но ниже слоя эпохи раннего металла; на Анином острове и поселении Шигирское А – перекрыт слоем раннего металла; Вашты VI-A – ниже слоя эпохи раннего металла и раннего железного века; на Шигирском городище (болотном) – перекрыт слоями раннего металла – раннего железного века.

В последние годы для эпохи неолита Зауралья [Выборнов, 2011, с. 232–235; Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014, с. 33–48] получены серии радиоуглеродных дат по вмещающим неолитический слой отложениям (торф, сапрпель) торфяниковых памятников, углю береговых поселений; изделиям из кости и дерева, по керамике (т. 2, прил. 3, табл. 11). Эти данные в целом подтверждают относительную хронологию неолита Зауралья, предложенную О.Н. Бадером [1970] и поддержанную В.Т. Ковалевой [1989]. Деление эпохи неолита на два этапа – ранний, содержащий комплексы козловской (кокшаровско-юрьинской) и кошкинской культур, и поздний, включающий материалы боборыкинской и полуденской культур, поддерживается практически всеми исследователями. Дискутируются культуuroобразующие признаки и хронологические рамки бытования этих образований, гомогенность и гетерогенность культурных традиций, исходные территории миграции, варианты взаимодействия с аборигенным населением и т.д.

По мнению В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой [2008, с. 30–43], козловская культура, включающая козловский, кокшаровско-юрьинский и евстюнихский типы керамики, сложилась на основе аборигенного мезолитического населения при инфильтрации носителей кельтеминарской культуры, с возможным участием культур (орловская) юго-западных регионов. Хронологические рамки бытования культуры определены исследователями второй половиной – концом VI – началом IV тыс. до н.э.

Гомогенная орнаментальная традиция кошкинской культуры имеет много общего с орловской, каиршакской и джангарской культурами, генетическое

сходство с которыми определено миграцией населения из районов Северного Прикаспия. Формирование кошкинской культуры относится к середине – второй половине V тыс. до н.э. по некалиброванной хронологической шкале [Ковалева, Зырянова, 2008б, с. 73–113].

Поздний неолит Среднего Зауралья, по мнению этих исследователей, представлен боборыкинской культурой, существовавшей от рубежа V–IV до последней четверти IV тыс. до н.э. Она сформировалась при прямой миграции населения из древнеземледельческого ареала, вероятно, – Северной Месопотамии и Кавказа. Полуденская культура, возможно, является самостоятельной культурой или стадией козловской культуры [Ковалева, Зырянова, 2008а, с. 42; 2010, с. 255–290].

Кошкинские и кокшаровско-юрьинские (козловские) комплексы, по мнению А.Ф. Шорина и А.А. Шориной [2011б, с. 77], сформировались в конце VI – на рубеже VI–V тыс. до н.э. и просуществовали до конца V – рубежа V–IV тыс. до н.э. по некалиброванной хронологической шкале. На рубеже V–IV, в начале IV тыс. до н.э. на смену им пришли полуденские и басьяновско-боборыкинские комплексы, основанные, преимущественно, на предшествующих традициях. В третьей четверти IV тыс. до н.э. поздненеолитические комплексы сменились энеолитическими [Шорин, Шорина, 2011б, с. 77].

К близким выводам о существовании двух этапов в неолите Зауралья приходят А.А. Выборнов, В.С. Мосин и А.В. Епимахов [2014, с. 35], проанализировавшие всю совокупность неолитических ^{14}C дат Волго-Уралья, Приуралья и Зауралья. Ранний этап неолита рассматриваемого региона, по их мнению, представлен двумя керамическими традициями – кошкинской и козловской, бытовавшими одновременно и появившимися около 6 210–5 900 гг. до н.э. по калиброванной шкале. Они имеют общую технологическую основу – использование илистых глин с органическим раствором, декорированы преимущественно накольчатой и прочерченной техникой при ограниченном

использовании зубчатого орнамента. В технологии кошкинского гончарства зафиксировано и присутствие сосудов с примесью шамота [Васильева, 2011, с. 103–124]. Ряд признаков керамических комплексов раннего неолита Зауралья: сочетание остродонных и плоскодонных форм, использование илистых глин с добавлением органического раствора или шамота, присутствие неорнаментированных сосудов; преобладание в технике орнаментации прочерчивания и отступающих наколов – позволили исследователям предположить заимствование технологий изготовления посуды зауральским населением у западных соседей – обитателей Волго-Уралья. Однако они не исключают возможность влияния на этот процесс и связей с населением Арало-Каспия [Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014, с. 45].

Интервал бытования кошкинских и козловских комплексов, судя по комплексу ^{14}C дат, в калиброванных значениях приходится на VI тыс. до н.э. Около 5 300–5 200 гг. до н.э. сформировались полуденские и басьяновско-боборыкинские комплексы, связанные с предшествующим кошкинско-козловским гончарством. Переход к энеолиту эволюционно начался во второй половине V тыс. до н.э. по калиброванной шкале [Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014, с. 46].

Анализ региональной хронологической схемы неолитических комплексов Зауралья затрудняет использование разных – калиброванных и некалиброванных значений дат, которыми оперируют исследователи. Практически во всех выборках отмечается внутренняя неоднородность – наличие отклонений от нормального распределения дат, которые, как правило, не учитываются [Шорин, Шорина, 2011б, с. 77; Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014, с. 35]. Однако учет и анализ всех значений (т. 2, прил. 3, табл. 11, 12), в том числе отклоняющихся, возможно, демонстрируют более сложные культурно-генетические процессы и хронологические реалии.

Самые ранние ^{14}C даты – 7 950±1 290 л.н. (JE-3064) или 8 570–5 530 гг. до н.э. и 8 400±1 400 л.н. (JE-3068) или 9 260–5 900 гг. до н.э. для эпохи

неолита Зауралья получены по углю жилища 1 берегового поселения Исетское Правобережное I. По мнению исследователя памятника, они маркируют керамику козловского типа [Кернер, 1991, с. 46–67]. По керамике этого типа, обнаруженной в том же жилище, получена ^{14}C дата – 6 310±90 л.н. (Ki-15917) или 5 470–5 210 гг. до н.э. [Кернер, 2011б, с. 239].

Комплексы евтюнихского типа по керамике поселения Исетское Правобережное I датируются 6 050±90 л.н. (Ki-15918) или 5 190–4 810 гг. до н.э. [Кернер, 2011б, с. 239]. По сосуду поселения Шайдуринское V – 5 830±80 л.н. (Ki-15590) или 4 790–4 590 гг. до н.э. [Ковалева, Зырянова, 2011, с. 240–242]. Этим датам близки ^{14}C даты, полученные по керамике этого типа с берегового поселения Евстюниха I, – 6 320±90 л.н. (Ki-16039) или 5 465–5220 гг. до н.э. и 6 180±90 л.н. (Ki-16040) или 5 280–5 000 гг. до н.э. [Бунькова (Герасименко), 2011, с. 236].

Для полуденских комплексов по керамике стоянки Полуденка I получена ^{14}C дата 5 970±70 л.н. (Ki-15872) или 4 960–4 730 гг. до н.э., из жилища 2 Исетского Правобережного поселения – 4 430±90 л.н. (Ki-15916) или 3 320–2 930 гг. до н.э. [Кернер, 2011б, с. 239]; по керамике с поселения Шайдуринское V – 5 770±90 л.н. (Ki-15632) или 4 720–4 520 гг. до н.э. [Ковалева, Зырянова, 2011, с. 240–242]. По керамике Кокшаровского холма – 6 070±80 л.н. (Ki-15540) или 5 200–4 850 гг. до н.э.; 5 980±90 л.н. (Ki-15539) или 4 990–4 750 гг. до н.э.; 5 980±90 л.н. (Ki-16170) или 4 990–4 750 гг. до н.э.; 5 970±80 л.н. (Ki-15913) или 4 950–4 730 гг. до н.э.

Таким образом, ранний неолит Зауралья включает комплексы козловской (кокшаровско-юрьинской) и кошкинской, поздний – боборыкинской и полуденской культуры. Керамическое производство, вероятно, появляется на этой территории около 6 200–5 900 гг. до н.э. или с учетом всего диапазона, в том числе отклоняющихся дат, около 6 800 г. до н.э. Наиболее ранние даты устанавливаются для кошкинских комплексов, которые бытовали в Зауралье довольно длительное время и на разных этапах неолита, возможно,

сосуществовали со всеми известными в регионе культурами и типами памятников. На раннем этапе (около 6 000–4 800 гг. до н.э.) – с козловскими (кокшаровско-юрьинскими), около 5 500–4 600 гг. до н.э. – с евстюнихскими комплексами. На заключительном этапе – с полуденской (около 5 200–4 500 гг. до н.э.), басьяновской (около 5 000–4 400 гг. до н.э.) и боборыкинской (около 4 700–3 800 гг. до н.э.) культурами.

Полуденская (5 200–4 500 гг. до н.э.) традиция оформляется около 5 300–5 200 гг. до н.э., вероятно, несколько позже – басьяновская, бытовавшая около 5 000–4 400 гг. до н.э., и боборыкинская (около 4 700–3 800 гг. до н.э.).

Совместное залегание керамики полуденского и кокшаровско-юрьинского типов зафиксировано на дне и в заполнении котлованов построек Липчинского поселения (раскопки автора). В одном из комплексов Кокшаровского холма керамика кокшаровско-юрьинского типа залегала вместе с кошкинским, в другом комплексе – с полуденским типом керамики [Шорин, 2000, с. 88–101; Шорин, Шорина, 2011б, с. 70–77]. В жилище 2 Исетского Правобережного поселения преобладали сосуды, орнаментированные гребенчатым штампом, находящие аналогии в памятниках типа Полуденки I. В этом же жилище обнаружены сосуды, орнаментированные в отступающе-накольчатой манере [Кернер, 1991, с. 46–67], вероятно, кокшаровско-юрьинского типа.

Одновременное бытование кошкинских и кокшаровско-юрьинских комплексов отмечено, по меньшей мере, на Кокшаровском холме [Шорин, 2000, с. 88–101; Шорин, Шорина, 2011а, с. 249–254; Шорин, Шорина, 2011б, с. 70–77] и стоянке Варга 2 [Жилин и др., 2007].

Не исключена и одновременность бытования на территории Среднего Зауралья кошкинских и боборыкинских комплексов, подтвержденная их совместным залеганием на поселениях Макуша III, Калмацкий Брод, возможно, – на Нижней и Верхней Макуше, Аятских поселениях [Панина, 1999, с. 35], Кокшаровско-Юрьинской стоянке [Ковалева, 1989].

Отмеченное одновременное существование нескольких типов керамики на разных этапах эпохи неолита и раннего металла отражает специфику стоянок и поселений Зауралья. Она проявилась в присутствии в одном культурном горизонте, порой в составе сооружений (жилищ), нескольких типов посуды различных орнаментальных традиций и в наличии однослойных (с керамикой одной орнаментальной традиции) или преимущественно однослойных (с явным доминированием одного из типов керамики). Сочетание техник при декорировании одного сосуда – явление редкое. Наблюдаемая многокомпонентность керамических комплексов неолита Зауралья, с одной стороны, своеобразная «закрытость, замкнутость» орнаментального стиля, с другой, – сосуществование с иной традицией может являться отражением социального контекста гончарного производства и/или демонстрировать «переходные стадии» и этапы развития разных орнаментальных традиций. Полученные в последние годы материалы, прежде всего новые радиоуглеродные даты, предполагают отказ от однолинейных схем развития неолитической орнаментики региона, предполагающих переход от «простых» прочерченных декоров к отступающей технике и использованию гребенчатых штампов на заключительной стадии эпохи.

Учитывая недостаточную разработанность культурно-хронологических схем и периодизации эпохи неолита Среднего Зауралья, невозможно дать полную характеристику всему комплексу материальной и духовной культуры, основываясь только на относительно небольшом количестве и единично исследованных торфяниковых памятниках. Для решения этих вопросов необходимо привлечение большего количества разносторонних источников.

2.3. Среда обитания, хозяйство и модели освоения вмещающего ландшафта в эпоху мезолита – неолита

Среда обитания. Палинологический анализ опорных разрезов на ряде торфяников Среднего Зауралья (т. 2, прил. 2; 4, см. рис. 80), подкрепленный радиоуглеродными датами, позволяет наметить основные этапы развития климата и растительности в регионе в финале плейстоцена и голоцене [Хотинский, 1977; Панова, 2001, с. 48–59; Панова, Антипина, Зарецкая, 2008, с. 188–194]. Конец последнего оледенения, как и на большей части лесной зоны Евразии, характеризовался сменой коротких периодов похолодания (дриас 1–3) и потепления (беллинг и аллеред). Около 10 300 л.н. прослеживается граница позднего дриаса и пребореального периода, характеризующаяся быстрой деградацией перигляциальной растительности и распространением лесов. Культурные слои эпохи раннего мезолита отложились в пребореальный период, около 10 200–9 000 л.н. В это время отмечено пересыхание мелких озер и образование подсапропелевого горизонта торфа на ряде торфяников Зауралья. Последовавшее вскоре похолодание и повышение влажности привело к деградации сосновых лесов и распространению травянистых сообществ. Во второй половине пребореального периода отмечается возрастание роли лиственницы и ели, увеличивается количество пыльцы березы, наблюдается повышение уровня озер и возобновление (Горбуновский торфяник) или начало (оз. Песчаное) отложения сапропелей. Максимум ели и лиственницы на Аятском торфянике датирован $9\,780 \pm 210$ (Mo-398) л.н. или 9 650–8 820 гг. до н.э., а окончание этой стадии – $9\,110 \pm 150$ л.н. (Mo-397) или 8 570–8 010 гг. до н.э. – определяет границу пребореального и бореального периодов [Хотинский, 1977, с. 72].

Средний мезолит Зауралья соотносится с бореальным периодом, около 9 000–8 000 л.н., в условиях сравнительно прохладного и сухого климата. Отложения сапропеля этого времени ($8\,750 \pm 70$ л.н. (ГИН-13865)) или 7 940–7

680 гг. до н.э.) рассмотрены Н.К. Пановой и Т.Г. Антипиной [2007б, с. 27–34] на стоянке Варга 2 и Береговой II (торфяниковой) стоянке (т. 2, прил. 2; 4, см. рис. 80). Палинозоны отличаются преобладанием пыльцы берез. Содержание пыльцы сосны в пределах 30–50 %, кустарниковых березок до 10 %. В небольшом количестве присутствуют микроостатки ели, лиственницы, сибирского кедра. Единично встречаются пыльцевые зерна ивы и ольхи, много пыльцы травянистых растений. Пыльцевые спектры отражают растительность березовых и сосново-березовых лесов с небольшой примесью ели и лиственницы в сочетании с остатками перигляциального травяно-кустарникового комплекса на открытых участках. В водоеме обитали зеленые водоросли, в т.ч. перигляциальные реликты. Климат был холоднее современного.

Культурные слои позднего мезолита на Береговой II (торяниковой) стоянке отложились на рубеже бореального и атлантического периодов, около 8 300–8 000 л.н. Пыльцевые спектры этого времени отражают увеличение количества пыльцы кустарниковых берез, что соответствует похолоданию климата.

Культурные слои эпохи неолита располагаются в основном в сапропеле, перекрытом торфом, реже – в нижней части торфяных отложений. Они сформировались в атлантический период, который Н.А. Хотинский [1977] рассматривает как термический оптимум голоцена и по материалам Зауралья датирует 4 500–8 000 л.н. Первая половина периода характеризовалась распространением сосняков. Во второй половине периода, по его мнению, максимально развились еловые леса, а широколиственные породы, судя по дате из Аятского торфяника после 6 230±150 л.н. (Mo-394) или 5 350–5 000 гг. до н.э., достигли наиболее северных форпостов [Хотинский, 1977, с. 81].

Палеоклиматические условия этого времени реконструируются на основании анализа спорово-пыльцевых диаграмм и серии радиоуглеродных дат стоянки Варга 2, Шигирского городища (болотное), поселения Шигирское А и

Береговой II (торфяниковой) стоянки (т. 2, прил. 2; 4, см. рис. 80, 87, 94). Пыльцевые спектры начальной стадии атлантического периода (7860±40 л.н. (ГИН-13864) или 6 750–6 740 гг. до н.э. и 7 500±40 (ГИН-13861) л.н. или 6430–6 270 гг. до н.э.), полученные на стоянке Варга 2, свидетельствуют о потеплении и формировании лесов южно-таежного облика [Панова, 2001, с. 48–59; Панова, Антипина, 2007б, с. 27–34; Панова, Антипина, Зарецкая, 2008]. В них преобладает пыльца сосны, увеличивается количество микроостатков ели и значительно уменьшается пыльца березы, появляются пихта и вяз. Переслаивание торфа и сапропеля (7 860±40 (ГИН-13864) или 6750–6 740 гг. до н.э. и 7 790±40 (ГИН-13863) л.н. или 6 660–6 570 гг. до н.э.), отмеченное в разрезе, свидетельствует о неустойчивой гидрологической обстановке в прибрежной части озера. Спектры нижней части торфяной залежи, соответствующие концу атлантического периода (4 870±40 л.н. (ГИН-13858) или 3 700–3 640 гг. до н.э.), отражают растительность елово-кедрово-сосновых лесов с лиственницей, южно-таежного или подтаежного облика, умеренно влажные и теплые климатические условия.

Окончательное заболачивание водоема на месте памятника произошло намного раньше, чем в более глубоководных местах Шигирского и некоторых других торфяников Зауралья. В отличие от спорово-пыльцевой диаграммы отложений, вскрытых в ненарушенной части Шигирского торфяника, на диаграмме раскопа стоянки Варга 2 динамика пыльцевых кривых выражена менее четко. Здесь значительно меньше пыльцы широколиственных пород, не выражен их позднеатлантический максимум. Некоторую неадекватность пыльцевых спектров исследователи объясняют частичным вымыванием пыльцы вследствие движения воды в месте впадения р. Варги [Панова, Антипина, 2007б, с. 27–34].

В разрезе Шигирского городища (болотное) отложения атлантического периода фиксируются в сапропелевых отложениях на глубине 110–200 см (т. 2, прил. 2; 4, см. рис. 94) [Панова, Антипина, 2007а, с. 48–50]. Карпологический

анализ этих слоев характеризует существование водоема с развитой водной растительностью. Присутствие сравнительно многочисленных остатков теплолюбивых наяд предполагает климатические условия более теплые, чем современные. Околоводные растения представлены озерным и лесным камышом, рогозом, сусаком зонтичным, чередой трехраздельной. В качестве околоводных видов рассматриваются пустырник, пикульник двунадрезный, шлемник. Остатки рудералов многочисленны и представлены крапивой, маревыми.

Среди хвойных видов преобладают остатки сосны и лиственницы, ель единична. На глубине 188 см найдены единичные остатки семян калины обыкновенной, черемухи, шиповника. Семена брусники были обнаружены в сохранившемся околоплоднике ягоды. Формирование сапропелевых отложений происходило в более теплых климатических условиях, по сравнению со временем накопления торфа и современными.

На спорово-пыльцевой диаграмме Шигирского городища нижняя часть сапропелевых отложений (глубина 150–200 см) включена в палинозону 1, которая отличается наибольшим участием пыльцы широколиственных пород. Примерно в равных количествах присутствуют пыльца сосны и березы. На глубине 160 см отмечено максимальное количество пыльцы вяза (5,2 %); ее максимум в Аятском торфянике датируется концом атлантического периода, по ^{14}C 4 630±150 л.н. (Mo-389) или 3 630–3 110 гг. до н.э. [Хотинский, 1977].

Спорово-пыльцевые спектры этих отложений характеризуют растительность смешанных хвойно-лиственных лесов с преобладанием березы и сосны, с примесью широколиственных, с участием ольхи, ели и сибирского кедра. Вторая половина атлантического периода была наиболее теплым и достаточно влажным временем голоцена. На месте Шигирского торфяника существовало озеро, в котором накапливались сапропели. Для бореального и атлантического периода в целом характерно высокое стояние воды в озерах [Панова, 2001, с. 48–59].

Система расселения. Среди известных торфяниковых памятников Зауралья самые ранние датируются эпохой мезолита. Все они располагаются в прибрежных частях береговых поселений. Культурные слои этого времени сформировались в пребореальный и бореальный периоды в условиях сравнительно прохладного и сухого климата.

Культурные слои эпохи неолита отложились в атлантический период, в иных климатических условиях. Только один из них – Стрелка – располагается в котловинной заторфованной части Горбуновского торфяника, остальные – на прибрежных участках береговых поселений. Мезолитические и неолитические слои в исследованных памятниках зафиксированы в основном в минеральном грунте и сапропеле, которые только в более поздние эпохи были перекрыты торфом. Ныне заторфованные части этих памятников в то время представляли собой прибрежные незатопленные участки, на которых формировались *in situ* слои в минеральном грунте, или были покрыты водами озера (слои располагаются в сапропеле). В последнем случае формируются не горизонты обитания, а слои прибрежного мусора с преднамеренно выброшенными или случайно затонувшими вещами.

В торфе залегают культурные слои раннего неолита на стоянках Варга 2, Береговая II (торфяниковая) и III. Прибрежные участки зауральских памятников в эпоху мезолита и неолита функционировали как структурные части береговых базовых поселений, они многофункциональны, являлись коммуникационными и производственными площадками, о чем свидетельствует набор инвентаря. Здесь производилась минимальная камнеобработка. Рыболовный инвентарь немногочислен, представлен грузилами и поплавками, остатки запорных сооружений не обнаружены. По этим прибрежным участкам осуществлялся выход к открытой воде. На всех памятниках эпохи неолита здесь обнаружены обломки глиняных сосудов.

В составе фаунистических остатков раннемезолитического V культурного слоя Береговой II (торфяниковой) стоянки (т. 2, прил. 1) существенно

преобладают костные остатки лося, присутствуют кости бобра, благородного и северного оленя, медведя, водоплавающих птиц. Найдены кости рыб – щуки, карася, окуня, плотвы и карповых [Савченко, 2014, с. 185].

В культурных слоях среднего мезолита этого памятника много костей лося, несколько меньше бобра, мало – северного оленя и медведя.

На Кокшаровско-Юрьинских стоянках костные остатки лося представлены практически всеми частями скелета, что говорит о приносе их на поселения целиком или по частям и утилизации для получения мяса и шкур. Очевидно, что охота имела выраженное «мясное» направление, добыча потреблялась в пределах хозяйственного коллектива. Во всех комплексах присутствуют кости собак, которые, вероятно, использовались на охоте, возможно, употреблялись в пищу. На Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянках много остатков волка. В культурных слоях этих памятников найдены кости лошади и сайги, что, вероятно, указывает на сохранение в районе Юрьинского озера с эпохи плейстоцена отдельных остепненных участков [Жилин и др., 2012, с. 115–117].

Специфичен состав элементов скелета медведя, представленный на Кокшаровско-Юрьинской II стоянке почти исключительно костями черепа и лап, не исключено, что они происходят из специализированного хранилища, возможно, святилища.

На Береговой II (торфяниковой) стоянке найдено много костей разных водоплавающих птиц и рыб – щуки, карася, окуня, плотвы, карповых и тайменя, которые часто встречаются в виде скоплений [Савченко, 2014, с. 193]. На Кокшаровско-Юрьинских стоянках костей птиц, в том числе водоплавающих, и рыб, которые принадлежат некрупным особям, немного.

В III культурном слое Береговой II (торфяниковой) стоянке – единственного исследованного раскопками позднемезолитического торфяникового памятника преобладают кости лося и бобра. Обнаружено значительное количество костей водоплавающих птиц, присутствуют кости

лесных птиц – глухаря, вальдшнепа, тетерева. Есть кости медведя, волка, лисицы, северного оленя, зайца, соболя и др. Скопления рыб представлены костями щуки и окуня [Савченко, 2014, с. 201].

В смешанном комплексе «эпоха неолита – ранний бронзовый век» на Кокшаровско-Юрьинских стоянках, по сравнению с эпохой мезолита, уменьшилась роль собаки, хотя она и использовалась, а в структуре добычи – доля бобра, увеличилась доля северного оленя [Жилин и др., 2012, с. 115–116]. Основным промысловым видом и в эпоху неолита был лось, относительно много добывали волка. Охота, очевидно, также имела выраженное мясное направление.

Среди костных остатков неолитической стоянки Варга 2 доминирует лось, примерно в три раза меньше северного оленя; в небольшом количестве присутствуют кости собаки, волка, бобра и медведя. Добытых животных разделывали на стоянке. Соотношение основных отделов скелета лося и северного оленя близко, что, вероятно, указывает на одинаковый способ утилизации их туш. У копытных расколоты все фаланги, включая копытные. Единично представлены кости птицы и рыбы, вероятно, этот промысел имел для жителей небольшое значение [Косинцев, 2007, с. 84–91].

В неолитическом слое Шигирского городища почти все сильно раздробленные кости, что указывает на высокую степень утилизацию туш, принадлежат лосю. Кости северного оленя представлены практически всеми частями скелета, степень их раздробленности высокая. Кости бобра раздроблены в гораздо меньшей степени. Заяц, выдра и соболь или куница представлены единичными костями (определение П.А. Косинцева).

Охота у населения эпохи мезолита и неолита, вероятно, имела ярко выраженное мясное направление. Главным промысловым видом был лось. На Кокшаровско-Юрьинских стоянках промысел велся весной-осенью. Состав элементов скелета наиболее массовых видов указывает на то, что добыча целиком приносилась на поселения и здесь разделывалась. Утилизация туш

была высокой. Промысел пушных видов, водоплавающих птиц и рыб, в отличие от Береговой II (торфяниковой) стоянки, был незначительным.

Вероятно, для населения Зауралья эпохи мезолита и неолита была характерна круглогодичность добычи. Однако малочисленность исследованных торфяниковых стоянок этого времени и явная недостаточность материалов, неполно отражающих реальную картину, пока не выявляет специфику хозяйственных циклов.

Так, сезон обитания стоянки Варга 2 определяется по особенностям видового состава добытых животных и их индивидуальному возрасту. Структура промысловой добычи здесь необычна, по сравнению с береговыми комплексами эпохи неолита, что проявилось в небольшом количестве костей рыб и, особенно, птиц. Очевидно, в период обитания людей на стоянке их промысел был затруднен, что, вероятно, связано с сезоном обитания – середина апреля, когда большая часть водоплавающих птиц еще не прилетела, а состояние льда на водоемах не позволяло эффективно заниматься рыболовством. Жители явно испытывали недостаток пищи. Они добывали все доступные виды, приносили туши на стоянку и максимально использовали их. Добывали и съедали щенков волков, разбивали для извлечения костного мозга копытные фаланги [Косинцев, 2007, с. 84–91].

Вероятно, основным охотничьим оружием в эпоху мезолита и неолита Зауралья являлись лук и стрелы – кремневые и хорошо представленные в материалах торфяниковых памятников костяные (цельные и вкладышевые игловидные, узкие плоские, однокрылые и двукрылые, наконечники с утолщенной головкой и стержнем между головкой и насадом). Кроме лука на охоте, по крайней мере, с периода среднего мезолита применялись рогатины с массивными наконечниками. Для добывания зверя и возможной обороны могли использоваться кинжалы из кости и рога [Жилин, 2002а, 112–122].

В культурных слоях эпохи мезолита и неолита торфяниковых памятников рассматриваемой территории остатки водоплавающих птиц обнаружены в

небольшом количестве. Можно лишь гипотетически предполагать использование для их ловли специальных приспособлений – петель, ловушек, ставных сетей и т.д., которые пока не обнаружены. Вероятно, о применении лука и стрел для охоты на водоплавающих птиц свидетельствуют находки костяных наконечников, найденных в озерных отложениях на значительном удалении от стоянок.

Сложно говорить и о реальной доле рыболовства в хозяйственной структуре мезолитического и неолитического населения Зауралья. На Кокшаровско-Юрьинских памятниках и стоянке Варга 2 кости рыб немногочисленны; несколько больше их обнаружено на Береговой II (торфяниковой) стоянке. Орудия рыболовства представлены рыболовным крючком, найденным в раннемезолитическом слое Береговой II (торфяниковой) стоянки, и обломком стержня цельного крючка с Кокшаровско-Юрьинской I стоянки; наконечниками гарпунов и зубчатыми остриями, которые могли использоваться для добычи крупной рыбы или водных животных (бобра, выдры). На торфяниковых памятниках эпохи мезолита и неолита Зауралья пока отсутствуют остатки сетей, верш, заголов и весла, найдено несколько грузил, единично – поплавки. Костные остатки рыб принадлежат некрупным особям, что позволяет предполагать использование для их ловли пассивных орудий – сетей, вентерей и т.д.

На стоянках эпохи мезолита и неолита Волго-Окского междуречья найдены разнообразные орудия рыболовства – обрывок рыболовной сети из растительного материала и поплавок из сосновой коры, многочисленные грузила и поплавки, палки-клячи и диски от ботал, которые указывают на применение бредня или невода наряду со ставными сетями. Представлены остатки верш, плетеных из ивового прута и из длинных сосновых лучин, переплетенных лыком. На поселении Становое 4 обнаружены остатки заголов. Разнообразны орудия индивидуального лова – наконечники гарпунов и острог, грузики и рыболовные крючки [Жилин, 2002б, 112–122].

Большой запас природных ресурсов и возможность ведения различных отраслей хозяйства – охоты, рыболовства и собирательства – определяли устойчивость мезолитической и неолитической экономики Зауралья. Она без значительных изменений существовала до эпохи раннего металла, когда, вероятно, увеличение плотности населения региона и изменившиеся климатические условия привели к некоторым хозяйственно-культурным трансформациям. Подобная ситуация наблюдалась в этот период и на территории Окско-Волжского междуречья [Жилин, 2002а, с. 112–122].

Мезолитическая и ранненеолитическая костяная и роговая индустрия Зауралья, в меньшей степени каменный инвентарь, находит большое количество аналогий в материалах лесной зоны Восточной Европы, что явно свидетельствует о наличии культурных контактов населения этих территорий [Жилин, 2001; Жилин и др., 2012; Савченко, 2014]. Однако очевидно и существенно меньшее количество в Зауралье, по сравнению с лесной зоной Восточной Европы, торфяниковых памятников, содержащих культурные слои эпохи мезолита и неолита, а также небольшое количество и меньший ассортимент инвентаря исследованных здесь раскопками стоянок. Это обстоятельство, с одной стороны, можно объяснить недостаточной изученностью и объективной сложностью поиска памятников этого времени в Зауралье. С другой стороны, не исключено, что малое количество памятников этих периодов в Зауралье обусловлено несколько иными палеоклиматическими, при общей сходной направленности изменений климата в конце плейстоцена – раннем голоцене, условиями Зауралья и лесной зоны Восточной Европы. Болото- и торфообразование началось еще в раннем голоцене, но, вероятно, в пребореальном, бореальном и на протяжении первой половины атлантического периода на территории Зауралья, во время функционирования памятников эпохи мезолита и неолита, эти процессы не были повсеместны, а охватывали локальные участки озер. В Восточной Европе, на Севере Европейской части России, Волго-Окском междуречье и Восточной Прибалтике торфяниковых

памятников этого времени значительно больше. Культурные слои некоторых из них, особенно центра Русской равнины, вероятно, сформировались в иной микроклиматической ситуации, чем зауральские памятники, – в период регрессивной стадии водоемов, когда формировались подсапропелевые прослойки торфа или пересыхали значительные площади прибрежных участков и формировались *in situ* слои с большим количеством археологического материала. Свидетельства регрессивных и трансгрессивных фаз бореального и первой половины атлантического периода на уральских водоемах не отчетливы. Здесь в это время наиболее активно заселяются береговые площадки, на которых не сохраняются изделия из органики. Площадь прибрежных участков, не занятых водой, была невелика, на них производилась минимальная хозяйственная деятельность, материальные следы которой, в целом, немногочисленны. Вероятно, в эпоху мезолита и неолита активно осваивалась водная акватория озер, о чем свидетельствует, например, большое количество разнообразных костяных наконечников стрел, гарпунов и других изделий, найденных в сапропелевых отложениях Шигирского палеозера.

ГЛАВА 3. ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

3.1. Археологические культуры и типы памятников

Материалы эпохи раннего металла обнаружены практически на всех торфяниковых памятниках Зауралья – Кокшаровско-Юрьинская I, Кокшаровско-Юрьинская II, Кокшарово I (болотное), Дальний разрез и VI Разрез Горбуновского торфяника, Стрелка, Береговая (торфяниковая) I, Береговая II (торфяниковая), Береговая V-A, Шигирский Исток I, Шигирский Исток II, Анин остров, Анин остров II, Скворцовская гора II (болотная), Резной I, Шигирское А, Островок с глиняными горшками (болотная), Шигирская III (болотная), Шигирское городище (болотное), Шигирское городище I (болотное), Шувакиш VI-B, Шувакиш XI-Д, Шувакиш I, Разбойничий Остров, Вашты VI-A, Ельничное I-A, Озеро Мелкое, Половинное I, Молтаево II.

Культурно-хронологическую принадлежность 19 памятников – Кокшаровско-Запроточная VI (болотное), Местонахождение на канаве, IV Разрез и IV-A Разрез Горбуновского торфяника, Дальний разрез А, Дальний разрез Б, Поперечный разрез, Новый разрез, Новый разрез А, Новый разрез Б, Язевская I, Язевская II, Карасьезерское I-A, Карасьезерская II-A, Шувакиш V-B, Шувакиш XIX-E, Половинное озеро IV, Половинное озеро VII, Половинное озеро X – установить сложно. В них отсутствуют керамика и специфические типы изделий, культурные слои пока не датированы ¹⁴C методом. Однако стратиграфические условия залегания, характер обработки изделий из камня и дерева не исключают их датировку эпохой раннего металла.

На восточном склоне Урала, в прилегающих районах Западной Сибири и Северного Казахстана исследователи вычленяют обширную культурно-историческую область (КИО) эпохи энеолита – восточноуральскую [Бадер,

1970, с. 157–171], Зауральско-Североказахстанскую [Чаиркина, 1993, с. 216–217; 1997] или Зауральско-Казахстанскую [Шорин, 1999]. Периодизация и культурно-генетические схемы энеолитических (эпохи раннего металла) культур и типов памятников Зауралья были предложены в 90-х гг. XX в. и в начале XXI в. [Чаиркина, 1995; 1997; 2005; Шорин, 1999; 2004; Ковалева, Клементьева, 2004]. К сожалению, в последние годы в Зауралье практически не проводились исследования памятников этого времени. Не появилось, несмотря на дискуссионность ряда высказанных ранее гипотез, и новых обобщающих работ, посвященных этой проблематике. Поэтому в предлагаемом разделе исследования приведена точка зрения автора на культурно-генетическую ситуацию, сложившуюся в регионе в эпоху раннего металла, высказанная ранее [Чаиркина, 2005].

Начало эпохи энеолита Среднего Зауралья маркируют материалы выделенной автором шувакишской археологической культуры [Чаиркина, 1995; 2005, с. 273–278] и липчинского типа памятников. Субстратная основа для формирования *шувакишской культуры*, бытовавшей в Зауралье в первой половине IV – начале III тыс. до н.э., в автохтонной неолитической среде, вероятно, отсутствует. Большое количество аналогий материалы этой культуры находят в комплексах новоильинской, раннеборской и поздней верхневолжской археологических культур.

Керамика шувакишского типа представлена сосудами баночной формы с округлым, реже уплощенным, единично – плоским дном. Они орнаментированы крупнозубым овальным, «гусеничным», «рамчатым» и «пунктирным» (веревочным) штампом. Присутствуют «шагающие» и штампованные отпечатки гребенчатого штампа средних размеров. Внутренняя поверхность венчика орнаментирована наклонными линиями, горизонтальным зигзагом. Подавляющее большинство срезов сосудов не декорированы, на остальных нанесены наклонные, единично – горизонтальная линия, зигзаг. Орнаментальное поле емкостей, как правило, покрыто монотонно

повторяющимися поясами, состоящими из горизонтальных и наклонных линий, зигзагов, «флажков», незамкнутых треугольников, заштрихованных параллельно одной из сторон, не заштрихованных треугольников, реже – лент, ромбов и ромбической сетки. Несколько сосудов декорировано более сложным узором, сочетающим горизонтальную и вертикальную зональность. Есть емкости, вся поверхность которых орнаментирована вертикальными зигзагами. Встречаются оттиски короткого гребенчатого штампа, развернутые под углом («уголковые» вдавления) (т. 2, прил. 4, см. рис. 105).

Ареал распространения памятников *липчинского типа* включает районы Северного, Среднего и Южного Зауралья, Среднего и Нижнего Притоболья, Кондинскую низменность Севера Западной Сибири.

Стратиграфические и палинологические данные, радиоуглеродные даты позволяют отнести липчинские комплексы Зауралья к первой половине IV – началу III тыс. до н.э. (т. 2, прил. 3). Об этом свидетельствует радиоуглеродная дата, полученная по древесине из сапропелевой толщи стоянки Разбойничий Остров (нижний слой) – $4\,960 \pm 210$ л.н. (ИЭРЖ–131) или 3 990–3 520 гг. до н.э. и AMS датировки некоторых деревянных изделий, обнаруженных на VI Разрезе Горбуновского торфяника из раскопов Д.Н. Эдинга [Chairkina, Kuzmin, Burr, 2013, p. 418–429].

Не исключено, что формирование липчинских комплексов произошло на рубеже эпохи неолита и раннего металла, в местной среде. Элементы липчинской орнаментики, отчасти техника нанесения (отступающе-накольчатая) присутствуют в неолитической керамике кокшаровско-юрьинского типа (техника отступающего накола). Сплошное и плотное расположение узора, горизонтальные и вертикальные волнистые линии, взаимопроникающие и заштрихованные треугольники, ромбическая сетка, сочетание горизонтальной и вертикальной зональности и другие элементы характерны для липчинского и кокшаровско-юрьинского типа керамики

[Ковалева, 1989, рис. 1–6; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993, рис. 20–23, 25; Чаиркина, 2005, рис. 12, 26–30].

В сложении керамики липчинского типа не исключена и вероятность участия боборыкинской орнаментальной традиции, которая привнесла специфичный декор, элементы сложных геометрических фигур – высокие треугольники, ромбы, вертикальные столбики, обрамленные «бахромой», вертикальный и горизонтальный зигзаг, уплощенное дно. Дальнейший генезис органично связан и во многом обусловлен взаимодействием с кругом культур гребенчатой керамики.

Формирование липчинских комплексов происходило, вероятно, конвергентно на всей территории Среднего, Южного и Северного Зауралья. Общий неолитический субстрат определил элементы сходства, а конкретный генезис и инокультурные инновации – элементы различия в липчинских комплексах. Во второй половине IV – начале III тыс. до н.э. на территории Среднего Зауралья происходило взаимодействие и сосуществование групп населения с посудой липчинского и шувакишского типов, что привело к формированию аятской археологической культуры.

Аятская культура была выделена В.Ф. Старковым [1970, с. 97–106; Ковалева, Клементьева, 2004, с. 12–22; Шорин, 2004, с. 23–28] по материалам поселений Кокшарово I и Аятских Правобережных. Памятники этого типа локализуются в Свердловско-Тагильском районе, в бассейне верхнего и среднего течения рр. Пышмы, Исети и Миасса. Сосуды кругло-, единично плоскодонные с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, орнаментированы гребенчатым штампом. Композиции узоров состоят из двух-трех горизонтальных поясов, заполненных геометрическими фигурами и наклонными линиями, горизонтальными и вертикальными зигзагами; замкнутыми и незамкнутыми заштрихованными и/или полыми треугольниками, ромбами и лентами. Фигуры средних и мелких размеров расположены широко, создавая иллюзию наличия свободных зон (т. 2, прил. 4, см. рис. 112).

3.2. Периодизация, хронология и среда обитания

В слоях эпохи раннего металла береговых и торфяниковых памятников (Кокшаровско-Юрьинская I, Кокшарово I (болотное), Анин остров, Островок с глиняными горшками (болотная), Шигирское городище (болотное), Шувакиш I, Шувакиш XI-Д, Ельничное I, VI Разрез Горбуновского торфяника, Разбойничий Остров и др.) преобладают комплексы, содержащие керамику шувакишского и/или аятского и липчинского типов. В нижнем слое стоянки Разбойничий Остров наблюдалось явное преобладание керамики липчинского типа. На Дальнем разрезе Горбуновского торфяника, на контакте торфа и сапропеля, обнаружена только керамика липчинского типа.

Нижние культурные слои поселения Шувакиш XI-Е и Ельничное I-А, средний Вашты VI-А, шурф у озера Мелкого, Береговая I (торфяниковая), Шигирское А и другие содержали керамику, орнаментированную только гребенчатым штампом. Преимущественно, аятского типа – Кокшаровско-Юрьинская II, Береговая II (торфяниковая); Береговая V-А, Шигирский Исток I и II, Анин остров II, Скворцовская гора II (болотная), Резной I, Шигирское А, Шигирское городище I (болотное), Шувакиш VI-В, Вашты VI-А, озеро Мелкое, Половинное озеро I. Возможно, только керамика шувакишского типа зафиксирована на стоянке Шигирская III (болотная).

Культурные слои эпохи раннего металла располагаются в сапропеле, на контакте торфа и сапропеля, в нижней части торфяных отложений. Горизонты обитания с керамикой одного и того же типа на разных торфяниках могут залегать в различных литологических условиях, что является показателем относительной несинхронности процессов заболачивания как на отдельных участках палеоозера, так и на разных водоемах Зауралья. Они занимают промежуточную позицию между культурными слоями эпохи неолита и бронзового – железного века. На стоянках Кокшаровско-Юрьинская I и II, Кокшарово I, Вашты VI-А и Шигирское А, Анин остров, Шигирское городище

(болотное) и Береговая II (торфяниковая) перекрывали неолитические слои. На стоянке Кокшаровско-Юрьинская III, Береговая I (торфяниковая) лежали выше мезолитического слоя. В шурфе у озера Мелкого, на стоянке Разбойничий Остров, VI Разрезе, Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянках перекрыты слоями бронзового века.

В стратиграфической колонке нижнюю позицию занимают комплексы с керамикой шувакишского типа (нижние слои поселения Шувакиш XI-E, Ельничное I-A) или слои с выраженным преобладанием керамики липчинского типа (нижние слои стоянки Разбойничий Остров, VI Разрез). Те и другие перекрыты слоями с керамикой липчинского, аятского, в меньшей степени шувакишского типов, залегающих совместно (средние слои стоянок Разбойничий Остров, VI Разрез, поселение Шувакиш XI-D, верхний слой Ельничное I-A).

Культурные слои этого времени располагались, как указывалось выше, в нижней части торфяных отложений и в сапропеле, контакт между ними – момент пересыхания водоема и начало процессов заболачивания. На исследованных участках озер эти процессы начались на заключительной стадии атлантического – в начале суббореального периода. Периодизация и хронология памятников эпохи раннего металла Зауралья устанавливается при сопоставлении отмеченных стратиграфических показателей с палеоклиматической моделью позднего атлантического – раннего суббореального периодов. Н.А. Хотинский [1989, с. 12–17] рассматривал заключительную фазу атлантического периода как относительно засушливую, когда при увеличении температур сокращается количество осадков, происходит формирование пограничных горизонтов и отмечается наибольшая дифференциация растительных зон, максимальный расцвет темнохвойных и широколиственных лесов. Суббореальный период (SB) он разделил на три фазы: SB-1 – раннесуббореальное похолодание (около 4 100–4 600 л.н.), SB-2 – среднесуббореальное потепление (3 200 или 3 400–4 100 л.н.), которое для

некоторых районов условно может рассматриваться как ксеротермическая фаза; SB-3 – позднесуббореальное похолодание и увеличение увлажненности климата (2 500–3 200 или 3 400 л.н.). В начале SB около 4 500 л.н., по мнению Н.А. Хотинского [1977, с. 70–82], произошло резкое похолодание, замедлились процессы торфонакопления.

Проанализированы палинологические спектры торфяниково-сапропелевых разрезов заторфованной части Шигирского городища, поселения Шигирское А, стоянки Разбойничий Остров, поселения Половинное Озеро I (т. 2, прил. 2; 4, см. рис. 87, 94) [Чаиркина и др., 1999, с. 73–75]. Пыльцевые спектры второй половины атлантического периода (4960±210 л.н. (ИЭРЖ-131) или 3 990–3 520 гг. до н.э.) отмечены на диаграмме стоянки Разбойничий Остров [Панова, 1997, с. 28–31]. Они отличаются наибольшей встречаемостью пыльцы широколиственных пород и отражают самое теплое время голоцена. В растительности преобладали смешанные березово-сосновые леса с примесью ели и небольшим участием широколиственных пород. На границе AT и SB отмечается своеобразный переломный момент в послеледниковой истории Зауралья. Изменение климатических условий в сторону уменьшения влажности и теплообеспеченности привело к сокращению в составе лесов компонентов неморальной флоры, увеличению роли сосны, а также повсеместному обмелению и заболачиванию водоемов. Начало SB (ок. 4 500 л.н.) в спорово-пыльцевом спектре отмечено резким повышением содержания пыльцы сосны, уменьшением – ели, исчезновением микроостатков широколиственных пород, что соответствует похолоданию и уменьшению влажности. В начале периода встречается пыльца пихты, липы, дуба. Первый максимум пыльцы ели совпадает с пиком спор папоротников, что может служить свидетельством повышенной увлажненности. Возраст осадков, отнесенных к SB, на стоянке Разбойничий Остров подтверждается радиоуглеродными датами, полученными по древесине, – 3 615±260 (ИЭРЖ-132) или 2 340–1 650 гг. до н.э. и 2 990±122 (ИЭРЖ-133) л.н. или 1390–1 050 гг. до н.э. (т. 2, прил. 3, табл. 12).

Радиоуглеродные даты получены для керамики аятского типа (?) Кокшаровского холма – 5 440±90 л.н. (Ki-15541) или 4 430–4 080 гг. до н.э. и 5 250±90 л.н. (Ki-15907) или 4 230–3 980 гг. до н.э. [Шорин, Шорина, 2011а, с. 249–254]. Серия ¹⁴C дата для поселения Кочегарово I позволяют отнести материалы эпохи раннего металла этого памятника, расположенного в Южном Зауралье, к началу IV тыс. до н.э. в калиброванных значениях [Мосин, Страхов, 2011, с. 244–245]. 3 950–3 800 гг. до н.э. датируется и фрагмент антропоморфной фигуры VI Разреза Горбуновского торфяника [Chairkina, Kuzmin, Burr, 2013, с. 418–429].

Серией радиоуглеродных дат нижняя граница эпохи раннего металла очерчивается около 4 000 г. до н.э., верхняя – определена условно по началу бытования комплексов раннего бронзового века – около 2 500 г. до н.э. (т. 2, прил. 3, табл. 12).

На раннем этапе эпохи раннего металла сложилась, вероятно, сбалансированная связь социума с экосистемой, что проявилось в резком увеличении численности населения, фиксируемом, по крайней мере, в районах горнолесного Зауралья. Однако около середины III тыс. до н.э., в финале атлантика, возможно, в раннем суббореальном периоде изменяется природно-климатическая ситуация. Происходит повсеместное заторфовывание озер, что отрицательно отражается на продуктивности гидросети, складываются, возможно, трудности природопользования и, вероятно, демографический дисбаланс [Чаиркина, 2005].

3.3. Основные направления хозяйственной деятельности

Материалы торфяниковых памятников не дают полной информации о *каменной индустрии* раннего металла Зауралья, специфичен ассортиментный набор изделий, обнаруженных здесь (т. 2, прил. 3, табл. 1–10; 4, см. рис. 89–91, 106–109, 113–115). Эти факты отчасти обусловлены разновременностью

исследованных памятников в рамках эпохи; в большей степени определены их функциональной спецификой: сезонная рыболовная стоянка Разбойничий Остров; сезонное, многократно посещаемое поселение Шувакиш I и Шигирское городище (болотное), культовая площадка VI Разрез Горбуновского торфяника и т.д. Характер и динамика индустрии раннего металла Зауралья реконструируется в комплексе с материалами береговых памятников этого времени [Чаиркина, 2005, с. 200–206].

На торфяниковых памятниках практически не представлены стадии первичного расщепления и нуклеусы. На поселении Шувакиш I найдено семь нуклеусов и их обломков, на Шигирском городище (болотное) – три. Характерны призматические, конусовидные и торцовые нуклеусы, предназначенные для получения пластин-заготовок. Специфика индустрии проявилась в наличии торцовых и клиновидных нуклеусов со следами вторичного использования в качестве орудий.

Процессы «поджигления» нуклеусов связаны со специализированными сколами – горизонтальными и вертикальными, реберчатыми пластинами, которые присутствуют практически на всех памятниках, где расщеплялся камень. На стоянке Разбойничий Остров обнаружены горизонтальный и несколько вертикальных сколов, реберчатые пластины; на Шигирском городище (болотное) – вертикальный скол и орудие, которое, возможно, использовалось как отбойник.

Самая многочисленная группа – отходы производства, среди которых преобладают отщепы, в том числе первичные. Пластины без следов использования были, вероятно, потенциальными заготовками. Они в большом количестве обнаружены на береговых памятниках, содержащих керамику шувакишского и липчинско-шувакишского типа, меньшем – на памятниках липчинского типа (Разбойничий Остров). Однако в заторфованных частях памятников пластин немного.

Количество изделий со следами вторичной обработки на каждом памятнике индивидуально: на поселении Шувакиш I их менее 10 %, на стоянке Разбойничий Остров – более 30 %. Этот показатель отражает функциональную специфику прибрежного участка, а не характер индустрии комплекса.

На поселении Шигирское А в слое раннего металла найдены обломки шлифованных орудий, отщепы с ретушью, наконечники стрел, в том числе шлифованный; грузила-кибасы, обломки шлифовальных плит, куски талька и обломок гребенчатого штампа, выполненный на пластине талькового сланца.

Практически на всех памятниках преобладали плитчатые заготовки. Однако если на поселении Шувакиш I их доля составляет около 40 %, то на стоянке Разбойничий Остров достигает 83,7 %. Плитки служили, в основном, для изготовления рубящих орудий, грузил и абразивных инструментов.

Одной из особенностей каменной индустрии эпохи раннего металла Зауралья было использование в качестве заготовок орудий углисто-черного сланца, который отличается от кремнистых пород техникой раскалывания, особенностями вторичной обработки, размерами и формами готовых изделий. Это сырье использовалось для изготовления режущих и скребущих орудий, наконечников стрел и копий.

Доля пластин-заготовок невелика, она меньше, чем процент отщепов-заготовок и сколов-заготовок. Отщепы-заготовки занимают вторую позицию среди заготовок на стоянке Разбойничий Остров и поселении Шувакиш I, первую – на Шигирском городище (болотном). Преобладают отщепы средних размеров до 2,5 см в диаметре, без желвачной корки.

На поселении Шувакиш I наиболее многочисленны специализированные орудия охоты – наконечники стрел, боласы, скребущие и режущие изделия; орудия рыболовства. На площади поселения осуществлялось первичное и вторичное расщепление, распиловка и шлифование камня. Менее представительны категории колющих орудий (т. 2, прил. 1; 3, табл. 6, 7).

Совершенно иное соотношение групп каменного инвентаря наблюдается в инвентаре стоянки Разбойничий Остров, где фиксируется подавляющее преобладание орудий рыболовства (т. 2, прил. 1; 3, табл. 8–10). Вторую позицию занимают орудия для производства орудий: несколько галек со следами забитости (возможно, отбойники) и абразивные плитки. Специализированные орудия охоты составляют 8,8 %, включают обломки наконечников стрел и боласы. Менее представительны группы режущих, скребущих и рубящих орудий.

На Шигирском городище (болотное) характер заготовок и орудийный набор более разнообразен (т. 2, прил. 1; 3, табл. 2–5). В коллекции присутствуют проколка на пластине и ножи, выполненные на отщепах. Довольно много скребков на пластинах, отщепах и сколах (т. 2, прил. 4, см. рис. 90). Несколько изделий на сколах и отщепах выполняли функцию скобелей; есть многофункциональные орудия – скобели-скребки, проколка-скребок и проколка-скобель. На кусках и плитках выполнены грузила (т. 2, прил. 4, см. рис. 89, 2, 9, 10). Рубящие орудия и наконечники стрел представлены обломками, заготовками и целыми изделиями (т. 2, прил. 4, см. рис. 89, 6–8), есть абразивные плитки (т. 2, прил. 4, см. рис. 89, 3, 4).

Для оформления орудий чаще всего использовалось краевое одностороннее ретуширование. Наконечники стрел обработаны, в основном, двусторонней чешуйчатой и чешуйчато-наклонной, реже – параллельной, сходящейся и пильчатой ретушью. Скребущие изделия, как правило, оформлены односторонней крутой регулярной параллельной или сходящейся ретушью с дорсальной поверхности. Рабочее лезвие ножей обрабатывалось краевой, регулярной и нерегулярной чешуйчатой ретушью.

Сверление камня зафиксировано на перфорированных дисках и подвесках каплевидной формы, обнаруженных на береговых частях поселений. Специализированные орудия рыболовства – грузила – изготавливались методом оббивки, реже – пикетажа.

Группа режущих инструментов включает категории ножей и резцов. Наиболее характерны ножи на пластинах с локализацией рабочих участков по одному, реже – двум маргиналам. Встречены изделия, выполненные на плитках углисто-черного сланца, реже – туфа с пришлифованным лезвием. Группа колющих орудий включает проколки, провертки и сверла, среди которых преобладают изделия со специально невыделенным рабочим краем либо со сходящимися маргиналами.

Скребущие орудия представлены скребками, скобелями, скреблами (т. 2, прил. 4, см. рис. 107, 1–6, 8–10, 12). Наиболее распространены изделия, выполненные на отщепках подовальной, подпрямоугольной, подтреугольной формы с одним-двумя рабочими участками. Встречены скребки сегментовидной и округлой формы в плане. Рабочий участок скребков, выполненных на пластинах, располагался, как правило, перпендикулярно продольной оси раскалывания, реже занимал прилегающие маргиналы.

Орудия охоты представлены наконечниками стрел (т. 2, прил. 4, см. рис. 91, 108) и боласами. Отмечается многообразие типов наконечников стрел, среди которых преобладают изделия, выполненные на отщепках и плитках камня. Характерны наконечники листовидной, лавролистной, иволистной, треугольной и ромбической формы. Единичны – пятиугольные и шлифованные наконечники стрел. Специфичны изделия листовидно-асимметричной формы с асимметрично-выемчатым основанием, по форме напоминающие изображения рыбок, которые, вероятно, являются индикаторами комплексов аятского типа. Наконечники стрел кельтеминарского типа обнаружены на береговых частях памятников шuvaкишского типа.

Боласы – изделия округлой или подовальной формы, выполненные на крупных кварцитовых гальках, кусках песчаника (т. 2, прил. 4, см. рис. 113, 3; 114, 2).

Орудия рыболовства представлены грузилами четырех типов (т. 2, прил. 4, см. рис. 113, 1, 2; 114, 1; 116, 4, 5). Наиболее распространены изделия

ромбическо-овальной формы со следами минимальной подработки по периметру, выполненные на плитках амфиболита и амфиболитового сланца, гранита. Встречены грузила округлой формы, обработанные по периметру мелкими сколами, и грузила округлой или подпрямоугольной формы в плане со сверлиной в центре – перфорированные диски. Найдены грузила подпрямоугольной, подквадратной или овальной формы с опоясывающим по периметру желобком.

Рубящие орудия – топоры, тесла, долота, пещни – не образуют устойчивых типов, встречены в обломках. В целом для эпохи раннего металла характерны изделия подпрямоугольной и клиновидной формы овального, подтреугольного, единично – восьмиугольного сечения (т. 2, прил. 4, см. рис. 106, 11, 12; 109, 2–7). Многочисленны изделия из талька – «утюжки», грузила, гладила (т. 2, прил. 4, см. рис. 109, 1; 115).

Развитие каменной индустрии Зауралья в этот период во многом определено технико-типологическими традициями, сложившимися в эпоху неолита. Сохранились основные типы нуклеусов – призматические, конусовидные и клиновидные; приемы вторичной обработки – ретушь, резцовый скол, шлифование, сверление и оббивка. Инновации проявились в появлении пильчатой и косоструйчатой ретуши, в изменениях в абразивной обработке камня. Наиболее существенная трансформация произошла в характере индустрии. На протяжении эпохи неолита ведущим типом заготовки оставалась пластина. В эпоху раннего металла наблюдается поиск оптимального типа заготовки и ее использование для определенной категории орудий. Населению Зауралья в этот период было известно более 40 разновидностей минералов и горных пород: кремнистые, яшмовидные, халцедоновые; сланцы, кварцит, тальк, песчаник, гранитоиды, хрусталь. Культурно-хронологические градации сырья лишь намечены: на памятниках с керамикой липчинского типа обнаружено большое количество изделий из халцедона; шувакишского типа – белой и сургучно-зеленой яшмы, на

памятниках аятской культуры – углисто-кремнистого сланца. Орудия для производства орудий выполнены, в основном, из плитчатого и слюдистого кварцита, гранита, песчаника. Режущие, колющие, скребущие инструменты и наконечники стрел – преимущественно из кремнистых, яшмовидных, халцедоновых, отчасти – сланцевых пород, которые использовались в основном для производства рубящих орудий. Почти все грузила – из амфиболитового и серицитового сланца, кварцита, гранита и талька.

Несколько видоизменился ассортиментный набор изделий: отмечается уменьшение доли резцов, пластин с притупленным и скошенным краем. Существенно увеличилось количество типов наконечников стрел, появились грузила овально-ромбической формы, новые типы скребков. Наряду с топорами и теслами, характерными еще для неолита, бытовали рубящие изделия трапециевидного и восьмиугольного поперечного сечения.

Можно предположить существование в этот период (либо на каком-то этапе) двух традиций расщепления камня: преимущественно пластинчатый характер индустрии в комплексах шувакишского типа (нижний слой поселения Шувакиш I) и отщеповый – в липчинских (Разбойничий Остров, VI Разрез). В шувакишских и липчинских комплексах существенна и роль плитчатых форм. В поздних аятских памятниках доля пластин-заготовок уменьшается, формируется плитчато-отщеповый характер каменной индустрии [Чаиркина, 2005, с. 200–206].

Меднолитейное производство. Свидетельства о существовании меднолитейного производства у населения эпохи раннего металла Зауралья немногочисленны. К их числу можно отнести единичные находки изделий из металла – медная проволока, которой были скреплены обломки деревянной ложки, и медные скобки с проволокой на скульптуре сосуда-лосихи, обнаруженные на VI Разрезе [Старков, 1980а, с. 172–173], обломок металлического кольца в заторфованной части Шигирского городища.

В нижнем слое стоянки Разбойничий Остров с керамикой липчинского типа найдено два медных ножа листовидной формы [Чаиркина, 2005, с. 152, рис. 38].

Знакомство населения эпохи раннего металла Зауралья с выплавкой металла маркируют и находки фрагментов керамики со следами ошлаковки, единично – каплями меди. Особенно много их обнаружено на стоянке Разбойничий Остров, несколько – на поселении Шувакиш I. Возможно, в качестве тиглей использовались крупные обломки сосудов либо небольшие целые емкости. Подобный способ плавки меди в сосудах-тиглях известен по материалам Урала [Петрин, Нохрина, Шорин, 1993, с. 188–189].

Косвенным подтверждением широкого распространения медных орудий в этот период являются многочисленные изделия из дерева, в меньшей степени – камня, изготовленные металлическими инструментами.

Металлографический анализ двух ножей со стоянки Разбойничий Остров выполнен А.Д. Дегтяревой, атомно-эмиссионный спектрометрический анализ – в Институте неорганической химии СО РАН (т. 2, прил. 3, табл. 13).

Нож (№ 679) листовидной формы размером $4,0 \times 1,4 \times 0,2$ см со стоянки Разбойничий Остров был отлит в закрытой, вероятно, глиняной форме. Затем изделие было доработано горячей ковкой при температуре $600\text{--}800^\circ$.

Нож (№ 680) со стоянки Разбойничий Остров листовидной формы размером $4,0 \times 1,4 \times 0,2$ см обнаружен в ножнах. Отлит в закрытой литейной форме и доработан ковкой со средней степенью обжатия 50–60 % при температуре $900\text{--}1000^\circ$.

По мнению А.Д. Дегтяревой, эти изделия по составу сырья коррелируются с ямным металлом, изготовлены из металла Каргалинского месторождения. Металлическая продукция Волго-Уральского металлургического очага ямной культурно-исторической общности представлена шильями, долотами и ножами [Рындина, Дегтярева, 2002, с. 109, 110].

Медные изделия, найденные на памятниках Зауралья, отмечены морфологическим своеобразием и не имеют прямых аналогий в ассортименте восточного ареала ямной общности. По ассортиментному набору и морфологии они сопоставляются с южноуральскими изделиями [Крижевская, 1977, с. 97–100, табл. 8; XIV, 1–6, 8], но отличны от них по источникам и составу сырья.

Таким образом, в комплексах раннего металла Зауралья фиксируется использование металлургически чистой меди, плавка сырья в сосудах или их обломках – тиглях, в закрытых глиняных литейных формах,ковка изделий. Ассортиментный набор представлен ножичками листовидной формы, проволокой, возможно, шильями.

Деревообработка. Деревянные изделия торфяниковых памятников Зауралья дают некоторое представление о технике обработки дерева. На поверхности многих предметов сохранились следы работы, оставленные металлическими инструментами и каменными топорами, теслами, долотами, ножами. Использовались ударные инструменты – деревянные колотушки, предназначенные для вбивания деревянных клиньев, состыковки крупных составных деталей, для ударов по инструментам-посредникам [Мыльников, 1999, с. 18]. Эти функции, возможно, выполняли два предмета, обнаруженные на поселении Шувакиш I: березовый ствол размером 40×10 см с рукоятью длиной 18 см, изготовленный металлическим орудием, и часть массивной сосновой доски размером 30×10×4 см с рукоятью длиной 15 см. На них фиксируются следы выщерблин, расположенных на уплощенных рабочих участках. Похожие изделия, по мнению Д.Н. Эдинга, служившие «болодками», обнаружены в нижнем слое VI Разреза Горбуновского торфяника. В.М. Раушенбах [1956, с. 126] считала их колотушками для дробления и разбивания орехов.

На поселении Шувакиш I и Шигирское А, Шигирском городище (болотном), стоянке Разбойничий Остров обнаружены готовые изделия и их обломки, немногочисленные заготовки и потенциальные заготовки орудий,

отходы производства, выполненные из различных пород деревьев, коры сосны и березы (т. 2, прил. 1; 3, табл. 1–10). Найдены стволы деревьев без и со следами обработки – колья, части настилов; многочисленные ветки, как правило, без следов обработки, которые могли быть потенциальными заготовками – деталями кибасов, использоваться при строительстве рыболовных сооружений. На всех памятниках обнаружены рейки – деревянные изделия прямоугольного сечения шириной 2,0–2,5 см и палочки – прямоугольного или квадратного сечения шириной до 1 см. Они могли быть отходами производства, заготовками и обломками орудий, деталями сооружений.

Выбор подходящего материала для работы, судя по этнографическим данным, мог длиться долго, от него зависело качество конечного продукта [Кулемзин, Лукина, 1977]. Заготовку дерева производили, вероятно, в середине зимы, когда оно имело наименьшую естественную влажность. Рубка деревьев фиксируется по следам на стволах поселения Шувакиш I, Шигирское городище (болотное), стоянки Разбойничий Остров, особенно многочисленным кольям VI Разреза Горбуновского торфяника. Она производилась каменными топорами и металлическими орудиями.

На поселении Шувакиш I и Шигирское А, стоянке Разбойничий Остров обнаружено больше двух десятков стволов деревьев с обрубленными сучками. На VI Разрезе в сооружениях эпохи раннего металла найдено несколько сотен стволов со следами рубки. Значительная их часть происходит из раскопов Д.Н. Эдинга, они не сохранились. Судя по материалам раскопок VI Разреза 2007–2009 гг. и других памятников, на большинстве стволов фиксируются следы работы металлическим орудием. Преобладает рубка ствола на косой клин, реже – с двух сторон. Большая часть деревьев не ошкурена. Срубленные бревна и жерди шли на изготовление настилов и других построек.

Остатки деревянных *сооружений* обнаружены на Шигирском торфянике, поселении Шигирское А, стоянке Разбойничий Остров, VI и VIII Разрезах,

возможно, IV и V Разрезах Горбуновского торфяника. «Полуистлевшие бревна, сложенные в форме барака», обнаружены на Новом Шигирском прииске Шигирского торфяника, а около него – множество обломков глиняных сосудов, уголь и кости животных. Судя по стратиграфическим условиям залегания под торфом, на глубине 2 м [Толмачев, 1914], сооружение, возможно, относится к эпохе раннего металла.

Деревянные сооружения VI Разреза Горбуновского торфяника представлены несколькими типами. Зафиксированы настилы в виде нешироких дорожек-тропинок, которые, возможно, соединяли постройки и проходили вдоль кромки палеоозера, имели ответвления в сторону стоянок и поселений, на хозяйственные угодья. Другие сооружения более сложных конструкций. В археологизированном виде они представляют собой площадки, состоящие из стволов деревьев, досок, длинных плах с отверстиями, вертикально вбитых кольев – могли быть своеобразными площадками с навесами или без них [Чаиркина, 2004, с. 109–143]. Некоторые дорожки и настилы сложных конструкций содержат резные скульптурные изображения. В эпоху раннего металла и в бронзовом веке, с середины IV тыс. до XII в. до н.э., эти сооружения использовались как культовые, о чем свидетельствуют сопровождающие их артефакты. Рядом найдены деревянные антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные скульптуры, глиняные тарелки со стилизованными изображениями птиц.

На зауральских торфяниковых памятниках найдены настилы и гати, состоящие из ряда параллельно сложенных стволов деревьев, иногда укрепленных вертикально вбитыми кольями, протяженностью не более 10–20 м, проложенные от базового берегового поселения к открытому водоему (Шигирское А, Разбойничий Остров) или располагающиеся в котловинных частях торфяников, удаленных от береговых поселений, которые могли быть фрагментами дорог (trackways) и/или производственными площадками. Они сопровождаются малым количеством артефактов, как правило, связанных с

рыболовством, отдельными фрагментами керамики, веслами, кольями и т.д. (IV-А Разрез, VIII и другие разрезы Горбуновского торфяника).

Стволы, предназначенные для изготовления орудий, подвергались ошкуриванию, которое происходило зимой, сразу после заготовки, либо ранней весной. Эта операция необходима для лучшей и равномерной просушки ствола. Естественная усушка свежесрубленных деревьев длится два-три года [Мыльников, 1999, с. 21, 23].

По материалам поселения Шувакиш I, Разбойничий Остров, VI Разреза и других памятников фиксируется расчленение ствола дерева на заготовки плахи и доски – изделия шириной, как правило, 10–20 см, толщиной 5–8 см прямоугольного профиля, которые являлись частью некоторых настилов и сооружений, могли быть потенциальными заготовками орудий.

Средства передвижения. На Язевском прииске Шигирского торфяника была найдена долбленая лодка [Толмачев, 1914], которая, к сожалению, не сохранилась. Фрагменты лодки (?) плохой сохранности обнаружены на стоянке Разбойничий Остров.

Весла найдены на поселении Шувакиш I (т. 2, прил. 4, см. рис. 110) и стоянке Разбойничий Остров (т. 2, прил. 4, рис. 124), около 30 – на VI Разрезе Горбуновского торфяника (т. 2, прил. 4, см. рис. 30, 2, 3, 5, 7; 31, 1, 4, 5, 6) [Эдинг, 1940а, с. 41–57; Раушенбах, 1956, с. 23, 33], 15 – на Старом и Новом прииске, 3 – на Язевском прииске, 2 – на Язевской II стоянке [Раушенбах, 1956, с. 127; Толмачев, 1914, с. 29–31], 4 – на поселении Шигирское А, 2 – Шувакиш XI-Д. По одному изделию обнаружено на 2-м Курьинском прииске, поселении Шувакиш VI-В, Шувакиш VIII-Г, Ельничное I-А, на стоянках Карасьеозерская I-А и II-А [Погорелов, 1998, с. 228–240]. Судя по стратиграфическим условиям залегания, сопровождающему инвентарю, форме и манере обработки, практически все весла, большая часть которых обнаружена в обломках, – простые и составные – изготовлены в эпоху раннего металла и раннего бронзового века. Длина их лопастей варьирует в основном от 50 до 75 см,

ширина – 10–16 см, длина рукояти – 95–40 см. Концы рукоятей часто закруглены (Шувакиш I, Язевский прииск, VI Разрез и др.), у некоторых изделий оформлены в виде реалистичного или стилизованного изображения головы водоплавающей птицы. Преобладают изделия длиной 120–130 см с лопастью овальной формы длиной 50–60 см.

Вероятно, сакральную функцию выполняло весло с рисунком на лопасти, выполненным черной краской, найденное на поселении Шувакиш I (т. 2, прил. 1; прил. 4, рис. 125, 2).

На поселении Шувакиш I обнаружены лопасть и рукоять (т. 2, прил. 1; 4, рис. 126), на Шигирском торфянике – две лопасти, на VI Разрезе – рукоять составных весел. Они состоят из двух частей – лопасти с короткой ручкой и рукояти, срезанных на косой клин, оформленных желобками или насечками. С их помощью происходило крепление разных частей весел. Для составного весла поселения Шувакиш I получена AMS дата $5\ 130\pm 45$ л.н. (AA-86211) или 4 040–3 800 гг. до н.э. [Chairkina, Kuzmin, Burr, 2013, p. 418–429].

На Шигирском торфянике найдены обломки деревянного предмета, возможно, полоза саней, в виде бруса длиной 83 см, шириной 10 см, высотой около 6 см, с треугольным поперечным сечением и отсеченными боковыми углами. Нижняя часть предмета плоская и гладкая, с одного края немного приподнята. Верхняя часть изделия двускатной формы с восемью небольшими и одним большим сквозным поперечным отверстием, проходящим через оба ската.

На VI Разрезе, в раскопе Д.Н. Эдинга 1928 г. на глубине 240 см, на контакте торфа и сапропеля, была обнаружена «деревянная полоса, сходная с шигирской, но более сложная по конструкции» – полоз саней (т. 2, прил. 4, рис. 127). По этому изделию получена AMS дата $5\ 070\pm 60$ л.н. (AA-86208) или 3 970–3 710 гг. до н.э. [Chairkina, Kuzmin, Burr, 2013, p. 418–429]. На поселении Шигирское А найден фрагмент полоза (?).

В раскопе № 60 2009 г. VI Разреза Горбуновского торфяника обнаружены полозья саней – изделие, состоящее из двух досок длиной 175–180 см, общей шириной 30 см (ширина каждой доски – 13–14 см) и толщиной 2–3 см, скрепленные между собой. Оба передних края полозьев преднамеренно аккуратно срезаны, но оставлены на месте, являясь естественным завершением изделия (т. 2, прил. 4, см. рис. 66). По этому изделию получена AMS дата около 5 090 л.н. или 3 970–3 790 гг. до н.э.

Весла и полозья саней имеют изгибы, вероятно, они подвергались гнущю – искусственному изгибанию деревянных заготовок при выдерживании над паром или в кипящей воде. Постепенно заготовку изгибали до нужной кривизны дуги, закрепляли ее в таком положении с помощью деревянных распорок, кожаных ремней или веревок и оставляли до полной естественной усушки [Мыльников, 1999, с. 24–25].

Деревянная посуда представлена в основном обломками, реже целыми изделиями – ложками, ковшами и черпаками, блюдами, «подносами», дуршлагами, крышками и берестяными туесками (т. 2, прил. 4, см. рис. 48, 95, 128) [Погорелов, 2002а, с. 151–164; 2002б, с. 123–141; Чаиркина, 2005, с. 216–218].

Ложки-ковшики (31 экз.) – изделия ладьевидной формы длиной 10–16 см, с полостью длиной 7–10 см, шириной 5,0–7,5 см, глубиной 2,0–3,5 см [Погорелов, 2002б, с. 123] обнаружены на VI Разрезе и стоянке Стрелка Горбуновского торфяника, Шигирском прииске, 2-м Курьинском и Язевском прииске, Шигирском городище (болотное), поселениях Шигирское А, Шувакиш I, Разбойничьем Острове. Среди этой категории изделий много заготовок, край рукояти некоторых обломан.

Ложки – изделия ладьевидной формы длиной 5–7 см, с полостью длиной 4–5 см, шириной 3 см, глубиной – 1–1,5 см обнаружены на поселении Шигирское А и стоянке Стрелка Горбуновского торфяника. Рукоять первой оформлена в виде головки птицы, второй – змеи (?).

Ковши-черпаки (14 экз.) – изделия ладьевидной формы длиной 17–20 см, с полостью длиной 12–17 см, шириной 5–7 см, глубиной 4,0–5,5 см [Погорелов, 2002б, с. 124, 125]. Они найдены на VI Разрезе, на Шигирском и Язевских приисках, на поселении Шигирское А и стоянке Вашты VI-А.

Ковш-блюдо – изделие ладьевидной формы длиной 20 см, шириной около 15 см, глубиной 3,5–5,0 см – обнаружено на Шигирском прииске.

Подносы (2 экз.) – изделия размерами около 50×20×3 см [Погорелов, 2002б, с. 125] – на VI Разрезе и Шигирском прииске.

Черпаки-дуршлаги – изделия уплощенной совкообразной или глубокой овальной формы длиной не менее 25 см, шириной 10 см и более, глубиной 1–5 см. Отверстия удлиненно-овальной или округлой формы [Погорелов, 2002б, с. 125]. Обломок одного изделия найден на поселении Шувакиш I; другого, с рукоятью в виде головы лосихи, – на Шигирском прииске, третий – в раскопе 2003 г. поселения Шигирское А.

Два сосуда высотой около 30 см, длиной 10–30 см, шириной 3–7 см трапециевидной формы с емкостью глубиной 12,5 см и рукоятью, расположенной в верхней части изделий (т. 2, прил. 4, см. рис. 96, 1), найдены на 2-м Курьинском прииске и р. Аять.

Большая часть деревянной посуды выполнена из сосны, реже – ольхи (Горбуновский торфяник – сосуд-лосиха) и осины (2-й Курьинский прииск – «черпак-отстойник»). При изготовлении изделий выбиралась определенная часть ствола, первичной заготовке (доске, сегменту) придавалась необходимая форма с учетом расположения годовых колец древесины. Подработка рукояти, днища и других частей посуды осуществлялась строганием, выемка полостей – скоблением; оформление орнитоморфного или зооморфного образа – строганием, подрезанием, скоблением, сверлением или прорезанием отверстий. Поверхность сосудов подвергалась шкурению, некоторых – шлифованию, возможно, пропитке водоотталкивающими средствами, покраске. Сохранившиеся следы обработки поверхности изделий указывают на

использование каменных и металлических орудий [Погорелов 2002б, с. 127–128].

На VI Разрезе найдены обломки берестяных емкостей, на стоянке Разбойничий Остров – берестяной туюсок (т. 2, прил. 4, рис. 128, 3, 4; 129, 1).

На VI Разрезе обнаружены фрагменты орнаментированных берестяных изделий (т. 2, прил. 4, рис. 129, 2–9), не имеющих аналогий в материалах других торфяниковых памятников лесной зоны Северной Евразии [Эдинг, 1940а, с. 41–57; Кашина, Чаиркина, 2012, с. 41–48]. На всех изделиях декорирована только внутренняя сторона бересты, использовалось прокрашивание и выскабливание поверхности, позволяющие создать контрастный двуцветный рисунок. Прокрашенные поверхности бурокоричневого цвета с небольшими различиями в оттенках на разных предметах. По мнению В.М. Раушенбах [1956, с. 24], они окрашены темно-красно-бурой охрой, смешанной с жиром. Однако это лишь версия, химический анализ состава краски пока не проведен.

На всех фрагментах наблюдается сплошное прокрашивание внутренней поверхности бересты, затем производилось выскабливание прямых и волнистых полос шириной 0,2–0,4 см. Вероятно, орнамент наносился орудием из твердого материала с прямой уплощенной рабочей частью и острым краем, шириной 0,2–0,5 см, которыми проводили линию нужной длины, не отрывая руки. На обломке 5 волнистые линии в нижней части, по-видимому, выскоблены по непрокрашенной поверхности (т. 2, прил. 4, рис. 129, 4).

Берестяные орнаментированные изделия обнаружены в разных частях VI Разреза. Однако археологический контекст – вероятная взаимосвязь некоторых из них с сооружениями или комплексом находок эпохи раннего металла – позволяет предположить одновременность их бытования. Об этом свидетельствует единая техника нанесения орнамента и близкие композиции декора.

Предмет № 5 (т. 2, прил. 4, рис. 129, 4) воспринимается как верхняя часть какой-то емкости: ее край оформлен дырками (ямками), а узор похож на композиции орнамента глиняных сосудов. По мнению В.М. Раушенбах [1956, с. 24, рис. на с. 25], «орнамент на этой сумке почти точно повторяет волнистые или струйчатые элементы узора на глиняной посуде» (т. 2, прил. 4, рис. 129, 2, 3). По композиции и способу нанесения орнамента (протаскивание инструмента с гладким рабочим краем) берестяные изделия имеют аналогии с керамикой карасьеозерского типа. Для нее характерны горизонтальные, вертикальные и наклонные оттиски протасченной гребенки, зигзаговые, напоминающие волнистые, линии, ромбы и оттиски «шагающего» гребенчатого штампа, иногда по краю сосуда наносились ямки. Особенно показательны в этом плане фрагменты 6 и 7 (т. 2, прил. 4, рис. 129, 8, 9).

В раскопе 2008 г. рядом с деревянной «дорожкой-настилом» обнаружены обломки декорированного берестяного изделия, мотивы узора и техника нанесения орнамента на нем близки изделиям, рассмотренным выше.

Функциональное назначение некоторых предметов, выполненных из дерева, не ясно. Например, так называемые деревянные «кинжалы», названные условно, по ассоциации общей формы, один из которых обнаружен на стоянке Разбойничий Остров [Чаиркина, 2005, с. 156, рис. 41, 1]. Похожий предмет – пластина размером 41,7×2,5×0,7 см с рукоятью прямоугольной формы, которая отделена от приостренного шестигранного «клинка» двумя небольшими противоположащими выемками, – был найден в среднем слое VI Разреза Горбуновского торфяника [Эдинг, 1940а, с. 47].

В нижнем слое стоянки Разбойничий Остров [Чаиркина, 2005, с. 157, рис. 42, 3] найдены обломки двух обработанных «ветвей» с частью ствола, напоминающие каменные терочки с рукоятью. Похожие предметы с Горбуновского торфяника Д.Н. Эдинг считал рукоятями орудий.

Многочисленные рейки со следами срезов и заострений, обломки рукоятей, фрагменты дощечек, веслообразные поделки и пр., обнаруженные на

поселении Шувакиш I и стоянке Разбойничий Остров, VI Разрезе и других памятниках, отнесены к группе трудноопределимых изделий, вероятно, являлись составными частями каких-то конструкций.

В эпоху раннего металла в Зауралье деревообработка, вероятно, была традиционным видом деятельности со сложившимися приемами и способами обработки. Фиксируется рубка, раскол и отеска, резание, строгание, скобление, долбление, сверление и заглаживание древесины, а также техника шипового соединения деталей, с помощью клиньев или ременной вязки, гнутье. С одной стороны, деревообрабатывающее производство консервативно, обусловлено структурой обрабатываемого материала. С другой – это относительно динамичная отрасль, связанная с совершенствованием инструментария, приемов и способов обработки материала. Распространение металлических орудий, вероятно, значительно повысило качество и скорость изготовления деревянных предметов.

Костеобработка. Изделия из кости немногочисленны. На стоянке Разбойничий Остров найдена грифельная кость лося, естественное углубление эпифиза которой не подправлено, слегка заострен противоположный конец. На поселении Шувакиш I – скульптурка головы животного.

В слое эпохи раннего металла Шигирского городища (болотное) обнаружены короткий биконический наконечник и обломок трудноопределимого наконечника стрелы, тесло, проколка из кости птицы, подвеска округлой формы; найден тупик из лопатки лося, рукоять орудия из рога и фрагмент рога со следами обработки (т. 2, прил. 1).

На поселении Шигирское А в слое обнаружена костяная проколка, однорядный гарпун, заготовка колющего орудия, обломки изделий.

Не исключено, что этим временем, возможно, ранним бронзовым веком датируется ряд костяных и роговых артефактов стоянки Стрелка (т. 2, прил. 4, см. рис. 73; 74, 2, 3).

Рыболовство. Топография расположения памятников (по берегам проточных озер, у истоков и устьев рек), остеологический материал (кости щуки, окуня и карася), а также специализированный инвентарь указывают на значительную роль рыболовства в хозяйственной структуре населения Зауралья в этот период. Судя по близости, а порой и тождественности способов лова, известных по этнографическим данным и реконструируемым на основе археологических источников, рыболовство выступает в качестве относительно статичной отрасли. Инструментарии и способы лова, возникнув и специализировавшись в древности, вероятно, на протяжении тысячелетий не претерпели существенных изменений. Инновации коснулись материала, из которого изготавливались орудия лова, появления в связи с этим отдельных типов рыболовных снарядов, корректировки сроков добычи и видового состава ихтиофауны, обусловленных природно-климатическими изменениями. Успех промысла всегда определялся знанием биологии рыб, зависел от состояния экосистемы. Эти факторы лежали в основе выбора наиболее рационального способа лова, типа рыболовного сооружения, времени и места его установки [Чаиркина, 2005, с. 225–232]. В реках и озерах Среднего Зауралья живет около двух десятков различных видов рыб, биоцикл которых на протяжении тысячелетий существенно не менялся. Они, вероятно, были промысловыми и в рассматриваемую эпоху. Поэтому в предлагаемом исследовании использованы данные по рыболовству на уральских водоемах в XVIII–XIX вв., этнографические аналогии.

Судя по промысловому календарю XIX в. и циклу рыболовной деятельности хантов и манси [Кулемзин, Лукина, 1977; Мартынова, 1998; Федорова, 2000], рыболовство на зауральских водоемах могло быть почти круглогодичной отраслью хозяйства. Наиболее добычливо битье острогами и ловля сильями и котцами, представляющими собой ряд воткнутых палок или дранок, переплетенных бечевой, расположенных в виде четырехугольного лабиринта [Сабанеев, 1874]. На поселении Шувакиш I отмечены два пункта

обширных скоплений реек, которые, возможно, являются деформированными остатками рыболовных сооружений – вершей. Обнаруженное изделие длиной более 100 см, состояло из дранок шириной 1–2 см, лежащей параллельно друг другу – пучком, соединенным в четырех местах лыковыми нитями, – тонкой дранкой шириной не более 0,2 см. Сооружение, вероятно, имело коническую форму.

В.М. Раушенбах [1956, с. 117] упоминает о верше длиной 75–100 см, изготовленной из дранки, обнаруженной на Горбуновском торфянике. Остатки похожих сооружений найдены в торфяниковых памятниках эпохи неолита – раннего металла Латвии [Ванкина, 1970; Лозе, 1979], Литвы [Римантене, 1991, с. 65–86], Верхнего Поволжья [Крайнов, 1991, с. 129–152], на территории северо-востока европейской части России [Буров, 1974, с. 283–287].

Все известные устройства этого типа колоколообразной формы чаще выполнены из лучин – реек шириной 1–3 см, реже – прутьев. Длина изделий варьирует от 1,5 до 4 м. Верши иногда служили основной частью специальных заколов. По этнографическим данным известны заклы разных форм. Есть упоминания о том, что в середине закола оставлялись ворота, в которые вставлялись верши, употреблявшиеся для пассивной или активной ловли. Иногда верши ставили в узких протоках или перегороженных реках во время половодья или массового хода рыбы. Горло ее закреплялось колом, а к хвосту привязывался груз из камней.

На археологических памятниках заклы зафиксированы на р. Свияге в Ульяновской области [Буров, 1972]. На поселении Швянтойи 9 в Литве [Римантене, 1991, с. 65–86] закол представлял собой несколько изогнутый в плане ряд вбитых в дно озера деревянных кольев. Он начинался у края берега и доходил до середины протоки, протянувшись на 40 м. В середине закола оставлены ворота, в которые вставлялись верши. Аналогичное сооружение могло функционировать на поселении Шувакиш I, расположенном в

однотипной топографической ситуации, где на небольшой площади обнаружено около двух десятков кольев диаметром 3–14 см.

Многочисленные рейки-дранки, обнаруженные на всех торфяниковых памятниках Зауралья, могли использоваться для изготовления специальных рыболовных устройств – переносных матов. Похожие приспособления были исследованы на реке Юг. Они состояли из сложенных в три слоя дранок шириной 0,5–2,5 см, длиной около 220 см, закрепленных кольями. Заграждение, по мнению Г.М. Бурова [1974, с. 283–287], дополнялось ловушкой типа вершей. На поселении Шувакиш I и стоянке Разбойничий Остров неоднократно прослежена концентрация реек и палочек вокруг кольев, есть негативы перетяжек на их поверхности.

Вероятно, остатки верш были обнаружены на стоянках Латвии – Звидзе, Абора 1 [Ванкина, 1970, с. 93–94; Verzins, 2008, с. 241–246; Лозе, 1979, с. 21; Лозе, 1988, с. 20–23]; Литвы – Швянтойи 1-А, Швянтойи 2-Б [Rimantene, 1979; 1980, с. 74; Римантене, 1991, с. 65–86]; лесной зоны Восточной Европы – Замостье 2 [Lozovski, 1996; Лозовский, 1997, с. 52–65; Лозовский и др., 2013, с. 46–75], Сахтыш 1, Сахтыш 2а [Крайнов, 1991, с. 129–153]. Эти изделия конусовидной формы изготовлены из расщепленных деревянных реек (лучин, дранки) длиной 0,5–4,0 м и более. На стоянке Становое 4 (слой Ша) аналогичное по форме сооружение было выполнено из прутьев, переплетенных лыковыми лентами [Жилин, 2004, с. 54]. Верши использовались скорее в условиях реки или протоки, где была возможность перегородить течение искусственным рыболовным забором, который не позволял рыбе плыть куда-либо еще, кроме как в горловину самой ловушки.

Переносные загородки («котцы») – длинные до 4,0–4,5 м и более «маты» из расщепленных лучин дерева, переплетенных между собой, найдены на стоянке Замостье 2 [Lozovski, 1996; Лозовский, 1997, с. 52–65; Лозовский и др., 2013, с. 46–75], Охта 1 [Базарова и др., 2010, с. 165–174; Гусенцова, Сорокин, Кулькова, 2012, с. 259–269], Плеханов Бор [Федоров, 1937, с. 61–70], Сертея I

[Микляев, 1982, с. 7–29], Сарнате [Berzins, 2008, с. 241–246]. Сооружения этого типа чаще всего, судя по этнографическим данным, использовались на открытых пространствах озер.

На стоянке Разбойничий Остров обнаружено пять деревянных дисков округлой или подпрямоугольной формы с продолговатым отверстием в центре (т. 2, прил. 4, рис. 130), которые, вероятно, служили поплавками на крупных сетях. По этнографическим данным они могли использоваться в качестве составных частей боталов – приспособлений для гона рыбы в сети, которые представляли собой деревянную палку, с нанизанными на концы дисками. Изделия имеют широкий круг аналогий в торфяниковых памятниках эпохи мезолита – раннего металла России, Дании и Финляндии. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. пользовались «боталом» при неводном промысле [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 20–21].

У хантов и манси фиксируется более 200 вариантов ловли рыбы запорами [Лукина, 1986, с. 124]. Заграждения – земляные плотины с каркасом из кольев или без него и заграждения из деревьев и веток [Федорова, 2000, с. 32]. К наиболее простым видам относится заграждение части водоема с помощью решеток.

Большое распространение у хантов и манси имеют запоры в виде заграждения с ловушками. Заграждения – решетки, щиты – изготавливались из реек, веток и стволов, которые обнаружены на всех торфяниковых памятниках Зауралья (т. 2, прил. 1; прил. 3, табл. 1–10). В заграждения устанавливались ловушки корзиночного типа (верши) – морды и рукава. Ловушки-морды, размеры и формы которых варьировали, изготавливались из деревянных реек, применялись во все времена года, практически на всех водоемах и для разных пород рыб [Федорова, 2000, с. 33–35].

Лингвистические данные свидетельствуют о появлении и широком распространении в финно-угорском мире запорного рыболовства – котца в IV–III тыс. до н.э., морды и рукава в III–II тыс. до н.э. [Федорова, 2000, с. 37].

Возможно, составной частью остроги является обломок деревянного изделия, обнаруженный на стоянке Разбойничий Остров. Не исключено, что оно могло использоваться и как копье с одним коротким зубцом на вершине. О находке в нижнем слое VI Разреза гарпуна – деревянного стержня с двумя зубцами – упоминает Д.Н. Эдинг [1940а, с. 47–48]. В Шигирской коллекции есть деревянная трехзубая острога.

Подобные изделия, рабочей частью которых служили костяные или металлические наконечники, известны, по крайней мере, с эпохи мезолита до этнографической современности. На территории Верхнего Поволжья, на Карашском торфянике была найдена деревянная острога, сохранившаяся верхняя часть которой представляла собой лопатку с зубьями на конце [Крайнов, 1991, с. 144].

Остатки сетей на памятниках эпохи раннего металла Зауралья пока не обнаружены. Однако имеются косвенные свидетельства их использования: следы ткачества, наличие грузил и поплавков, деревянных распорок, используемых, вероятно, для держания крыльев сетей; находки кусочков веревок и крапивного волокна, которым был обшит берестяной кузовок со стоянки Разбойничий Остров.

На поселении Шувакиш I обнаружен один, на стоянке Разбойничий Остров – 7 (т. 2, прил. 4, см. рис. 30, 4, 6; 35, 1) деревянных стержней слегка изогнутого профиля длиной не более 40 см, так называемые распорки, «валки». Они найдены на VI Разрезе [Раушенбах, 1956, с. 21–25, 33], несколько большей длины (до 70 см) на поселении Сарнате [Ванкина, 1970], до 130 см – в Висском торфянике [Козырева, 1991, с. 229]. Судя по этнографическим данным, они прикреплялись к крыльям невода или концам сети и служили показателем ширины рыболовных приспособлений. Распорки были, вероятно, составными частями простых сетей, представляющих собой узкую полосу без мешка. Они держались на воде с помощью поплавков и грузил, концы растягивались на

распорки. Не исключена возможность использования этих «стержней» в качестве составных частей других орудий или сооружений.

Для плетения сетей использовалась, возможно, грифельная кость лося, обнаруженная на стоянке Разбойничий Остров, которая имеет широкие аналогии в материалах эпохи мезолита – раннего металла лесной зоны Восточной Европы [Гаврилова, 1991, с. 160].

В.М. Раушенбах [1956, с. 24, 123] упоминает о деревянных иглах для вязания сетей, найденных в нижнем и среднем слое VI Разреза. Они представляли собой узкие (шириной до 2 см) дощечки длиной до 15 см с подтреугольными краями. На одном из концов нанесено отверстие подпрямоугольной формы (т. 2, прил. 4, см. рис. 44, 1). Похожие предметы обнаружены на поселении Сарнате [Ванкина, 1970, табл. XXV, 3]. Для крепления сети при вязке могли служить деревянные дощечки с развилкой на конце, обнаруженные на VI Разрезе (т. 2, прил. 4, см. рис. 44, 2) [Раушенбах, 1956, рис. 8].

О применении вершей и сетей населением эпохи раннего металла Зауралья свидетельствуют многочисленные полавки и грузила, найденные в торфяниковых и сапропелевых слоях памятников.

В этот период на территории Зауралья бытовали грузила нескольких типов (т. 2, прил. 1; прил. 4, см. рис. 49, 5, 6; 113, 1; 114, 1, 2; 116, 4, 5). Грузила – кибасы, были характерны и для населения эпохи неолита – раннего бронзового века европейской части России, Прикамья и Западной Сибири. В заболоченной части поселения Шувакиш I обнаружено 15 грузил-кибасов, на Разбойничьем Острове – 4, несколько – на Новом Шигирском и Язевском приисках Шигирского торфяника [Толмачев, 1914], на VI Разрезе [Раушенбах, 1956, с. 23]. Они найдены на торфяниковых стоянках Латвии – на поселении Сарнате [Ванкина, 1970, с. 60], Литвы – на поселениях Швянтойи 1-Б, 2-Б, Жямайтишне 2 [Римантине, 1991, с. 76–77], в Белоруссии [Чернявский, 1969, с. 71–88].

Длительность существования, универсальность конструкции грузил-кибасов подтверждена этнографическими данными. Обернутые грузила предназначались для тянувшихся сетей, при скольжении они не создавали шума. Для увеличения веса кибасы связывались по несколько штук [Лукина, 1986, с. 121–138].

Поплавки из сосновой коры, подовальной или трапециевидной формы в плане с отверстием, смещенным к узкому краю (Шигирская коллекция, Шувакиш I, Разбойничий Остров, VI Разрез, Стрелка, Шигирское А (т. 2, прил. 4, см. рис. 35, 5; 74, 1; 96, 2; 130)). На Язевской I стоянке найдены два крупных поплавок из толстых кусков сосновой коры. Один – грушевидной формы снабжен отверстием в узкой части; другой – трапециевидный с округленными краями и двумя отверстиями для привязи.

Трубчатые поплавки выполнены из кусков скрученной бересты (т. 2, прил. 4, см. рис. 35, 4; 116, 1–3; 130). Они найдены на стоянке Разбойничий Остров, поселении Шувакиш I и Шигирское А (т. 2, прил. 1). Поплавки этих типов обнаружены на торфяниковых стоянках Эстонии [Янитс, 1959, с. 202], Латвии [Ванкина, 1970, с. 94; Загорска, 1991, с. 59–60], Литвы [Римантене, 1991, с. 73–75], Верхнего Поволжья [Крайнов, 1991, с. 144–147], на Северо-востоке Европейской части России [Буров, 1966, с. 171; Козырева, 1991, с. 227–228]. По этнографическим данным, поплавки из бересты использовались для коротких сетей [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 21].

У хантов и манси распространено рыболовство с применением сетевых снастей (ставных и плавных). Среди исследователей нет единой точки зрения на время и место их возникновения. Некоторые предполагают, что неводы, ставные сети, фитили были заимствованы у русских, сырп (орудие типа бредня) было «сетью вогульского изобретения» или заимствованно от коми [Федорова, 2000, с. 41].

Археологические данные, прежде всего материалы торфяниковых памятников, свидетельствуют о существовании в Зауралье в эпоху раннего металла сетевых снастей.

Рыболовные крючки на памятниках эпохи раннего металла Зауралья неизвестны. Возможно, составной частью крючка мог служить небольшой тальковый стержень, обнаруженный на поселении Шувакиш I. В Шигирской коллекции присутствуют рыболовные крючки, выполненные из кости (т. 2, прил. 4, см. рис. 101, 4).

Данные этнографии, отчасти археологии, дают возможность наметить своеобразный промысловый календарь рыболова, адаптированный к биологии местных рыб, учитывающий наиболее рациональные сроки и способы лова. Периоды межсезонья наступали у рыболовов в декабре-январе и в июне-июле. В феврале-марте лов возобновляется, наиболее продуктивна добыча на удочку и неводный подледный. В апреле – первой половине мая, с отходом рыбы на нерест, наиболее продуктивна ловля мордами, вершами, котцами и фитилями. В июне-июле рыболовство большого значения не имело. Однако в протоках и заливах применялись морды и котцы, ботанье рыбы. В августе наступает разгар ловли ботальными мережами. В начале октября использовалось лучение рыбы, в конце месяца и весь ноябрь практиковался неводный зимний лов.

Анализ деревянного инвентаря поселения Шувакиш I и стоянки Разбойничий Остров выявил существенные отличия в ассортиментном наборе их орудий. Они проявились в значительном преобладании в материалах первого памятника предметов, связанных, преимущественно, с запорным рыболовством: изобилие стволов деревьев со следами затесов, реек и палочек-полуфабрикатов либо обломков верш, специализированных типов грузил-кибасов и сосновых поплавков. Население поселка, вероятно, применяло для рыбной ловли удочки. Добыча осуществлялась как по открытому водоему (весла), так и по покрытому льдом (пешня).

В инвентаре стоянки Разбойничий Остров преобладают орудия, связанные преимущественно с сетевым рыболовством: распорки, трубчатые

поплавки, специализированные типы грузил. Рыба могла добываться острогой. Лов осуществлялся, вероятно, по открытому водоему, о чем свидетельствуют находки весел, фрагменты лодки.

Эти различия определены стратегией добычи рыбы, обусловленной топографией промысловых участков: стоянка Разбойничий Остров расположена в заливе озера у острова; поселение Шувакиш I на истоке реки.

Среди промыслового инвентаря преобладают грузила, поплавки, остатки запорных сооружений. В меньшей степени представлены наконечники стрел, гарпуны, остроги. Население эпохи раннего металла Зауралья, вероятно, занималось запорно-сетевым рыболовством. Судя по количеству и размерам грузил, найденных на археологических памятниках Зауралья, сети были небольших размеров. Основная масса рыбы добывалась, скорее всего, с помощью запоров и ловушек типа котцов и вершей.

Отмеченные рубежи палеоклиматических колебаний, повсеместное заторфовывание озер Зауралья на рубеже атлантического и суббореального периодов послужили одной из причин своеобразных трудностей природопользования. Эти явления периодичны, обусловлены цикличностью палеоклиматических колебаний. Изменения природной среды происходили, безусловно, постепенно, в какой-то момент наступало истощение пищевых ресурсов. Трудности природопользования чаще всего не были губительны: на протяжении тысячелетий вырабатывались механизмы их разрешения. Особенности каждого определялись уровнем развития общества, социальной организации, окружающим фоном. В середине III тыс. до н.э. на территории Среднего Зауралья трудности природопользования происходили в условиях высокой плотности населения, отчасти были разрешены культурными трансформациями и переориентацией отраслей хозяйства. Трудности природопользования, сложившиеся на рубеже III–II – начале II тыс. до н.э., вероятно, были более глубоки. Пути их разрешения пока не совсем ясны. По

археологическим данным фиксируется сокращение численности населения района [Чаиркина, 2005].

Охота и собирательство. Источники по реконструкции охотничьей деятельности населения Зауралья в эпоху раннего металла немногочисленны. Эта отрасль хозяйства иллюстрируется специализированными орудиями, выполненными из камня – наконечниками стрел, боласами, изделиями для переработки охотничьей добычи (скребки, проколки, ножи и т.д.); из дерева – луками, древками стрел и стрелами. Osteологический материал представлен костями лося, северного оленя, косули, медведя, лисицы, бобра, некрупных млекопитающих и птиц.

Способы и орудия охоты, известные по археологическим материалам и этнографическим свидетельствам, вероятно, сформировались в древности, обусловлены биологией основных промысловых животных, распространенных на территории Зауралья. Основными объектами мясной охоты были крупные копытные, водоплавающая и боровая птица, промысел которых выступал в активной форме – обнаружение и преследование зверя – и пассивной – ловля ямами, ловушками и пр. [Федорова, 2000, с. 64].

Своеобразие биологии многих животных Урала связано с их ежегодными миграциями с западного склона на восточный. Переходы начинаются с середины осени, с глубоких снегов на мелкие, заканчиваются в середине зимы. Поэтому звериный промысел в Зауралье продуктивен в сентябре-октябре, продолжается до января-марта, апреля.

По данным XVIII–XIX вв. основной ареал распространения лося – северные и северо-западные районы Зауралья, берега рек Вишеры, Сосьвы, Пелыма, Алапаевский и Салдинский районы. Южнее г. Екатеринбурга они малочисленны. На восточный склон лоси начинают переходить в сентябре по р. Чусовой. Численность их постоянно увеличивается до ноября. В марте начинается обратное перемещение.

Добыча лося производится в горнолесной части Урала, где устраивают многочисленные ямы, ловушки, ставят капканы. Зимой по глубокому снегу лосей загоняют на лыжах, ранней весной – по насту. Ловля ямами, более распространенная на западном склоне, использовалась в Зауралье и Западной Сибири [Теплоухов, 1880, с. 26; Сабанеев, 1992, с. 267–294; Сериков, 2007б, с. 114–123]. Ямы от нескольких десятков до сотен прокладывались в логах, на перевалах, в долинах рек около озерных переправ. Основная ловля этим способом проводилась в сентябре-октябре и апреле-мае. Они располагались в несколько рядов на значительном расстоянии друг от друга. Главная линия ориентировалась с севера на юг, побочные сети – с запада на восток. Ямы укреплялись жердями, соединенными оградой из жердей так, что лось должен непременно пройти в отверстие изгороди, к которой плотно примыкают длинные стороны ямы.

Основная масса косуль на восточном склоне Урала сосредоточена в районе 55,5–58,5°с.ш. Характерны такие же переходы, что и у лосей. Добывают косуль поздней осенью или весной, чаще всего ямами. С начала зимы до марта практикуется их ловля капканами. Широко распространена добыча гоньбой [Сабанеев, 1992, с. 352–376].

Исследователи высказывают разные точки зрения на время возникновения основных орудий и форм пассивной охоты. Активная охота бытовала уже в эпоху палеолита. Вероятно, в какой-то период времени она сосуществовала с пассивной охотой, одним из этапов в развитии которой считают возникновение изгородей в виде городьбы (специально построенной изгороди из жердей) и более ранней – засеки (препятствия из поваленных деревьев). Археологические данные, полученные при исследовании ловчих ям на севере Западной Сибири, не исключают вероятности датировки некоторых из них эпохой раннего металла.

На писаницах Зауралья, значительная часть которых датируется эпохой раннего металла, запечатлены сцены охоты на крупных копытных. Некоторые

изображения можно трактовать как ямы-ловушки и загороди. Учитывая эти факты, не исключено существование в эпоху раннего металла Зауралья пассивной охоты, наличие засеки и, вероятно, устройств типа городьбы.

Остеологический материал – кости гуся и утки, обнаруженные в культурных слоях торфяниковых памятников, специализированный инвентарь – некоторые типы каменных и деревянные наконечники стрел, боласы, наличие сцен охоты на линную дичь, а также охоты с помощью боласов на писаницах Зауралья – свидетельствует об охоте населения эпохи раннего металла на боровую и водоплавающую птицу. Археологические данные не фиксируют всех известных по этнографическим источникам способов их добычи. Вероятно, большая часть снарядов и сооружений выполнялась из органических материалов, не сохранившихся в минеральных почвах. Однако древность самодельных ловушек подтверждается лексическим материалом. Названия «силок», «слопцы» обских угров обнаруживают параллели в языках других народов той же языковой семьи. Промысловая мансийская лексика в своей основной части восходит к общеуральскому и общефинно-угорскому пластам [Федорова, 2000, с. 73].

Документируется ловля с помощью лука и стрел, боласами (т. 2, прил. 1; прил. 4, см. рис. 30, 1; 34, 1; 68; 91; 108; 113, 3; 114, 2; 131), которые часто встречаются на памятниках эпохи раннего металла Зауралья.

Почти на всех торфяниковых памятниках обнаружены многочисленные обломки деревянных древков стрел, гарпунов и дротиков.

На VI Разрезе Горбуновского торфяника обнаружен деревянный наконечник треугольной формы, вырезанный из тонкой (до 0,4 см) пластинки с продолговатым черешком длиной 11,8 см.

В раскопе № 70 2007 г. найдены игловидные, конические и биконические, с утяжеленной тупой головкой (томары) деревянные наконечники стрел (т. 2, прил. 4, рис. 131, 7, 8). К сожалению, большая часть изделий сохранилась фрагментарно.

Практически целый (обломан лишь кончик острия) наконечник стрелы длиной 13,4 см с двумя коническими головками, с заостренным плоскими срезами, клиновидным раздвоенным насадом (т. 2, прил. 4, рис. 131, 2). Обнаружены два не соединяющихся обломка, от одного или двух наконечников стрел с конической и биконической головкой, декорированные рельефными поясками и насечками по нижнему конусу (т. 2, прил. 4, рис. 131, 1, 4).

Наконечник, возможно, игловидной формы с уступом к насаду, обнаружен в двух, не соединяющихся между собой обломках (острие и стержень с насадом).

Два не соединяющихся обломка – фрагмент стержня и часть стержня с коническим довольно длинным насадом и уступом перед насадом, по всей видимости, принадлежат одному изделию – игловидному (?) или наконечнику с утолщением на стержне (т. 2, прил. 4, рис. 131, 5). Найдена часть стержня круглого сечения с утолщением неправильной формы прямоугольного сечения (т. 2, прил. 4, рис. 131, 6).

Три не соединяющихся обломка стержня наконечника стрелы круглого сечения диаметром 0,6 см и часть стержня плавно переходящего в утолщение неправильной формы прямоугольного сечения (т. 2, прил. 4, рис. 131, 8) найдены в торфе.

Наличие каменных, деревянных и костяных наконечников стрел предполагает использование населением Зауралья луков. Их находки немногочисленны. Почти целый лук обнаружен на Старом прииске Шигирского торфяника, датировка его не ясна. Д.Н. Эдинг [1929, с. 3–27] упоминает о находках на VI Разрезе маленького лука, «из обруча», и об обломках изделия, которое, «кроме боковых зарубок, имело и центральную» (т. 2, прил. 4, см. рис. 34, 1).

На торфяниковых стоянках лесной полосы Европы известна серия луков, относящихся к эпохе мезолита – бронзовому веку. Значительных размеров достигают только асимметричные луки висского типа [Буров, 1966, с. 155–173],

остальные изделия сравнительно невелики. Они относятся к типу простых, выполненных из одного куска древесины, концы оформлены зарубками, в центре, даже у мезолитических, фиксируются углубления [Ванкина, 1970, с. 87; Ошибкина, 1983, с. 109–112]. Длина изделий варьирует от 56 см (поселение Сарнате) до 180 см, наиболее типичны 120–150 см. С эпохой неолита – бронзового века ряд исследователей [Ошибкина, 1983, с. 111] связывают некоторые усовершенствования в оформлении изделий: средняя часть становится расширенной и более массивной.

Почти полное отсутствие достоверных находок этой категории на зауральских торфяниках, безусловно, не является показателем нетипичности и редкости луков. Значительная часть торфяниковых памятников Зауралья является специализированными рыболовными стоянками. Лук – в большей степени атрибут охотничьего снаряжения. Поэтому маловероятны их массовые находки в озерных и речных отложениях. Охота на водоплавающую птицу проводилась, вероятно, преимущественно боласами, эпизодически – луком и стрелами; возможно, осуществлялась за пределами исследованных стоянок.

Охотники эпохи раннего металла Зауралья явно учитывали биологию основных видов животных, обитавших в районе, время их миграций, выработали свой охотничий цикл. Богатейшая флора Урала, этнографические наблюдения [Россия..., 1914; Шатилов, 1931, с. 165], лингвистические данные [Хайду, 1985, с. 147] и ряд свидетельств археологических источников [Раушенбах, 1956, с. 120–121] дают основания предполагать существенную роль собирательства в общей структуре хозяйства населения исследуемого региона в эпоху раннего металла.

Судя по археологическим и палеогеографическим данным, в эпоху раннего металла в Зауралье сложились в целом благоприятные условия для развития охотничье-рыболовного типа хозяйства. В первой половине III тыс. до н.э. наблюдается существенное увеличение плотности населения района, которое могло поддерживаться за счет интенсификации традиционных и,

возможно, ввода новых отраслей, за счет оптимальной адаптации к сложившимся экологическим нишам. Структура палеоэкономики в конечном итоге определялась необходимостью получения энергетического продукта, обеспечивающего стабильное существование общества. В конкретной ситуации зависела от характера экосистемы, состояния социально-экономических структур.

В эпоху раннего металла у населения Зауралья продолжало существовать комплексное хозяйство присваивающего типа. Основными отраслями экономики были домашние промыслы, обработка камня, глины, дерева, кости и металла, охота, рыболовство и собирательство. Соотношение различных отраслей хозяйства на протяжении второй половины IV – начала II тыс. до н.э. не было статичным. Такие компоненты хозяйственной деятельности, как камне- и деревообработка, производство глиняной посуды были более консервативны, адаптированы к местным источникам сырья, регламентированы традициями. Определенные изменения в этих отраслях в эпоху раннего металла вызваны, с одной стороны, внедрением технических новшеств – медных орудий труда, с другой – определены культурными трансформациями. Более динамичными компонентами выступают охота и рыболовство, на развитие которых оказывали влияние технические и культурные инновации, природно-климатические изменения.

3.4. Аспекты мировоззренческих представлений

Известна только одна скульптура *змеи*, обнаруженная на VI Разрезе Горбуновского торфяника. Она плоская, вырезана из доски, выполнена в силуэтной манере с подчеркнуто угловатым изображением изгибов тела, детали формы не проработаны (т. 2. прил. 4, рис. 132, б). Возможно, в виде головки змеи оформлена рукоять деревянной ложки со стоянки Стрелка Горбуновского торфяника [Погорелов, 2002а, с. 123].

Изображениями змей могли быть одиночные вертикальные зигзаги и волны, присутствующие вместе с высокими треугольниками (гора?), древовидными фигурами на сосудах эпохи раннего металла Зауралья [Чаиркина, 2005, рис. 53; 54; 58, 5; 59, 4].

Скульптурки пресмыкающихся, обнаруженные на поселении Абора I, изображают ужей и гадюку; на поздненеолитическом поселении Тамула – ужей [Лозе, 1979, с. 112, табл. LI, 6–8]. Костяные скульптурки змей эпохи мезолита обнаружены на Оленеостровском могильнике, деревянная – на стоянке Замостье [Лозовская, Лозовский, 2009, с. 56, кат. 106]; роговая голова змеи – в энеолитическом слое поселения Сахтыш 2 [Костылева, Уткин, 2009, с. 63–69, кат. 330]. Кремневые и костяные фигурки пресмыкающихся найдены на памятниках каргопольской и волосовской культуры [Гурина, 1956, с. 220–222; Искусство ..., 1992, с. 36, 58, 96, рис. 49, 74, 4, 126]. Для эпохи неолита – раннего металла Восточной Прибалтики, Карелии и Волго-Окского междуречья характерна мягкая моделировка контуров этих изображений.

Скульптуры *рыб* в торфяниковых памятниках Зауралья не обнаружены. На береговой части поселения Шувакиш I, рядом с заболоченным участком, найден перфорированный диск, который, вероятно, использовался как грузило. Основу композиции его декора составляют гравированные изображения трех рыб, обращенных головами к перфорации, между которыми нанесено по 3–7 насечек; между хвостами, направленными к краю изделия, присутствуют по 7–10 и 14–17 насечек (т. 2, прил. 4, рис. 132, 7).

Изображения и скульптуры рыб немногочисленны и в материалах Восточной Прибалтики, лесной зоны европейской части России и Западной Сибири, стилистически они своеобразны и отличны от зауральских. На поселении Абора I найдена костяная скульптурка рыбы [Лозе, 1979, с. 112, табл. LI, 10], Сахтыш 1 – костяная подвеска головы сома [Костылева, Уткин, 2009, с. 63–69, кат. 331]. В Западной Сибири к интересующей нас эпохе можно отнести глиняную фигурку из могильника на Мусульманском кладбище и

каменную, обнаруженную у д. Инкино на Оби, которые трактуются как приманки [Матющенко, 1973, рис. 17, 3, 4].

По этнографическим данным, у угорских народов известен культ рыб, носящий, в основном, промысловый характер. Деревянные фигурки рыб бросали в воду во время ледохода, чтобы обеспечить удачу летних промыслов [Косарев, 2003, с. 71–77].

Изображение медведя. Глиняная и костяная скульптурки голов этого животного обнаружены на береговой части поселения Шувакиш I, рядом с заболоченным участком. У глиняного изображения смоделирована характерная морда; глаза, пасть и нос не проработаны; выступами показаны уши (т. 2, прил. 4, рис. 132, 1). Костяная – представляет собой слегка асимметричную морду животного, возможно, медведя или куницы. Срезами оформлен нос, штрихами изображены глаза (т. 2, прил. 4, рис. 132, 4).

В Шигирской коллекции присутствует обломок рукояти весла, край которой оформлен в виде головы медведя. Изображение стилизовано, выполнено схематично без проработки деталей (т. 2, прил. 4, рис. 132, 5), по аналогии с глиняной скульптурой поселения Шувакиш I отнесено к эпохе раннего металла [Чаиркина, 1998, с. 81–104].

Объемная скульптура головы медведя из Шигирской коллекции размером около 5 см детализирована и тщательно обработана (т. 2, прил. 4, рис. 132, 4). На рукояти изделия Шигирской коллекции выполнено зооморфное (медведь?) навершие (т. 2, прил. 4, рис. 133, 1).

Медведь – один из главных персонажей кремневой скульптуры эпохи неолита – раннего металла лесной зоны Восточной Европы [Искусство, 1992, с. 50, 66, 90, 101–102]. Костяная фигурка медведя найдена на поселении Абора I [Лозе, 1979, с. 112, табл. ЛII, 9], роговая подвеска в виде медвежонка – на стоянке Попово в Архангельской области [Студзицкая, Емельянов, 2009, с. 73, кат. 235]. Деревянный ковш с рукоятью, украшенной головкой медведя (поселение Усвяты IV, слой Б), и деревянная головка медведя с поселения

Дубокрай V найдены в слоях эпохи неолита (?) конца IV – первой половины III тыс. до н.э. [Мазуркевич, 2009, с. 79–87, кат. 290, 291]. В материалах Западной Сибири эпохи неолита – бронзового века изображения медведя немногочисленны [Косарев, 1984, с. 183; Молодин, 1992, с. 17–18; Молодин и др., 2000, с. 23–36].

Образ медведя, по крайней мере, с эпохи неолита до этнографической современности играл существенную роль в мировоззренческих представлениях древнего населения Урала и Западной Сибири. На зауральских поселениях кости этого животного встречаются редко. Они присутствуют в культурных слоях жертвенных пещер. Он – редкий персонаж и на уральских писаницах [Широков, 2000, с. 15–18]. Возможно, эти факты в сочетании с единичными, более редкими находками изображений медведя, по сравнению со скульптурами лосей и водоплавающих птиц, являются показателем его особого семантического статуса.

В сказаниях и легендах обских угров образ медведя многогранен и полисемантичен. Он изображается и воспринимается как потомок бога – небесный медведь, дух-медведь, лесной медведь, земной и подземный медведь, человек-медведь и т.д. Сохраняются представления, согласно которым медведь является «иночеловеком», сохозяином земли, сыном, братом и посланником бога Торума [Шмидт, 1989, с. 8–14]. Наиболее ярким проявлением медвежьего культа служат ритуально-обрядовые церемонии Медвежьего праздника, в некоторых из них усматриваются тотемистические черты [Мифы, предания, сказки ..., 1990, № 24, 25, 117, 125 и др.]; другие сцены не согласуются с этими представлениями [Косарев, 2003, с. 40–56].

На материалах эпохи раннего металла Зауралья прослежена особая культовая обрядность и почитание *копытных*. Их изображения многочисленны, стилистически и семантически разноплановы, представлены целыми фигурами и лосиными головами, воплощенными в камне, дереве, кости и графике (т. 2, прил. 4, рис. 134–136).

Деревянные скульптуры лосих являются своеобразными сосудами, емкости которых расположены на спине животного; представлены пятью изделиями, три из которых найдены на VI Разрезе в составе деревянных сооружений. Скульптура длиной 23,5 см и высотой 17,2 см с обломанной правой передней ногой обнаружена в раскопе 1928 г. [Эдинг, 1940б, с. 44–45, рис. 35]. Голова деформирована, непропорционально велика, детализирована – отмечен разрез губ и ноздрей, глаза и уши изображены неглубокими ямками, возможно, предназначенными для инкрустации. Ноги показаны схематично, передние поставлены прямо, а задние под углом к ним, что придает скульптуре трапециевидные очертания (т. 2, прил. 4, рис. 134, 2).

Фрагмент реалистичной, тщательно обработанной скульптуры лося длиной 23,5 см, высотой 17,1 см без одной передней и задних конечностей обнаружен в раскопе 1979 г. [Старков, 1980б, с. 172–173]. Глубокая полость вырезана в спине животного, неглубокая выемка – под шеей, она, по мнению исследователя, служила для удобства крепления вставок – ушей и рогов, для которых в голове проделаны специальные отверстия. Глаза выполнены в виде круглых углублений, обведенных кольцевыми бортиками (т. 2, прил. 4, рис. 134, 1). Щеки и верхняя губа лося, по данным В.Ф. Старкова, были украшены металлическими инкрустациями – медными скобочками длиной 1 см – по две на каждой щеке и одна на губе, которые, вероятно, не сохранились.

У третьей скульптуры, найденной в раскопе 1929 г. [Эдинг, 1940б, с. 45, рис. 36–39], отсутствует голова, сохранилось туловище и часть правой задней ноги (т. 2, прил. 4, рис. 135). Изображение детализировано, показана даже сухожильная впадина над голеностопным сочленением. Тщательно вырезанная и заглаженная полость на спине животного не глубокая и не соответствует значительным размерам туловища, контуры которого, возможно, указывают на изображение стельной самки.

Фрагмент скульптуры-сосуда лося длиной 38,5 см, высотой 12,8 см обнаружен в одном из разрезов 2-го Курьинского прииска Шигирского

торфяника. Сохранившаяся часть – голова и тулово с полостью на спине, основания четырех конечностей тщательно детализированы [Зверь и человек ..., 2009, кат. 501].

Скульптура-сосуд лося был найден на Шигирском торфянике на глубине около 4 м, в нижней части сапропеля. Ноги, нижняя часть морды и уши сколоты. В спине металлическим орудием выдолблена полость глубиной до 4 см. Изображение реалистично, тщательно проработаны глаза, уши, холка и хвост [Литвиненко, Сериков, 1998, с. 216].

На стоянке Разбойничий Остров найдена заготовка (?) деревянной скульптуры лося. Изделию придана общая форма сосуда-лося, без проработки тулова, ног, без выемки на спине. Реалистично передана слегка приподнятая вверх не детализированная голова животного, уши намечены неглубокими выемками (т. 2, прил. 4, рис. 136, 3).

Изделия с рукоятями в виде *головы лося* – прорезной черпак обнаружен на дне Шигирского озера [Эдинг, 1940б, с. 49, рис. 40, 41; Берс, 1959, с. 33]. Голова подробно детализирована – глаза показаны выступающими площадками, без выделения зрачков; ноздри, разрез пасти и отвислая нижняя губа – выпуклым рельефом (т. 2, прил. 4, рис. 136, 2). В слое эпохи раннего металла поселения Шигирское А обнаружены обломки прорезного черпака, рукоять которого обломана. По аналогии с ним можно предположить этот же возраст для прорезного черпака из Шигирской коллекции.

Головка лося с характерной отвислой нижней губой, выполненная на конце ветки диаметром 0,9 см, обнаружена в 1979 г. на VI Разрезе Горбуновского торфяника [Старков, 1980б, с. 172–173].

Изображения и жезлы в виде лосиных голов, выполненные, как правило, из кости, были широко распространены в эпоху неолита – энеолита в лесной зоне Восточной Европы и Верхнем Приобье. По манере изображения наиболее сопоставимы с зауральскими скульптуры из неолитических слоев могильника Ордынское I и Васьковского могильника Верхнего Приобья [Молодин, 1992, с.

17–18, рис. 9, 10]. В западном регионе костяные и роговые скульптуры лося обнаружены на стоянке Модлона, на поселении Абора I [Лозе, 1979, с. 112, рис. ЛП, 8], Сахтыш 1 и 2 [Костылева, Уткин, 2009, с. 67], Владычино и Черная гора [Цветкова, 1969, с. 25–38; Лозе, 1973, с. 174–182; Искусство, 1992, с. 57, 91].

Плоскостные графические изображения копытных – косуль – известны на трех сосудах раннего металла Зауралья. Характерна контурная моделировка фигур с четырьмя ногами, скелетным заполнением тулова наклонными или горизонтальными линиями [Чаиркина, 2005, с. 249, рис. 65, 4, 6, 8].

В наскальных изображениях Урала копытные – один из наиболее часто встречаемых персонажей. Они входят в состав композиций с антропоморфными, солярными и небулярными знаками. Характерны изображения лосей с массивным корпусом, большой головой с серьгой; с показом внутренних органов или ребер либо с контуром туловища, не осложненным какими-либо деталями. Они находят аналогии с изображениями копытных на посуде эпохи раннего металла Зауралья. Изображения лосей на уральских писаницах исследователи связывают с обрядами календарного характера, темами которых является привлечение добычи в ловушки, весеннее оживление природы и идея размножения [Чернецов, 1971, с. 83].

Образ лося в мировоззрении угорских народов противоречив. Он воспринимается, прежде всего, как главное промысловое животное. С ним связан миф о некогда недостижимом для людей шестиногом Небесном Лосе, способном скакать по земле и по небу. Охота на него «считалась занятием благородным». Существовал и мифологический образ «подземного» лося – темного, с рыбьим хвостом и другими «нижними» признаками. В целом, несмотря на противоречивость, он воспринимается как светлый космический зверь, связанный преимущественно с Верхним миром. Иногда вещам придавали черты лося, что возводило их в ранг священных предметов [Кулемзин, Лукина, 1977; Головнев, 1995, с. 352–353; Косарев, 2003, с. 56–59].

В материалах эпохи раннего металла Зауралья известны деревянные, костяные и кремневые *орнитоморфные* скульптуры, изображения птиц на сосудах и писаницах. На торфяниковых памятниках обнаружено несколько категорий деревянных орнитоморфных изображений. Самая многочисленная группа (21 экз.) – *орнитоморфные навершия на рукоятях ложек и ковшей* – представленная заготовками (4 экз.), целыми изделиями (5 экз.) и их обломками (12 экз.) (т. 2, прил. 4, рис. 137–141) [Кашина, Чаиркина, 2011, с. 157–169].

Три заготовки ковшей или ложек с навершиями в виде голов водоплавающих птиц найдены на VI Разрезе Горбуновского торфяника в раскопах Д.Н. Эдинга [1940а, с. 44, 54, табл. I, 6; IV, 3]. В раскопе № 60 2009 г. на VI Разрезе обнаружен обломок ручки с орнитоморфным навершием, вероятно, происходящий от заготовки ложки. Видовую принадлежность персонажей на этих предметах определить сложно.

Целые изделия представлены пятью экземплярами, четыре из которых обнаружены на VI Разрезе Горбуновского торфяника, одно – на Шигирском торфянике. В 1927 г. на VI Разрезе найдена деревянная ложка, вырезанная, возможно, из кедра, с рукоятью в виде головы лебедя [Эдинг, 1929, с. 10; 1940б, с. 36, рис. 27–29]. Изделие размером 17,0×5,0×5,5 см с неглубокой емкостью. Рукоять оформлена в виде согнутой шеи с наклоненной вниз головой, выполненной в силуэтной манере – не изображены глаза, носовые отверстия и разрез клюва (т. 2, прил. 4, рис. 137, 1).

Ложка, вырезанная из кедра, размером 14,0×5,2×6,6 см с головой гуся на конце рукояти, обнаружена в 1936 г. [Эдинг, 1940а, с. 47, табл. II, 1; 1940б, с. 40, 41, рис. 34]. Изделие, возможно, не закончено – голова, шея и емкость сохранили следы срезов, относительно сглажена только внутренняя поверхность. Необычно изображение головы с угловатой выступающей лобной частью и глазами, намеченными срезами (т. 2, прил. 4, рис. 137, 2).

В 1936 г. рядом с деревянным сооружением найден ковш размером 19,2×8,1×7,1 см с силуэтной головой гуся на конце рукояти [Эдинг, 1940а, с. 38, рис. 32, 33].

В 1978 г. рядом с сооружением раннего бронзового века обнаружен ковш размером 22,3×20,3×5,7×1,8 см, контуры которого напоминают силуэт трубящего лебедя [Старков, 1979, с. 17, рис. 51, 52]. Специфично оформление края, противоположного рукояти: он сужается, образуя «носик», в котором вырезан желобок-слив. Смоделирована прямая вертикально вытянутая шея птицы, оканчивающаяся поднятой вверх головкой. Рельефно оконтурено сохранившееся левое крыло (т. 2, прил. 4, рис. 138, 2).

В Шигирской коллекции присутствует ложка длиной 15,1 см с головой утки, вырезанная из сосны. По некоторым данным, она была обнаружена вместе с Большим Шигирским идолом [Эдинг, 1940а, с. 58; Мошинская, 1976, с. 11]. Объемная голова птицы подробно детализирована, показаны глаза, оформленные кольцевыми углублениями, и тщательно вырезанное подклювье. Поверхность изделия покрыта мелкими не зашлифованными срезами, что создает впечатление оперения. Голова, шея и верхняя часть грудины окрашены черной краской (т. 2, прил. 4, рис. 138, 1).

Обломки посуды с орнитоморфными навершиями представлены 12 предметами – фрагментами ковша и ложек (2 экз.), рукоятями изделий (4 экз.) и головками водоплавающих птиц (6 экз.). Обломок ковша (?) сохранившейся длиной 11,7 см со схематичным изображением головы гуся на конце рукояти (т. 2, прил. 4, рис. 139, 1) найден на VI Разрезе Горбуновского торфяника [Эдинг, 1940а, с. 37–38, рис. 30, 31].

Обломки двух ложек с головками водоплавающих птиц на конце рукоятей обнаружены на VI Разрезе в раскопе В.Ф. Старкова [1979, с. 17, рис. 51, 52] и стоянке Стрелка Горбуновского торфяника.

Край рукояти в виде реалистично выполненной головы гуся или лебедя с Кокшаровско-Юрьинской стоянки происходит, возможно, от ложки-ковша.

Клюв птицы отделен от головы одной чертой, его складки сверху показаны двумя линиями, на конце клюва вырезан носик, овалами изображены ямки ноздрей [Сериков, 1992, с. 137].

Головой утки украшена рукоять ложки, найденная на поселении Шигирское А (т. 2, прил. 4, рис. 139, 3). Клюв птицы отделен от головы валиком с двумя «рожками» на лбу. Овальными ямками показаны ноздри, надклювье выделено двумя линиями, подклювье и гортань вырезаны дугами. Голова и переход в шею окрашены черной краской [Погорелов, 2010, с. 182–185].

Самым выразительным образцом является навершие в виде головы утки на рукояти ковша-черпака поселения Шигирское А (т. 2, прил. 4, рис. 139, 2). Клюв отделен от головы валиком с двумя «рожками» на лбу. Тонкими линиями вырезаны эллипсовидные глаза, двойной линией – ноздри. Складки клюва, на конце которого выделен носик, сверху прорезаны тремя линиями, снизу обозначен его край. В виде валиков и ложбинок вырезана гортань и подклювье [Погорелов, 2010, с. 182–185].

На Горбуновском торфянике при разработке торфа найдена рукоять сосуда с навершием в виде головы утки (т. 2, прил. 4, рис. 140, 1) [Эдинг, 1929, с. 10, рис. 8].

Шесть головок – гагары, трех водоплавающих птиц и двух гусей, выполненных в силуэтной манере, возможно, являвшиеся навершиями ложек, – обнаружены на VI Разрезе. Глаза, носовые отверстия и разрез клюва не изображены (т. 2, прил. 4, рис. 140, 2–5).

На торфяниковых памятниках эпохи неолита – раннего металла лесной зоны Восточной и Северной Европы обнаружены целые и обломки десяти изделий – ковшей, черпаков и, возможно, крупных ложек с орнитоморфными навершиями на концах рукоятей (т. 2, прил. 4, рис. 142) [Кашина, Чаиркина, 2011, с. 157–169]. Они найдены на поселениях Модлона [Ошибкина, 1978; Искусство..., 1992, с. 57], Абора I [Лозе, 1979, с. 110–113], Сарнате [Ванкина, 1970, с. 103], Швентойи 23 [Rimantiene, 2005], Репище IV [Искусство..., 1992,

с. 117; Зими́на, 1993, с. 71], Ивановское 7 и Сахтыш 1 [Искусство..., 1992, с. 76], Пиелисьярви [Аугараа, 1930, р. 82–88] из Восточной Финляндии (округ Лиекса).

Зауральские предметы выполнены из кедра и сосны обыкновенной, некоторые изделия лесной зоны Восточной и Северной Европы – из деревьев лиственных пород и сосны кедровой. Близок видовой состав изображаемых водоплавающих птиц, среди которых преобладают утки, гуси и лебеди, единично представлена чомга (?) (Модлона) и гагара (VI Разрез). Большая часть орнитоморфных наверший лесной зоны Восточной и Северной Европы (Абора I, Сарнате, Репище IV, Ивановское 7, Сахтыш 1, Пиелисьярви) и Зауралья (VI Разрез и Стрелка Горбуновского торфяника), при некоторых отличиях в форме и размерах, стилистически близка, реалистична, хотя и выполнена в силуэтной манере без проработки графических деталей.

В обоих регионах присутствуют реалистичные скульптуры с тщательной, но стилистически различной манерой оформления некоторых элементов и глаз (Шигирское А, Шигирская коллекция, Швентойи 23). Разная степень стилизации и детализации скульптур рассмотренных регионов, возможно, связана с культурно-хронологическими различиями. В лесной зоне Восточной и Северной Европы они происходят с многослойных поселений и связаны с широким кругом относительно синхронных нео-энеолитических культур, вероятно, III тыс. до н.э.

Археологический контекст некоторых зауральских скульптур неясен: они обнаружены во время добычи торфа или золота, происходят из раскопок первой половины XX в. Относительная хронология устанавливается для изделий поселения Шигирское А, найденных в слое раннего металла, и для ковша в виде трубящего лебедя с VI Разреза, обнаруженного в сооружении раннего бронзового века. ¹⁴C даты получены для головки гагары, гуся и обломка заготовки – 4 010–3 815 л.н. или 2 830–1 980 гг. до н.э. Они обнаружены в 2009 г. в составе деревянного сооружения раннего бронзового века на VI Разрезе,

возраст которого подтверждают даты, полученные по вмещающему слою и фрагментам кольев. Учитывая эти данные, а также стилистическое и технологическое единство рассмотренных скульптурных наверший, можно предположить их бытование на территории Зауралья в эпоху раннего металла в III – начале II тыс. до н.э.

Контекст большинства изделий лесной зоны Восточной и Северной Европы не несет информации об их ритуальном использовании: это, по-видимому, выброшенные, сломанные вещи, оставленные в жилищах или за их пределами. В Зауралье единственным исключением, где контекст этих изделий определен и пока уникален, является VI Разрез Горбуновского торфяника.

Деревянную посуду с орнитоморфными навершиями обычно относят к ритуальным предметам [Эдинг, 1940б; Мошинская, 1976], некоторые исследователи связывают ее с наличием представлений о сотворении мира из водной стихии [Жульников, 2006, с. 40–42]. Идея творения, по-видимому, действительно связана с космогоническим образом водоплавающей птицы во всей мифологической традиции народов Северной Евразии. Однако рассмотренные материалы нельзя интерпретировать только в русле этой гипотезы, так как существует несколько находок ковшей и ложек с навершиями рукоятей в виде голов животных [Ванкина, 1970, с. 102–105; Carpelan, 1977, р. 5–67; Королев, Ставицкий, 2006; Мазуркевич, 2009, с. 82, 233]. В Зауралье известны так называемые сосуды-лоси и прорезные черпаки, края рукоятей которых оформлены в виде лосиных голов. На поселении Усвяты IV [Мазуркевич, 2009, с. 82, кат. 231], VI Разрезе (т. 2, прил. 4, см. рис. 133, 2) и поселении Шигирское А найдены весла с орнитоморфными навершиями. Поэтому, вероятно, семантику рассматриваемых изделий следует связывать не только с понятиями «вода – водоплавающая птица – космогония». Факты относительной одновременности появления и распространения ритуальной деревянной посуды со скульптурными изображениями водоплавающих птиц в

обоих регионах указывают на возможное существование близких мифологических представлений и форм обрядности.

Следующая категория вещей, связанная с орнитоморфными изображениями, представлена пока единственным деревянным *навершием жезла*, найденным в составе сооружения раскопа № 60 2008 г., на VI Разрезе Горбуновского торфяника (т. 2, прил. 4, см. рис. 52). Оно изображает боровую дичь (глухаря) с тщательно проработанной головой, шеей, крыльями и оперением (т. 2, прил. 4, рис. 143). Абсолютная дата – около 4 025 или 2 830–2 470 гг. до н.э. – подтверждает одновременное бытование таких предметов и деревянной посуды с орнитоморфными навершиями.

Плоскостные стилизованные резные орнитоморфные изображения на концах больших досок, напоминающие силуэты «коньков» на фронтонах изб, обнаружены пока только на VI Разрезе в раскопах Д.Н. Эдинга и в раскопе № 60 2009 г. (т. 2, прил. 4, см. рис. 58–65; 144). По схематизму, размерам и качеству выполнения они близки антропоморфным скульптурам и только тематикой напоминают изображения на ложках и ковшах.

В иной стилистической манере выполнены обломки двух *деревянных скульптур птиц*, обнаруженные на стоянке Разбойничий Остров. Форма предметов напоминает изображения летящих (ныряющих?) птиц. Тонкая шея достигает длины 32 см, голова подчеркнута двумя насечками. Тулово подпрямоугольной формы размером 8,0×4,0–3,5×2,5 см, на боковых гранях которого вырезаны противоположащие пазы, в которые могли вставляться берестяные или кожаные пластинки – имитаторы крыльев [Чаиркина, 2005, с. 224, рис. 62]. По обработанной древесине из культурного слоя этого памятника изделия датируются 4 960±210 л.н. (ИЭРЖ-131) или 3 990–3 520 гг. до н.э. Они находят аналогии с изображениями мальтийских птичек и с металлическими орнитоморфными фигурами, известными по этнографическим материалам сибирских народов.

Графические орнитоморфные изображения известны на керамике эпохи раннего металла, обнаруженной на береговых частях или заболоченных участках Разбойничьего Острова, Шигирского городища, I Береговой стоянке, Юрьинской IV, поселения Шувакиш I. Фигуры птиц, нанесенные, в основном, гребенчатым штампом, составляют отдельный фриз, расположенный, как правило, в верхней части тулова сосуда. Характерно их сочетание с горизонтальным зигзагом и ямочными вдавлениями, горизонтальными и наклонными линиями. Наиболее типичны силуэтные изображения, выполненные одной-тремя прямыми линиями, с заполнением тулова горизонтальными, реже – вертикальными линиями (т. 2, прил. 4, рис. 145).

Стилистически специфичны, как и деревянные скульптуры этого памятника, изображения водоплавающих птиц на керамике липчинского типа стоянки Разбойничий Остров. Композиционное построение орнамента на этих сосудах необычно: разреженный узор, наличие свободных зон. Тулова птиц треугольной и трапециевидной формы, заштрихованы вертикальными и наклонными линиями. Голова у одной из фигур отсутствует, у другой обозначена двумя короткими параллельными линиями. Шея оформлена одной-двумя линиями, расположенными вертикально либо под углом к тулову. Одна фигура с лапами в виде двух коротких отрезков. Судя по отдельным фрагментам, часть изображений образуют фриз из фигур, обращенных влево. Остальные орнитоморфы, возможно, одиночны либо сопровождаются семантически неопределенными изображениями (т. 2, прил. 4, рис. 145, б).

Изображения орнитоморфных фигур в сочетании с загородками-ловушками, солярными и небесными знаками – частые сюжеты уральских писаниц. Явно однотипны изображения водоплавающих птиц на Шайтанской писанице и керамике стоянки Разбойничий Остров, Коптелова камня и фигур карасьеозерских стоянок, Шувакиш I, Береговая I.

Изображения птиц, сопровождавшие хантов и манси в реальном и нереальном мире, имели сакральное значение, обеспечивали связь с духами-

покровителями, могли использоваться в магических ритуалах общения людей со сверхъестественными существами. Они выступали посредниками между Нижним, Средним и Верхним мирами, принимали участие в проходах душ умерших в Нижний мир [Напольских, 1992, с. 71–72]. Культурное почитание тех или иных птиц могло иметь полисемантический характер. Обские угры имели родовые группы, ведущие свои истоки от орла, журавля и других птиц. По мнению М.Ф. Косарева [2003, с. 77–82], большая часть тотемистических персонажей птичьего облика трансформировалась в светлые духовные сущности (душа-птица, шаманские духи Верхнего мира и т.д.), но долго сохраняла тотемные признаки и функции. У обских угров гагара и красношейная поганка связаны с Нижним миром, к которому семантически тяготеют и птицы, ведущие, преимущественно, ночной образ жизни. Они, вероятно, никогда не были тотемами.

Стилистическое разнообразие и вариативность воплощения – в глине, камне, дереве, графических рисунках – явно предполагает наличие сложных, возможно, разных комплексов мифологических представлений, связанных с орнитоморфными сюжетами, распространенными на территории Зауралья, в лесной зоне Восточной и Северной Европы в эпоху неолита – раннего бронзового века. Однако несомненна чрезвычайная значимость образа птицы в мировоззрении древнего населения лесной зоны Северной Евразии.

Деревянные ковши и ложки с орнитоморфными навершиями отличает реалистичность, стилистическая однородность и тщательность изготовления. По существу, это – полифункциональный образ емкости и орнитоморфной скульптуры. Оформление ручки в виде головы и шеи водоплавающей птицы находит свое гармоничное продолжение в чаше, напоминающей туловище птицы. Они всегда меньше натуральной величины, воплощены на веслах и посуде – ложках и ковшах, используемых в культовой практике, но остающихся, по существу, бытовыми, предметами.

Вероятно, орнитоморфные изображения раннего металла Зауралья,

воплощенные в кремневой, деревянной и костяной скульптуре, графических изображениях на посуде и скалах, полисемантически. Учитывая данные угорской этнографии и материалы VI Разреза, где орнитоморфные и антропоморфные скульптуры составляют единый комплекс, можно допустить не только тотемистическую трактовку образа водоплавающей птицы. Не исключено, что эти скульптуры были изображениями помощников или стихий (сфер природы), подвластных тому или иному духу, его «транспортным средством», возможной формой его превращения.

В материалах эпохи раннего металла Зауралья известны деревянные и каменные *антропоморфные* скульптуры, их графические плоскостные изображения на сосудах и писаницах. На торфяниковых памятниках обнаружено, вероятно, десять (двенадцать?) деревянных антропоморфных скульптур и одно изделие, отнесенное к числу антропоморфных условно: на культовой площадке VI Разрез Горбуновского торфяника (6 экз.), стоянке Разбойничий Остров (1 экз.) и среди случайных находок Шигирского торфяника (4 экз.). Есть упоминание еще об одном идоле, найденном на Горбуновском торфянике в 1932 или 1933 гг. при ремонте канавы, расположенной в 300 м к западу от VI Разреза. Он не сохранился, его точное местонахождение, комплекс сопровождающих находок и стилистические особенности неизвестны [Эдинг, 1937, с. 138; Чаиркина, 2014а].

На VI Разрезе найдены три целые и обломки трех (пяти?) скульптур [Эдинг, 1937, с. 133–145; 1940б, с. 66, 102, рис. 63; Старков, 1980в, с. 8, 9; Гаджиева, 2004, с. 91–99; Чаиркина, 2004, с. 121–123]. В 1927 г. на уч. 68 и 69, на глубине 250 см, на сапропеле, обнаружена деревянная антропоморфная скульптура, лежавшая лицом вверх, которое было покрыто куском бересты. Фигура размером 123×9×9 см вырублена из искривленного ствола с затесанным под кол концом (т. 2, прил. 4, рис. 146). Специально выделенная голова удлиненной формы расположена на пологих плечах, намечен изгиб спины; остальные детали не проработаны, не изображены руки и ноги. По данным Д.Н.

Эдинга, сохранность идола неудовлетворительная: на лицевой части головы с трудом просматривается только отверстие рта. Рядом с антропоморфной скульптурой, на уч. 68–76, на глубине 195–210 см, фиксировалось скопление остатков обработанного дерева, широкие и узкие распластанные и согнутые вдвое куски бересты; на некоторых видны следы прошивки, а на одном — орнаментация бурой краской. На этой же глубине на уч. 71 и 72 наблюдалась специальная площадка размером 125×100×4 см, состоящая из явно привнесенной глины голубого цвета и фрагментов бересты [Эдинг, 1929, с. 12; 1937, с. 138].

В 1927 г. на глубине 228 см, на границе торфа и сапропеля, обнаружена скульптура деревянной антропоморфной головы размером 41×12×6 см, обращенная лицом вниз [Эдинг, 1929, с. 12; 1937, с. 137–138]. Она удлиненной формы, вырезана из узкой плахи. Слегка обгоревшая затылочная сторона плоская, шея тонкая. Нос в виде прямоугольной полосы изображен в одной плоскости с высоким и заостряющимся кверху лбом. Щеки, глаза и рот углублены (т. 2, прил. 4, рис. 147). Рядом с изделием найдены редко рассеянная щепка и единичные фрагменты керамики, остатки сооружений не зафиксированы.

В раскопе 1931 г. на уч. 265–268, на глубине 155–200 см, наблюдалось деревянное сооружение, в котором обнаружены обломки ковша из капа, фрагмент деревянной чашки, «копыл» и орнаментированная береста со следами прошивки, заготовка и обломок рукояти весла. На уч. 265 на глубине 185 см, рядом с настилом, найдена целая антропоморфная скульптура высотой 125 см с проработанной головой, туловищем и ногами [Эдинг, 1932, с. 3; 1937, с. 133–145; 1940б, с. 66, 102, рис. 63]. Фигура была погружена в сапрпель почти вертикально. Длинное цилиндрическое туловище завершается шеей и тщательно проработанной головой овальной формы, на боковых поверхностях и затылочной стороне которой видны срезы, выполненные желобчатым орудием. Нос не разделяет щеки, показанные одной плоскостью, а выдается

между дугообразными надбровьями, слегка загибающимся вверх выступом, конец которого, возможно, обломан. Глаза не обозначены, глубокий рот овальной формы. Условно изображено и тулово: подтесана верхняя часть груди и нижняя часть живота; круто срезаны плечи и стесана задняя сторона так, что плоская спина примерно с половины длины выгибается и в области таза выступает наравне с затылком. Остальная поверхность не обработана, не сглажены даже выступы от веток. Короткие ноги слегка согнуты в коленях; с внешней стороны бедер, которые специально не подчеркнуты, сохранилась необработанная поверхность ствола, их внутренняя часть обработана широкими срезами. Голени выполнены в форме колышков с небольшими утолщениями в области икр (т. 2, прил. 4, рис. 148). Сохранившийся в паховой части след сучка, возможно, указывает на то, что это – изображение мужчины.

В описи предметов, обнаруженных на VI Разрезе Горбуновского торфяника в 1936 г., есть упоминания о находках четырех идолов. Один из них – кол длиной 166 см, в нижней части которого расположена антропоморфная личина, найден в трех обломках на глубине 155–160 см, в сапропеле [Эдинг 1936; 1940б, с. 66–67, 102, рис. 64]. Лицо изображено в двухплоскостной манере – лоб и нос в виде узкой полосы, разделяющей углубленную плоскость щек, сливаются с поверхностью ствола. Под выступающим нижним контуром наблюдается плохо сохранившееся, перевернутое изображение другой личины, выполненной в том же стиле (т. 2, прил. 4, рис. 149). На этом же участке, на глубине 100–110 см, выше антропоморфной скульптуры было зафиксировано деревянное сооружение, рядом с которым найден ковш с рукоятью в виде головы лебедя и схематические скульптуры птиц, у ее северо-восточного края – два обломка изображения змеи.

В 1936 г. на уч. 413 под краем деревянного сооружения, на глубине 135 см обнаружен обломок антропоморфной скульптуры длиной 74 см – фрагмент нижней части туловища и левой ноги, согнутой в колене, заостренной книзу. Упоминание о нем есть в научном отчете [Эдинг, 1936], однако его

описание отсутствует в более поздних публикациях. Фигура отчасти повторяет иконографию скульптуры 1931 г., но явно превышает ее размеры. Изделие хранится в НТМЗ, по полевой описи – № 524.

В 1936 г. на уч. 422 на глубине 140 см, во вторичном залегании вместе с керамикой, изделиями из камня и деревянными рукоятями, найден фрагмент антропоморфной скульптуры. Упоминание о ней есть в научном отчете [Эдинг, 1936], однако в публикациях оно отсутствует. Фигура длиной 77 см представлена примерно четвертью левой части туловища до начала ноги. Фиксируются узкое плечо, спина, сужающаяся к талии, и широкие бедра (т. 2, прил. 4, рис. 150, 1). Она, вероятно, аналогична рассмотренному выше обломку и скульптуре 1931 г. По этому фрагменту получена AMS дата – $5\ 070 \pm 60$ (AA-86207) л.н. или 3 970–3 710 гг. до н.э. [Chairkina, Kuzmin, Burr, 2013, p. 418–429].

В коллекционную опись № А387 за 1936 г. под № 600 занесены четыре обломка идола (?), обнаруженные на уч. 391, «в выкиде» [Эдинг, 1936]. Однако в тексте отчета и в более поздних публикациях упоминаний о нем нет. Возможно, за изображение идола в полевых условиях ошибочно были приняты обломки ствола со следами обработки.

В.Ф. Старков [1980в, с. 8–9] упоминает о находках фрагментов двух антропоморфных скульптур – нижних оконечностей ног со ступнями, найденными в составе сооружений эпохи раннего металла на VI Разрезе. Правая нога одного из них тонкая, с узкой ступней. Длина голени, обработанной со всех сторон, 16,5 см; длина ступни 10,5 см, ширина – 2,9 см, носок заострен. Вторая нога представлена довольно широкой (4,7 см) ступней длиной 12 см, носок которой заострен, и небольшой частью голени. Среди деревянных антропоморфных скульптур Зауралья нет фигур, ноги которых заканчиваются ступнями, поэтому пока сложно сказать, являются ли эти изделия фрагментами идолов, тем более, что они, вероятно, не сохранились.

Таким образом, в коллекциях ГИМ и НТМЗ сейчас присутствует шесть антропоморфных деревянных скульптур, обнаруженных на VI Разрезе Горбуновского торфяника. В неясных условиях на торфянике, возможно, найдены обломки еще двух скульптур, которые не сохранились и стилистические особенности которых неизвестны. Скульптуры зафиксированы в нижней части торфяных отложений, на контакте торфа-сапропеля и в верхней части сапропеля. На разных участках VI Разреза заболачивание и торфообразование (граница торфа и сапропеля) происходили в разное время, в середине IV – начале II тыс. до н.э., что подтверждено серией радиоуглеродных дат, полученных по вмещающему слою и фрагментам деревянных сооружений [Чаиркина, 2010б, с. 140–164; Антипина, Панова, Чаиркина, 2013, с. 1–9]. Этим хронологическим периодом, во всяком случае, до проведения AMS анализа и установления максимально точного археологического контекста каждого изделия, вероятно, можно датировать антропоморфные скульптуры VI Разреза Горбуновского торфяника.

В слое эпохи раннего металла стоянки Разбойничий Остров обнаружена скульптура антропоморфной головы размером $4,0 \times 2,5 - 2,0 \times 1,5$ см (т. 2, прил. 4, рис. 151, 1). Изделие частично обожжено, но детали формы не деформированы. Лицевой отдел выпуклой формы. Противолежащая сторона обработана одним срезом, достигающим до затылочной области, который оформлен в виде карниза, вероятно, имитировавшим волосы или головной убор. Лицо изображено в двухплоскостной манере – лоб и нос в виде узкой полосы, которая разделяет плоскость щек, показаны одной плоскостью, рот отсутствует. По обработанной древесине из культурного слоя этого памятника изделие датируется $4\ 960 \pm 210$ л.н. (ИЭРЖ-131) или 3 990–3 520 гг. до н.э.

На Шигирском торфянике в неясных условиях найдено деревянное изделие с антропоморфной личиной и три (?), в том числе Большой Шигирский идол, антропоморфные скульптуры. Первое, отнесенное к условно антропоморфным, овальной формы с выделенной головкой и туловом (?), в

центре которого – сквозное отверстие. На головке неглубокими вдавлениями нанесены глаза и рот, небольшим выступом показан нос (т. 2, прил. 4, рис. 151, 3). Такой же предмет, но без антропоморфной личины (т. 2, прил. 4, рис. 151, 4), обнаружен на стоянке Стрелка, вероятно, в слое эпохи раннего металла [Эдинг, 1932]. По аналогии с ним изделие Шигирской коллекции, возможно, датируется этим же временем.

Так называемый Малый Шигирский идол – тщательно выполненная скульптура антропоморфной головы длиной около 20 см. Слегка углубленные глаза и щеки изображены одной плоскостью, над которой возвышаются надбровья и лоб. Крупный рот показан широким овальным углублением. Голова, за исключением лица, покрыта узкими желобками, вдоль щек нанесены зарубки (т. 2, прил. 4, см. рис. 150, 2). Волнистое обрамление лица, воспроизводящее, возможно, бороду или головной убор (капюшон?), и нос, трактованный не как продолжение плоскости лба, не типичны для зауральской антропоморфной скульптуры. Возраст изделия неизвестен.

В XIX в. небольшая коллекция предметов с Шигирского торфяника была вывезена в Париж. Сейчас она хранится в Музее Человека – филиале Музея естественной истории [Савченко, Ромен, 2011, с. 250–259]. Среди экспонатов этого собрания присутствует деревянная антропоморфная скульптура высотой около 43 см, максимальной шириной 10 см. Длинная заостренная верхняя часть головы, надбровные дуги и вытянутый прямоугольный нос, разделяющий щеки, переданы одной плоскостью, возвышающейся над щеками и нижней частью лица. Глаза и рот не обозначены. Туловище скульптуры специально не выделено, шея и плечи не обозначены. Голова опирается на небольшие, согнутые в коленях ноги. По продольному ребру, расположенному в центре оборотной стороны, нанесено девять поперечных зарубок. Прямых аналогий этой фигуре среди деревянных антропоморфных скульптур Зауралья нет, некоторые сопоставления прослеживаются в оформлении лица и ног, слегка согнутых в коленях. Создается впечатление о более позднем, возможно,

этнографическом возрасте этой скульптуры, о чем свидетельствуют довольно близкие аналогии с материалами обских угров [Гемуев, Сагалаев, 1986]. Не исключена и ошибочность ее включения в Шигирскую коллекцию: в трудах В.Я. Толмачева, где наиболее полно отражена история исследования и основные категории находок Шигирского торфяника, упоминаний об этом идоле нет.

Таким образом, коллекция деревянных антропоморфных изображений Зауралья сейчас представлена одиннадцатью изделиями. Эпохой мезолита датируется Большой Шигирский идол. Его семантика и стилистика, при наличии отдельных элементов сходства, существенно отличается от остальных изображений [Чаиркина, 2013в, с. 100–110]. Большая часть скульптур обнаружена на VI Разрезе Горбуновского торфяника в слоях эпохи раннего металла. Этим же временем можно датировать антропоморфную голову со стоянки Разбойничий Остров и, вероятно, изделие Шигирской коллекции, отнесенное к условно антропоморфным скульптурам. Явно металлическим орудием выполнен Малый Шигирский идол.

Вряд ли на сегодняшний день возможна градация этих скульптур по микропериодам и культурным типам эпохи раннего металла. Очевидна и невозможность построения прямолинейного типологического ряда от «простых» стилизованных колообразных фигур к более реалистичным скульптурам с проработанными головой, туловищем и ногами, которые, как показывают последние данные, имеют довольно ранние ^{14}C даты.

Деревянная антропоморфная скульптура эпохи раннего металла Зауралья представлена колообразными фигурами, выполненными на затесанных стволах (кольях) с двумя, расположенными друг напротив друга, личинами, и фигурой с проработанной головой; фигурой с головой, туловищем и ногами; головами-личинами и обломками двух идолов с проработанными ногами, туловищем и бедрами. Все скульптуры, за исключением обломков двух последних фигур, обнаруженных на VI Разрезе, не составляют устойчивых типов, специфичны и индивидуальны. Разнообразна манера оформления тулова: его отсутствие,

схематичность или детализация в изображении отдельных элементов. В положении фигур с несколько согнутой поясницей и ногами использован тот же стилистический прием, что и в изображении некоторых персонажей Большого Шигирского идола, на ряде уральских писаниц и в графических рисунках на керамике.

Моделировка головы прослежена на всех скульптурах, за исключением колообразной фигуры с двумя личинами с VI Разреза Горбуновского торфяника. Наиболее канонична обобщенная трактовка иконографии лица – использование двухплоскостной манеры изображения глаз, щек, носа и лба. Рот отсутствует на личинах колообразной скульптуры и миниатюрной голове с Разбойничьего Острова, в остальных случаях он обозначен неглубокими овальными выемками.

Изображение нескольких лиц, обращенных друг к другу, отмечено только на колообразной фигуре VI Разреза. Возможно, мужской является фигура с ногами, обнаруженная в 1931 г. на VI Разрезе, и антропоморфная голова из Шигирской коллекции; женскими – фрагменты скульптур 1936 г. с детализированными бедрами и ногами.

В целом для деревянной антропоморфной скульптуры Зауралья характерно многообразие общей формы, преобладание подчеркнутой моделировки головы, канонизм в оформлении лица; иногда изображения с согнутыми ногами, всегда – отсутствие рук.

Наличие колообразных форм, манера трактовки лица в двухплоскостной манере, изображения схематичных личин, отсутствие рук и рта, безусловно, сближает зауральскую скульптуру с антропоморфными фигурами Прибалтики и Финляндии. Менее определены стилистические сопоставления с западноевропейскими деревянными скульптурами. Однако их археологический контекст (в том числе, датирующихся более поздним временем), расположение рядом с деревянными дорогами и площадками, а также на культовых местах и в

виде преднамеренно помещенных в воду или болото предметов (кладов?), вызывают явные ассоциации с контекстом зауральских находок.

Антропоморфные скульптуры эпохи раннего металла и деревянные, металлические идолы хантов и манси обнаруживают черты стилистического единства в иконографии лица, колообразных фигурах и фигурах с островерхими головами; скульптурах с ногами, но без рук [Иванов, 1970; Гемуев, Сагалаев, 1986]. Для обских угров характерно наличие большого количества антропоморфных изображений, оформление которых зависит от олицетворяемого персонажа и материала. Они могли служить вместилищем души обыкновенного умершего члена рода или шамана, изображать духа предков, богов или духов [Соколова, 2009, с. 530–537, 608–638]. Есть мужские и женские духи, которые живут на небе, на земле, под землей, в лесах и водах. Локальные (домашние, личные) и духи клана или рода изображаются в виде идолов, принимают почитание и связаны с конкретным местом. Всеобщие духи не выполнялись в виде фигурок, они не связаны с определенным местом [Карьялайнен, 1994].

Изображением домашних духов, которые являются защитниками семьи, помогают на охоте и при добыче рыбы, может быть камень необычной формы, кукла из сукна, костяные фигурки, но чаще всего – деревянные и металлические идолы. Они хранятся в сундучке, мешке или во вместилище из бересты на почетном месте в доме; могут стоять на открытом воздухе или помосте [Хэжель, 2001, с. 17–19, 23].

Дух клана или рода – это умершие, бывшие герои, предки и основатели клана или рода. Есть подчиненные духи – помощники или охранители духов-идолов, как правило, они изображались в виде доски или болванки с заостренной головой [Карьялайнен, 1994]. Клановые духи выполняются в виде фигурок из камня, дерева и металла, чаще всего это – антропоморфные идолы более или менее тщательно обработанные, которые стоят на священном месте, в специальном доме или постройке из столбов, рядом с которыми может быть

дом-амбар для жертв – пищи, вещей, животных. Они более сильные, как и домашние духи, оказывают помощь при охоте, добыче рыбы, в оленеводстве, в здоровье и деторождении. Есть определенные табу, связанные со священными местами и идолами. Почти с каждым локальным и духом клана или рода соотнесено какое-то животное, фигурку которого изготавливают из дерева, камня или металла. Связь духа с животным осуществляется в двух формах: дух превращается в животное и животное используется духом как транспортное средство [Хэкель, 2001, с. 19–27].

Устойчивость мировоззренческих традиций и ритуальной практики древнего населения Зауралья проявилась в сохранении многих структурных элементов культовых площадок, обнаруженных на уральских торфяниках, в угорских культовых местах, прежде всего, посвященных духу или предку-покровителю. Она наблюдается в труднодоступности (скрытности/«оберегаемости») священных мест, наличии специальных построек (площадок?), рядом с которыми помещены антропоморфные скульптуры и фигурки животных; в принесении им жертвенных даров. Однотипен ассортимент культовых предметов: серебряные блюдца – глиняные тарелки, плоские деревянные лопаточки и ложкообразные грудные кости птиц – деревянные ложки и ковши; металлические стрелы – каменные, деревянные наконечники стрел и др. Аналогии прослеживаются и в отношениях к антропоморфным скульптурам: «запрещено видеть лицо идола, которое закутывали», «во время переодевания отгораживали священное изображение “берестяной ширмой”», хранение идола во вместилище из бересты [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 124, 146–148]. На VI Разрезе Горбуновского торфяника повсеместны находки кусков бересты рядом со скульптурами, берестой было покрыто лицо колообразной антропоморфной фигуры, обнаруженной в 1927 г.

Деревянная антропоморфная скульптура Зауралья, в том числе эпохи мезолита (Большой Шигирский идол), при всей схематичности настолько реалистична, что создается впечатление о ее соответствии вполне

определенным мифическим персонажам или, учитывая значительный хронологический разрыв между археологическими и этнографическими материалами, их прототипам в обско-угорской мифологии.

Миниатюрная голова-личина, обнаруженная на промысловой стоянке Разбойничий Остров, могла быть домашним духом – защитником семьи, помогающим на охоте и при добыче рыбы. Археологический контекст скульптур Шигирского торфяника неясен, сложен анализ их семантических текстов. Возможно, скульптура антропоморфной головы являлась преднамеренно помещенной в водную гладь или болото жертвой или даром. Изделие, отнесенное к антропоморфным условно, – своеобразным оберегом, а скульптура Большого Шигирского идола – мифическим текстом, повествованием о мироустройстве мезолитического населения Зауралья [Чаиркина, 2013в, с. 100–110].

Не исключено, что антропоморфные скульптуры, обнаруженные на культовой площадке VI Разрез Горбуновского торфяника, по многочисленным обско-угорским аналогиям, были изображениями предков или духов-покровителей, а скульптуры животных и птиц – изображениями помощников или стихий (сфер природы), подвластных тому или иному духу, его «транспортным средством», возможной формой его превращения. О некой соподчиненности зооморфных и орнитоморфных образов антропоморфным, возможно, свидетельствуют их размеры (всегда меньше натуральной величины) и манера стилистического воплощения, преимущественно, – на веслах, сосудах, рукоятках, использующихся в культовой практике или специально изготовленных для проведения этих процедур, но остающихся, по-существу, бытовыми предметами. Антропоморфные скульптуры близки к натуральным размерам, они «самостоятельны», но переданы схематично и грубо. Принципиальным является раннее появление у населения Зауралья мировоззренческих представлений, связанных с первопредком и/или предками (?), разнообразными духами, воплощенными в антропоморфных скульптурах, и

атрибутивное, подчиненное положение изображений животных. Материалы VI Разреза свидетельствуют о существовании уже в эпоху раннего металла специальных деревянных сооружений («домов»?) или площадок «для идолов» и их большое количество на одном «священном месте».

Антропоморфные изображения присутствуют на многих писаницах Зауралья. Они образуют сложные композиции с орнитоморфными, копытными, солярными и небулярными знаками. Большая часть фигур изображена в фас, выполнена в схематично-линейной манере. Голова чаще округлой, реже ромбовидной или раздвоенной формы. Руки согнуты в локтях, опущены вдоль тулова или в антитезе. У большей части фигур ноги согнуты в коленях. Профильные фигуры – единичны. Практически все изображения находятся в динамике.

Верования, связанные с семантически различными антропоморфными, орнитоморфными и зооморфными скульптурами и их изображениями, воплощенными в камне, глине, дереве, не были идентичными и не ограничивались рассмотренными аспектами, каждый образ многослоен и полисемантичен.

ГЛАВА 4. ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ

4.1. Археологические культуры и типы памятников раннего бронзового века

Культурные слои раннего бронзового века обнаружены на 11 памятниках: Кокшаровско-Юрьинская I, Кокшаровско-Юрьинская III, Кокшарово I (болотное), VI Разрез Горбуновского торфяника, Шигирский Исток I, Анин остров, Шигирское городище (болотное), Разбойничий Остров, Шувакиш XI-Д, Шувакиш I, Озеро Мелкое. На всех памятниках, за исключением стоянки у озера Мелкое (керамика елизаветинского типа?), они маркируются посудой карасьеозерского типа.

Ранний бронзовый век по региональной хронологической шкале Среднего Зауралья знаменуется появлением керамических комплексов *карасьеозерского* и, возможно, *елизаветинского* типов, в декоре которых, наряду со штампованными, существенную роль играют «шагающие» и «шагающе-проташенные» оттиски гребенчатого штампа. Они не фиксируются на посуде эпохи раннего металла липчинского, шувакишского и аятского типов; но были распространены в этом регионе в эпоху позднего неолита.

При отсутствии абсолютных дат культурно-хронологические позиции *елизаветинских комплексов* пока определяются гипотетически на основе типологического анализа керамики, которая характеризуется сосудами закрытой баночной формы с длинной шейкой, намечающимся ребром и, вероятно, округлым или слегка уплощенным дном [Панина, 2004, с. 29–44]. Венчики плоские или округлые с сильно выделенным длинным, скосом (наплывом изнутри). Емкости декорированы полностью, зональность узоров горизонтальная, более разреженная, чем на аятской посуде. Орнамент в виде

мелких цепочек ромбов, треугольников, зигзагов, рядов косых линий, в сочетании с ямочными вдавлениями и поясками «шагающей» гребенки наносился прокатанными, печатными и «шагающими» оттисками, мелкозубчатого гребенчатого штампа. Редко встречаются наколы подтреугольной формы и резные линии. Керамика елизаветинского типа лесного Зауралья неоднородна, что может свидетельствовать о довольно длительном существовании этих комплексов. Возможно, материалы этого типа перекрывали культурный слой эпохи раннего металла в заболоченной части озера Мелкого.

Наличие довольно большого количества признаков, сближающих этот тип посуды, с одной стороны, с аятской (горизонтальная зональность орнамента, наличие свободных зон, заштрихованные ромбы, двойные зигзаги, пояски коротких наклонных линий); с другой – с коптяковской керамикой (уплощенные днища и намечающееся ребро на тулове, разреженность узора, специфические композиции – ряды ямок, иногда треугольной формы, окаймляющих элементы узора и др.) – не исключает их генетическую взаимосвязь, определяя промежуточное положение елизаветинских комплексов.

Иную линию развития, возможно, не связанную с аборигенными культурами, демонстрируют комплексы *карасьеозерского типа*, находящие аналогии в материалах памятников раннего бронзового века Кондинской низменности Западной Сибири и Правобережья Оби.

Керамика карасьеозерского типа (т. 2, прил. 4, рис. 152–155) первоначально была выделена по обломкам нескольких сосудов стоянки Разбойничий Остров [Чаиркина, 2005, с. 297]. Она присутствует на довольно большом количестве памятников Среднего Зауралья, в том числе торфяниковых – стоянке Разбойничий Остров и поселении Шувакиш XI-Д, где залегала выше керамики липчинского и аятского типа; на Кокшаровско-Юрьинской I стоянке, Шигирском Истоке I и Шигирском городище (болотное). Пожалуй, самый большой комплекс карасьеозерского типа представлен в

материалах VI Разреза Горбуновского торфяника в раскопах Д.Н. Эдинга 1926–1936 гг. и автора 2007–2009 гг., где обнаружено несколько сотен сосудов, изделия из камня и органических материалов, деревянные сооружения.

Керамическая коллекция VI Разреза характеризуется емкостями баночной формы диаметром около 40 см со слегка отогнутыми венчиками, с округлым и уплощенным дном; ребро на тулове сосудов отсутствует. Край часто волнистый, срез плоский или округлый. В глине визуальнo фиксируется примесь талька, шамота, мелкой гальки или дресвы. Орнамент плотный, преимущественно с горизонтальным или наклонным расположением декора, покрывает всю поверхность сосуда. В придонной части и на дне узор иногда располагается вертикально. Штамп крупный или средний, иногда с узко нарезанными зубцами. «Шагающими» и «шагающе»-протасченными оттисками гребенчатого штампа чаще всего нанесены горизонтальные ленты, чередующиеся с треугольными горизонтальными зигзагами и наклонными линиями, выполненными штампованными гребенчатыми оттисками. Единично в эту композицию включена горизонтальная цепочка мелких ромбов, заштрихованных параллельно одной из сторон. Встречается мотив в виде горизонтальных или наклонных лент, иногда с волнообразными «отростками-ответвлениями», выполненными в «шагающе»-протасченной манере. Прямые и волнообразные ленты сверху и снизу довольно часто ограничены вдавлениями – более глубокими оттисками короткого гребенчатого штампа, реже – насечками. Уголковые вдавления, подобные елизаветинским и коптяковским, не зафиксированы.

В коллекции присутствует группа сосудов, сверху донизу покрытых горизонтально или наклонно расположенными рядами «шагающей» гребенки. Довольно редки ромбическая сетка и вертикальные столбцы из «шагающих» оттисков, разделенных вертикальным зигзагом. На нескольких сосудах зафиксированы горизонтальные зигзаги, выполненные протаскиванием

гладкого штампа или резной техникой; а также насечки, окаймляющие или заполняющие прямые и волнообразные ленты.

Карасьезерский тип керамики отличен от елизаветинского и коптяковского по ряду технико-морфологических признаков – форме сосудов (отсутствует ребро; круглые или уплощенные днища); преобладающей технике орнаментации («шагающе»-проташенная наряду с «шагающими» и штампованными оттисками) и форме штампов; композициям и плотности декора. В отличие от елизаветинского и коптяковского типов, орнаментированных тонким гребенчатым штампом, карасьезерские емкости декорированы штампами крупных и средних размеров. Узор отличается существенно большей плотностью и почти полным отсутствием геометрических элементов, которые на елизаветинской и коптяковской керамике ограничены линиями или подчеркнуты ямками, уголковыми вдавлениями.

На VI Разрезе в раскопе № 71 2007 г. слой с керамикой карасьезерского типа датирован по вмещающему слою (т. 2, прил. 3, табл. 12) – сапропелю 3 875±65 л.н. (СОАН-7372) или 2 460–2 240 гг. до н.э. – и фрагментам деревянных кольев 3 810±90 л.н. (СО-7369) или 2 450–2 140 гг. до н.э.; 3 860±85 л.н. (СО-7370) или 2 460–2 210 гг. до н.э.; 3 790±85 л.н. (СОАН-7368) или 2 400–2 050 гг. до н.э. [Чаиркина, 2010б, с. 140–164].

В средней части торфяных отложений раскопа № 60 VI Разреза на глубине –202–217 см в торфе обнаружена дорожка–настил, являвшаяся продолжением сооружения раннего бронзового века, зафиксированного в раскопе 2008 г. (т. 2, прил. 4, см. рис. 58–65). Она ориентирована по линии северо-восток – юго-запад, протяженностью не менее 5,3 м, шириной 0,5–0,9 м, сложена, в основном, из поперечно расположенных стволов, досок и кольев. В западной части сооружения отмечено резное скульптурное изображение. На глубине –215–217 см контуры настила изменились, длина сократилась до 2,65 м. Очертания западной части остались прежними, а с восточной (0,8×1,0 м) и

южной (1,05×0,45 м) стороны к ним примыкали «ответвления», выполненные из мелких стволов, сложенных в виде «плетенки» или решетки. Рядом с юго-западным краем настила обнаружен почти круглый кусок бересты диаметром 0,8 м, покрытый глиной светло-серого цвета (т. 2, прил. 4, см. рис. 62), под которым фиксировались берестяная орнитоморфная фигура (т. 2, прил. 4, см. рис. 63) и площадка из досок (т. 2, прил. 4, см. рис. 64, 65). В сооружении и рядом с ним найдены деревянные орнитоморфные головки, являвшиеся рукоятями ковшей и ложек; изделия из камня, большое количество наконечников стрел, деревянное весло (т. 2, прил. 4, см. рис. 68). По вмещающему это сооружение слою – торфу получена ^{14}C дата – 3 838±70 л.н. (SPb_501) или 2 450–2 200 гг. до н.э. [Антипина, Панова, Чаиркина, 2013, с. 1–9].

В раскопе № 72 2009 г. в торфе и верхней части сапропеля обнаружено деревянное сооружение раннего бронзового века, представляющее собой площадку размером не менее 5,0×3,5 м, ориентированную по линии северо-восток–юго-запад, сложенную из продольных и поперечных стволов, досок, вертикально и горизонтально расположенных кольев. В сооружении и рядом с ним найдены орудия из камня, обломок глиняного грузила, декорированное роговое тесло. Изделия из дерева представлены веслом, заготовкой ковшика, обломками наконечников стрел, рукоятями изделий, рейками и щепой (т. 2, прил. 4, см. рис. 54–56). По фрагменту деревянной конструкции сооружения получена ^{14}C дата – 3 710±35 л.н. (JE-10458) или 2 210–1 970 гг. до н.э. [Чаиркина, Павлова, Вилисов, 2014, с. 112–122].

Изделия из металла, обнаруженные в раскопе № 72 представлены кинжалом в деревянной рукояти, подвеской и проволокой.

Проволока размером 7,2×0,4 см была воткнута в отверстие обломка сосуда карасьезерского типа. Подвеска прямоугольной формы размером 3,5×5,7 см. По периметру изделия нанесена гравировка (т. 2, прил. 4, см. рис. 123, 2, 3).

Кинжал размером 20,0×3,0–3,8×0,3 см в деревянной рукояти размером 11,3×3,0 см. На поверхности последней нанесены насечки (т. 2, прил. 4, рис. 123, 1). Металлографический анализ изделия (т. 2, прил. 3, табл. 13) выполнен С.В. Кузьминых.

Прямому AMS датированию подвергнут ряд изделий (т. 2, прил. 3, табл. 12), обнаруженных в сооружениях, маркирующихся керамикой карасьеозерского типа, – две одинаковые деревянные рукояти, одна из которых от медного кинжала, вторая, вероятно, от однотипного изделия; обломки деревянных орнитоморфных скульптур, орнитоморфное навершие и др. По деревянным рукоятям (одна – от кинжала) получены ^{14}C даты в интервале 3 730–3 705 л.н. или 2 280–1 970 гг. до н.э.

Таким образом, ^{14}C даты указывают на время бытования карасьеозерских комплексов в интервале 3 870 (4020?)–3 700 л.н. или 2 570–1970 гг. до н.э.

Отсутствие абсолютных дат для позднеаятских и елизаветинских комплексов затрудняет их синхронизацию с карасьеозерскими. Однако косвенные данные и типологический анализ керамики не исключает одновременность существования елизаветинских и карасьеозерских, а на раннем этапе бытования последних, вероятно, и позднеаятских социумов. Немногочисленные пока даты, известные для коптяковских комплексов, указывают на более позднее время их бытования и возможную синхронизацию на раннем этапе с карасьеозерскими.

Наиболее близкие территориальные и, вероятно, хронологические сопоставления керамика карасьеозерского типа имеет с посудой полымьятского типа, которая рассматривается С.Ф. Кокшаровым [1991, с. 95–99; 2011, с. 75–90] как раннебронзовый этап Кондинской низменности, генетически связанный с местным энеолитом. Раннеполымьятские комплексы пока маркируются единственной ^{14}C датой – 4 080±90 л.н. (Le-7104) или 2 860–2 490 гг. до н.э. Для керамики этого типа характерно использование печатной и «шагающей» техники орнаментации, монотонные линейные узоры. На позднеполымьятской

посуде (3 510±110 л.н. (Le-8039) или 1970–1 690 гг. до н.э.) при сохранении тех же технических приемов орнаментации наблюдается широкое использование в декоре так называемого сетчатого геометризма, «сотовых» мотивов. В полымьятских комплексах присутствуют фрагменты керамики с отпечатками псевдотекстиля, прослежено использование техники выбивки под текстиль, что сближает ее с чилимкинским типом, входящим в одиновско-крохалевский культурно-хронологический горизонт. Эти факты дали основание И.Г. Глушкову и Т.Н. Глушковой [2009] объединить их в рамках одной общности в хронологическом диапазоне между екатерининскими памятниками и кротовско-елунинско-ташковско-степановскими.

С.Ф. Кокшаров [2011, с. 75–90] синхронизирует полымьятские комплексы с синташтинскими и петровскими, на позднем этапе – с алакульскими. Хронологическое соотношение синташтинско-петровских и алакульских комплексов в последние годы были уточнены серией ^{14}C дат [Епимахов и др., 2005, с. 92–102]: синташтинские отнесены к XX–XVIII в.; алакульские – к XVIII–XVI вв.

При отмеченных сопоставлениях с посудой полымьятского типа в карасьеозерской керамике отмечается более частое использование «шагающей» и «шагающе»-проташенной техники орнаментации, что находит аналогии в материалах кротовско-елунинского хронологического пласта. Не имеют близких аналогий и немногочисленные остатки позднеполымьятского (двусторонние литейные формы кельтов, сердечники для производства втульчатых орудий, малые размеры отливаемых предметов и т.д.) и карасьеозерского металлокомплексов.

4.2. Археологические культуры и типы памятников бронзового века

История исследования *коптяковской культуры* началась более полувека назад с работ К.В. Сальникова [1964, с. 7–10]. В исследованных торфяниковых

памятниках материалы коптяковского типа немногочисленны, поэтому в этом разделе работы ограничимся их анализом и констатацией современного состояния изученности этой проблематики.

В исследованиях последних лет памятники коптяковского типа рассматриваются как мощное образование, сложившееся, по мнению О.Н. Корочкиной, В.И. Стефанова и Ю.Б. Серикова [Сериков и др., 2009, с. 67–78], на местной основе под влиянием сейминско-турбинских и петровско-алакульских популяций. Керамический комплекс коптяковского типа сочетает архаичные черты местных энеолитических культур, и признаки, сопоставимые с петровско-алакульской посудой. Погребальный обряд имеет ряд признаков схожих с традициями кротовско-елунинского культурного образования. Металлокомплекс включает изделия сейминско-турбинского, евразийского (при доминировании петровско-алакульских образцов) и их синкретичных типов, а также уникальные предметы с неоднозначной атрибуцией. Подавляющая часть изделий отлита из среднелегированных оловянных бронз с примесью цинка, свинца, мышьяка. Невелика доля изделий из металлургически «чистой» меди, единичны изделия из мышьяковой бронзы. Генезис коптяковской культуры, по мнению исследователей [Сериков и др., 2009, с. 67–78], явился результатом воздействия на местную культуру, археологически представленную комплексами аятского и, возможно, елизаветинского типов, групп лесостепного населения (петровско-алакульской линии развития) и носителей сейминско-турбинских традиций.

В ареал распространения памятников коптяковского типа ряд исследователей [Косарев, 1987б; Шорин, 1988; 1999; Зах, Иванов, 2007] включает территорию Тюменского Притоболья (поселения ЮАО 6, Чепкуль 5 и 20), и не исключает вероятность участия в ее сложении на этой территории населения ташковской культуры.

Керамика коптяковского облика в последние годы выявлена и на ряде памятников Прикамья – Заосиново VII, Непряха VII и Партизаны IV [Шорин,

1988; 1999; Денисов и др., 2011, с. 107, 113, 115]. По мнению исследователей, они, вероятно, занимают хронологический горизонт между позднеэнеолитическими (гаринскими) и позднебронзовыми (луговскими и ерзовскими) памятниками, составляют единый культурно-хронологический самусьско-сейминский или самусьско-ростовкинский пласт с коптяковскими древностями Зауралья.

В керамике коптяковской культуры, материалы которой зафиксированы на торфяниковых памятниках Кокшаровско-Юрьинская II и Шигирский Исток I, Шигирское городище (болотное), сохраняются отдельные элементы, присущие аятской и елизаветинской посуде (разреженная горизонтальная зональность орнамента, геометрические композиции, ромбы и зигзаги). Коптяковские керамические комплексы помимо формы сосудов (плоские днища, ребра на тулове) находят аналогии и в декоре абашевской и петровской посуды. В формировании коптяковской культуры, которое, по-видимому, совпадает со временем бытования в Среднем Зауралье носителей карасьеозерской посуды, при наличии местного компонента (елизаветинские или аятско-елизаветинские комплексы) явно просматривается прямое или опосредованное участие лесостепных групп населения.

На Кокшаровско-Юрьинской II стоянке вместе с керамикой коптяковского типа найдены кости лося, несколько костей бобра и птиц; изделия из камня и фрагмент рога со следами строгания (т. 2, прил. 1).

В раскопе 1 Шигирского городища (болотное) с немногочисленной керамикой коптяковского типа обнаружены отщепы без ретуши и плитка со следами использования. Изделия из дерева представлены обломками древков стрел, досок и стволов деревьев с затесами, трубчатыми берестяными поплавками; щепой и дранкой, связанными, вероятно, с остатками рыболовных сооружений. Найдены кости животных, заготовка трудноопределимого изделия из рога (т. 2, прил. 1).

Культурные слои *позднего бронзового века* в торфяниковых памятниках Зауралья представлены материалами *черкаскульской* и *межовской* культуры, история исследования которых насчитывает несколько десятилетий.

Культурно-генетическая схема позднего бронзового века Зауралья, предложенная в конце 90-х гг. XX в. М.Ф. Обыденовым и А.Ф. Шориным [1995], в последние годы практически не пересматривается, прежде всего, потому, что за прошедшие десятилетия не происходит пополнение источниковой базы по этим периодам истории региона. Несколько уточняются хронологические рамки некоторых периодов, до начала II тыс. до н.э. удревнен предчеркаскульский этап и время бытования комплексов коптяковского типа. О.Н. Корочкова [2011] предполагает сложение черкаскульской культуры при явном участии (преобладании) андроновского (федоровского) компонента; уточняет характер керамического комплекса черкаскульской культуры, в который помимо посуды, украшенной желобчатым и меандровым декором, включает керамику с простым монотонным узором, традиционно относимую к межовскому типу. По ее мнению, на раннем этапе существования культуры отчетливы федоровско-черкаскульские, а на позднем – черкаскульско-саргаринские связи. Она акцентирует внимание на отсутствие для межовской культуры однослойных поселений и погребений, специфического комплекса вещей и маркирует конец бронзового века Зауралья памятниками березовского типа [Корочкова, 2011]. Эта точка зрения, безусловно, заслуживает внимания, но она должна быть подкреплена комплексным анализом всех элементов культуры позднего бронзового века этого региона, и детальным типолого-статистическим анализом материалов, в том числе, северного – кокшаровского – локального варианта черкаскульской культуры.

Культурные слои позднего бронзового века зафиксированы на Кокшаровско-Юрьинской I и II, Кокшаровско-Запроточной VI стоянках, VI и VIII Разрезах Горбуновского торфяника, на Шигирском Истоке I и Шигирском городище (болотном); возможно, на Поперечном разрезе и поселении

Шигирское А. Слои этих памятников, за исключением VI Разреза, слабо насыщены. Находки представлены немногочисленными изделиями из камня и керамикой, отходами деревообработки. Фрагменты черкаскульской посуды обнаружены на всех памятниках, кроме, возможно, Кокшаровско-Запроточной VI, Поперечного разреза и поселения Шигирское А. Емкости с округлым венчиком, короткой выгнутой шейкой, круто переходящей в тулово. Орнамент наносился прочерченными линиями, оттисками мелкозубого гребенчатого штампа, характерны широкие желобки. Орнамент на шейке представлен горизонтальным зигзагом, поясками желобков, реже – цепочкой ромбов. По тулову нанесены заштрихованные гребенчатым штампом ленты, выполненные резными или желобчатыми линиями. В виде лент составлены сложные переплетения из больших треугольников, ромбов или меандров с отростками (т. 2, прил. 4, см. рис. 67, 1, 2, 6).

Керамика межовского типа обнаружена на VI Разрезе и Кокшаровско-Запроточной VI стоянках. Она характеризуется емкостями горшечной, реже баночной и чашевидной формы. Шейка обычно короткая, прямая и отогнутая наружу. Распространены резная и прочерченная техника нанесения декора, присутствует гребенчатый и гладкий штамп, насечки, псевдоверевочка, иногда, прокатанная гребенка. Орнаментировалась только верхняя треть или верхняя половина сосудов. Наиболее распространены решетка, горизонтальные линии, наклонные насечки, заштрихованные треугольники, ромбы, заштрихованные ленты, уголковые вдавления и наклонные линии с «бахромой» (т. 2, прил. 4, см. рис. 67, 3, 4, 5).

Весь комплекс материальной культуры этого времени, к сожалению, по материалам торфяниковых памятников не реконструируется. На Кокшаровско-Юрьинской I стоянке найдены скопления расколотых костей: в одном – животных и фрагменты керамики, в другом – обнаружены кости птиц и развал сосуда черкаскульского типа. В слое позднего бронзового века найдены кости лося, северного оленя, волка и птиц (т. 2, прил. 1).

Деревянные сооружения, связанные, вероятно, с рыболовством обнаружены на VIII Разрезе; с культовой практикой – на VI Разрезе Горбуновского торфяника. На VIII Разрезе выявлены остатки деревянной конструкции, состоящей из стволов и кольев; найдена необработанная каменная галька, фрагменты сосуда черкаскульского облика, скопление угольков и обгоревшего дерева. Возраст сооружения определен по одному из кольев – $3\ 366 \pm 123$ л.н. (ИЭРЖ-163) или 1 870–1 510 гг. до н.э. (т. 2, прил. 3, табл. 12).

На VI Разрезе Горбуновского торфяника в эпоху поздней бронзы были, вероятно, возведены какие-то деревянные сооружения, почти полностью сгоревшие, с фрагментами сохранившихся конструкций. Они маркировались большим количеством угля и мелких кальцинированных костей, небольшой площадкой из светлой глины и скоплением привнесенных камней. Здесь обнаружены обломки более 100 сосудов черкаскульского и межовского типов (т. 2, прил. 4, рис. 156) и не менее 275 глиняных тарелок, по данным Д.Н. Эдинга [1929, с. 3–27], в том числе со стилизованными орнитоморфными изображениями [Чаиркина, 2013а, с. 113–127; 2013б, с. 68–80].

Общее количество глиняных тарелок, обнаруженных на VI Разрезе, сейчас установить довольно сложно, вероятно, – не менее 234. Учитывая наличие около 500 фрагментов, в том числе 150 обломков краевых частей от разных тарелок, не исключено, что в действительности их было не менее, а вероятно, более 300. Среди 234 учтенных экземпляров 11 (4,7 %) неорнаментированных изделий, 101 (43,2 %) без стилизованных и 122 (52,1 %) – со стилизованными орнитоморфными изображениями.

Тарелки – изделия круглой формы с приподнятыми краями и плоским дном, диаметр которого примерно в два раза меньше внешнего диаметра. Они подразделяются на глубокие, напоминающие невысокие миски, и плоские. Декорировалась внутренняя часть изделий, иногда – краевой срез, редко –

внешний край. В формовочной массе визуально фиксируется примесь талька, слюды, реже – шамота.

Неорнаментированные тарелки представлены 11 экз. (т. 2, прил. 4, рис. 157, 1–3). Диаметр края определен у четырех изделий: 19–39 см. Форма – у трех: две глубокие и одна неглубокая тарелка. Существенно варьирует форма и толщина (0,3–1,2 см) края: почти прямой без утолщения; наклоненный вовнутрь с «ребром», с утолщением или без него. Толщина стенок в пределах одного изделия, как правило, значительно не меняется; в среднем составляет 0,3–0,8 см.

Форма изделий без стилизованных орнитоморфных изображений (т. 2, прил. 4, рис. 157–161) реконструируется только у семи: три неглубокие и четыре глубокие тарелки, высотой до 7,5 см. Судя по большому количеству придонных частей и днищ, которые сложно соотнести с тем или иным изделием, большая часть емкостей представляла собой глубокие тарелки. Диаметр значительной части изделий составлял 26–34 см, реже – 23–25 см, единично – 19–22 см и 41–43 см. Диаметр дна, вероятно, несколько меньше половины диаметра края (преобладает 12–17 см, редко – 8–11 см и 18–21 см). Края тарелок чаще всего в большей или меньшей степени наклонены, довольно часто утолщены и загнуты вовнутрь, образуя своеобразный бортик. На внутренней стороне более 15 % изделий фиксируется ребро.

Большая часть емкостей орнаментирована резной техникой и гладким дуговидным («скобки») штампом (55 экз. (одна – с поселения Калмацкий Брод) – 54,4 %). Несколько меньше – 42 экз. (41,6 %) гребенчатой техникой; редко наблюдается сочетание разных технических приемов – резного и/или гладкого и гребенчатого штампа – 4 экз. (4 %). Наклонные линии чаще всего наносились гребенчатой техникой. Примерно в равных пропорциях – резной техникой и гребенчатым штампом – горизонтальный зигзаг и «елочка»; дуговидные оттиски («скобки»), иногда трансформированные в волнистые линии, – только гладким штампом.

Более чем на половине всех тарелок без стилизованных орнитоморфных изображений присутствует только один элемент декора: самый распространенный – наклонные линии (35 экз.) (т. 2, прил. 4, рис. 157, 4, 5); горизонтальный зигзаг (16 экз.); дуговидные оттиски (12 экз.) (т. 2, прил. 4, рис. 158; 159, 1); «елочка» (5 экз.) (т. 2, прил. 4, рис. 159, 2, 3). Примерно на трети изделий сочетаются, как минимум, два элемента. Наклонные линии и дуговидные оттиски (10 экз.), наклонные линии и зигзаг (7 экз.) (т. 2, прил. 4, рис. 160, 1, 2), наклонные линии и «елочка» (7 экз.) (т. 2, прил. 4, рис. 160, 3, 4; 161); зигзаг и дуговидные оттиски (2 экз.) или наклонные линии, зигзаг и «елочка» (2 экз.).

Присутствуют декоры, представленные единичными экземплярами: наклонные линии и вертикальный зигзаг; горизонтальный зигзаг и ломаная лента; дуговидные оттиски и ломанные заштрихованные ленты; дуговидные оттиски, наклонные линии и «знаки (?)»; дуговидные оттиски и елочка.

Глиняные тарелки со стилизованными орнитоморфными изображениями представлены 122 изделиями (т. 2, прил. 4, рис. 162–169). Не исключено, что только они нанесены на 13 тарелках, декорированных резной техникой или гребенчатым штампом. Во всех случаях (возможно, за одним исключением) они нанесены по внутреннему краю изделий в виде фриза следующих друг за другом фигур. По меньшей мере, на трех изображения расположены также на стенках, на одном – и в придонной части. Внешний край, срез и, вероятно, внутренняя сторона днищ не орнаментирована.

Среди изделий со стилизованными орнитоморфными изображениями реконструируемых крайне мало. Подавляющее большинство, вероятно, являлось глубокими тарелками; неглубокие составляли не более 15 %. Преобладающий диаметр края – 26–30 см. Около 30 % с диаметром более 31 см, единичны – 15–17 см и более 40 см. Края чаще всего плавно наклонены, не менее чем на четверти – резко загнуты вовнутрь, есть почти прямые.

76 тарелок (62,3 %²) орнаментировано резной техникой и гладким штампом; 33 (27 %) – гребенчатой техникой; их сочетанием – 13 (10,7 %). Все элементы декора – наклонные линии, горизонтальный зигзаг и орнитоморфные изображения чаще всего выполнялись резной техникой; а дуговидные оттиски – только гладким штампом.

Корреляции между техникой нанесения, стилистическими особенностями птицевидных изображений и их локализацией на тарелках не наблюдается. Орнитоморфные фигуры схематичны и стилизованы, показаны в профиль. На 86 изделиях они обращены направо, на 11 – вероятно, направо. В этой группе около 62 %³ тарелок декорировано резной техникой, 28 % – гребенчатой и 10 % – их сочетанием. Птицевидные фигуры чаще всего (31 экз.) изображались сдвоенными параллельными линиями с «незакрытыми» контурами или тремя линиями с «закрытыми» контурами (23 экз.). Менее характерны изображения, нанесенные сдвоенными линиями с «закрытыми» контурами (11 экз.) или тремя с «незакрытыми» контурами (6 экз.). На шести тарелках, орнитоморфные фигуры выполнены двумя (2 экз.) или тремя (4 экз.) линиями, с «открытыми» и «закрытыми» контурами. Еще реже птицевидные изображения, ориентированные направо, оформлены разным количеством линий: 3–4 (3 экз.) или 2–3 (1 экз.), а также 4-я параллельными линиями с «открытыми» контурами (2 экз.). Значительно фрагментированы фигуры, выполненные одинарными линиями (1 экз.) или 1–2 (2 экз.).

Значительно меньше фигур – 25 ориентировано налево. В этой группе существенно доминируют (18 экз.) изделия, декорированные резной техникой и гладким штампом; только три – гребенчатым штампом и четыре – их сочетанием. Среди изображений этой группы наблюдается несколько иное предпочтение их стилистического воплощения. Фигуры чаще наносились сдвоенными линиями с «незакрытыми» (6 экз.) или «закрытыми» (5 экз.)

² От числа тарелок со стилизованными орнитоморфными изображениями

³ От числа тарелок со стилизованными орнитоморфными изображениями, обращенными направо

контурами. На трех тарелках они изображены тремя линиями с «закрытыми» контурами, а на одной – с «открытыми» и «закрытыми» контурами. Единичны изделия с птицевидными фигурами, выполненными одинарными линиями и с разным количеством линий.

Среди всех изделий с орнитоморфными изображениями преобладает композиция «горизонтальные зигзаги–орнитоморфы» (т. 2, прил. 4, рис. 162; 163; 164, 1; 165, 1; 166, 4), зафиксированная на 57 тарелках, большая часть (80,7 %) фигур этой группы обращены направо. Явно менее часты комбинации «наклонные линии–зигзаги–орнитоморфы» (19 экз.) (т. 2, прил. 4, рис. 164, 2; 166, 3; 167); «дуговидные оттиски (скобки)–орнитоморфы» (16 экз.) (т. 2, прил. 4, рис. 165, 2; 168); возможно, только «орнитоморфы» (13 экз.) (т. 2, прил. 4, рис. 169); «наклонные линии–орнитоморфы» (8 экз.). Еще менее характерны «наклонные линии–дуговидные оттиски (скобки)–орнитоморфы» (6 экз.) (т. 2, прил. 4, рис. 166, 1, 2), «дуговидные оттиски (скобки)–зигзаги–орнитоморфы» (2 экз.) и «елочка–орнитоморфы» (1 экз.).

Несмотря на некоторые отличия в технике орнаментации и композициях узора, глиняные тарелки VI Разреза составляют единый комплекс с близким набором технико-морфологических характеристик.

Фрагменты тарелок, тем более целые экземпляры, пока не найдены на других памятниках Урала, что, возможно, свидетельствует об изготовлении этих изделий на территории самого VI Разреза, хотя прямые указания на это отсутствуют. Однако этот вариант не может быть полностью исключен: значительная часть памятника пока не раскопана, а структура и функциональное назначение ряда сооружений, исследованных в первой половине XX в., не ясно. О «нестационарном» изготовлении тарелок может свидетельствовать их неудовлетворительная сохранность (сосуды сохранились гораздо лучше) и, вероятно, не очень тщательное изготовление, возможно, многократное использование. Состояние поверхности некоторых изделий не исключает вероятности длительного воздействия на них высоких температур.

Они могли использоваться как емкости для переноски/хранения? материалов, длительное время сохраняющих высокие температуры. Уголь, зола и мельчайшие кальцинированные кости в большом количестве обнаружены в культурном слое, содержащим обломки тарелок. Обращает на себя внимание и значительная фрагментированность этих изделий; возможно, после выполнения каких-то процедур они преднамеренно разбивались и выбрасывались.

Нам не известны аналогии формам тарелок, особенно неглубоким емкостям, в других памятниках Урала. Глубокие изделия с определенной долей условности можно рассматривать как разновидность чаш, которые встречаются в культурных слоях эпохи бронзы Зауралья. Однако у них, как правило, существенно больший, чем у горбуновских диаметр днища и, что принципиально важно, они декорированы с наружной стороны.

Декоративные мотивы и техника нанесения орнамента на тарелках VI Разреза находят аналогии в материалах кокшаровского варианта межовской [Обыденов, Шорин, 1995] или черкаскульской [Корочкова, 2011] культуры, сосуды которых найдены вместе с обломками глиняных тарелок в раскопах 1926 и 2009 гг. Полного соответствия между ними нет, что, вероятно, можно объяснить фактами отличия поселенческой, погребальной и культовой посуды, разновидностью которой являются глиняные тарелки VI Разреза. Для них не характерны валики-воротнички, горизонтальные линии, уголкового вдавления; не зафиксированы псевдоверевочка и прокатанная гребенка; единичны колонки из наклонных линий, ромбическая сетка, ленты, вертикальные зигзаги; не встречены ямки и узкие желобки, которые присутствуют на посуде кокшаровского варианта черкаскульской культуры. Для тех и других характерна линейность орнамента, отсутствие сложных элементов и частое использование горизонтальных зигзагов.

Оттиски дуговидного гладкого штампа (скобки), которые часто фиксируются на горбуновских тарелках, являются характерным элементом декора керамики сузгунской культуры. На тарелках эти оттиски часто

соединены между собой и трансформированы в волнообразный узор, который присутствует как на изделиях со стилизованными орнитоморфными изображениями, так и без них. Обратим внимание и на общие элементы структуры культовых памятников сузгунской культуры и VI Разреза: обилие керамического материала и его концентрация на локальных участках, наличие зольников, мелких кальцинированных костей и деревянных конструкций, а также явно привнесенных каменных галек или плиток [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995].

Изображения водоплавающих птиц на керамике характерны для эпохи неолита – раннего металла Урала и лесной зоны Восточной Европы. На территории Зауралья известны деревянные, костяные и кремневые орнитоморфные скульптуры, наиболее распространены и стилистически разнообразны изображения на керамике и скалах. На сосудах фигуры птиц составляют отдельный фриз, располагаются, как правило, в верхней части тулова. Типичны силуэтные изображения, контуры которых переданы 1–3 отрезками прямых линий [Чаиркина, 2005, с. 240–242].

Стилизованные изображения на сосудах, так называемые «уточки», известны в материалах черкаскульской культуры, в том числе обнаруженных в погребениях (расположены в семантически важной меандровой зоне), абашевской культуры Южного Приуралья, Синташтинского укрепленного поселения и малого грунтового могильника [Генинг, Зданович, Генинг, 1992]. Наибольшее количество изображений наблюдается в материалах андроновской культурной общности [Стефанов, Корочкова, 2000; Кузьмина, 2008]. Они зафиксированы на алакульских сосудах Алакульского могильника, Исаково, Черняки I и Субботино, Спасское I; на федоровских сосудах могильника Петровка II и Раскатиха. В федоровских могильниках Боровое и Бурлук, Сангру II, Зевакино, Ближние Елбаны XIV, Новая Черная II, III; памятников бассейна Енисея [Максименков, 1978]. «Уточки» на этих емкостях сильно схематизированы и, как полагают исследователи, явились результатом

трансформации, разрыва меандровидного узора на отдельные элементы и фигуры. Такие изображения – сильно схематизированные и ассоциирующиеся с разомкнутым меандровидным узором, организованным обычно по прямой сетке, в небольшом количестве есть на тарелках VI Разреза. Однако большая часть изображений на этих изделиях организована по косой сетке. Они, безусловно, стилизованы, но легко распознаются как птицевидные, динамизм и индивидуальность которых подчеркнуты положением головы и шеи, оформлением туловища.

Особую группу федоровской посуды составляют глиняные блюда овальной или прямоугольной формы, обнаруженные в могильниках. Типологически они отличаются от горбуновских тарелок. Однако, учитывая стилистическое сходство схематичных орнитоморфных изображений на тарелках и «уточек» на сосудах федоровской культуры, не исключен их близкий семантический контекст. Идея воплощения орнитоморфных изображений на сосудах, как отмечалось выше, не была нова для аборигенного населения Зауралья. Однако, вероятно, в результате федоровско-черкаскульских контактов был воспринят их новый стилистический образ, а элементы орнаментальной традиции федоровской культуры на окраине северного андроновского ареала сохранились до конца бронзового века.

Учитывая датировку позднечеркаскульских и сузгунских комплексов, в материалах которых декоративно-морфологические индексы глиняных тарелок находят наибольшее число аналогий, а также радиоуглеродную дату, полученную по вмещающему эти изделия слою раскопа № 60 2009 г. (т. 2, прил. 3, табл. 12), – $3\ 150 \pm 70$ л.н. (SPb_509) или 1 500–1 310 гг. до н.э. – время их бытования на территории Зауралья предварительно можно отнести к XIII–XII вв. до н.э.

Фрагменты керамики *гамаюнской культуры заключительного этапа бронзового века* Зауралья обнаружены на Кокшаровско-Юрьинской I стоянке, VI Разрезе Горбуновского торфяника, Островке с глиняными горшками

(болотная) и Шигирском городище (болотное), присутствуют в Шигирской коллекции. Они происходят от емкостей с относительно короткой шейкой, переходящей в округлое тулово, с круглым или уплощенным дном. Шейка и большая часть тулова орнаментировались отпечатками косоугольного креста или прокаткой глиняного штампа в виде волнообразных поясков, реже – короткими вертикальными линиями. Горизонтальные зоны разделялись горизонтальным зигзагом или пояском неглубоких ямочек, при переходе шейки в тулово – двумя рядами ямок, расположенных в шахматном порядке.

На Кокшаровско-Юрьинской I стоянке с керамикой этого типа обнаружен отбойник из кварцевой гальки, расколотые гальки, кости животных, древесная щепка, обломок древка стрелы (т. 2, прил. 1).

В раскопе 2 Шигирского городища (болотное) в этом культурном слое помимо немногочисленных фрагментов керамики найдены обломки деревянной дранки, являющейся, вероятно, фрагментом какого-то рыболовного сооружения, кости лося. В раскопе 3 Шигирского городища вместе с несколькими обломками керамики гамаюнского типа найден отщеп, галька со следами использования; деревянная щепка, дранка, обломки рукоятей трудноопределимых изделий и древков стрел, ствол с затесом (т. 2, прил. 1).

Культурные слои эпохи *раннего железного века* обнаружены в верхних горизонтах Кокшаровско-Юрьинской I стоянки, VI Разреза, на Шигирском Истоке I, Шигирском городище (болотное) и Скворцовской горе II, Островке с глиняными горшками (болотная), Вашты VI-A, возможно, в шурфе у озера Мелкое; присутствуют в материалах Шигирской коллекции. Они содержали керамику и отходы деревообработки.

Фрагменты происходят от сосудов *иткульского типа* с плоским венчиком, короткой вертикальной или отогнутой наружу шейкой, округлым или приостренным дном. Орнамент нанесен на шейке и верхней части тулова крупнозубым гребенчатым штампом. Шейка, как правило, декорировалась горизонтальными или наклонными линиями, вертикальными столбиками,

неглубокими ямками и горизонтальным зигзагом. На верхней части тулова присутствуют вертикальные или наклонные отрезки.

Костные остатки из верхнего горизонта торфа Кокшаровско-Юрьинской I стоянки датируются ранним железным веком, представлены скелетом взрослой особи овцы [Косинцев, 1988, с. 32–51].

4.3. Хронология и среда обитания

Культурные слои бронзового и раннего железного века по региональной хронологической шкале располагаются в средней части торфяных отложений, выше слоев эпохи раннего металла. Палеоклиматическая модель этого времени рассмотрена на примере материалов VI Разреза Горбуновского торфяника, реконструируется при анализе всех спорово-пыльцевых диаграмм торфяниковых памятников (т. 2, прил. 2; 4, см. рис. 69, 70, 80, 87, 94).

На VI Разрезе этот период отражен в отложениях палинозоны 2 раскопа № 72 2007 г., которая характеризуется преобладанием пыльцы древесных пород (около 86 %), прежде всего сосны обыкновенной (41–70 %) при относительно низком содержании пыльцы березы (2–16 %). В палиноспектрах зафиксированы два максимума ели (24–35 %), маркирующие распространение еловых формаций. Среди неморальных пород встречается только пыльца липы и вяза.

Пихтово-еловые формации с участием липы и вяза, преобладавшие в начале фазы, вытеснялись светлохвойными. Леса приобретали характер современной южной тайги восточного склона Среднего Урала. Такие формации распространялись в середине субатлантического периода голоцена, когда отложился культурный слой железного века [Лаптева, 2010, с. 157–163].

В раскопе № 60 2009 г. VI Разреза (т. 2, прил. 3, табл. 12) зафиксированы культурные слои раннего железного века, позднего и раннего бронзового века [Антипина, Панова, Чаиркина, 2013, с. 1–9]. Верхний, практически полностью разрушенный слой раннего железного века, располагался на глубине –180–205–

210 см, маркировался несколькими фрагментами керамики. По вмещающему слою – торфу для этого времени получены радиоуглеродные даты с глубины – 180–190 см: $2\ 730 \pm 70$ л.н. (SPb_500) или 970–810 гг. до н.э. и –200–210 см: $2\ 938 \pm 70$ л.н. (SPb_505) или 1 260–1 030 гг. до н.э. От ниже лежащего культурного слоя позднего бронзового века, залегавшего на глубине –206–211–219 см, верхний слой не отделен «стерильной» прослойкой торфа, контактная часть этих слоев содержала артефакты той и другой эпохи. По вмещающему слою – торфу с глубины –211–220 см – для этого времени получена радиоуглеродная дата $3\ 150 \pm 70$ л.н. (SPb_509) или 1 500–1 310 гг. до н.э.

Отложения этого времени отражены в спектрах палинозоны 5 (–180–240 см), которая охватывает слой древесного торфа с прослойками угля, культурными слоями раннего (деревянное сооружение) и позднего бронзового, раннего железного века, а также верхний слой осокового торфа. Она характеризуется максимумом пыльцы сосны (до 70 %) и значительным уменьшением – ели (до 10–20 %). В составе темнохвойных пород участвует пихта, сосна кедровая. Зона ограничивается двумя максимумами пыльцы березы древовидной, которые могут отражать послепожарные сукцессии фитоценозов, что подтверждается наличием углистых прослоек в подстилающих отложениях. Своеобразие палинозоны определяется содержанием в древесной части спектра пыльцы липы, вяза и дуба, а также карликовой березки, которая, по-видимому, приурочена к болотным ассоциациям. Увеличение доли гипновых и сфагновых мхов, папоротников свидетельствует об изменении болотных фитоценозов. В целом палинокомплекс отражает региональную растительность елово-сосновых лесов с примесью, пихты, кедровой сосны, местами – лиственницы, березы и широколиственных древесных растений. Климатические условия можно охарактеризовать как умеренно-континентальные. Формирование слоя древесно-сфагнового торфа (–190–210 см) связано с понижением уровня

грунтовых вод и распространением сосны на болоте [Антипина, Панова, Чаиркина, 2013, с. 1–9].

Палинозона 5 соответствует второй половине суббореального периода. Возраст отложений подтверждается радиоуглеродными датами: 3 550±70 л.н. (SPb_503) или 2 010–1 770 гг. до н.э., (–221–230 см); 3 150±70 л.н. (SPb_509) или 1 500–1 310 гг. до н.э., (–211–220 см); 2 938±70 л.н. (SPb_505) или 1 260–1 030 гг. до н.э., (–200–210 см); 2 730±70 л.н. (SPb_500) или 970–810 гг. до н.э., (–180–190 см). Они позволяют детально проследить хронологию торфонакопления и рассчитать его скорость, которая в среднем составила 0,5 мм в год.

Палинозона 6 соответствует слоям древесно-сфагнового и осокового торфа в верхней части залежи (–160–180 см). Она характеризуется подъемом кривой пыльцы ели, некоторым снижением содержания сосны и березы, участием пихты и лиственницы, увеличением доли гипновых мхов. Палиноспектры соответствуют растительности елово-сосновых лесов и умеренно-континентальным климатическим условиям. Палинозона очевидно относится к субатлантическому периоду, что косвенно подтверждается радиоуглеродной датой нижележащего слоя на глубине –180–190 см: 2730±70 л.н. (SPb_500) или 970–810 гг. до н.э..

Таким образом, культурные слои позднего бронзового века зафиксированы на VI и VIII Разрезах Горбуновского торфяника, Кокшаровско-Запрудной VI, Кокшаровско-Юрьинской I и II, Юрьинской стоянках, Шигирском Истоке I и Шигирском городище. Они отложились во второй половине II тыс. до н.э., в первой половине суббореального периода, который характеризовался увеличением количества пыльцы ели, сосны, кедра сибирского; уменьшением – березы; постоянным присутствием в небольшом количестве – пыльца пихты и широколиственных, осок и лугового мезофильного разнотравья. Преобладали кедрово-сосново-еловые леса с небольшой примесью широколиственных пород. В умеренно теплых и влажных

климатических условиях происходило зарастание и заболачивание озер. Археологический комплекс, обнаруженный в культурных слоях этого времени, в целом не многочислинен, представлен отходами деревообработки, изделиями из камня и керамикой. На VIII Разрезе Горбуновского торфяника зафиксированы остатки рыболовных сооружений, на VI Разрезе – комплекс деревянных сооружений, связанных с культовой практикой, маркируемой обломками глиняных тарелок.

Культурные слои эпохи раннего железного века отложились в начале I тыс. до н.э., во второй половине суббореального периода, который характеризовался преобладанием пыльцы сосны, из трав – осок и злаков, меньшим количеством пыльцы березы, ели, кедра, разнотравья, большим количеством спор сфагновых и зеленых мхов. Произрастали сосновые и березово-сосновые леса с примесью ели, местами пихты, лиственницы, кедра сибирского. В умеренно-континентальных климатических условиях продолжались процессы торфообразования [Панова, 2001, с. 48–59; 2007, с. 351–356; 2011, с. 62–64]. Культурные слои этих памятников слабо насыщены, содержали керамику, отходы деревообработки.

ГЛАВА 5. ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

5.1. Торфяниковые памятники Восточной Европы

Торфяниковые памятники известны на Севере Европейской части России, в Волго-Окском междуречье, Зауралье и Прибалтике. В этих регионах выделен целый ряд археологических культур или групп (типов) памятников, формирование и генезис которых проходил по собственному сценарию.

5.1.1. Торфяниковые памятники севера Восточной Европы

Север Восточной Европы включает в себя западный – Карелия, Кольский полуостров, запад Вологодской и Архангельской области; и восточный район – бассейн Сухоны, Северной Двины, Крайний Северо-Восток, отличающиеся комплексом физико-географических и культурно-исторических особенностей.

Торфяниковые памятники открыты в Восточном Прионежье, бассейне Северной Двины и Вычегды. Самые ранние стоянки этого типа Восточного Прионежья датируются эпохой мезолита [Ошибкина, 1983, с. 32–45]. Культурные слои памятников типа Веретье (Нижнее Веретье, Нижнее Веретье I, Погостище I и др.) залегают под торфяными отложениями, сформировались в бореальный период, в VII тыс. до н.э., сосредоточены в бассейнах крупных озер.

Культурные слои стоянок Бор, Лысая Гора, Данилиха и др. конца эпохи мезолита расположены в торфяных отложениях начала атлантического периода. Возможно, они сформировались в результате продвижения групп населения из бассейна Сухоны [Ошибкина, 1983, с. 39].

Наиболее хорошо исследованным торфяниковым памятником Восточного

Прионежья является однослойное мезолитическое поселение бореального периода, середины VII тыс. до н.э. (8 750–8 520 л.н.) – *Веретье I* [Ошибкина, 1997, 2006]. Здесь обнаружены постройки квадратной или прямоугольной формы размером 40–50 м², с одним или двумя очагами; большое количество изделий из камня, кости, рога и дерева.

Каменные орудия изготовлены в основном на отщепах, серией присутствуют рубящие, в том числе, шлифованные изделия, наконечников стрел немного. Грузила – из кусков камня, желваков или галек, обмотанных растением или берестой.

Изделия из кости представлены биконическими, игловидными с блоком-расширением или кольцом у основания; игловидными простыми, вкладышевыми, а также единичными весловидными наконечниками стрел. Гарпуны с клювовидными, с прямыми, редко поставленными зубцами; с мелкими зубцами или насечками; с двумя–тремя крупными зубцами и упором; с вкладышевыми лезвиями.

В коллекции присутствуют ножи из лопаток лося, игольники и иглы; гравированные ножи и кинжалы с одним–двумя лезвиями; роговые муфты, лезвия-вставки и мотыги.

Изделий из дерева много. Найдены луки длиной около 120–150 см, с углублением для руки, расположенным в центре; с оформлением краев в виде круговых канавок или расширением в виде конуса. Обнаружены древки стрел, некоторые из которых сохранили следы сухожилий и смолы; а также стрелы длиной 65,5 и 58 см с биконическим или удлинённым боевым концом. В коллекции присутствуют копья длиной до 1,5 м с расширенным боевым концом, иногда с кремневыми лезвиями; поплавки, ножи с каменными лезвиями, гарпуны, палки-копалки, колотушки, одноручные или двуручные скребки и др. Некоторые изделия орнаментированы.

Скульптурные изображения представлены деревянной головой птицы, вероятно, лебедя и стилизованной антропоморфной скульптурой; костяным изображением головы птицы и антропоморфной личиной (т. 2, прил. 4, рис.

170, 171) [Ошибкина, 2009, с. 40–46, кат. 111, 117, 118, 131, 132].

Основным занятием населения была охота на лося и северного оленя, бобра и птицу. Рыболовство, вероятно, являлось сезонным промыслом, найдено большое количество костей рыб, поплавки, грузила и костяные крючки. Многочисленны кости собак, которых, возможно, не только использовали на охоте, но и употребляли в пищу.

Памятники эпохи неолита Восточного Прионежья объединены в каргапольскую культуру, позднего неолита и энеолита – в группу памятников типа Модлона [Ошибкина, 1996, с. 221–230].

Культурные слои каргапольской культуры, вероятно, сформировавшейся в начале IV тыс. до н.э., расположенные под торфяными отложениями, зафиксированы на поселениях Васькин Бор I и II, Караваевской и др. Костяные изделия на этих памятниках единичны, представлены тупыми наконечниками стрел, мелкими гарпунами, проколками и остриями, рыболовными крючками, редкими кинжалами и наконечниками копий. Обнаружены скульптурные антропоморфные, зооморфные изображения и эмбрионовидные фигуры из кости, глины и кремня.

Поселение Модлона расположено в Вологодской области, в бассейне оз. Воже. В 1937 и 1956 гг. памятник исследовался А.Я. Брюсовым; в 1970–1975 гг. – С.В. Ошибкиной [1996, с. 228–230]. Культурный слой, перекрытый супесью, расположен на торфе, большую часть года – ниже уровня воды. На памятнике выявлены свайные сооружения квадратной формы площадью не более 12 м², с плетеными стенами. Крыши, вероятно, были двускатные, покрытые берестой. Постройки соединялись мостками-переходами, которые вели к берегу, где располагались плотки для подхода к воде. Найдены многочисленные изделия из кости, камня и дерева, янтарные украшения. По углю постройки получена радиоуглеродная дата 4 850±120 (ЛЕ-994); из верхнего культурного слоя – 4 360–3 960 л.н. [Ошибкина, 1996, с. 228, 230].

О занятиях охотой свидетельствует большое количество костей лося, косули, медведя, бобра, куницы, барсука и собак, которые могли быть охотничьими или ездовыми. Найдены наконечники копий и стрел.

Орудия рыболовства представлены остатками ловушек, стержнями костяных рыболовных крючков составного типа, гарпунами, грузилом; много костей рыб. Изделия из камня – наконечниками стрел; пилами, шлифовальными плитками, топорами, теслами и долотами; много скребков, ножей и проколов. Найдены костяные острия, роговая муфта; деревянный лучок, обломок весла, ковшик с рукоятью в виде головы собаки и др.

Бассейн Северной Двины и Вычегды. Торфяниковые памятники в этом районе часто погреблены под аллювильными отложениями, расположены на болотных массивах, образовавшихся на месте речных стариц, на дугообразно вогнутых краях надпойменных террас [Буров, 1966, с. 155–173].

В 1960 г. в районе Синдорского озера, в бассейне Вычегды, под береговой частью многослойного поселения Вис I обнаружен *I Висский торфяник*. Культурный слой залегал на глубине 0,8–3,0 м в торфе и сапропеле. По ¹⁴C датам (обработанная древесина – 8 080±90 л.н. (ЛЕ-776) или 6130±90 г. до н.э.; 7 820±80 л.н. (РУЛ-616) или 5 870±80 г. до н.э.; лук–самострел – 7 050±60 л.н. (ЛЕ-684) или 5 200±60 г. до н.э.; деревянное изделие – 7 090±80 л.н. (ЛЕ-685) или 5 140±80 г. до н.э.; доска – 7 070±70 л.н. (ЛЕ-713) или 5 140±70 г. до н.э.), а также палинологическим данным, стратиграфии и археологическим параллелям в мезолитических памятниках Прибалтики, *I Висский торфяник* датируется эпохой мезолита, VII–VI тыс. до н.э. [Буров, 1969, с. 130–135; Буров, Романова, Семенцов, 1972, с. 76–79].

На памятнике найдено свыше 200 изделий из дерева, коры и травы. Обнаружены простые охотничьи луки трех типов, наконечник и древки стрел, полозья бескопильных саней, лыжи (одна из них со скульптурной головкой лося), весло, рукояти стругов, обручи от рыболовных сачков или верш, лопаточка, острия, диск с отверстием и др. На многих изделиях нанесен

гравированный и рельефный орнамент. Найден фрагмент циновки (?), берестяной сосуд, поплавок из сосновой коры, веревка и кусок крупноячейной сети из осоки; шлифованные топоры, микропластины и нуклеусы, скребки и другие орудия. Особенностью памятника является отсутствие изделий из кости, что затрудняет его сравнение с материалами эпохи мезолита соседних территорий.

Луки представлены целыми изделиями и обломками (31 экз.) [Burow, 1981, s. 385, tabl. 17]. Найден обломок симметричного лука длиной 1,2 м, шириной 4,0 см с утолщением в центре, образующим своеобразное ребро. Это изделие находит аналогии в материалах западноевропейских стоянок каменного и бронзового века. Остальные луки Вис I относятся к асимметричным или лукам висского типа. Изделия первого варианта (19 экз.) выполнены из ели или сосны, внешняя поверхность не обрабатывалась, внутренняя обработана частично или полностью. Для укрепления тетивы на нижнем конце луков с внутренней стороны сделана зарубка. Верхний конец завершен согнутым внутрь навершием или козырьком треугольной формы. Длина трех изделий, сохранившихся полностью – 134, 138 и 155 см. Широкий конец оформлен по-разному: с отверстием или без него.

Висские луки второго типа (10 экз.) больше, целые экземпляры достигают длины 348, 267, 255 и 177 см, выполнены из ели, сосны и лиственницы. Верхний конец плоский с отверстием или зарубкой для тетивы; нижний – с односторонней зарубкой. По оформлению концов выделено три группы изделий – с отверстием на плоском конце (3 экз.), с кольцевым углублением перед заостренной головкой (6 экз.), с выделенной на ровном конце головкой [Burow, 1981, s. 373, 374]. Обращает на себя внимание тот факт, что при наличии луков, на памятнике не найдены наконечники стрел из дерева, кости и камня.

Обнаружены два крупных фрагмента полозьев саней в виде широких до 14 см плах, с низкими бортиками вдоль одного края и заостренным приподнятым концом.

У конца полозьев, ближе к краю сделано по одному отверстию для скрепления при помощи ремней [Буров, 1966, с. 160; 1981а; 1981б, с. 151–171].

В 1962 г. рядом с многослойным поселением Вис II был выявлен *II Висский торфяник*, образованный старицей р. Симвы [Буров, 1969, с. 130–135; 1974, с. 283–287; 1988, с. 145–160; 2011, с. 5–15]. Большая часть деревянных изделий и рыболовные сооружения по керамике датируются II в. до н.э. – V в. н.э. Эти данные согласуются с ^{14}C датами по веслу (1 990±50 (ЛЕ-669) или 40±50 г. до н.э.), связанному с комплексом гляденовской культуры; а также сваи рыболовного сооружения (1 520±50 (ЛЕ-686) или 430±50 г. до н.э.), относящегося к основному комплексу, – ванвиздинской культуре. Более ранним временем 3 610±80 (РУЛ-5) или 1 660±80 г. до н.э. датируется обработанная древесина, синхронная каменным орудиям и керамике бронзового века.

В среднем слое II Висского торфяника обнаружены сотни обработанных жердей, ниже – остатки свай, тысячи обломков керамики ванвиздинской, в меньшем количестве – гляденовской культуры; деревянные изделия, кости животных и пр. Найдены костяные наконечники стрел и стеклянные бусы, берестяные поплавки и сосуды. Деревянные изделия представлены простыми и сложными луками, наконечниками и древками стрел, пластинами и обручами рыболовных снастей, поплавками и удильными крючками, веслами, лыжей, полозьями саней, мотыгами, муфтой и гвоздями, скульптурным изображением человека и др.

В 1966 г. в окрестностях Мармугинской стоянки раннего бронзового века обнаружены рыболовные сооружения – *Мармугинский I и II торфяник*, сформировавшиеся на месте старицы р. Юг [Буров, 1969, с. 130–135]. Они погребены под аллювиальной толщей мощностью 4 м. Судя по ^{14}C датам, сооружения II Мармугинского торфяника функционировали в раннем железном веке: 2 650±50 (ЛЕ-705) или 700±50 г. до н.э.

Радиоуглеродные даты указывают, на энеолитический, а не на неолитический, как их определял Г.М. Буров [Буров, Романова, Семенцов,

1972, с. 76–79], возраст рыболовных сооружений I Мармугинского торфяника. По древесине заграждения 1 – около 2 750 г. до н.э., сооружения 2 – около 2 560 г. до н.э. Не менее двух сооружений состояли из переносных матов, изготовленных из дранок шириной 0,5–2,5 см, длиной около 220 см, закрепленных при помощи кольев.

В 1967 г. на р. *Пингиша* (правый приток Северной Двины) был обнаружен погребенный старичный торфяник с остатками рыболовных сооружений из жердей, которые залегали на глубине 2,1–2,5 м под слоем аллювия и не сопровождалась археологическим материалом [Буров, 1969, с. 130–135]. Деталь сооружения датирована 900 ± 50 (ЛЕ-768); бревно из этого слоя – $1\ 120 \pm 50$ (ЛЕ-766).

5.1.2. Торфяниковые памятники лесной зоны Восточной Европы, Волго-Окского междуречья

На территории Верхнего Поволжья известно более 60 торфяниковых памятников эпохи раннего мезолита – средневековья [Жилин, 2006б, с. 128–130]. Они сосредоточены на Озерецком, Дубненском, Ивановском, Берендеевском, Подозерском и др. торфомассивах [Крайнов, 1991, с. 129–153; Уткин, 1998, с. 3–11; Жилин, Костылева, Уткин, Энговатова, 2002; Жилин, 2002б, с. 107–116; Жилин, 2003, с. 197–202; Жилин, 2004; Жилин, 2006а, с. 15–46]. Из культурных слоев эпохи мезолита – бронзового века этих памятников получены большие коллекции флоры и фауны, керамика, изделия из камня, кости, рога и дерева, серии ^{14}C дат.

Материалы эпохи мезолита, обнаруженные на торфяниковых памятниках этого региона, относятся к бутовской археологической культуре, хронологии, периодизации и генезису которой посвящена обширная литература [Сорокин, 1990; Жилин, 1999, с. 109–126]. В генезисе культуры М.Г. Жилин выделяет четыре периода. Ранний (около 9 800–9 300 л.н.) представлен нижним слоем торфяниковой стоянки Становое 4. Для каменной индустрии этого времени

характерны орудия, выполненные на пластинах, есть микропластинки, нуклеусы. Преобладают позднесвидерские черешковые наконечники стрел, резцы, скребки; присутствуют скошенные острия, ножи, вкладыши из микропластинок без обработки. Появляются рубящие орудия с шлифовкой части поверхности.

Костяные изделия представлены узким плоским без пазов и длинными узкими с пазами наконечниками стрел, острием рогатины, шилом из грифельной кости и широким ножом из лопатки лося, теслом и декорированным диском с отверстием. Роговые – вставками топора, тесла и муфтами для тесел [Жилин, 1999, с. 109–126].

Культурные слои среднего периода (около 9 300–8 600 л.н.) бутовской культуры присутствуют на торфяниковых стоянках Сахтыш 9, Озерки 16 и 17, Ивановское 7, Становое 4. Каменный инвентарь – пластины, микропластины, скребки, различные варианты постсвидерских наконечников и ретушированных вкладышей, острия, сверла и проколки. Появляются гравированные «чуринги».

Костяной инвентарь, часто орнаментированный, представлен игловидными, узкими плоскими, с биконической головкой, весловидными и тупыми наконечниками стрел. Значительно меньше зубчатых острий и гарпунов. Найдены цельные и составные рыболовные крючки, кинжалы и наконечники копий, ножи, струги и лоцила, ретушеры и посредники, шилья, кочедыки, украшения; роговые топоры и тесла, муфты. В культурном слое среднего или начала позднего этапа бутовской культуры поселения Ивановское 7 найдена костяная головка водоплавающей птицы [Жилин, 2009, с. 53, кат. 109].

Изделия из дерева этого времени представлены обломками лучин и неопределимых предметов, небольшой скульптурой, видимо, водоплавающей птицы. Обнаружены остатки сети, поплавки из сосновой коры, грузила с обмоткой из лыка и травянистых растений, обрывки веревок [Жилин, 1999, с. 109–126].

Культурный слой позднего этапа (около 8 600–7 800 л.н.) бутовской культуры зафиксирован на торфяниковых стоянках Окаево 5, поселении Ивановское 7. Существенных изменений в обработке камня не отмечается, но шире используется техника шлифовки, возрастает роль отщепы в качестве заготовки, сокращается количество микропластинок с затупленным краем. Разнообразнее становятся скребки, сериями представлены оббитые и шлифованные рубящие орудия, постсвидерские наконечники стрел.

В костяном инвентаре отмечается уменьшение роли вкладышевых изделий, исчезают роговые муфты. Распространяются однокрылые наконечники стрел с шипом, в конце периода – двукрылые. Встречены деревянные изделия, в том числе лопасть весла [Жилин, 1999, с. 109–126].

Финальный период (около 7 800–7 100 л.н.) представлен на стоянках Озерки 5, Окаево 4 и 18а, Ивановское 3 и 7, др. Отмечается преобладание отщепы в качестве заготовки орудий, разнообразны ножи, скобели, сверла, проколки, рубящие и комбинированные орудия. Сериями представлены «чуринги».

Костяной инвентарь разнообразен, преобладают короткие наконечники стрел: игловидные, узкие плоские, с неправильной биконической головкой; однокрылые с шипами и тупые. Появляются наконечники с желобком на конце, зубчатые острия и гарпуны немногочисленны, сокращается количество кинжалов, вкладышевые изделия единичны. Многочисленны украшения, значительная часть изделий орнаментирована. На поселении Ивановское 7 найдена ложка из рога с длинной ручкой и скульптура фантастического существа [Жилин, 1999, с. 109–126; 2009, с. 53, кат. 102].

В неолите (рубеж VI–V – первая половина III тыс. до н.э.) Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья выделяют три хронологических периода: ранний (верхневолжская культура), средний (льяловская культура) и поздний (позднельяловская, протоволосовская и ранневолосовская культуры). Культурные слои этого времени фиксируются на многослойных торфяниковых

памятниках Сахтыш 1, 2, и 8; Ивановское 3, 5 и 7; Замостье 1 и 2, Языково 1, Репище, Заречье, Маслово Болото 2, Никольская правая, Воймежное 1 [Костылева, 1984, с. 138–151; Гурина, Кольцов, 1996, с. 166–173; Жилин и др., 2002, с. 40–76].

Материалы верхневолжской культуры представлены разнообразной по форме и орнаментике глиняной посудой, орнаментированными глиняными дисками, многочисленными изделиями из камня и кости, жилыми и культовыми сооружениями, ритуальными предметами [Энговатова, 1998, с. 238–246; Энговатова, Жилин, Спиридонова, 1998, с. 11–21]. Материалы раннего этапа этой культуры около 7 000–6 500 л.н. представлены костяными наконечниками стрел, преимущественно игловидными и с неправильной биконической головкой. Появляются уплощенные фигурные наконечники, встречаются однокрылые с шипом, узкие плоские, с уплощенной головкой, тупые и др. Среди зубчатых острий преобладают изделия с мелкими частыми зубцами, есть гарпуны и кинжалы, многочисленны бытовые орудия.

Развитый верхневолжский комплекс, в диапазоне 6 500–6 400 л.н., представлен игловидными, узкими плоскими, фигурными и короткими с неправильной биконической головкой костяными наконечниками стрел. Остальные типы изделий не претерпевают существенных изменений.

Среди костяных наконечников позднего верхневолжского комплекса, около 6 400–6 000 л.н., преобладают игловидные и короткие, приближающиеся к биконическим. Встречаются зубчатые острия, гарпуны, ножи, проколки, рубящие и бытовые орудия, украшения.

Деревянные изделия верхневолжской культуры менее многочисленны, чем изделия из кости и рога. Найдены палочки и рейки, вероятно, от верш; обломки предметов, колья. Обнаружены кости животных, водоплавающей и боровой дичи, рыб.

Слои с архаичной льяловской керамикой датируются рубежом V–IV тыс. до н.э. Керамика и изделия из камня льяловской культуры существенно

отличаются от материалов верхневолжской культуры. Костяной инвентарь представлен массивными гарпунами, игловидными и биконическими наконечниками стрел, целыми и составными рыболовными крючками, роговыми мотыгами, пешнями, шильями, иглами и игольниками, накладками для луков, подвесками из клыков животных. Некоторые изделия декорированы.

Среди деревянных изделий присутствуют заготовки и целые ковши, в том числе с рукоятями в виде гусиных голов. Найдены лопатки, мутовки-мешалки, крюки для подвешивания, колотушки, тупые наконечники стрел [Гурина, Крайнов, 1996, с. 178–180].

Волосовская культура характеризуется разнообразными формами гончарного производства, многочисленными каменными изделиями. В торфяниковых памятниках обнаружено большое количество артефактов, выполненных из кости и рога. Они представлены гарпунами разной формы, рыболовными крючками, биконическими, игловидными и уплощенными наконечниками стрел, копьями, ножами и кинжалами. Применялись костяные пешни, лоцила, струги, роговые мотыги, долота, проколки и шилья, иглы, игольники, накладки для луков, рукоятки для орудий и др. Кость и рог использовались для изготовления украшений и скульптур людей, зверей и птиц. Среди деревянных изделий присутствуют крюки, остроги, ковши, весла, верши, поплавки из коры и бересты. Фаунистические остатки, обнаруженные на памятниках, представлены большим количеством костей и чешуи рыб, костями лося, северного оленя, кабана, куницы, бобра, водоплавающей и боровой дичи. На стоянке Сахтыш 1 рядом с волосовским жилищем зафиксированы заколы, вероятно, для установки верш, морд и др. приспособлений [Крайнов, 1987, с. 10–28].

На характеристике некоторых памятников Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, содержащих остатки сооружений и/или индивидуальный комплекс находок, остановимся подробнее.

Опорным памятником эпохи мезолита и неолита лесной зоны Восточной Европы является многослойное поселение *Ивановское 7* [Жилин и др., 2002], расположенное на *Ивановском торфянике* в Ярославской области. Материалы этого памятника легли в основу характеристики основных этапов эпохи мезолита – бронзового века, приведенные выше.

Сахтышский торфяник находится в Ивановской области [Жилин, 2002в, с. 99–105]. На стоянке *Сахтыш 1* [Гурина, Крайнов, 1996, с. 178–180] исследовано жилище с котлованом прямоугольной формы площадью 200 м² с четырьмя строительными горизонтами. Два нижних относятся к раннельяловскому времени. Жилище нижнего горизонта представляло собой полуземлянку с двумя очагами на дне. В этом слое, датированном 5 150±40 (ЛЕ-1024), обнаружены глиняные сосуды, кости рыб, черепа бобров и медведя; орудия из кости, роговые мотыги, много деревянных изделий.

Второй горизонт (5 000±70 (ЛЕ-1020), 4 850±70 (ЛЕ-1019)) содержал близкий ассортимент находок. Третий горизонт с керамикой протоволосовского типа совпадает с регрессией озера. Жилище смещается к реке, а его выход заканчивается платформой, от которой сохранились сваи и бревна. Найдены верши, грузила от сетей, керамика. В жилище – изделия из камня, дерева и кости, керамика.

С льяловский культурным слоем этого памятника связаны находки обломков лыж, лука, весел; деревянные наконечники стрел, берестяной кошель и др. [Гурина, Крайнов, 1996, с. 178–180].

Берендеевский торфяник находится в Ярославской области. На поселении *Берендеево 3* обнаружен «помост» около 5 790 г. до н.э., состоящий из нескольких слоев бересты и деревянных плах. Верхняя часть сооружения, возможно, была покрыта тростником. Сохранился только каменный инвентарь, представленный вкладышами и скребками, резцами, ножами [Крайнов, 1996, с. 166–173].

Стоянка *Замостье 2* расположена в Московской области, на берегу р. Дубна [Lozovski, 1996; Лозовский, 1997, с. 52–65; Лозовский и др., 2013, с. 46–

75; Лозовский, Лозовская, 2014, с. 46–53]. Это – многослойное озерное поселение с высокой насыщенностью культурных слоев различными артефактами, что явно выделяет его среди памятников эпохи мезолита–неолита Русской равнины. На стоянке исследовано 160 м², выявлено четыре культурных слоя в интервале около 7 000–4 500 гг. до н.э.: позднего мезолита (нижний НМ и верхний ВМ), финального мезолита (ФМ), раннего (верхневолжская культура) и среднего неолита (ляловская культура).

Наблюдается преемственность костяного и кремневого инвентаря финально-мезолитического и ранне-неолитического слоев, в которых найдены чуринги с практически одинаковым декором. Для всех слоев характерны фигурные украшения наверший ножей и проколов в виде «головой птички» [Лозовская, Лозовский, 2009, с. 55–59, кат. 138–145].

В ранне-неолитическом комплексе обнаружены каменные двусторонне обработанные листовидные наконечники стрел и бифасы; костяные фигурные наконечники стрел и мелкозубчатые острия, цельные крючки, «серпы». Вкладышевая техника в раннем неолите была распространена меньше, чем в эпоху мезолита.

На стоянке Замостье 2, по сравнению с другими памятниками региона, много изделий из дерева, анализу которых посвящены специальные исследования [Лозовская, 2011а; 2011б, с. 15–26; 2012, с. 89–100; Лозовская, Лозовский, 2014, с. 64–69]. На памятнике обнаружены предметы хозяйства и быта, приспособления и детали составных орудий; вертикально вбитые кольца от стационарных хозяйственных сооружений и легкие переносные конструкции из расщепленных лучин. Наиболее востребованными породами во всех археологических слоях являются сосна, береза и вяз, сосна доминирует во всех слоях.

Количество деревянных артефактов (270 экз.) увеличивается от верхнего слоя к нижнему. Рукояти топоров и тесел (7 экз.) представлены угловыми (коленчатыми) формами и съемными муфтами, близкие аналогии есть в мезолите Северной Европы. Иную конструкцию имели угловые рукояти

мезолитических памятников Прибалтики и верховьев Двины, в Веретье 1 бытовали цельнодеревянные топорища с муфтами [Лозовская, 2011а; 2011б, с. 15–26; 2012, с. 89–100].

Весла представлены фрагментами шести лопастей иволистной формы (НМ), с плечиками (НМ, ВМ), с широким утолщенным двугранным концом (НМ), с заостренным концом. По мнению О.В. Лозовской, среди мезолитических весел близких аналогий этим изделиям нет.

Рыболовный крючок, обнаруженный в ранненеолитическом слое, массивный, подромбического сечения, с остатками бородки и отогнутым острием, отличается от костяных крючков верхневолжской культуры.

Поплавки (3 экз.) (НМ, ВМ) яйцевидной формы со смещенным к концу отверстием, у одного изделия – два отверстия.

Обнаружены деревянные наконечники стрел – уплощенный с ромбовидным пером (ВМ), биконический укороченных пропорций (НМ), стержневидный (ВМ) и тупой (ПМ); фрагменты древка стрелы (НМ) и дротика (ПМ).

Уплощенные острия – длинные узкие плашки с симметричным острием найдены в мезолитических слоях, отдаленные аналогии, по мнению О.В. Лозовской, есть в Веретье 1.

Деревянная посуда (8 экз.) представлена уникальным для эпохи позднего мезолита – раннего неолита набором – миниатюрными ложечками с фигурной ручкой, фрагментами плоских мисок (все РН), миской большого диаметра (неолит), блюдом подовальной формы (мезолит) и заготовкой ковша (ВМ). Оригинальный тип миниатюрных ложечек, по мнению О.В. Лозовской [2011а; 2011б, с. 15–26], имел локальное распространение и, возможно, неутилитарную функцию. Блюдо и заготовка ковша находят аналогии в материалах памятников Западной Европы.

К предметам неутилитарного назначения отнесены зооморфные фигурки птички, змеи и головы кабана (НМ), фигурные пластины с орнаментом (НМ, ВМ), конусовидные поделки (ВМ) и модель лодочки (ФМ).

Обнаружены детали составных орудий или конструкций с выемками, отверстиями, пазами. Изделий, связанных с охотой, на Замостье 2 значительно меньше, чем в материалах поселений Веретье 1, Вис 1 и других стоянок эпохи мезолита.

Несмотря на существенную роль рыбной ловли в хозяйстве (верши, специализированные костяные орудия, кости рыб) определяемый рыболовный инвентарь малочисленен, представлен веслами, единичными поплавками и крючком.

Наличие зооморфных скульптурных изображений и пластин с орнаментом сближает инвентарь нижних слоев с синхронными памятниками севера Европейской России и Волго-Окского междуречья. Однако общий облик инвентаря стоянки отличен от всех известных материалов эпохи мезолита и неолита [Лозовская, 2011а].

Стоянка *Репище* расположена на Волдайской возвышенности, в бассейне р. Мсты [Зими́на, 1996, с. 193–198]. Ранненеолитический культурный слой содержит керамику, каменные топоры, скребки и др. Костяные орудия представлены мелкозубчатым односторонним острием, биконическим наконечником стрелы с уплощенным насадом.

В культурном слое начала III тыс. до н.э. сохранились остатки двух жилищ прямоугольной формы, площадью 15–20 м² и хозяйственная постройка из кольев, жердей, покрытых корой. В сооружениях обнаружена ямочно-гребенчатая керамика мстинской культуры, орудия из камня, кости и дерева. Костяные изделия представлены наконечниками стрел игловидной, листовидной или биконической формы, зубчатыми односторонними остриями, кинжалами, проколками, лоцилами и др. Найдены деревянные обломки луков и стрел, мешалки, поплавки из свернутой бересты, рукояти, ковши, в том числе, с

рукоятью в виде головы утки. Обнаружено несколько скоплений реек, вероятно, – остатков вершей [Зими́на, 1996, с. 193–198].

5.1.3. Торфяниковые памятники Восточной Прибалтики

На территории Эстонии, Латвии и Литвы известно большое количество торфяниковых памятников. На многослойных поселениях Восточной Прибалтики культурные слои эпохи мезолита лежат ниже раннеолитической нарвской культуры, перекрытой слоями с гребенчато-ямочной керамикой, выше которых залегают комплексы типа пиестиня. На рубеже III и II, в первой половине II тыс. до н.э. на этой территории распространяется культура шнуровой керамики и ладьевидных топоров.

Торфяниковые памятники *Эстонии* представлены стоянками *Кыпу I, Вилла, Пулли, Кяэпа, Тамула* и др. *Стоянка Пулли* расположена в юго-западной части Эстонии, на берегу р. Пярну [Гурина, 1996, с. 135–162]. Культурный слой, маркирующий ранний этап кундской культуры, датирован по ^{14}C 9 675–9 285 л.н., пребореальным периодом. Он залегает в торфе, под береговыми песками Анцилового озера. Обнаружены очаги, обложенные камнями, и очаги, в конструкцию которых входили деревянные кольца. Найдено большое количество костяных орудий: тесла и долота, остря, наконечники стрел биконической формы с удлинённым черешком; гарпуны с крупными зубцами, орудия из грифельных костей, шилья или иглы; подвески из зубов животных с нарезками, рыболовный крючок и роговые мотыги. Каменные орудия представлены наконечниками стрел на пластинах, постсвидерского типа, с черешком; скребками, резцами, пластинами.

Поселение Кяэпа расположено в юго-восточной Эстонии. Культурный слой нарвской культуры представлен костяными длинными наконечниками стрел с биконической головкой, многозубыми гарпунами с отверстием или

расширением у основания, роговыми мотыгами, теслами, орудиями под углом 45° [Гурина, 1996, с. 137].

Поселение Тамула расположено на юго-востоке Эстонии, на оз. Тамула [Гурина, 1996, с. 154, 155]. Исследовалось в 1942–1968 гг. Р. Индреко, Х. Моором, Л. Яанитсом. Памятник относится к финалу культуры гребенчато-ямочной керамики, к постнарвскому этапу, к последней четверти III – второй четверти II тыс. до н.э.

Каменные и костяные изделия продолжают традиции нарвской культуры: присутствуют гарпуны с редкими зубцами и отверстием в основании, биконические наконечники стрел, кинжаловидные орудия, проколки, целые и составные рыболовные крючки, тесла, пробитые фаланги. Обнаружены скульптуры птиц, людей, животных, змеи, шиферные и сланцевые кольца.

Основой хозяйства являлись охота и рыболовство, остеологический материал представлен костями лося, кабана, тура, бобра, реже – медведя, благородного оленя, пушных зверей и рыб. Найдены кости свиньи, козы или овцы, домашнего быка, что свидетельствует о появлении производящего хозяйства.

Обнаружены, вероятно, фрагменты наземного сооружения с каменным очагом и остатками вбитых в торф свай. На береговой части поселения Тамула исследовано 25 захоронений, которые сопровождалось большим количеством подвесок из зубов животных, костяными пронизками, зооморфными и антропоморфными фигурками.

Торфяниковые памятники *Латвии* – *Оса, Сарнаге, Сулька, Звейсалас, Звейниеки, Звидзе, Пиестиня, Абора I, Брикули, Ича, Эйни, Найниеkste* и др. [Лозе, 1979; 1988].

Многослойное и хорошо стратифицированное *поселение Оса* эпохи мезолита, раннего и среднего неолита нарвской культуры, расположено в северо-западной части Лубанской низменности, на р. Пиестиня [Загорскис и др., 1984, с. 55–67; Гурина, 1996, с. 141]. В торфе с песком обнаружены немногочисленные костяные и роговые орудия позднего мезолита. Они

представлены типичным для позднего мезолита Латвии крупным наконечником копья с коротким симметричным пером с двумя зубцами. Найдены асимметричный наконечник дротика, гарпун с двумя зубцами, костяные ножи, кинжаловидное орудие, роговая мотыга и др. В верхней части мезолитического слоя обнаружен деревянный полоз саней длиной 210 см. Изделия из камня редки. Мезолитический комплекс стоянки Оса, вероятно, относится к началу атлантического периода, по ^{14}C – 6 960–6 760 л.н. или 4 810–5 010 и гг. до н.э.

Мезолитический слой был перекрыт ранненеолитическим горизонтом с нарвской керамикой, над которым залегал слой среднего неолита с гребенчато-ямочной керамикой. В неолитических слоях орудия из камня малочисленны, присутствуют шлифованные, типичные для нарвской культуры наконечники дротиков и стрел, роговые мотыги и тесла, кинжалы, ножи из ребер животных. Найдено несколько костяных скульптур (головы водоплавающих птиц, змея) и подвески из зубов животных, кинжал с головой лося [Загорскис и др., 1984, с. 55–67].

Стоянка *Звидзе* [Гурина, 1996, с. 141, 150; Лозе, 2012, с. 547–568] эпохи мезолита и неолита (нарвская, постнарвская, прибалтийская культуры), расположена на Лубанской низине. В ранненеолитическом слое – биконические, игловидные и листовидные наконечники стрел, орудия под углом 45° , роговые тесла и мотыгообразные орудия, роговая головка выдры, деревянные муфты, остатки жердей, сосновые лучины и береста, скорлупа орехов [Лозе, 1988].

В культурном слое прибалтийской культуры обнаружены деревянные мотыги, ковши, колотушки, поплавки. Найдены костяные биконические, игловидные и черешковые наконечники стрел, ножи, шилья, кинжалы; изделия из кремня, украшения из янтаря и зубов животных, шиферные и сланцевые кольца.

Поселение Пиестиня нарвской и постнарвской культуры расположено в северо-восточной части Лубанской низины [Гурина, 1996, с. 150, 152].

Культурный слой с гребенчато-ямочной керамикой залегал под торфом, ниже слоя с керамикой типа пиестиня. Обнаружена керамика, кремневые орудия, в том числе наконечники стрел; костяные биконические наконечники с уплощенным насадом, проколки из грифельных костей; поплавки из сосновой коры, янтарные подвески, пронизки, кольца и пуговицы.

Поселение *Сарнате* располагается примерно в 2,5 км от Балтийского моря, на Сарнатском торфянике [Ванкина, 1970; Verzins, 2008]. На поселении обнаружено 40 жилищ, 31 из них относятся к сарнатскому типу, по Л.В. Ванкиной (нарвскому – по Н.Н. Гуриной), в остальных постройках обнаружена гребенчато-ямочная керамика. Все костяные и деревянные изделия найдены в сооружениях сарнатского типа. Наземные жилища квадратной формы располагались на болотистой полосе вдоль Сарнатского озера на протяжении около 1 км, сооружались на сухом торфянике. Постройки площадь 20–35 м² с одним выходом, двускатными крышами и стенами из жердей. В каждой был очаг, в основании которого – настил из древесины и коры, засыпанный песком. Вокруг очагов найдены скопления ореховой скорлупы, кости животных и рыб. Одно из жилищ разделено перегородкой на два помещения, в каждом был свой очаг.

Орудия охоты представлены копьями длиной 1,2–1,8 м и луками длиной 56–114 см, на одном из которых сохранилась часть тетивы; бумерангами и пращами [Ванкина, 1970, с. 86–91].

Костяные и роговые орудия отличаются от нарвских комплексов Эстонии, Восточной Литвы и Латвии: отсутствуют характерные изделия с биконической головкой, тесла из трубчатых костей, стамески, орудия под углом 45°. Кремневый инвентарь беден, есть изделия из янтаря.

Деревянная посуда представлена плоскими ковшами с носиками, ложками, сосудом в форме ладьи и лубяными сосудами; мешалками, рукоятками и пр.

Найдена верша из сосновых лучин, остатки сети, поплавки из сосновой коры, грузила в виде крупных галек, некоторые из которых обернуты берестой (т. 2, прил. 4, рис. 172). Обнаружены остатки челна, выдолбленного из лиственного дерева, и весла длиной до 150 см.

В коллекции присутствуют ковши и ложки с рукоятями в виде голов птиц и животных (т. 2, прил. 4, см. рис. 142, 4–6, 8); мотыга с головой животного на рукояти, декорированная геометрическим орнаментом.

В жилище сарнатского типа (первая половина, середина III – первая половина II тыс. до н.э.) была найдена антропоморфная колообразная скульптура длиной 167 см из лиственного дерева [Ванкина, 1970, с. 102–103, табл. XXXVII]. В верхней части ствола, на расстоянии 46 см от конца, схематично изображено лицо. Голова и «ноги», намеченные узким концом дерева и выступом на месте колен, отделены от туловища зарубками, руки не обозначены. По мнению исследователя, она являлась изображением «домашнего» духа.

В устье р. Малмута на Лубанской низине в Латвии была найдена деревянная антропоморфная скульптура, вероятно, эпохи неолита. Колообразная фигура выполнена из лиственного дерева. Голова не выделена, в верхней части ствола изображена личина – одной плоскостью обозначены глаза и щеки, а возвышающийся над ними нос сливается с плоскостью прямых надбровных дуг, лба и поверхностью ствола. Нижняя часть личины углублена и, возможно, обозначает рот; подбородок выпуклый [Лозе, 1987, с. 45, рис. 4, 1].

Торфяниковые памятники *Литвы* – *Швянтойи*, *Дактаришке*, *Жямайтишке*, *Запсес*, *Жеймяй*, *Нуда*, *Ширмес*, *Кално*, *Канюкай*, *Шарняле* и др. Группа памятников *Швянтойи* расположена на берегу древнего озера, старице р. Швянтойи, около г. Паланги [Rimantene, 1979; 1980; Римантене, Кунскас, 1984, с. 30–40; Римантене, 1991, с. 65–86; Гурина, 1996, с. 141–144; Римантене, 2004, с. 155–163; Rimantiene, 2005]. На поселении Швянтойи 23 найдены

остатки наземных жилищ столбовой конструкции, с двух или четырехскатной крышей и стенами из жердей.

На поселениях группы Швянтойи сохранились изделия из кости и дерева, кремневые артефакты невыразительны, есть изделия из янтаря. Орудия из кости представлены наконечниками стрел с треугольным и овальным сечением, игловидными формами; гарпунами с одним или несколькими зубцами, одним поворотным; скреблами из костей тюленей.

Найдены деревянные наконечники ромбовидной формы и копья длиной до 180 см. Рубящие орудия представлены небольшими топориками-вкладышами, крепившимися в деревянные муфты из двух половинок, скрепленных лыком или веревкой.

Деревянные сосуды, ложки, ковши и блюда обнаружены на поселении Швянтойи 1, 2 в слое В. Найден кусок ткани из лыка липы, отпечатки ткани зафиксированы на глиняном сосуде [Римантене, Кунскас, 1984].

На поселении Швянтойи 3В найдены два жезла с головой лося, напоминающие по форме оленеостровские; заготовки лосиных головок из янтаря, изображение этого зверя на сосуде, а также стерженек с птичьей головкой и маленькая глиняная головка птицы.

На поселениях Швянтойи 1В, 2В обнаружены челны и весла, на Швянтойи 2В – корыто с овальным днищем и узким поднятым носом [Римантене, 1991]. В коллекции находок есть остатки сетей шириной 60–80 см, сплетенных из липового лыка; иглы для плетения сетей, грузила в виде камней, обернутых берестой; поплавки из сосновой коры или скрученной бересты. Сохранились верши из лучин хвойных деревьев, соединенных лыком, и каркасные, покрытые сетью, а также траловидное сооружение – «кюдель». Присутствуют вилообразные остроги, распорки для сетей, навершия балдаков, орудия для лова и др. (т. 2, прил. 4, рис. 173, 174).

На Швянтойи 9 и 1–4А с комплексом культуры шнуровой керамики обнаружена деревянная оградка, ограничивающая, возможно, загон для скота, и

закол для ловли рыбы. Найдена керамика, изделия из янтаря камня – кремневые и сланцевые наконечники стрел, скребки, ножи и др. Деревянные изделия представлены блюдами и корытами, подносами, ложками, плетенками и циновками.

На поселении Швянтойи 28 обнаружена столбообразная антропоморфная скульптура высотой 195 см, вырезанная из черной ольхи [Rimantiene, 2005, s. 102–105, abb. 46]. Голова длиной 32 см смоделирована в верхней части ствола. Глазницы и щеки слегка углублены и разделены возвышающимся носом прямоугольной формы, образующим одну плоскость с надбровными дугами, лбом и поверхностью ствола. Рот отсутствует, подбородок суженный, подчеркнуты скулы. Верхняя часть головы, как и тонкая шея, подработана зарубками. Обозначены плечи и слегка намеченная срезами верхняя лицевая часть туловища. Остальная поверхность не обработана. Изделие, видимо, не завершено – плечи расположены на разной высоте, минимальна подработка туловища (т. 2, прил. 4, рис. 175). По ^{14}C скульптура датирована первой четвертью IV тыс. до н.э. Аналогии этому изображению прослеживаются в сарнатской скульптуре и колообразных фигурах VI Разреза Горбуновского торфяника.

На западном побережье Балтийского моря, в *Ortschaft Hopfenbach* была обнаружена стилизованная антропоморфная скульптура высотой 350 см, датированная по ^{14}C 5 645±135 л.н. Голова фигуры слегка намечена, лицо не обозначено [Rimantiene, 2005, s. 102–105].

Поселение Абора I нарвской и постнарвской культуры расположено в северной части Лубанской равнины [Лозе, 1979; Гурина, 1996, с. 152–155; Лозе, 2012, с. 547–568]. На поселении зафиксированы наземные жилища четырехугольной или прямоугольной формы размером 40–50 м² со столбовой конструкцией стен и двускатной крышей. Для спуска к воде сооружались платформы из дерева, склон укреплялся камнями.

В приречной части поселения Абора I найдены остатки верши длиной 0,8–1,15 м. Лучины, из которых она изготовлена, залежали тремя слоями и через каждые 13–18 см скреплялись лыком. Очевидно, изделие крепилось к колу длиной 1,9 м. Обнаружены деревянные стержни с расширениями и круглыми отверстиями на концах или в средней части, которые могли использоваться для крепления вершей или сетей. Найдены остатки мелкоячеистой сети, сплетенной узелковым способом.

В культурном слое памятника присутствует огромное количество костяных орудий. Наконечники стрел представлены преимущественно игловидными, длинными и укороченными, а также короткими биконическими формами (т. 2, прил. 4, рис. 176, 1–13). Наконечники гарпунов двух типов – крупные, с редкими односторонними зубцами, односторонние и двусторонние с маленькими зубцами, с отверстиями для крепления. Костяные ножи изготовлены из трубчатых, кинжалы – из локтевых костей животных; много шильев, острий, проколов, долот; есть роговые мотыги с отверстием, ножи из клыков кабана.

Разнообразны кремневые наконечники стрел – треугольные, треугольно и овально-черешковые, листовидные, ромбические и подромбические с усеченным черешком. Найдены массивные топоры и некрупные тесла, долота, сверленный ладьевидный топор.

Деревянные предметы представлены колотушкой, остатками рыболовных сооружений, фрагментами муфты; корзиной из ивовых прутьев, обломками и заготовками ковша, корыта, миски и ложки (т. 2, прил. 4, рис. 176, 14–16). Выразительны костяные лунницы, овальные, трапециевидные подвески и кружки с зубчатыми краями и отверстиями, антропоморфные и зооморфные скульптуры, изображения змеи (т. 2, прил. 4, рис. 177, 178); янтарные подвески, пуговицы, кольца и пронизи, фигурные украшения [Лозе, 1979; Гурина, 1996, с. 152–155].

Памятники цедмарского типа [Тимофеев, 1996а, с. 162–165] сосредоточены на юге Восточной Прибалтики, на юго-востоке Калининградской области и на северо-востоке Польши. Поселения Цедмар А и Д расположены в Озерском р-не Калининградской области, на границе с Польшей.

Многослойное поселение эпохи неолита – железного века – Цедмар (Серово) А находится у подножья острова Цедмарского торфяника. Культурный слой эпохи неолита залегал в песке на глубине 1,2–1,4 м. В прерывающей пачке сапропеля отмечены находки шнуровой керамики; выше, в верхнем культурном слое, фиксировались остатки поселения первых веков нашей эры. Неолитический слой неравномерно насыщен, содержал остатки ряда сезонных стоянок. Керамика нижнего слоя близка ранненарвской и ранненеманской. Кремневых орудий немного – скребки на отщепках, «ланцеты», трапеция и пластины. В костяном и роговом инвентаре представлен ряд архаичных форм, имеющих прототипы в мезолитической культуре кунда. Орудия – роговые муфты, тесло, роговое долото, гарпуны (однорядный с крупными зубцами и мелкий однозубый), наконечники стрел, в том числе игловидный с коротким зубцом.

Планиграфически и стратиграфически выделяется комплекс второй половины неолита – фрагменты сосудов, близкие Цедмар Д, несколько роговых орудий, изделия из камня. ^{14}C даты получены по основанию неолитического слоя – 5 400–4 870 л.н., верхний горизонт слоя – 5 120–4 920 л.н. [Тимофеев, 1980].

Поселение Цедмар (Серово) Д [Тимофеев, 1980]. Культурный слой залегает в нижней части песка, перекрытого озерно-болотными отложениями. Выше основного культурного слоя, найдены остатки деревянных конструкций (платформы?) и немногочисленные находки, которые по ^{14}C датируются 3 900–4 300 л.н.

Керамика представлена сосудами с растительной и раковинной примесью, которые близки сосудам нижнего слоя Цедмар А, и с примесью дресвы и песка, находящие аналогии в неманской культуре. ^{14}C даты получены по пищевому нагару для керамики первой группы – 5 180–4 840 л.н.; для сосудов с минеральной примесью – 5 360–4 810 л.н.

Кремневый инвентарь немногочисленен: скребки на отщепах, пластины, ланцетовидные острия, наконечники, шлифованные топорики. Много орудий из кости и рога, которые отличаются от материалов восточно-прибалтийских культур. Характерны крупные орудия из рога – кирковидной и Т-образной формы; найдена костяная мотыга с отверстием, роговые острия, втульчатые и игловидные наконечники стрел, рыболовный крючок, пронизка из кости и янтарная подвеска. По углю и древесине из культурного слоя получены ^{14}C даты – 5 170–4 880 л.н. [Тимофеев, 1996б; Тимофеев и др., 2004, с. 40–41].

Поселение цедмарского типа исследовано на торфянике *Утиное болото* в Калининградской области [Тимофеев, 1979, с. 61–69; 1980]. Культурный слой залегает на алевролите и перекрыт торфом. На площади раскопа планиграфически выделяются два скопления находок, которые представляют собой остатки кратковременных стоянок, разделенных небольшим интервалом времени. Отмечены хозяйственные ямы, места расщепления камня. Керамика плохой сохранности с органической и раковинной примесью. Среди кремневых орудий преобладают скребки из пластин и отщепов, ланцетовидные острия. Представлены мелкие симметричные трапеции, наконечники из пластин свидероидного типа, шлифованные рубящие орудия. Фаунистические данные указывают на охотничий характер экономики.

Материалы цедмарского типа (стоянка Дудка I, торфяник Можиска), аналогичные находкам из нижнего слоя Цедмара А, открыты на северо-востоке Польши [Тимофеев, 1996а, с. 162–165].

5.1.4. Торфяниковые памятники бассейна верхнего и среднего течения р. Западная Двина

В Псковской области, на озерах Усвятское, Сенница, Жижицкое и в Смоленской области, в долине реки Сертейки, левого притока Западной Двины, известно почти два десятка торфяниковых памятников IV–II тыс. до н.э. [Микляев, 1971, с. 7–29; Микляев, 1982, с. 6–29; Мазуркевич, Микляев, 1998, с. 7–31; Mazurkevich et al, 2009, p. 197–211; Mazurkevich et al, 2010, p. 47–64]. Они расположены на прилегающих к береговым террасам заболоченных площадках, в русле рек и на дне озер, под водой, что определяет проведение здесь как наземных, так и специфичных подводных археологических исследований.

Для раннего неолита междуречья Западной Двины и Ловати А.М. Микляев [2000, с. 5–39] выделял сертейскую культуру, которую датировал атлантическим периодом (АТ-1, 2) и связывал с носителями накольчатой керамики Прикаспийского неолита. В конце V – начале IV тыс. до н.э. (АТ-2), по его мнению, здесь бытовала руднянская культура и памятники с линейно-ленточной керамикой (АТ-3, конец V – середина IV тыс. до н.э.). К среднему неолиту А.М. Микляев относил усвятскую (конец IV–III тыс. до н.э.), к позднему неолиту – жижицкую культуру (II тыс. до н.э.).

На ряде поселений этой территории второй половины IV тыс. до н.э. фиксируется начало строительства свайных сооружений, традиция возведения которых прекращается в середине II тыс. до н.э. в связи с катастрофическим подъемом уровня воды в древних водоемах [Мазуркевич, 2009, с. 79–87].

Комплексное изучение свайных озерных памятников – *Сертея 2, Сертея 8, Сертея 10, Сертея 11, Дубокрай I, Рудня, Рудня Сертейская, Усвяты* и др. [Микляев, 2000, с. 5–39] позволило разработать их детальную хронологию. На *Сертея 2* были выделены слои, относящиеся к северо-белорусской и жижицкой культуре конца эпохи неолита – начала бронзового века. Здесь обнаружено 6 свайных сооружений [Мазуркевич и др., 2003, с. 46–49], получены датировки

по совокупности годовичных колец и серии ^{14}C дат по древесине [Тимофеев и др, 2004, с. 39, 42]. На памятнике найдены изделия из рога, кости, кожи, лыка. Деревянные предметы представлены веслами, фрагментом полоза саней, ковшами, блюдами. Рядом со свайным сооружением обнаружены обрывки рыболовной сети и веревки из корневищ черники, фрагменты ткани, нити из ивы; лыжа, изготовленная из ясеня.

Усвяты IV – многослойное свайное поселение, Усвятская котловина. Поселение усвятской культуры, вероятно, состояло из построек прямоугольной формы, размером $4,5 \times 5,5$ м, возведенных на деревянных платформах – настилах, приподнятых над поверхностью на 50–70 см. В основе настила были бревна диаметром 9–12 см, уложенные на «рогатые» сваи и прикрученные к ним веревками из лыка и корневищами черничника. Сверху, перпендикулярно им были сложены жерди диаметром 5–8 см, перекрытые сосновыми плашками толщиной около 6 см, покрытые мхом. Внутри построек были очаги, обложенные камнями, устроенные на песчаных подсыпках. По периметру платформ располагались вертикальные столбы диаметром 14–22 см, служившие каркасом для плетенных стен; крыши были двускатными. Строения стояли рядами вдоль минерального берега и были соединены переходами [Мазуркевич, 2009, с. 81].

На памятниках Сертея X, Рудня Сертейская, Сертея XIV, Усвяты IV обнаружены остатки неолитических рыболовных конструкций, состоящих из тонких обработанных лучин, иногда – с сохранившейся обвязкой [Микляев, 1971, с. 7–29; Мазуркевич, Микляев, 1998, с. 7–31].

На поселениях усвятской культуры найдены разнообразные костяные, деревянные и роговые изделия – наконечники стрел и гарпунов, кинжалы, проколки, долота, остря, штампы, предметы быта (ложки, ковши, чаши) и др. [Микляев и др, 1984, с. 67–81]. Предметы искусства представлены роговой антропоморфной скульптуркой мужчины, фрагментом трубчатой кости с личинами (поселение Дяздица). Обнаружены фрагменты двух глиняных мисок

с мужскими и женскими антропоморфными изображениями, сосуд с фигурами птиц; роговая головка соболя и пластинка с навершием в виде токующего глухаря. Головы медведей украшают рукояти двух ковшей, утиные головы – рукоять весла.

В культурных слоях свайных поселений этого региона найдены украшения из клыков медведя, резцов лося и кабана, костяной диск с отверстием и зубчиками по краю, янтарные подвески. Изделия изобразительной деятельности наиболее полно представлены во втором и первом строительных горизонтах стоянки Усвяты IV. А.Н. Мазуркевич [2009, с. 81, 82, кат. 276–279, 286, 287, 289, 290, 291] предполагает, что они являются остатками специфического ритуального комплекса.

Торфяниковые памятники известны и на территории *Белоруссии*, они представлены стоянками *Заценье, Кривина I, Кривина III* и др. Стоянка *Заценье* расположена на левом берегу р. Цны (Минская область) [Гурина, 1996, с. 144–145]. Культурный слой содержал разновременные комплексы, в том числе нарвской культуры [Чернявский, 1969, с. 71–88; 1978, с. 42–46]. Найдены костяные наконечники стрел с биконической головкой, орудия под углом 45°, мотыги, листовидные кремневые наконечники стрел и др. Керамика близка ранненарвской, а орудия имеют сходство с мезолитической культурой кунда.

Таким образом, на территории Севера Европейской части России, Волго-Окского междуречья, Восточной Прибалтики обнаружено большое количество торфяниковых памятников эпохи мезолита и неолита, позднего неолита или энеолита. В эпоху бронзового века нарастающие процессы заболачивания, изменение системы освоения и использования вмещающего ландшафта, трансформации хозяйственных структур приводят к резкому сокращению торфяниковых стоянок и поселений. Немногочисленные материалы железного века фиксируются лишь на отдельных памятниках.

В культурных слоях эпохи мезолита этих территорий обнаружено большое количество и разнообразный ассортимент орудий и отходов производства из кости,

рога и камня. Предметы из дерева, как правило, немногочисленны. Несколько большие серии и набор изделий из дерева (копья, гарпуны, поплавки, полозья саней, лыжи, весла, фрагменты циновки (?) и сети, луки, наконечники и древки стрел, посуда и др.) обнаружены в мезолитических слоях стоянки Замостье 2, поселения Веретье I и Виском I торфянике. Произведения искусства в материалах памятников этого времени представлены деревянной головой птицы, костяной антропоморфной личиной и стилизованной скульптурой, изображением головы птицы (Веретье I); ложкой со скульптурной головкой лося (Виский I торфяник); фигурками птички, змеи и головы кабана (Замостье 2), костяной головкой водоплавающей птицы и роговой скульптурой фантастического существа (Ивановское 7).

На торфяниковых памятниках эпохи неолита и раннего металла лесной зоны Восточной Европы обнаружены изделия из камня, кости, рога и дерева, керамика. Разнообразны костяные наконечники стрел, гарпуны, кинжалы, ножи, шилья, иглы, рыболовные крючки и др.

Ассортиментный набор изделий из дерева разнообразен, однако они не составляют устойчивых серий, оставаясь единичными, индивидуальными артефактами. Обнаружены орудия охоты – деревянные копья и луки, на одном из которых сохранилась часть тетивы; бумеранги и пращи (поселение Сарнате), наконечники стрел.

На стоянках эпохи мезолита – раннего металла этих территорий присутствуют разнообразные орудия рыболовства, представленные рейками и кольями, остатками рыболовных сооружений; поплавками из коры и бересты, грузилами, обернутыми берестой; палками-клячами и дисками от ботал. Разнообразны орудия индивидуального лова – наконечники гарпунов и острог, грузики и рыболовные крючки. Остатки рыболовных сооружений обнаружены на торфяниковых стоянках эпохи мезолита – раннего бронзового века Латвии – Звидзе, Сарнате, Абора 1; Литвы – Швянтой 1А, 2Б, 4Б. На Севере и Северо-Западе Европейской части России – Охта 1, Вис II, Мармугинский I и II торфяник. В междуречье Днепра и Двины – стоянки Усвяты IV, Рудня

Сертейская, Сертея I, Сертея X, Сертея XIV. В лесной зоне Восточной Европы, в Волго-Окском междуречье – Сахтыш 1, Сахтыш 2а, Становое 4 (слой IIIa), Замостье 2.

Средства передвижения представлены обломками лыж, веслами, саней, фрагментами лодок-долбленок (Швянтойи 1В, 2В, Сарнате).

Бытовые орудия и инструменты включают берестяные изделия, мотыги, лопатки, мутовки-мешалки, крюки и колотушки. Посуда представлена блюдами, ложками и ковшами, в том числе с навершиями рукоятей в виде голов водоплавающих птиц; корзинами, плетеными из прутьев.

Найден кусок ткани из лыка липы (Швянтойи 1, 2), остатки сетей (Абора I, Сарнате, Сертея 2, Озерки 17), веревки из корневищ черники, фрагменты ткани, нити из ивы (Сертея 2).

Фаунистические остатки, обнаруженные на памятниках, представлены костями лося и северного оленя, кабана, куницы, бобра, водоплавающей и боровой дичи, рыб. В эпоху мезолита – позднего неолита, энеолита на этих территориях сложились благоприятные природно-климатические условия для ведения комплексного присваивающего хозяйства, основными отраслями которого являлись охота и рыболовство.

Предметы искусства, выполненные из органических материалов, представлены роговой антропоморфной скульптуркой мужчины (Усвяты IV), фрагментом кости с личинами (Дяздица); роговой головкой соболя и пластинкой с навершием в виде токующего глухаря. Головы медведей украшают рукояти двух ковшей, утиные головы – рукоять весла (Усвяты IV). На поселении Оса обнаружено несколько костяных скульптур (головы водоплавающих птиц, змея) и кинжал с головой лося, на стоянке Звидзе – роговая головка выдры. Деревянная антропоморфная скульптура найдена на поселении Сарнате, в устье р. Малмута в Латвии, на поселении Швянтойи 28 и в *Ortschaft Hopfenbach* (западное побережье Балтийского моря).

Количество деревянных жилых сооружений, зафиксированных на территории Севера Европейской части России, Волго-Окского междуречья и Восточной Прибалтики, пока не велико. Мезолитические постройки обнаружены на поселении Веретье I, эпохи неолита – на стоянке Звидзе и Сарнате, позднего неолита или энеолита – на поселении Абора I, Тамула, Модлона, Репище.

В бассейне верхнего и среднего течения р. Западная Двина, как и на территории Западной Европы, в IV–II тыс. до н.э. фиксируется традиция строительства свайных построек, соорудившихся в сходных природно-климатических и ландшафтных условиях как форма адаптации к изменениям природной среды.

Торфяниковые памятники эпохи мезолита – позднего неолита рассмотренных регионов гораздо более многочисленны по сравнению с материалами этого времени, обнаруженными в Зауралье. Они дают многочисленные основания для реконструкций палеосреды, материальной, хозяйственной и духовной культуры древнего населения. Вероятно, их культурные слои отложились в иной микро климатической ситуации, чем мезолитические и неолитические памятники Зауралья. На рассматриваемой территории они сформировались в периоды регрессивных и трансгрессивных стадий водоемов, менее отчетливых в зауральских комплексах, когда откладывались сапропелевые отложения, консервирующие культурные слои, подсапропелевые прослойки торфа или пересыхали значительные площади прибрежных участков и формировались *in situ* слои с большим количеством археологического материала.

5.2. Торфяниковые памятники Западной Европы

В мировой археологии применительно к объектам, расположенным в болотах, торфяниках и под водой (корабли, клады и др.) применяется термин *wetland archaeology*. К числу этих памятников относятся *свайные постройки*

(*lake-dwelling, pfahlbauten, palafittes, lacustrine dwelling*), настилы – дороги (*trackways*), жертвенные места в болотах и торфяниках, погребения в торфяниках (*bog bodies*) и др.

Самые ранние торфяниковые памятники Европы датируются финальным палеолитом. На многослойной стоянке *Hengistbury Head* (Англия) слой кресуэльской культуры датирован аллередом или началом позднего дриаса. Мезолитический слой – концом пребореала или началом бореального периода [Кольцов, Жилин, 2008, с. 13–14].

Культурный слой аренсбургской культуры, датированный по серии ¹⁴C дат финальным палеолитом – 10 140–9 500 л.н., поселения *Schtelmoor* (Германия) залегал в гиттии позднего дриаса, содержал большое количество изделий из камня, кости, рога и дерева, кости животных тундровых и лесных видов [Taute, 1968]. Орудия из органики представлены, по крайней мере, целым и обломком двурядного костяного гарпуна, роговыми топорами и теслами. Есть упоминание о находках на этом поселении около 100 деревянных древков стрел, на некоторых сохранились черешки наконечников стрел или пазы для их крепления.

Среди наиболее известных мезолитических торфяниковых памятников Европы – поселение *Star Carr* в Англии, несколько стоянок на *Federsee* в южной и стоянки *Friesack* в северной Германии, *Noyen-sur-Seine* во Франции и др. [Gramsch, 1992, p. 65–79; Mordant C., Mordant D., 1992, p. 55–64; Schlichtherle, 2004, p. 22–35].

На прибрежной болотистой почве некоторых из них – *Star Carr* (Англия), *Duvansee* (Германия), о. Зеландия (Дания) – устраивались сезонные деревянные настилы. Поселение *Star Carr* с хорошо сохранившимися артефактами из органических, в том числе растительных материалов, располагалось на берегу древнего озера, исследовалось с применением всех возможных на тот момент методов естественных наук Дж. Г.Д. Кларком в 1949–1951 гг. [Кларк, 1952; Clark, 1952; Smith, 1992, p. 110–138]. На поселении обнаружены скопления

веток, куски обработанного дерева, фрагменты рукоятей и, возможно, весла, рулоны бересты, орудия из кости, рога, кремня и отходы их производства. Не было найдено ни одного орудия или фрагмента сооружения, связанного с рыболовством. Дискутируется вопрос о функциональном назначении этого памятника. А. Легдж и П. Роули-Конви рассматривают его как временное охотничье стойбище [Smith, 1992, p. 119, 120]. По мнению К. Смита, в *Star Carr* исследована периферийная часть базового поселения, в которой производилась разделка туш животных. В инвентаре памятника значительную серию составляют рога благородного оленя с прилегающей частью черепа с отверстиями, которые могли использоваться в ритуальных целях. Изделия из рога и кости представлены зубчатыми острями, служившими деталями острог, наконечниками стрел или гарпунами; мотыгами, скребками, проколками [Smith, 1992, p. 114–117].

Многослойное поселение *Noyen-sur-Seine* – первый торфяниковый памятник, содержащий культурные слои среднего и позднего мезолита пребореального–постбореального периода (8 000–6 500 л.н.), открытый на севере Франции. Каменная индустрия этого времени представлена скребками, нуклеусами, ретушированными отщепами. Органические остатки – рыболовными приспособлениями, корзиной, лодкой-долбленкой, выполненной из сосны. Среди фаунистических остатков присутствуют кости красного оленя, дикого кабана, волка, водоплавающих птиц и рыб (щуки и угря) [Mordant C., Mordant D., 1992, p. 55–64].

Стоянки *Friesack* расположены на севере Германии [Gramsch, 1992, p. 65–79]. *Friesack 27* – является самым ранним мезолитическим памятником Севера Центральной Европы, возможно, генетически восходящим к позднеаренсбургской культуре, серией ^{14}C дат датируется началом голоцена, около 9 900 л.н. На поселении обнаружено большое количество кремневых и каменных изделий, артефактов из кости, рога и дерева, фрагменты сетей, фаунистические остатки. Изделия из камня представлены микролитами, в том

числе геометрическим, топорами, скребками и др. Среди изделий из кости, некоторые из которых гравированы, присутствуют шилообразные инструменты, резцы, отходы костеобработки и заготовки, находящие аналогии в индустрии *Star Carr*. Фаунистические остатки, обнаруженные в пребореальном слое, типичны для позднеледниковой фауны; найден череп одомашненной собаки.

Friesack 4 – многослойное поселение среднепребореального – середины атлантического периода, 9 700–6 600 л.н. В эпоху мезолита фиксируется многократное заселение этой территории населением культуры маглемозе [Gramsch, 1992, p. 65–79]. На памятнике обнаружено около 150 000 кремневых и каменных изделий, около 25 000 фаунистических остатков, около 800 изделий из кости и рога, около 100 – из дерева и коры; фрагменты веревок и сетей.

Костяные и роговые артефакты, некоторые из которых декорированы, представлены рукоятями, шильями, резцовыми инструментами, топорами с втулками или отверстиями, иглами, фрагментами мотыг и др.

Найдены украшения в виде перфорированных зубов оленя, зубра, дикой свиньи и лошади, медведя; костяные декорированные пластины. В переходном слое от бореального к атлантическому периоду обнаружен орнаментированный панцирь черепахи.

Изделия из дерева, выполненные из сосны, орешника, рябины и тополя, представлены рукоятями, копьями и стрелами, палками-копалками, веслами, заостренными стержнями, фрагментом лодки-долбленки и трудноопределимыми обломками. Найдены фрагменты веревок, узелковых и безузелковых рыболовных сетей бореального и пребореального времени. Выдающейся находкой является берестяная емкость, самая древняя из известных изделий такого типа, – 8 950±110 л.н. [Gramsch, 1992, p. 65–79].

5.2.1. Свайные постройки

Впервые они были открыты в Швейцарии в 1854 г. Ф. Келлером [Keller, 1856–1888], когда снизился уровень воды в Цюрихском озере, и у берегов обнажилось дно древнего водоема. Следы древних жилищ на озерах и болотах были известны задолго до этого, но в силу ряда причин на них не было акцентировано внимание исследователей. Подробные и прекрасно иллюстрированные отчеты, составленные Ф. Келлером по результатам исследования свайных поселений Швейцарии, содержащие богатейший корпус источников, в том числе, выполненных из органических материалов, сделали эти памятники широко известными.

В 2004 г. в честь 150-летия открытий Ф. Келлера и его первых раскопок в *Ober-Meilen* был издан сборник статей под общей редакцией Ф. Менотти [Living..., 2004], посвященный истории исследования и современному состоянию этой проблематике в археологии Европы. В книге рассмотрен комплекс естественнонаучных дисциплин, применяющихся при раскопках свайных поселений, проанализированы возможности их реконструкций и создания музейных экспозиций.

В *Швейцарии* исследования свайных поселений велось практически постоянно, начиная с середины XIX в., раскопаны и проведены подводные работы на большом количестве памятников – эпохи неолита *Egolzwiler Moos* и *Auvernier*, позднего бронзового века в *Alpenquai*, *Sipplingen* и др. В *Seefeld* на участке *Ziirich-Pressnhaus* и *Zurich-Akad* в слое с шнуровой керамикой (около 2 700 г. до н.э.) были обнаружены деревянные колеса, найденные и в более раннем (примерно 3 150 г. до н.э.) культурном слое соседней стоянки. Это – наиболее ранние свидетельства использования колесного транспорта в Европе. В *Seefeld*, *Twann* и вокруг *Neuchatel* исследованы свайные поселения большой площади (некоторые – более 15 000 м²) со сложной архитектурной планировкой, включающей дороги. Одна из них была обнаружена в *Concise* на

озере Neuchatel; другая, протяженностью более 100 метров, исследована на поздненеолитическом поселении *Marin-Les Piecettes* [Ruoff, 2004, p. 9–21].

Исследования свайных построек на озерах и болотах юго-западной Германии [Schlichtherle, 2004, p. 22–35] были начаты на *Bodensee*, *Federsee*, *Constance* сразу после открытий Ф. Келлера. В *Fenlands* обнаружены неолитические постройки прямоугольной формы, построенные на уровне земли, с остатками стен, пола и очагов. Вслед за этим последовали открытия большого числа новых поселений, на которых осуществлялся сбор фауны и микроботанических остатков, проводились первые специализированные исследования методами естественных наук.

В 1919 г. на болоте *Federsee* были обнаружены пять поселений. Работы начались на стоянках *Aichbühl* и *Riedschachen*, известных с XIX в., продолжены на новых неолитических памятниках вблизи *Taubried* и *Dullenried*, а также на поселении позднего бронзового века *Wasserburg Buchau*. Исследованные комплексы состояли из 10–40 домов, расположенных рядами или группами, некоторые постройки окружал частокол и связывали деревянные дороги. На поселениях обнаружено большое количество изделий из органики, в том числе, остатки лодки и повозки. Дендрохронологическое изучение дерева из частокола *Wasserburg Buchau* в 1939 г. явилось первой систематической попыткой в археологии Центральной Европы использовать этот метод для датирования.

С 1945 г. в Германии возобновляются исследования на *Federsee*, начаты раскопки болотной стоянки *Ehrenstein*.

В 1970-х гг. был разработан проект сохранения Боденского озера, целью которого являлась фиксация всех болотных памятников, проведение подводных исследований, колонкового бурения и заложение траншей, что способствовало сбору информации об уже известных и выявлению новых стоянок. Получены многочисленные образцы для датирования и биоархеологических анализов.

Начаты интенсивные исследования болотных поселений в предгорьях Альп – крупномасштабные раскопки неолитической стоянки *Hornstaad Hörnle*

I на Боденском озере и поселения раннего и среднего бронзового века *Siedlung Forschner* на *Federsee*.

На Боденском озере создан отдел подводной археологии, дендрохронологическая, археоботаническая лаборатории и лаборатория литологии и почвоведения. В итоге на немецком берегу Боденского озера было зафиксировано около 100 свайных поселений, в отличие от 28 памятников на швейцарском берегу. Как показывает дендрохронологический и стратиграфический анализы, большинство поселков были заселены несколько раз: например, 15 фаз заселения зафиксировано в бухте *Siplingen*.

Тридцать свайных поселений сейчас известны в Верхней Швабии; новые, с хорошо сохранившимися сооружениями, недавно были обнаружены в северной части болота *Federsee*. Строительство домов на этой территории велось на уровне земли и на сваях. Первые постройки (4 200–3 900 гг. до н.э.) были прямоугольной формы и располагались неправильными рядами, обращенными фронтонами к береговой линии. В Верхней Швабии этот метод сохранялся, по крайней мере, до 3 650 г. до н.э. Около 3 500 г. до н.э. болотные сооружения на Боденском озере возводились вдоль дороги, ведущей к набережной. Постройки бронзового века были сгруппированы в ряды, на *Federsee* – располагались кластерами. Свайные поселения защищались заборами около 3 850 г. до н.э., палисадами – около 3 000 г. до н.э., или более сложными деревянными укреплениями в эпоху раннего бронзового века.

В поздненеолитических поселениях обычно было 3–8 жилых домов, иногда – более 40. В них, как правило, фиксируются одна печь и очаг. В *Hornstaad* в домах хранилось зерно, оборудование для сельского хозяйства, охоты, рыбалки и домашней работы.

О функциональном назначении сооружений бронзового века информации немного. Детальное изучение функций некоторых зданий, отдельных частей и целых населенных пунктов является одним из приоритетных направлений исследований последних лет.

По длинным последовательным дендрохронологическим датировкам древесины из свайных сооружений построены модели заселения территорий. На берегах Боденского озера и *Federsee* в эпоху неолита и бронзового века поселения расположены через каждые 2,5–5,0 км. В этих населенных пунктах строительство было динамичным; здания ремонтировались или восстанавливались в течение нескольких десятилетий или лет. Сельское хозяйство было основным видом деятельности, в некоторых поселках население занималось только охотой и рыболовством.

Традиция сооружения свайных поселений в южной Германии, вероятно, была связана с распространением вдоль долины Роны, через Швейцарию идеи строительства северных болотных итальянских поселений [Schlichtherle, 2004, p. 22–35].

Во *Франции* первое свайное поселение бронзового века было обнаружено на озере *Bourget (Savoie)* спустя несколько лет после открытий Ф. Келлера [Petrequin, Badly, 2004, p. 36–49]. Новые находки следовали одна за другой: на берегу *Geneva (Leman) (Haute-Savoie)*, на озере *Annecy (Haute-Savoie)* стоянка *Roselet*; первое неолитическое поселение на берегу озера *Clairvaux-les-Lacs (Jura)*, в *Aiguebelette (Savoie)*, *Fontenu (Jura)* на озере *Chalain Fontenu (Jura)*, в *Charavines (Isere)* стоянка *Les Baigneurs Charavines*. На памятниках обнаружены орудия труда, оружие, деревянные предметы, ткани, плетеные изделия и семена. Эти поселения и сейчас, столетие спустя, являются объектами исследований. Менее известны стоянки на торфянике *Thuellin Passins (Isere)*, *Chatelneuf* на озере *Fioget* и *La Chaux-du-Dombietl* на озере *Ilay (Jura)*, *Villeneuve d'Amont (Doubs)*.

Большая часть болот во Франции дренирована, что, с одной стороны, существенно облегчает процесс раскопок, с другой, приводит к эрозии и быстрому разложению изделий из органики. В последние годы изучению свайных поселений посвящено большое количество полевых программ и научно-исследовательских проектов. Раскопки на озерах *Chalain* и *Clairvaux*

включены в число выдающихся исследований французской предыстории [Petrequin, Badly, 2004, p. 36–49].

Около середины XIX в. свайные поселения обнаружены в *Верхней Австрии и Каринтии* [Ruttkaу, Cichocki, Pernicka, Puche, 2004, p. 50–58]. В Верхней Австрии они расположены на береговой линии трех озер *Salzkammergut: Mondsee, Attersee* и *Traunsee*; в Каринтии – на озере *Keutschacher*, где обнаружено первое и самое необычное поселение эпохи раннего неолита. Свайные постройки Австрии находятся на шельфах, погружены в воду на 3–4 м. Стоянка *Mooswinkel* на *Mondsee*, которая постоянно находится в центре внимания исследователей, и где найдено необычно большое количество керамики и изделий из металла, находится на глубине 8 м.

Более двадцати стоянок на озере *Salzkammergut* по ^{14}C датированы IV тыс. до н.э. *Abtsdorf 1* и *Seewalchen 1* на *Attersee* – серединой II тыс. до н.э.; поселения *Traunkirchen* и *Gmunden* на *Traunsee* – рубежом II–I тыс. до н.э.

Во II тыс. до н.э., в эпоху бронзы, уровень воды в *Attersee* был значительно ниже, чем в IV тыс. до н.э. и ниже современного. Различные комбинации строительных элементов, зафиксированные в процессе исследований, допускают большое разнообразие возможных реконструкций свайных сооружений. Полы некоторых домов возводились на несущем каркасе, укрепленном в дно озера кольями; иногда они были подняты над водой на 20–30 см. Бревна рамок построек *Scharfling*, *Misling 2* и *Weyregg-Landungssteg*, надежно закрепленные в почву кольями, служили основой прямоугольных домов длиной 3–4 м с плетеными стенами.

На поселениях найдены изделия из органических материалов – корзины, мешки, плетеные изделия и ткани, инструменты и сосуды из дерева. Обнаружено большое количество образцов семян, мха и листьев, которые обеспечивают объективную базу данных для реконструкции природной среды. Преобладают остатки льна, зерно полбы; меньше – мака, ячменя, однозернянки и опиума. Дикие растения представлены лесным орехом, дикой яблоней, земляникой, малиной,

ежевикой и черной бузиной. Собрано большое количество образцов для междисциплинарных исследований – деревянные сваи, пробы отложений для ботанических анализов и кости животных для археозоологических определений.

Для современного состояния исследования свайных поселений Австрии характерно использование современных технологий полевых работ (подводная археология) и широкое применение методов естественных наук (радиоуглеродное датирование, нейтронно-активационный анализ, дендрохронология и др.). Проведена подводная съемка больше половины известных неолитических поселений на *Mondsee* и *Attersee*. Исследования проводятся в рамках междисциплинарных исследовательских проектов [Ruttkay, Cichocki, Pernicka, Puche, 2004, p. 50–58].

Все крупные свайные поселки в *Словении* расположены на территории *Ljubljana Marsh*, на окраине юго-восточных Альп, в центральной части Словении [Veluscek, 2004, p. 69–82]. Первые стоянки здесь были найдены в середине XIX в. во время добычи торфа. В последние годы определены точные месторасположения этих объектов, найдено несколько новых памятников. Проводятся комплексные междисциплинарные дендрохронологические и палинологические исследования, выполняются программы по датированию и реконструкции внешнего вида поселений.

Свайные постройки известны и на севере Европы. В Швеции исследован поселок *Alvastra* (около 3 000 г. до н.э.), служивший, возможно, социальным и культовым центром [Stenberger, 1977]. Керамика, найденная здесь, идентична ямочно-ребенчатой, однако орудия труда и оружие находят аналогии в материалах культуры воронковидных кубков. Остатки, свидетельствующие о производстве орудий, немногочисленны; найдены боевые топоры, вероятно, имевшие культовое назначение.

На территории памятника фиксируются кратковременные свайные постройки и около 100 очагов, рядом с которыми найдено большое количество остатков пищи, зерен пшеницы и ячменя, яблок, скорлупа лесных орехов, кости

домашних и диких животных. После реконструкции, на 40–42 г. существования поселения, оно стало использоваться как некрополь, где покойных оставляли на свайных платформах.

Таким образом, свайные постройки – деревянные сооружения, возведенные на сваях над водой в озерах, реках, морских бухтах; иногда – на суше, в болотистых, подверженных наводнениям местностях [Living on the lake ..., 2004]. Археологические памятники этого типа сосредоточены в основном в Швейцарии, встречаются во Франции, Северной Италии [Marzatico, 2004, p. 98–114], Верхней Австрии, Южной Германии, Словении и Боснии, в Северной Европе – от Ирландии до Швеции. Больше сотни свайных поселений в окрестностях Альп на территории Швейцарии, Франции, Италии, Германии, Австрии и Словении внесены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Идея Ф. Келлера о том, что свайные сооружения возводились над водой, была общепризнанной до первого десятилетия XX в. [Menotti, 2004, p. 1–5]. В 30–50 гг. Х. Райнерт, Е. Фогт и другие исследователи, основываясь на большом количестве материала и данных естественных наук, высказали предположение о том, что постройки сооружались на сваях и платформах на суходоле рядом с берегом озера. Эта, так называемая *Pfahlbauproblem*, дискутировалась довольно долго [Vogt, 1955, p. 199–222]. Для ее решения были разработаны специальные научные программы. Данные современных исследований демонстрируют значительную вариативность форм и способов сооружения свайных поселений, различия между которыми определялись культурными традициями и природно-климатическими факторами.

Приоритетным направлением научных исследований последних лет становится разработка детальной хронологии свайных поселений, начало распространения которых относят к концу V тыс. до н.э. Прекращение их строительства, вероятно, обусловленное комплексом культурно-экологических факторов, фиксируется около VII в. до н.э.

Наблюдается явная корреляция между климатическими изменениями и степенью заселенности озер. Периоды «благоприятного» климата совпадают с периодом их активного освоения, обратные ситуации складывались при ухудшении климата. В истории строительства свайных поселений есть и периоды, когда климатические условия были благоприятными, но берега озера не заселялись. Поэтому в современных исследованиях наблюдается отказ от детерминанты экологического подхода, учитывается комплекс культурно-хронологических и социально-экономических факторов.

Ряд теорий сформулирован относительно происхождения и распространения традиции строительства свайных построек в Европе. Наиболее убедительными сейчас кажутся доводы в пользу ее южного происхождения. Эта гипотеза основана на комплексном анализе свайных поселений Западной Европы, на палеоботаническом исследовании определенного вида твердой пшеницы, ареал распространения которой фиксируется в районе Средиземного моря. Ее остатки обычно находят на большей части поселений вокруг Альп.

Применение ГИС (географических информационных систем) и компьютерных технологий, спутниковых снимков способствуют определению точного местоположения известных и обнаружению новых памятников этого типа. Ряд озерных стоянок в настоящее время находится под водой, поэтому большой вклад в их исследование вносит подводная археология [Menotti, 2004, p. 1–5].

Озерные поселения фиксируются почти в 30 различных культурах эпохи неолита, бронзового и начала железного века, иногда – исторической эпохи. Постройки железного века найдены в Северной Германии, в Швейцарии они не датируются позднее бронзового века; в Придунавье и на Балканском полуострове существовали и в античное время.

На некоторых озерах зафиксированы следы десятков и сотен свайных поселков, построенных на десятках или сотне тысяч свай. Сохранившиеся остатки деревянных строений позволяют с помощью дендрохронологического

и радиоуглеродного методов определить абсолютную дату строительства, а также реконструировать последовательность перестройки или ремонта поселений. В некоторых местах удалось обнаружить до двадцати пяти разновременных построек, залегающих одно над другим в хронологической последовательности.

Во время существования свайных поселений в Приальпийской области климат был теплее современного, а уровень воды в озерах ниже на 2–3 м. Вероятно, некоторые из них располагались на заболоченных низких прибрежных лугах, другие – над водой; иногда в 150–200 м от берега. Известно несколько типов свайных построек. Одни – сооружались на сваях, вбитых в землю или дно озера, они находились над водой даже при повышении уровня воды. Сваи соединялись горизонтальными балками, на которые настилался пол, укладывался тростник, глина и мох. На сооруженной площадке возводили жилища из бревен или прутьев, обмазанных глиной. Внутри, на каменных плитах или глиняной площадке, сооружались открытые очаги. Постройки соединялась с суши мостками. Такое местоположение и устройство свайных поселков обеспечивало защиту от нападения врагов, наводнений и диких зверей, давала людям пищу и скрывала отходы жизнедеятельности [Petrequin, Badly, 2004, p. 36–49].

Иногда в заболоченной прибрежной полосе платформа из бревен и жердей выстилалась на земле, без опорных свай. По мере погружения платформы в торф делались новые настилы. Такие конструкции позволяли возводить поселки на местах, не подходящих для обитания, и не занимать под жилища пригодную для полей и пастбищ землю [Schlichtherle, 2004, p. 22–35].

Планировка поселков была разной. Одни состояли из домов, организованных правильными рядами, другие располагались группами. Различны и размеры поселений: от состоящих из нескольких построек до больших, занимающих до 40 000 м² – поселение в *Robenhausen* (Швейцария). Здесь обнаружено более 100 000 свай, на которых возводили дома,

соединяющиеся с берегом длинным мостом. Большой площади достигало и поселение *Alpenquai* на Цюрихском озере [Ruoff, 2004, p. 9–21]. Поселение *Aichbühl* на Federsee состояло из 22 домов, построенных на каркасе из вертикальных столбов. Стены были сделаны из расщепленных бревен, поставленных вертикально, а полы – из досок, обмазанных глиной. Центральные столбы поддерживали двускатную крышу и внутреннюю перегородку [Driehaus, 1960; Schlichtherle, 2004, p. 22–35].

Неолитическое население свайных построек Приальпийской зоны занималось земледелием и скотоводством, охотой и рыболовством. Землю обрабатывали мотыгами из камня, кости и рога с деревянными рукоятями; известны деревянные мотыги. Хлеб жали кремневыми серпами, молотили деревянными колотушками и «мололи» на каменных зернотерках. Основными хлебными злаками были пшеница, ячмень, просо. Найдены горох, бобы, морковь, капуста; были известны конопля и лен. Культивировались яблони и, возможно, виноград. Обнаружены кости домашних животных – собак, коз, свиней, овец, коров так называемой торфяниковой породы.

Рыбу ловили сплетенными из льняных нитей сетями и вершами из прутьев; удочкой, били гарпунами. Известны челны – однодревки. Объектами охоты были олень и лось, косуля, тур, бык, медведь, болотная и лесная птица. Орудия охоты – копья и дротики с каменными наконечниками, лук и стрелы [Zurn, 1965].

В свайных постройках обнаружена деревянная мебель: скамьи, столы и сундуки. Найдены изделия из льна и шерсти, нитки, веревки, сети, ткани и вязаные вещи; льночесалки, деревянные веретена, вязальные крючки, части ткацких станков и челноки.

Реконструированные свайные жилища, музеи свайного строительства открыты в Цюрихе, в Унтерульдингене на Боденском озере и на озере Федерзее в г. Бад-Бухау [Schobel, 2004, p. 221–236].

5.2.2. Деревянные сооружения – настилы, дороги

Такие сооружения, проложенные через болото, известны на многих торфяниках Западной Европы.

Сооружение в *Somerset Level* (Англия), исследованное на протяжении 12 м, шириной 1,2 м, состояло из нескольких слоев древесины. Горизонт, датированный 4 840±100 л.н. и 3 975±92 л.н., сложен из больших расколотых стволов, положенных поперек [Coles, 2004, p. 83–97]. Ниже располагался более древний настил другой конструкции, между стволами которого была вставлена деревянная антропоморфная скульптура, изготовленная между 3600 и 2 200 гг. до н.э. с ясно распознаваемой головой и признаками бисексуальности [Immortal Images ..., 2001, p. 78–80].

На *Meerhusener Moor* около *Aurich* (Германия) обнаружена дорога длиной более 2,5 км, шириной около 3,3 м, функционировавшая между 2 825 и 2 140 гг. до н.э.. При ее исследовании найдены два ствола, трактуемые как антропоморфные скульптуры [Immortal Images ..., 2001, p. 82].

На болоте *Wittemoor* (Германия) была исследована дорога железного века длиной почти 3,5 км и шириной более 3,0 м. В 0,5 км от ее начала найдены деревянные стилизованные мужская и женская антропоморфные скульптуры. Первоначально они, вероятно, стояли вертикально, нижние части их заострены и вставлены в отверстия, обнаруженные в настиле.

К востоку от дороги, около мужской фигуры, были обнаружены три условно антропоморфные доски. Высота первой, вероятно, женской фигуры не установлена, возможно, превышала 1 м. Верхний, ее более широкий конец, изображал голову, в нижней половине нанесены насечки. Высота другой фигуры достигала 193 см. Более ясно распознаваем силуэт третьей скульптуры высотой 161 см, у которой обозначена голова, шея, плечи и тело.

Дорога длиной приблизительно 1 км, функционировавшая около 148 г. до н.э., была обнаружена на торфянике *Mount Dillon* (Ирландия). Для ее

строительства использованы бревна длиной 3–4 м. Один из стволов высотой 5 м с обработанным концом напоминает скульптуру из *Aurich* [Immortal Images ..., 2001, p. 82–83].

Антропоморфные скульптуры были найдены и рядом с деревянными дорогами, проложенными через болота, построенными в римский период (*Grosses Moor*, Германия) [Immortal Images ..., 2001, p. 80].

Среди известных деревянных антропоморфных скульптур Западной Европы самой древней (6 400±85 л.н.) является маленькая мужская статуэтка, обнаруженная в *Willemstad* (Нидерланды). Волнистые очертания тела фигуры делают ее похожей на рукоять какого-то предмета. Руки и ноги не обозначены, на лице изображены большие глаза, нос, рот и нижний контур головы.

Скульптуры эпохи неолита найдены в *Somerset Levels* и *Dagenham* (Англия), *Aurich* (Германия), *Pohjankuru* (Финляндия). Эпохой бронзы датируются несколько скульптур, археологический контекст которых не ясен: в виде доски из *Lagore* (Ирландия) и *Kragelund* (Дания); высокая фигура с проработанной головой, туловищем и ногами из *Ralaghan* (Ирландия). Значительно больше изображений относится к последним столетиям до нашей эры и первыми столетиями нашей эры [Immortal Images..., 2001, с. 11].

В западноевропейской литературе не употребляется термин «идол», используется определение «антропоморфная фигура», трактуемое, впрочем, довольно широко. Некоторые из скульптур явно распознаются как антропоморфные, другие являются почти не обработанными натуральными стволами, какими-то деталями похожими на антропоморфное существо. Наиболее явно антропоморфные фигуры – *Lagore* (3 650±70 л.н.), *Dagenham* (3 800±70 л.н.), *Ralaghan* (2 830±70 л.н.). У них проработаны голова с изображением глаз, носа, рта и ушей; шея, туловище и ноги, но не у всех есть руки (*Ralaghan*, *Lagore* и *Dagenham*). Левая половина лица некоторых скульптур была, вероятно, преднамеренно повреждена в древности (*Ralaghan*, *Dagenham*). Б. Колез привлекая данные норвежской мифологии, ассоциирует их

с богом Тором или с неким божеством, его предшественником [Immortal Images..., 2001, p. 45, 94–96]. У скульптуры из *Lagore* есть фаллос, *Dagenham* – отверстие, в которое, возможно, его вставляли.

Более абстрактны – в виде досок, у которых вырезана голова квадратной или ромбической формы и шея – фигуры из *Wittemoor*, *Oss-Ussen*, *Kragelund* [Immortal Images ..., 2001, p. 44]. У некоторых срезами оформлена только шея, предполагающая наличие головы. В эту чрезвычайно абстрактную группу отнесены фигуры из *Aurich* и *Corlea*. Столь же абстрактны изделия из Ютландии, у которых нет головы, акцентированы бедра и ноги. В *Nymolle* обнаружен ствол высотой более 3 м, похожий на антропоморфное туловище с ногами, составляющим большую часть скульптуры, подчеркнуто бедро, меткой обозначена вульва [Raftery, 1992, p. 29–36].

Скульптуры не всегда изображают целых людей: изделие из *Pohjankuru* представлено головой и частью туловища, из *Somerset Levels* и *Bad Doberan* – туловищем, *Hedeliskser* и *Spangerholm* – фаллосами. У фигур *Roos Carr* (2460±70 л.н.) и *Ballachulish* (2 490±70 л.н.) в гнезда глаз вставлены кварцевые гальки.

Есть женские и однозначно мужские персонажи, только фигуры *Braak* (женщина – 2 313±28 л.н., мужчина – 2 273±29 л.н.) и *Wittemoor* (2 420±95 л.н.) составляют пары.

Первоначально скульптуры, вероятно, выглядели по-другому. На некоторых, возможно, были украшения или одежда, на что, например, указывает шерстяная ткань, найденная около женской фигуры *Rebild* и следы заполировки на шее у одной из фигур *Wittemoor*, которые, по мнению исследователей, вызваны трением тканью. На фаллосе *Broddenbjerg* (2450±35 л.н.) фиксировалась смола. Вероятно, некоторые, особенно те, чья форма близка естественным стволам, были окрашены.

Спектр точек зрения на назначение антропоморфных деревянных скульптур и на то, что или кого они олицетворяли, в западноевропейской

литературе велик. Некоторые исследователи считают их изображением божеств. Однако пока ни одна из них не была идентифицирована с персонажем, известным по письменным источникам. Другие предполагают, что большинство фигур являются «заместителями» сверхъестественных существ, функционируя как объекты культа. Возможно, некоторые изображали реальных предков [Immortal Images..., 2001, p. 26, 86–88].

Мужские головы из *Nydam* изображают людей в шлемах, вероятно, абстрактных или известных персонифицированных воинов; возможно, служивших для устрашения врага.

Скульптуры со щитами из *Roos Carr* являются частью судна, имеют аналогии в наскальных изображениях южной Швеции и Дании, на которых присутствуют суда с зооморфными носами и воинами, несущими щиты. По мнению исследователей, скульптуры *Roos Carr* могут изображать известных предков, чьи военные достижения жили в памяти потомков [Immortal Images ..., 2001, p. 86–88].

Фигуры и статуэтки, включенные в структуру дорог, составляют отдельную группу. Исследователи обращают внимание на вариации в их размерах от 16 см (*Somerset Levels*) до нескольких метров (*Corlea*) и локализацию в различных частях сооружений. Скульптуры *Wittemoor* и *Aurich* были найдены рядом с дорогой, столбообразная фигура *Grosses Moor* лежала поперек тропы. Другие были «скрыты» (*Somerset Level*) или включены в структуру тропы (*Corlea*). По мнению исследователей, они являлись изображением божеств или их «заместителей», хранителями дороги, оберегающими ее от злых духов и недоброжелателей. Когда дорога приходила в негодность или надобность в ней отпадала, «хранителя» низвергали и бросали рядом. Антропоморфные фигуры из *Aurich*, возможно, указывали на ее опасные участки, являлась «хранителями» путешественников, а антропоморфные доски – «дорожными маркерами», которые после выполнения своих функций, были преднамеренно сломаны и погружены в торф.

Фигуры *Ballachulish* и *Bad Doberan* были переплетены прутьями и ветками, что напоминают ситуацию, в которой найдены некоторые погребения в болотах. Возможно, они являются имитацией человеческой жертвы [Immortal Images ..., 2001, p. 90–96].

5.2.3. Жертвенные места и клады в болотах и торфяниках

На территории Западной Европы, в Дании, Голландии, северной Германии, Швеции известно более 500 жертвенных мест и кладов в болотах и торфяниках эпохи неолита–средневековья. Места частных и общественных жертвоприношений различаются количеством и составом находок, сложностью обустройства и длительностью использования.

На прибрежных, заболоченных участках, на краю озера или болота некоторых памятников обнаружены «простые» жертвенные места и площадки с особым устройством. В Германии и Дании с эпохи бронзы, в позднелатенское и раннеримское время специальные площадки, как правило, были вымощены деревом и камнями, иногда засыпались камнями, между которыми обнаружены сосуды, кости людей и животных, деревянные колья и антропоморфные скульптуры. На таких площадках или рядом в торфе фиксируются ямы глубиной 1,0–1,5 м, содержащие сосуды, кости животных и людей (*Skayeving, Uldum Kayer Kvosted Mos, Valmos*). По мнению И.П. Русановой [2002], магические действия и жертвоприношения на таких площадках были направлены на умиловление богов, к которым обращались с просьбами о плодородии, плодовитости скота и домашнего благополучия живущим. Этой же цели служили жертвы женщин и детей, как правило, расчлененных.

Общественные жертвоприношения включают в себя украшения, оружие и целые сосуды. На севере Европы в них присутствуют мечи и боевые топоры, например, из *Skogetorp* – с рукоятью, украшенной пластинками золота и янтаря. В одном из наиболее известных кладов из *Lavinsgords* болота в Дании

обнаружен бронзовый сосуд и множество золотых чаш, подобных сосудам знаменитого *Eberswalde* клада, найденного в Германии. К вотивным предметам клада из *Schifferstadt* отнесена уникальная «золотая шляпа» [Русанова, 2002].

5.2.4. Погребения в болотах

В Западной Европе, преимущественно в Германии, Дании, Нидерландах, Великобритании, Ирландии и Швеции обнаружено более тысячи погребений людей в болотах. Некоторые тела почти не затронуты разложением, у них сохранились кожные покровы и внутренние органы; другие скелетированы или представлены отдельными фрагментами. Большая часть погребений была обнаружена при добыче торфа, многие тела утрачены.

Наиболее известные находки, обнаруженные в Дании, – тела мужчин из *Tollund* и *Grauballe*, женщин из *Elling*, *Haraldsen*, *Huldremose*, *Kelberg*.

Тело женщины из *Kelberg* – древнейшее из сохранившихся болотных погребений, относящееся к культуре маглемозе, примерно 8 000 л. до н.э. Оно хранится в музее г. *Odense*, обнаружено в 1941 г. в *Kjellberg-Mose* на острове *Fyn*. Тело существенно скелетировано, некоторые фрагменты отсутствовали. Следы насильственной смерти не обнаружены, вероятно, женщина утонула в возрасте 20–25 лет [van der Sanden, 1996].

Тело мужчины из *Tollund* (т. 2, прил. 4, рис. 179) найдено в 1950 г., в одном из торфяных болот рядом с г. *Silkeborg*, на глубине 2,5 м [History of Denmark, 2006]. Возможно, это наиболее хорошо сохранившееся тело, найденное в болотах Западной Европы. Судя по ^{14}C датам, мужчина умер в IV в. до н.э. Он обнаружен лежащим на левом боку в позе спящего. Хорошо сохранилась голова – на лице видны морщины и щетина. Кожные покровы местами были повреждены, а кисти рук почти полностью истлели. На голове мужчины была надета островерхая кожанная шапочка, сшитая из кусков

овчины мехом внутрь, на талии – кожаный пояс. Остальная одежда не сохранилась. Вокруг шеи была затянута петля из плетеного кожаного шнура.

Человек из *Tollund* был ростом 162 см. Наиболее вероятной причиной его смерти было удушение, хотя исследование рентгеновскими лучами показало, что шейные позвонки не сломаны. Мозг и внутренние органы мужчины – печень, легкие и сердце – сохранились хорошо, возраст на момент смерти составлял около 40 лет. Изучение пищеварительного тракта дало информацию о времени и составе последнего приема пищи. Примерно за 12–24 часа до гибели он ел сваренную на воде кашу из зерен и семян, как культивируемых, так и дикорастущих (выявлено около 40 видов, в том числе ячмень, льняное семя и др.). Следов мяса, рыбы или фруктов не обнаружено, вероятно, этот человек скончался в конце зимы или начале весны. Об этом свидетельствует и хорошая сохранность тела, чему могла способствовать низкая температура воздуха. Голова человека из Толлунда, приложенная к макету тела, которое не сохранилось, выставлена в музее г. *Silkeborg*.

Тело мужчины из *Graubuenden* обнаружено в 1952 г. в торфяном болоте в окрестностях г. *Silkeborg*. На кистях рук человека сохранились ногти, а на голове – волосы; лицо несколько деформировано. По результатам ^{14}C анализа он был убит (перерезано горло) около 290 г. до н.э. в возрасте около 30 лет. Одежда не сохранилась. Исследование пищеварительного тракта показало, что его пища в основном состояла из зерен, семян и мяса. Тело выставлено в музее г. *Aarhus* [History of Denmark, 2006].

Среди болотных погребений Ирландии наиболее известен *Clonycavan* человек, найденный в 2003 г. в ирландском графстве *Meath*. Молодой мужчина ростом 157 см умер, судя по ^{14}C датам, около 2 300 л.н. Его волосы были смазаны специальным гелем, произведенным, вероятно, в Южной Европе, Франции или Испании. Возможно, он принадлежал к социально значимой группе, был принесен в жертву.

Болотные погребения известны в Германии – мужчины из *Osterby*, *Vindeby*, *Rendsburg* и женщина из *Peitin*; Нидерландах – пара из *Wirding* и девочка из *Yde*; Швеции – мужчина из *Boxsten*.

В Великобритании в торфянике *Lindow Moss*, расположенном на северо-западе Англии, обнаружено несколько погребений.

Погребение *Lindow I* (1 740±80 л.н. или 130–290 гг. н.э.) представлено останками черепа женщины с сохранившимися наружными хрящами, мозговым веществом, левым глазным яблоком и фрагментами волос. Погребение *Lindow II* – останками левой ноги человека, обнаружено в 1984 г. в выработке торфа.

Погребение *Lindow III* (1 875±30 л.н. или 130–225 гг. н.э.), представленное 70 фрагментами тела человека без головы, найдено при добыче торфа в 1987 г. Мужчина 35 лет ростом 175 см был погребен обнаженным, в 110 м от берега и в 250 м от погребения *Lindow Man*. Анализ желудочно-кишечного тракта показал, что его последняя пища состояла из размолотых орехов и зерен злаков.

Lindow Man или «Болотный Пут» – естественно мумифицированное тело мужчины хорошей сохранности, обнаружено в торфе, в 200 м от берега. Мужчина ростом около 164 см, среднего телосложения, с аккуратно подстриженными волосами и бородой, был убит в возрасте 20–25 лет, судя по ¹⁴C датам и спорово-пыльцевым анализам около 1 940±25 л.н. На левой руке сохранилась полоска лисьего меха, на шее – остатки веревки. Анализ содержимого желудка показал, что незадолго до смерти он ел хлеб из пшеницы и ячменя, растения и лесной орех; обнаружена пыльца омелы, обладающая наркотическим свойством. *Lindow Man* был убит ударами по голове, затем на его шею надели веревку и затянули, вставив и повернув палку; перерезали горло и опустили тело в воду.

На болоте *Windeby* в специально выкопанных в торфе ямах размером 1,5×2,5 м, глубиной до 1,5 м были обнаружены тела двух людей. В одной – девочки 14 лет с завязанными глазами, задушенная шнурком. Во второй яме был погребен пожилой мужчина, лежащий на спине, часть тела отсутствовала.

Погребение *Worsley Man* (1 800±70 л.н., или 66–400 гг. н.э.) обнаружено в 1958 г. в торфянике на северо-западе Манчестера. Оно представлено головой человека хорошей сохранности со следами удушения.

На болоте *Domlandsmoor* были найдены тела мужчины с прутом вокруг шеи и девушки, на груди которой лежал большой камень. У обоих погребенных сбриты волосы с левой половины головы.

В болотах Англии и Уэльса помимо этих погребений обнаружены захоронения отдельных голов и обезглавленные тела, некоторые из них – со следами удушения [Turner, 1999, p. 227–234].

Таким образом, на западноевропейских торфяниках обнаружены мумифицированные трупы людей эпохи неолита – раннего железного века, преднамеренно помещенные в болото или водную гладь. Большинство погребенных, согласно результатам ¹⁴C анализа, жило 2 000–2 500 л.н., но существуют и более древние находки, например, женщина из *Kelberg*, умершая около 8 000 г. до н.э. [The Oldest of the Bog People ..., 1999]. В болотах Дании известно большое количество погребений, датированных эпохой раннего неолита. Среди них много подростков 16–20 лет [Bennike, 1999, p. 27–32].

Возраст смерти погребенных определяется по антропометрическим измерениям, состоянию скелета и зубов. Состав пищи и период смерти – исследованием пищеварительных трактов и химическим анализом волос. Состав последней пищи человека из *Tollund* представлен кашей из 40 видов зерен и семян, а в желудке мужчины из *Grauballe* были обнаружены мелкие кости животных. Человек из *Clonycavan* на протяжении нескольких месяцев до гибели употреблял в пищу овощи и, вероятно, умер летом.

На некоторых телах присутствует одежда или ее фрагменты, что дает основания для реконструкции костюмов. Хорошо сохранилась кожаная шапочка человека из *Tollund*; шерстяное платье, обнаруженное рядом с женщиной из *Huldremose*; шерстяные обмотки с отделенных от тела ног (Дания). Вероятно, в начале железного века (около 500–1 000 гг. до н.э.) в

Северной Европе появились новые технологии по окрашиванию ткани в желтый, синий, красный цвета и нанесению на них узоров. Анализ тканей, найденных в болотах, показал, что они окрашивались не один раз, а послойно, в некоторых случаях цвет не раз обновляли. Эти исследования подвергают сомнению теорию о том, что в болотах хоронили «бедняков» и преступников. Их одежда говорит о высоком социальном статусе, многие из них, вероятно, были элитой.

Человек из *Clonycavan* укладывал волосы с помощью смолы и растительного масла, а волосы человека из *Osterby* были заложены над виском и завязаны «швабским узлом».

На некоторых погребенных нет следов насильственной смерти, вероятно, они утонули, погибли от холода, кораблекрушения и т.д. Другие становились жертвами преступления, могли быть убиты за какие-то проступки или во время жертвоприношения. Довольно часто причиной смерти являлось удушение (обычно шнуром, веревкой, ремнем, повязкой и т.д.) или перерезание горла. Некоторые исследователи полагают, что в торфе погребены казненные преступники, гомосексуалисты или инфицированные больные. Однако таких находок слишком много, среди них есть женщины и дети [Русанова, 2002].

В анализе этих находок необходимо учитывать и более поздние свидетельства, например, – факты распространения у германцев обычая осуществлять жертвоприношения в болотах. Убитых и погруженных в торф и воду людей они считали жертвами богам. Археологические данные, особенно для Англии и Ирландии, подтверждаются и народными кельтскими и английскими сказками, которые считают погребения в торфе ритуальными жертвами.

Погребения, обнаруженные в болотах, резко контрастируют с более распространенными в этих регионах погребальными обрядами, многие из них жестоко казнены, преднамеренно убиты. Однако после смерти они были специально захоронены. Мужчина из *Tollund* помещен в торф в позе спящего

человека, женщина из *Elling* тщательно обернута в кожаный плащ. С этих позиций статус, по крайней мере, некоторых из них был необычен. Не исключено, что они являлись жертвами богам или своеобразными благодарениями, возможно, за поставку торфа, который был необходим населению как топливо, или железа, единственным источником которого была руда, залегающая в заболоченных местах и на торфяниках [Fischer, 1999, p. 93–97]. Некоторые исследователи предполагают, что они были пожертвованы при проведении церемоний на ранней стадии появления производящего хозяйства – земледелия [Bennike, 1999, p. 27–32]. Вероятно, такие погребения нельзя считать ежегодными или регулярными жертвами. Делать это, возможно, заставляли необычные или кризисные события [Turner, 1999, p. 227–234].

Таким образом, населению Западной Европы эпохи мезолита – железного века был присущ близкий комплекс мировоззренческих представлений, ритуальных действий и обрядов, связанных с практикой болотных погребений, традицией поклонения болоту и/или богам, «проживающим» в нем, размещение там жертвенных даров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное исследование торфяниковых памятников общенаучными, традиционными археологическими и естественнонаучными методами; ретроспективные реконструкции природной среды, хозяйственных структур и мировоззренческих представлений населения эпохи мезолита – позднего бронзового века, определение хронологии и периодизации археологических культур Зауралья позволили сформулировать ряд выводов.

Торфяниковые памятники – особый тип источников, располагающихся в болотах или торфяных залежах, своеобразие которых заключается в способности торфа и сапропеля (озерный ил) консервировать органические остатки. Условия и время их формирования определены физико-географическими особенностями разных регионов мира, обусловлены изменениями природно-климатических условий голоцена, связаны с процессами болото- и торфообразования.

Торфяниковые памятники России представлены стоянками и поселениями, в том числе свайными, локализованными в некоторых районах, и немногочисленными культовыми местами. Функциональная специфика этих объектов, бытовавших в эпоху мезолита – железного века в Западной Европе, более разнообразна – стоянки и свайные поселения (lake-dwelling), дороги (trackways), жертвенные места, погребения в болотах (bog bodies).

Источникведческие и интерпретационные возможности этой категории памятников Зауралья неравнозначны. На значительной их части проведены только разведочные работы, другие – исследовались в XIX – середине XX вв., археологический контекст их не всегда определен. В анализе последних использовались результаты авторской обработки и интерпретации материалов и коллекций, хранящихся в различных музеях России, а также данные современных исследований этих памятников.

Торфяниковые памятники Зауралья являются комплексным источником для определения хронологии археологических культур и типов памятников, реконструкции хозяйственных структур и культовой практики древних социумов, в исследовании ландшафта и окружающей среды, выявлении пространственной локализации и модели расселения древнего населения эпохи мезолита – позднего бронзового века. Однако их интерпретационные возможности в реконструкции и определении динамики каменных индустрий, керамического производства и, как следствие, культурно-генетических процессов, происходящих в регионе в эти периоды, ограничены. Это обусловлено немногочисленностью этих категорий материалов в культурных слоях функционально специфичных торфяниковых памятников Зауралья.

В Зауралье известно около 60 торфяниковых памятников эпохи мезолита – раннего железного века. Методика их поиска, в целом, хорошо отработана, но в силу ряда причин пока не завершено обследование даже перспективных заболоченных территорий, на которых можно прогнозировать обнаружение новых памятников. Разная степень археологической исследованности региона не дает нам объективной информации для анализа их пространственной локализации на этой территории. Однако торфяниковые памятники являются не только археологическими, но и природными объектами, условия и время формирования которых определены физико-географическими особенностями региона и природно-климатическими условиями разных периодов голоцена. На их вероятностную локализацию в пространстве довольно определенно указывает наличие благоприятных или неблагоприятных факторов болото- и торфообразования, анализ которых дает основание предполагать неравномерное территориальное распределение торфяниковых памятников в регионе. Высокая степень заболоченности и наиболее благоприятные условия для торфообразования наблюдаются на восточном склоне Уральского хребта в пределах Среднего Зауралья – подгорной равнины, расположенной в области

увалисто-холмистого и плоскоравнинного рельефа. Торфяные месторождения здесь образовались при заболачивании озер и отрицательных форм рельефа.

Торфяниковые памятники Зауралья располагаются на озерах и палеоозерах, на минеральных берегах и островах которых зафиксированы постоянные и временные места обитания, могильники и ритуальные площадки разных археологических эпох. Наиболее интенсивно осваивались удобные для заселения береговые площадки и их прибрежные участки. Геоморфология первых в течение голоцена существенно не менялась, вторых – значительно видоизменялась и была обусловлена как общими, так и региональными изменениями климата, влиявшими на гидрологическую сеть и ландшафтную ситуацию.

В Зауралье пока исследовано небольшое количество торфяниковых памятников эпохи *мезолита*, культурные слои которых отложились в пребореальный и бореальный период, около 9 300–6 800 гг. до н.э., и *неолита*, сформировавшиеся в атлантический период, около 6 200–3 800 гг. до н.э. Мезолитическая и неолитическая костяная и роговая индустрия Зауралья, в меньшей степени каменный инвентарь, находит большое количество аналогий в материалах лесной зоны Восточной Европы, что явно свидетельствует о наличии культурных контактов населения этих территорий. Однако очевидно и существенно меньшее количество в Зауралье, по сравнению с лесной зоной Восточной Европы, торфяниковых памятников, содержащих культурные слои этого времени, а также небольшое количество и меньший ассортимент инвентаря, который представлен орудиями и отходами производства из кости, рога и камня. Предметы из дерева, как и на большей части памятников Восточной и Западной Европы, единичны. Хорошие серии и широкий ассортиментный набор изделий из дерева (копья, гарпуны, поплавки, полозья саней, лыжи, весла, фрагменты сети, луки, наконечники и древки стрел, посуда и др.) обнаружен в мезолитических слоях памятников Восточной Европы – на стоянке Замостье 2, поселении Веретье I и Виском I торфянике.

Источники по реконструкции мировоззренческих представлений населения эпохи мезолита и неолита в материалах торфяниковых памятников Зауралья представлены серией предметов из кости и рога с гравированными изображениями. Уникальна деревянная антропоморфная скульптура – Большой Шигирский идол, который по ^{14}C датируется эпохой мезолита, – самая большая и самая древняя деревянная скульптура в мире, аналогий которой нет в археологических материалах других эпох. Огромный размер, уникальный декор и структурированность изображений, явно предполагает множественность его семантических текстов.

Небольшое количество исследованных торфяниковых памятников этого времени в Зауралье, их функциональная специфика и явная недостаточность материалов, вероятно, не вполне отражающих реальную картину, пока дают немного оснований для определения динамики каменной и костяной индустрии, керамического производства, хозяйственных структур социума. Однако большой запас природных ресурсов и возможность ведения различных отраслей хозяйства, вероятно, определяли устойчивость мезолитической и неолитической экономики, которая без значительных изменений существовала до эпохи раннего металла.

Меньшее количество известных в регионе памятников этих периодов, возможно, обусловлено несколько иными палеоклиматическими, при общей сходной направленности изменений климата в конце плейстоцена – раннем голоцене, условиями Зауралья и лесной зоны Восточной Европы. Болото- и торфообразование началось еще в раннем голоцене, но, вероятно, во второй половине пребореального, в бореальном и на протяжении большей части атлантического периода на территории Зауралья, во время функционирования памятников эпохи мезолита и неолита, эти процессы не были повсеместны, а охватывали локальные участки озер. В этот период осваивались береговые площадки, на которых не сохраняются изделия из органики, и водная акватория, лишь местами подвергшаяся заболачиванию. Формируются традиции расположения береговых поселений, в определенных формах

рельефа, в стратегии выбора которых «состояние» водного бассейна не было определяющим. Площадь прибрежных участков, не занятых водой, была невелика, они функционировали как структурные части базовых поселений, являлись коммуникационными и производственными площадками, на которых производилась минимальная хозяйственная деятельность, материальные следы которой, в целом, немногочисленны.

Культурные слои памятников этих эпох в Восточной Европе, особенно Волго-Окского междуречья, вероятно, сформировались в иной микроклиматической ситуации, чем зауральские памятники, – в период регрессии водоемов, когда пересыхали значительные площади прибрежных участков и формировались слои с большим количеством археологического материала. Свидетельства регрессивных и трансгрессивных стадий бореального и первой половины атлантического периода на уральских водоемах не отчетливы.

Культурные слои *эпохи раннего металла* обнаружены практически на всех памятниках Зауралья. Они отложились в конце атлантического – начале суббореального периода, около 4 000–2 500 гг. до н.э. Материалы торфяниковых памятников этого времени дают многочисленные основания для реконструкции хозяйственных структур и мировоззренческих представлений, природной среды и вариативности моделей освоения вмещающего ландшафта древними социумами. Основными отраслями комплексного хозяйства присваивающего типа в эпоху раннего металла были домашние промыслы, обработка камня, глины, дерева, кости и металла, охота, рыболовство и собирательство, соотношение которых на разных этапах эпохи не было статичным.

Реконструируемые элементы мировоззренческих представлений этой эпохи находят большое количество аналогий в мифо-ритуальной практике обских угров.

Культурные слои *раннего бронзового века* отложились в начале суббореального периода, в интервале 2 570–1 970 гг. до н.э. Они содержат

керамику, изделия из камня, металла и органических материалов, культовые и производственные сооружения, являющиеся комплексным источником для реконструкции хозяйственных структур, культовой практики и среды обитания древних социумов.

В конце эпохи раннего металла и в бронзовом веке в Зауралье в связи с изменившейся природно-климатической ситуацией, приведшей к повсеместному заболачиванию водоемов, меняется стратегия освоения населением вмещающего ландшафта. Наряду с прибрежными участками активно осваиваются заторфованные котловины палеозер, на которых прокладываются транспортные коммуникации, обустраиваются производственные площадки, сооружаются святилища.

Свайные поселения, подобные западноевропейским, в Зауралье пока не обнаружены. На многих западноевропейских торфяниках зафиксированы «дороги» эпохи неолита – железного века, протяженностью до нескольких километров, соединяющие поселения, расположенные в разных частях заболоченных водоемов. Рядом с ними найдены отдельные артефакты, а сакрализация, вероятно, наиболее значимых участков подтверждена предельно схематичными антропоморфными скульптурами. В Зауралье и на других торфяниках России пока не зафиксированы дороги, подобные западноевропейским. Здесь найдены настилы, протяженностью не более 10–20 м, проложенные от берегового поселения к водоему, или располагающиеся в котловинных частях торфяников, удаленных от береговых поселений, которые могли быть фрагментами дорог и/или производственными площадками.

Адаптация социумов к изменению природно-климатической обстановки, осмысление нового качества водоемов, в эпоху раннего металла и в бронзовом веке проявились и в появлении культовых мест, расположенных в труднодоступных частях заболоченных озер (VI Разрез Горбуновского торфяника), маркируемых комплексом деревянных сооружений, антропоморфными, зооморфными и орнитоморфными скульптурами. Эта

категория объектов, а также количество и разнообразие скульптур из органики, совершенных по воплощению и стилю, не известных на других памятниках Восточной и Западной Европы, определяет специфику торфяниковых памятников Зауралья. В материалах VI Разреза Горбуновского торфяника, для которого характерно необычное местоположение, большая площадь и упорядоченная архитектурная планировка, особенно наглядно стилистическое разнообразие и вариативность воплощения традиционных мировоззренческих образов. Наблюдается расположение культовых сооружений разных археологических периодов, маркируемых близким набором ритуальных предметов – антропоморфными, зооморфными и, особенно, орнитоморфными скульптурами и их стилизованными изображениями на глиняных тарелках, на одних и тех же, вероятно, семантически значимых местах в пределах памятника. Практика сооружения святилищ в труднодоступных частях болот, находящих целый ряд аналогий в постройках, утвари, антропоморфной деревянной скульптуре VI Разреза Горбуновского торфяника, характерна для угорских народов. В Западной Европе зафиксированы простые жертвенные места и специальные площадки, сооружаемые на болотах, сопровождаемые сосудами, костями людей и животных, иногда антропоморфными скульптурами.

В Зауралье кроме культовых мест в котловинной заболоченной части палеозер довольно часто обнаруживаются отдельные находки или скопления артефактов, которые, вероятно, попадали в болото (или водную гладь) случайно, были потеряны (костяные наконечники стрел и гарпуны) или помещены преднамеренно и имели особый семантический статус. Возможно, к таким культовым площадкам можно отнести место обнаружения Шигирской антропоморфной скульптуры – антропоморфной головы и так называемого Большого Шигирского идола, изготовленного в эпоху мезолита. Судя по тому, что рядом с ними не зафиксировано никаких сооружений и количество сопровождаемых (?) находок невелико, не исключено, что они найдены не там, где были изготовлены и использовались. Подобно ряду западноевропейских

антропоморфных скульптур они могли быть установлены на краю озера или болота, на прибрежном участке или специальной культовой площадке. После выполнения своих функций скульптуры, возможно, были преднамеренно погружены в воду или болото.

Вода и болота почитались многими народами. У обских угров известны места почитания обитателей водных стихий – озера, речки, места слияния рек. Принесение жертв обитателям водных стихий было одним из проявлений промыслового культа.

Жертвоприношения, посвященные воде и болотам, фиксируются в археологических памятниках эпохи неолита – бронзового века Западной Европы. В воде находят сосуды, кости человека и животных, металлические изделия. Многие предметы были брошены в воду явно преднамеренно – они найдены вдали от поселений, часто это – разновременные вещи, иногда размещенные в определенном порядке.

Помимо отдельных жертвенных предметов в западноевропейских торфяниках обнаружены погребения людей, многие из которых были убиты, о чем свидетельствуют раны, сосредоточенные, в основном, на голове и шее, и преднамеренно помещены в болото. Спектр точек зрения зарубежных исследователей на статус погребенных различен.

В Зауралье в немногочисленных минеральных погребениях этого времени обнаружены захоронения людей в анатомическом порядке и скелеты без черепов, находки отдельных черепов. Четыре черепа и кость нижней конечности человека найдены под слоем торфа на Шигирском торфянике, лучевая и бедренная кость человека – на IVA Разрезе Горбуновского торфяника. Прямых свидетельств наличия в Зауралье в эпоху мезолита – раннего железного века обычая человеческих жертвоприношений нет. Но, по крайней мере, с эпохи мезолита у уральского населения бытовало особое отношение к головам, черепам (?) животного, птицы, человека. Об этом свидетельствуют находки скульптур лосей и изделий, рукояти которых

выполнены в виде головы лося; изображения птиц, а также ковши и весла с орнитоморфными рукоятями; целые деревянные антропоморфные фигуры и антропоморфные головы. Возможно, погребения черепов или отдельных костей человека были своеобразными «подношениями», «дарами» или являлись специфическими погребениями социально значимых, почитаемых или, напротив, порицаемых личностей. В этнографических материалах угорских народов – хантов и манси встречаются упоминания о том, что при чрезвычайных обстоятельствах приносились человеческие жертвы, иногда – в болоте [Гемуев, Сагалаев, 1986; Головнев, 1995].

Культурные слои *позднего бронзового века* представлены на нескольких торфяниковых памятниках Зауралья, сформировались в суббореальный период, в интервале 1 500–1 300 гг. до н.э. Археологический комплекс включает отходы деревообработки, изделия из камня, кости животных, керамику. Деревянные, вероятно, производственные сооружения зафиксированы на VIII, комплекс культовых построек – на VI Разрезе Горбуновского торфяника. Культурные слои *заключительного этапа бронзового века и раннего железного века* Зауралья слабо насыщены и малоинформативны для комплексных реконструкций.

В конце бронзового и в раннем железном веке Зауралья складываются несколько иные модели освоения жизненного пространства заболоченных участков. В этот период, в условиях нарастающих процессов заболачивания водоемов, вероятно, отпала необходимость сооружения на прибрежных участках береговых поселений настилов и гатей, актуальность которых возрастает в приозерной заболоченной полосе. Производственные площадки и настилы–гати удаляются от берегового поселения, смещаясь к водной акватории. Они зафиксированы в котловинной, ныне заторфованной части Горбуновского торфяника, видимо, присутствовали на Шигирском торфянике.

На территории Восточной Европы, где процессы заторфовывания последовательно нарастали со второй половины атлантического периода, этот

вариант освоения жизненного пространства сформировался, вероятно, еще в эпоху позднего неолита. Торфяниковых памятников бронзового и железного века здесь не много.

Еще более гибкие системы адаптации и освоения жизненного пространства, обусловленные, во многом, культурными традициями строительства свайных построек, фиксируются у древнего населения Западной Европы. Свайные постройки при множестве функций являлись, прежде всего, утилитарными сооружениями. Наряду с ними в Западной Европе, по крайней мере, с эпохи неолита существовали иные формы освоения и поклонения болотам и торфяникам (дороги, жертвенные места, погребения), бытовавшими на протяжении нескольких тысячелетий и отразившимися в мифологии многих европейских народов.

Таким образом, формирование и функционирование торфяниковых памятников эпохи мезолита – железного века Западной и Восточной Европы, Зауралья обусловлены общими и региональными изменениями климата голоцена. Они приводили к регрессиям, трансгрессиям и заболачиванию водоемов, и как следствие, к вариациям в системе расселения и освоения территории древним населением. Вмещающий ландшафт во все археологические эпохи, в большей или меньшей степени являлся активным объектом, определяя необходимость адаптации социумов к его трансформациям. Варианты моделей адаптации вырабатывались социальными системами и были, с одной стороны, определены культурными традициями; с другой, – носили универсальный характер, т.к. обусловлены эпохальными изменениями климата – болото- и торфообразованием, характерны для населения разных регионов и разных эпох.

Многочисленные аналогии, наблюдаемые в категориях костяного, рогового и деревянного инвентаря зауральских и восточноевропейских памятников, вероятно, обусловлены традиционностью и консерватизмом

хозяйственного уклада населения лесной зоны Евразии, сложившегося в сходных ландшафтно-климатических условиях.

Торфяниковые памятники Зауралья рассмотрены нами на фоне многообразия культовых процедур, связанных с водой, заболоченными участками, озерами, присущими населению Западной Европы в эпоху мезолита – железного века. Отдельные элементы сходства структуры болотных святилищ и некоторых категорий культовых предметов у таких территориально, культурно и этнически разнородных образований, вряд ли могла возникнуть в результате непосредственных контактов и взаимовлияний. Вероятнее распространение и бытование близких сюжетов мировидения в едином культурно-информационном пространстве, охватывающем огромные территории лесной полосы Урала, Восточной и Западной Европы.

Перспективы мультидисциплинарного исследования торфяниковых памятников и последующей интерпретации полученных данных очевидны. Вместе с материалами большого количества раскопанных с применением современных методов археологии памятников, располагающихся на минеральных почвах, они могут обеспечить комплексный подход в реконструкции палеосреды, быта, культурно-хронологической динамики и мировосприятия древнего населения Евразии.

Список литературы

Алешинская А.С. Палеогеографические условия обитания древнего человека в мезолите в Волго-Окском междуречье (по палинологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 25 с.

Андреева М.А. Озера Среднего и Южного Урала. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1973. – 272 с.

Антипина Т.Г., Панова Н.К., Чаиркина Н.М. Динамика природной среды в голоцене по данным комплексного анализа VI Разреза Горбуновского торфяника // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2013. – Вып. 4 (16). – С. 1–9.

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 151–177. – (МИА; № 166).

Бадер О.Н. Доклады археологов на IV Международном конгрессе финноугроведов в Будапеште // СА. – 1977. – № 1. – С. 312–317.

Базарова В.И., Бобкова А.А., Васильев Ст.А., Воротинская Л.С., Городилов А.Ю., Екимова А.А., Ильюхина О.М., Ластовский А.А., Мурашкин А.И., Никитин М.Ю., Соловьева Н.Ф., Суворов А.В., Хребтикова К.С., Шаровская Т.А. Новые исследования рыболовных заграждений на памятнике Охта-1: предварительные результаты // Бюллетень Ин-та истории материальной культуры. – СПб.: Изд-во ИПК «КОСТА», 2010. – № 1: Охранная археология. – С. 165–174.

Балалаева О.Е. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). – Екатеринбург: Тезис, 1999. – С. 139–156.

Берс А.А. Далекое прошлое Урала. (Конспект лекций). – Свердловск: Изд-во Уралпрофсовета, 1927. – 32 с.

Берс А.А. Прошлое Урала. С древнейших времен до русской колонизации. – М.: Работник просвещения, 1930. – 132 с. – (УралОНО. Б-ка в помощь работе по комплексу).

Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и окрестностей // МИА. – 1951. – № 21. – С. 182–248.

Берс Е.М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. – Свердловск: Облполиграфиздат, 1959. – 82 с.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. – Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1963. – 116 с.

Бортвин Н.Н. Доисторическая стоянка «Анина» островка на Калатинском торфянике Свердловского округа // Уральское краеведение. – Свердловск, 1928. – Вып. 2. – С. 228–230.

Брюсов А.Я. О раскопках на Горбуновском торфянике в Нижнетагильском районе Свердловской области в 1948 г. М., 1948. – Архив Института археологии РАН. – Ф. Р-1. – Д. № 213. – 17 с.

Брюсов А.Я. Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. – 1951. – Вып. 37. – С. 69–77.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 264 с.

Бунькова (Герасименко) А.А. Радиоуглеродные даты с поселения Полуденка 1 // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 236.

Бунькова А.А., Рыжкова О.В. Археологические памятники Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника.– Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 31–66. – (Охранные археологические исследования на Среднем Урале; Вып. 6).

Буров Г.М. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. – 1966. – № 1. – С. 155–173.

Буров Г.М. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. – Вып. 117. – 1969. – С. 130–135.

Буров Г.М. Археологические памятники Верхней Свияги. – Ульяновск: Приволжское кн. изд-во, Ульяновское отд-ние, 1972. – 56 с.

Буров Г.М. Прочная оседлость и закольное рыболовство у неолитических племен Северо-Восточной Европы // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1974. – С. 283–287.

Буров Г.М. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и Вис II (I тыс. н.э.) // СА. – 1981а. – № 2. – С. 117–131.

Буров Г.М. Древние сани Северной Европы (типология, хронология, ареалы и эволюция) // Скандинавский сборник. – Таллин; Изд-во ЭЭСТИ РААМАТ, 1981б. – Т. 26. – С. 151–171.

Буров Г.М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // СА. – 1988. – № 3. – С. 145–160.

Буров Г.М. Рыбная ловля в эпоху мезолита на Европейском Севере России // РА. – 2011. – № 2. – С. 5–15.

Буров Г.М., Романова Е.Н., Семенцов А.А. Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северо-Двинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. – М.: Наука, 1972. – С. 76–79.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 103–124.

Викторова В.Д. Коптяковская культура в горно-лесном Заурлье // III Берсовские чтения. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – С. 49–54.

Вилисов Е.В. Микролитический комплекс святилища Кокшаровский холм // Уральский исторический вестник. – 2006. – № 14. – С. 181–188.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – 174 с. – (ТХАЭЭ; Т. XIII).

Виноградов А.П., Девирц А.Л., Добкина Э.И., Маркова Н.Г. Определение абсолютного возраста по ^{14}C // Геохимия. – 1962. – № 5.

Волков Е.Н. К проблеме периодизации неолита Среднего Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – Вып. 2. – С. 10–13.

Выборнов А.А. Первые радиоуглеродные даты по неолитической керамике Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 232–235.

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 1 (57). – С. 33–48.

Гаврилова И.В. Орудия рыболовства древних поселений Костромского Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. – Л.: Наука, 1991. – С. 153–163.

Гаджиева Е.А. Идолы VI разреза Горбуновского торфяника (несколько замечаний по вопросу культурно–хронологической принадлежности) // Четвертые берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. – С. 91–99.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места (XIX–начало XX вв.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2-х ч. – Челябинск: Юж.-Урал. Кн. Изд-во, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука. – 1985. – 88 с.

Герасименко А.А. Евстюнинский тип керамики на памятниках горно-лесной части Среднего Урала // Международное (XVI Уральское)

археологическое совещание. – Пермь: Изд-во Перм. пед. ин-та, 2003. – С. 42–43.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1992. – 130 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.

Гольмстен В.В. По поводу книги Д.Н. Эдинга «Резная скульптура Урала» // КСИИМК. – 1946. – Вып. XII. – 168–172.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотрова В.И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит–палеометалл). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 88 с.

Горячев В.М. Древесно-кольцевой анализ отдельных частей «идола» из Шигирского торфяника // III Берсовские чтения. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – С. 45–49.

Горячев В.М. Дендрохронологический анализ древесных остатков VI Разреза Горбуновского торфяника в 2007 г. // Древности Горбуновского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 164–168. – (Охранные археологические исследования на Среднем Урале; Вып. 6).

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. – 1956. – 432 с. – (МИА; № 47).

Гурина Н.Н. Восточная Прибалтика // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 135–162. – (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 173–182. – (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е., Кулькова М.А. К результатам комплексных исследований памятника Охта 1 в центре Санкт-Петербурга

(2008–2009 гг.). Неолит – ранний металл // КСИА. – 2012. – Вып. 227. – С. 259–269.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Митряков А.Е. Малоизученный хронологический горизонт Заосиново VII – Непряха VII – Партизаны IV эпохи бронзы Среднего Прикамья // Шестые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2011. – С. 107–116.

Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА. – 1951. – Вып. 21. – С. 28–93.

Долуханов П.М., Тимофеев В.И. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. – М.: Наука, 1972. – С. 28–30.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Рэнфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4. – С. 92–102.

Жилин М.Г. Методика раскопок многослойных торфяниковых поселений // Естественнонаучные методы в полевых археологических исследованиях. – М., 1997.

Жилин М.Г. Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // Исторический музей – энциклопедия истории и культуры. – М., 1999. – С. 109–126. – (Труды ГИМ; Вып. 103).

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. – М.: УРСС, 2001. – 326 с.

Жилин М.Г. Охота и рыболовство в мезолите Волго-Окского междуречья (по материалам торфяниковых поселений) // Северный Археологический Конгресс. Доклады. – Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002а. – С. 112–122.

Жилин М.Г. Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. музей. – Тверь, 2002б. – Вып. 5. – С. 107–116.

Жилин М.Г. Заселение Сахтышского торфяника в мезолите и неолите // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. музей. – Тверь, 2002в. – Вып. 5. – С. 99–105.

Жилин М.Г. Многослойное мезолитическое поселение Сахтыш 14 (по раскопкам 1999–2001 гг.) // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. музей. – Тверь, 2003. – Вып. 6. – С. 197–202.

Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. – М.: Академия, 2004. – 141 с.

Жилин М.Г. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. – М.: Издательский Дом «Ли́ра», 2006а. – 140 с.

Жилин М.Г. Специфика поисков торфяниковых памятников каменного века в Верхнем Поволжье и Среднем Зауралье // II Северный археологический конгресс. Доклады. – Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Академкнига, 2006б. – С. 128–130.

Жилин М.Г. Верхнее Поволжье в мезолите // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: мат-лы науч. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 47–54. – (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. XLIV).

Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М. Варга-2: Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург: Режевской печатный дом, 2007. – 98 с.

Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). – М.: Наука, 2002. – 245 с.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Некоторые итоги, проблемы и перспективы поиска торфяниковых памятников каменного века в районе Шигирского озера и

Верхнего Поволжья // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. – С. 138–155.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Результаты полевых археологических исследований стоянки Варга 2 на Шигирском торфянике // Варга-2: Раннеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург: Режевской печатный дом, 2007. – С. 5–26.

Жилин М.Г., Высоцкая Ю.М. Стратиграфия и планиграфия стоянки Озерки 5 // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – М.: Академия, 2005. – С. 168–189.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Результаты археологической разведки на Горбуновском торфянике // Древности Горбуновского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010а. – С. 169–181. – (Охранные археологические исследования на Среднем Урале; Вып. 6).

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Первый многослойный торфяниковый памятник мезолита в Зауралье // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. – Екатеринбург–Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 2010б. – С. 25–27.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: опыт и перспективы комплексного исследования // Тагильский вестник. Историко-краеведческий альманах. – Нижний Тагил, 2010в. – Вып. 6. – С. 30–42.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. «Клад» костяных наконечников стрел со стоянки Вторая Береговая в Среднем Зауралье // Исследования первобытной археологии Евразии. – Махачкала, 2010г. – С. 302–315.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Хронология некоторых типов мезолитических наконечников стрел лесной зоны Восточной Европы и Зауралья // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие / Ин-т истории материальной культуры РАН. Музей

антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – СПб., 2012. – С. 120–138.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Динамика природного окружения и использование прибрежного участка многослойной стоянки Береговая II в Зауралье // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. – СПб.: ИИМК РАН, 2014. – С. 20–24.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Косинская Л.Л., Косинцев П.А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника / Ин-т археологии РАН. Свердловский областной краеведческий музей. Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Уральский федеральный университет, Институт экологии растений и животных РАН. – М., 2012. – 167 с., 47 ил.

Жульников А.М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006. – 224 с.

Загорска И.А. Костяные орудия охоты и рыболовства каменного века на территории Латвии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Вильнюс, 1983. – 24 с.

Загорска И.А. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита–раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. – Л.: Наука, 1991. – С. 39–64.

Загорскис Ф.А. Ранний и развитой неолит в восточной части Латвии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Рига, 1967. – 27 с.

Загорскис Ф.А., Эберхардс Г.Я., Стеле В.Я., Якубовская В.Я. Оса – многослойное поселение эпох мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. – М.: Наука, 1984. – С. 55–67.

Зах В.А., Багашев А.Н. О сопряженности культурогенеза и расообразования в формировании неолитического населения Западной Сибири

// Сибирь в панораме тысячелетий (Мат-лы междунар. симп.): В 2 т. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 194–202.

Зах В.А., Иванов С.Н. Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 7. – С. 12–21.

Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: мат-лы науч. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 388 с. – (Тр. Государственного Эрмитажа; Т. XLIV).

Зими́на М.П. Каменный век бассейна реки Мсты. – М.: Координац.-метод. центр прикладн. этнографии Ин-та этнологии и антропологии, 1993. – 268 с. – (Этнологический альманах. Российский этнограф. Вып. 16).

Зими́на М.П. Мстинская культура // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 193–198. – (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.

Искусство каменного века (лесная зона Восточной Европы). – М.: Наука, 1992. – 136 с.

Калинина И.В. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. музей. – Тверь, 2006. – Вып. 6. – С. 393–402.

Калинина И.В. Очерки по истории семантики. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – 272 с.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – Т. I. – 152 с.

Кац Н.Я. Болота земного шара. – М.: Наука, 1971. – 295 с.

Кашина Е.А., Чаиркина Н.М. Деревянная посуда с навершиями в виде голов водоплавающих птиц на территории Зауралья, лесной зоны Восточной и Северной Европы // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. – Т. 10. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 157–169.

Кашина Е.А., Чаиркина Н.М. Орнаментированные берестяные изделия из VI Разреза Горбуновского торфяника // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1 (49). – С. 41–48.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 46–67.

Кернер В.Ф. Керамика эпохи раннего неолита в верховьях Исети // Шестые Берсовские чтения. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011а. – С. 56–62.

Кернер В.Ф. Радиоуглеродные даты с поселения Исетское Правобережное 1 // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011б. – Вып. 26. – С. 239–240.

Кипарисова Н.П. О культурах Зауралья // СА. – 1960. – № 2. – С. 20–24.

Кларк Дж. Г.Д. Доисторическая Европа. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1953. – 325 с.

Клер М.О. Заметка о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижне-Тагильского завода // ЗУОЛЕ. – Екатеринбург, 1909. – Т. 29. – Вып. 1. – С. 1–29.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. – Свердловск: Уральский университет, 1989. – 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2008а. – Вып. 25. – С. 30–43.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2008б. – Вып. 25. – С. 73–113.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2010. – 308 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Радиоуглеродные даты неолитических памятников Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург–Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 240–242.

Ковалева В.Т., Клементьева Т.Ю. История изучения аятской культуры // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. – С. 12–22.

Козырева Р.В. Рыболовство и морской промысел на Северо-Востоке европейской части СССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита–раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. – Л.: Наука, 1991. – С. 218–232.

Кокшаров С.Ф. Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи энеолита // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. – Свердловск: УрО РАН, 1990. – С. 9–20. – Препринт.

Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1991. – Вып. 20. – С. 92–101.

Кокшаров С.Ф. Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2011. – С. 75–90.

Кольцов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 166–173. – (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). – М.: ИА РАН, 2008. – 313 с., 191 ил.

Кольцов Л.В., Медведев Г.И. Мезолит Юга Сибири и Дальнего Востока // Археология СССР. Мезолит СССР. – М.: Наука, 1989. – С. 174–186. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. – Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та, 2006. – 202 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо–Иртышье: факторы, механизмы, динамика: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – М. – 2011. – 37 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 242 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.,: Наука, 1987а. – С. 252–260. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Косарев М.Ф. Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.,: Наука, 1987б. – С. 268–275. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Косарев М.Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.,: Наука, 1987в. – С. 276–288. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: Ладога–100, 2003. – 352 с.

Косинская Л.Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: ИПОС СО РАН, – 2001. – С. 61–71.

Косинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: генезис и связи // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. музей. – Тверь, 2002. – Вып. 5. – С. 215–223.

Косинская Л.Л. Каменный инвентарь // Варга-2: Раннеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург: Режевской печатный дом, 2007. – С. 64–83.

Косинская Л.Л. Каменный инвентарь торфяниковой стоянки Береговая 2-Т // III Северный археологический конгресс. Тез. докл. – Екатеринбург–Ханты-Мансийск: Издательский Дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 31–32.

Косинцев П.А. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-сибирской низменности. – Свердловск: УрО РАН, 1988. – С. 32–51.

Косинцев П.А. Промысловая деятельность населения // Варга-2: Раннеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург: Режевской печатный дом, 2007. – С. 84–91.

Костылева Е.Л. Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. – 1984. – № 4. – С. 138–151.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Произведения искусства неолитической эпохи центра Русской равнины // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: мат-лы науч. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 63–69. – (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. XLIV).

Крайнов Д.А. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита–раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. – Л.: Наука, 1991. – С. 129–153.

Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука. 1996. – С. 166–173. (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. – 1977. – № 3. – С. 42–68.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1977. – 125 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с., ил.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX–начале XX в. Этнографические очерки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 225 с.

Лаптева Е.Г. Палинологические исследования на VI Разрезе Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 157–163. – (Охранные археологические исследования на Среднем Урале; Вып. 6).

Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-та, 1998. – Вып. 23. – С. 216–227.

Лозе И.А. Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 174–182.

Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. – Рига: Зинатне, 1979. – 204 с.

Лозе И.А. Изображения человека в искусстве каменного века Восточной Прибалтики // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 37–48.

Лозе И.А. Поселение каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. – Рига: Зинатне, 1988. – 211 с.

Лозе И.А. Использование древесины при изготовлении орудий в неолитических поселениях низины озера Лубанс // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М.: ИА РАН, 2012. – С. 547–568.

Лозе И.А., Лийва А.А., Стелле В.Я., Эберхардс Г.Я., Якубовская И.И. Звидзе – многослойное поселение эпох мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины: Путеводитель совместного советско-французского полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». – М.: Наука, 1984. – С. 40–55.

Лозовская О.В. Деревянные изделия позднего мезолита – раннего неолита лесной зоны Европейской части России: комплексные исследования (по материалам стоянки Замостье 2): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2011а. – 26 с.

Лозовская О.В. Деревянные изделия стоянки Замостье 2 // РА. – 2011б. – № 1. – С. 15–26.

Лозовская О.В. Некоторые категории деревянного инвентаря многослойной стоянки Замостье 2 // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие / Ин-т истории материальной культуры РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – СПб., 2012. – С. 89–100.

Лозовская О.В., Лозовский В.М. Стоянка Замостье 2 // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: мат-лы науч. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 55–59. – (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. XLIV).

Лозовская О.В., Лозовский В.М. Использование древесины в позднем мезолите – раннем и среднем неолите на озерном поселении Замостье 2 // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. – СПб.: ИИМК РАН, 2014. – С. 64–69.

Лозовский В.М. Рыболовные сооружения на стоянке Замостье-2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края. Мат-лы к междунар. конф. «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры», 1–5 июля 1997 / Сергиево-Посадский

государственный историко-художественный музей-заповедник. – Сергиев Посад, 1997. – С. 52–65.

Лозовский В.М., Лозовская О.В., Клементе-Конте И., Мазуркевич А.Н., Гассьот-Бальбе Э. Деревянные рыболовные конструкции на стоянке каменного века Замостье 2 // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги. – СПб: ИИМК РАН, 2013. – С. 46–75.

Лозовский В.М., Лозовская О.В. Стратиграфия отложений и культурных слоев стоянки Замостье 2 // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. – СПб.: ИИМК РАН, 2014. – С. 46–53.

Лукина Н.В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // Культурные традиции народов Сибири. – Л.: Наука, 1986. – С. 121–138.

Мазуркевич А.Н. Художественное творчество древнего населения Северо–Запада России // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: мат-лы науч. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 79–87. – (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. XLIV).

Мазуркевич А.Н., Долуханов П.М., Савельева Л.А., Арсланов Х.А., Зайцева Г.И., Кулькова М.А. Динамика заселения долины реки Сертейки (Смоленская область) в каменном–железном веке // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. В 2 ч. – М.: [б. и.], 2003. – Ч.1. – С. 46–49.

Мазуркевич А.Н., Микляев А.М. О раннем неолите междуречья Ловати и Западной Двины // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – СПб: Государственный Эрмитаж, 1998. – № 33. – С. 7–31.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов / Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М., 1998. – 235 с. – (Новые исследования по этнологии и антропологии).

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть первая. Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. – 147 с. (Из истории Сибири; Вып. 9).

Микляев А.М. Неолитическое свайное поселение на Усвятском озере // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л.: Аврора, 1971. – № 13. – С. 7–29.

Микляев А.М. О разведках свайных поселений III–II тысячелетий до н.э. в Псковской и Смоленской областях // Древние памятники и культуры на территории СССР. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1982. – Вып. 1. – С. 6–29.

Микляев А.М. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. – СПб. [Б. и.], 2000. – № 9. – С. 5–39.

Микляев А.М., Долуханов П.М., Гуман М.А. Усвяты IV, Наумово – озерные поселения эпохи неолита и бронзы в верховьях Западной Двины // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. – М.: Наука, 1984. – С. 67–81.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). – Новосибирск: Наука, 1992. – 190 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Рыкушин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 207 с.

Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 23–36.

Мосин В.С., Страхов А.Н. Хронология памятников нео-энеолита Южного Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 244–245.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 283 с.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 132 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 232 с.

Напольских В.В. Опыт реконструкции семантики мальтийских орнитоморфных изображений // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 66–73.

Обыденов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. – 196 с.

Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. – М.: Наука, 1978. – 232 с.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. – М.: Наука, – 1983. – 296 с.

Ошибкина С.В. Север Восточной Европы // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 210–230. – (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Ошибкина С.В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. – М.: Наука, 1997. – 204 с.

Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. – М.: ИА РАН, 2006. – 322 с.

Ошибкина С.В. Художественные изделия мезолитического поселения Веретье I // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: мат-лы науч. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 40–46. – (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. XLIV).

Панина С.Н. Кошкинско–боборыкинский след в верховьях р. Исеть (по материалам раскопок и коллекциям СОКМ) // XIV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 35.

Панина С.Н. Елизаветинский тип керамики. К постановке проблемы // Четвертые берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. – С. 29–44.

Панова Н.К. Палинологическое исследование Карасьеозерского торфяника на Среднем Урале // Исследование лесов Урала: мат-лы науч. чтений, посвящ. памяти В.П. Колесникова. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1997. – С. 28–31.

Панова Н.К. История озер и растительности в центральной части Среднего Урала в поздне– и послеледниковое время // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – Вып. 4. – С. 48–59.

Панова Н.К. Реконструкция природной среды в голоцене по результатам палинологического исследования археологических памятников на Среднем Урале // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследований. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. технического ун-та, 2007. – С. 351–356.

Панова Н.К. Динамика природной среды в голоцене по данным палинологического анализа стоянки Береговая 2 на Горбуновском торфянике (Средний Урал) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 62–64.

Панова Н.К., Антипина Т.Г. Динамика растительности и природной среды в голоцене по данным палинологического и ботанического исследования археологических памятников Шигирского торфяника // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007а. – Вып. 3. – С. 48–50.

Панова Н.К., Антипина Т.Г. Динамика растительности и природных условий по данным палинологического и ботанического анализа // Варга-2: Раннеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург: Режевской печатный дом, 2007б. – С. 27–34.

Панова Н.К., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е. Новые данные по палинологии, геохронологии и стратиграфии озерно-болотных отложений на Среднем Урале // Палинология: стратиграфия и геоэкология. Сб. науч. тр. XII Всерос. Палинологической конф. (29 сентября – 4 октября 2008 г., Санкт-Петербург). – СПб.: ВНИГРИ, 2008. – Т. 2. – С. 188–194.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 206 с.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпоха камня и бронзы). – Новосибирск: Наука, 1993. – 211 с.

Петрин В.Т., Усачева И.В. Антропоморфная скульптура эпохи неолита с Южного Урала // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. – С. 83–86.

Петрин В.Т., Сосновкин И.Н. К вопросу о датировке шигирских костяных изделий // Вопросы археологии Приобья / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 1976. – Вып. 1. – С. 30–37. – (Научные труды: Сборник 37).

Питулько В.В. Общие тенденции в развитии вкладышевых орудий // Каменный век европейских равнин / Сергиево-Посадский гос. историко-художественный музей-заповедник. – Сергиев Посад, 2001. – С. 162–164.

Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. – М.: ГЕОС, 2003. – С. 99–151.

Погорелов С.Н. Весла из торфяниковых памятников Среднего Урала // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. – Вып. 23. – С. 228–240.

Погорелов С.Н. Исследования торфяниковых памятников на восточном склоне Среднего Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – Вып. 3. – С. 77–83.

Погорелов С.Н. Культовая деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002а. – Вып. 24. – С. 151–164.

Погорелов С.Н. Деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Урала // Уральский исторический вестник – 2002б. – № 8. – С. 123–141.

Погорелов С.Н. Скульптурные навершия изделий из органики (по материалам торфяниковых памятников Зауралья) // Древности Горбуновского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 182–185. – (Охранные археологические исследования на Среднем Урале; Вып. 6).

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: ПАИМС, 1995. – 207 с.

Прокаев В.И., Кузнецова Т.И. Физико-географическое районирование горной полосы и предгорий южно-таежного Урала (в границах Свердловской области) // Ландшафтные исследования в Свердловской области. – Свердловск, 1974. – С. 24–39.

Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. – М.: Госкультпросветиздат, 1956. – 151 с. – (Тр. ГИМ; Вып 29).

Раушенбах В.М. Деревянные сооружения Горбуновского торфяника // СЭ. – 1958. – № 4. – С. 99–105.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19-ти т.] / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского и под общ. Руководством П.П. Семенова и В.И. Ламанского. – Т. 5. Урал и Приуралье (Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии). – СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1914. – 685 с.

Римантене Р.К. Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита–раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. – Л.: Наука, 1991. – С. 65–86.

Римантене Р.К. Хронология неолита Западной Литвы // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. – СПб.: Академ Принт, 2004. – С. 155–163.

Римантене Р.К., Кунскас Р. Швянтойи – комплекс неолитических поселений на приморской лагуне Балтийского побережья Литовской ССР // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины: путеводитель совместного советско-французского полевого семинара. – М.: Наука, 1984. – С. 30–40.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. – Сургут: Северный дом, 1993. – 208 с.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Черновцы: Прут, 2002. – 172 с.

Рыжкова О.В., Устинова Е.А. История исследования археологических памятников Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 6–30. – (Охранные археологические исследования на Среднем Урале; Вып. 6).

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 226 с.

Сабанеев Л.П. Охотничьи звери. – М.: ТЕРРА, 1992 – 480 с.

Сабанеев Л.П. Жизнь рыб. Ч. III. Рыболовство на зауральских озерах. – М.: Типография Готье, 1874.

Савченко С.Н. Кинжалы и ножи из кости и рога в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – М.: Академия, 2005. – С. 213–237.

Савченко С.Н. Костяные мезолитические наконечники стрел восточно-европейских типов в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. музей. – Тверь, 2006а. – Вып. 6. – С. 214–223.

Савченко С.Н. Наконечники гарпунов из кости в коллекции шигирских древностей Свердловского областного краеведческого музея // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: КВАДРАТ. 2006б. – С. 114–121.

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел «шигирского» типа с уплощенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене–раннем голоцене. – М.: ИА РАН, 2007. – С. 253–270.

Савченко С.Н. Изделия из кости и рога торфяниковой части стоянки Вторая Береговая на Горбуновском торфянике (по материалам раскопок 2008–2009 гг.) // III Северный археологический конгресс. Тез. докл. – Екатеринбург–Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 2010. – С. 136–137.

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел с пазами в Среднем Зауралье // РА. – 2011а. – № 1. – С. 27–37.

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел в мезолите Урала // Хлопачев Г.А. (отв. ред.). Предметы вооружения и искусства в древних культурах Северной Евразии (Функциональный и технологический аспекты): Замятинский сборник. – Санкт-Петербург: Наука, 2011б. – Вып. 2. – С. 153–181.

Савченко С.Н. Костяные цельные рыболовные крючки в каменном веке Среднего Зауралья // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. музей. – Тверь, 2013. – Вып. 9. – С. 218–221.

Савченко С.Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // *Stratum plus*. – 2014. – № 1. – С. 181–208.

Савченко С.Н., Жилин М.Г. О новых деталях изображений Большого Шигирского идола // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. – С. 130–135.

Савченко С.Н., Лилли М., Жилин М.Г. Новые AMS-даты предметов вооружения из кости и рога Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Шестые Берсовские чтения. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. – С. 49–55.

Савченко С.Н., Ромен О. Шигирская коллекция барона де Бая в музее Человека (Париж, Франция) // Шестые Берсовские чтения. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. – С. 250–259.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. – Свердловск: Свердловгиз, 1952. – 160 с.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. – Уфа: Изд-во Башкир. филиала АН СССР, 1962. – Т. I – С. 16–58.

Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Урала / Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1964. – Вып. 6. – С. 5–23.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.

Сериков Ю.Б. Работы Нижнетагильского отряда // АО 1979. – М.: Наука, 1980. – С. 171–172.

Сериков Ю.Б. Новые памятники Горбуновского торфяника // СА. – 1984. – № 2. – С. 102–114.

Сериков Ю.Б. Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 32–45.

Сериков Ю.Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // РА. – 1992. – № 4. – С. 131–147.

Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья / Министерство образования Рос. Федерации. Нижнетагильский гос. пед. ин-т. – Нижний Тагил, 2000. – 430 с.

Сериков Ю.Б. Культовые пещеры р. Чусовой // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 38–62.

Сериков Ю.Б. Новые торфяниковые памятники Кокшаровского торфяника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007а. – Вып. 5. – С. 99–114.

Сериков Ю.Б. Ловчие ямы в каменном веке Среднего Зауралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007б. – Вып. 5. – С. 114–123.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2 (38). – С. 67–78.

Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура. – М.: Ин-т археологии РАН, 1990. – 219 с.

Старков В.Ф. Кокшарово I – многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА. – 1970. – № 1. – С. 97–108.

Старков В.Ф. Отчет о раскопках на Горбуновском торфянике в 1978 г. М., 1979. – Архив Института археологии РАН. – Ф. Р-1. – Дело № 8460. – 18 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980а. – 219 с.

Старков В.Ф. Новые раскопки на Горбуновском торфянике // АО 1979. – М.: Наука, 1980б. – С. 172–173.

Старков В.Ф. Отчет о раскопках Горбуновского торфяника в 1979 г. М., 1980в. – Архив Института археологии РАН. – Ф. Р-1. – Д. – № 7896. – 19 с.

Старков В.Ф., Хотинский Н.А., Алексащенко А.А., Калинина И.В. Раскопки на Горбуновском торфянике // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 624.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Полиграфист, 2000. – 108 с.

Студзицкая С.В., Емельянов А.В. Древнейшие изображения зверя и человека в собрании Государственного исторического музея // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: мат-лы науч. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 70–76. – (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. XLIV).

Сукачев В.И., Поплавская Г.И. Очерк истории озер и растительности Среднего Урала в течение голоцена по данным изучения сапропелевых отложений // Бюлл. Комисс. по изуч. четвертич. периода СССР. – 1946. – №. 8. – С. 5–37.

Тагильцева Н.Н. Участие членов краеведческих обществ в археологических исследованиях на Урале в 1920-е гг. // II Берсовские чтения: материалы научной конференции. – Екатеринбург, 19–21 декабря 1994 г. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. – С. 13–17.

Теплоухов А.Ф. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // ЗОУЛЕ. – 1880. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 1–31.

Тимофеев В.И. Памятники каменного века восточной части Калининградской области // КСИА. – 1979. – Вып. 157. – С. 61–69.

Тимофеев В.И. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1980. – 17 с.

Тимофеев В.И. Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996а. – С. 162–165. – (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Тимофеев В.И. Проблемы абсолютной хронологии // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996б. – С. 330–337. – (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. – СПб.: Теза, 2004. – 157 с.

Толмачев В.Я. Древности Восточного Урала // ЗОУЛЕ. – 1914. – Т. XXXIV. – Вып. 8–12. – 179 с.

Толмачев В.Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // Изв. Археологической комиссии, 1916. – Вып. 60. – С. 94–99.

Торфяные месторождения Свердловской области. – М.: Геолторфразведка, 1976. – XXXII. – 788 с.

Уткин А.В. Хроника археологических исследований Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. – Иваново: [б. и.], 1998. – С. 3–11.

Федоров В.В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки // СА. – Т. II. – 1937. – С. 61–70.

Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. – СПб.: Европейский Дом, 2000. – 336 с.

Федосеева С.А. Ымяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 215 с.

Хайду П. Уральские языки и народы. – М.: Прогресс, 1985. – 432 с.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. – Л.: Наука, 1976. – 64 с.

Хлобыстин Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 327–358. – (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука. – 1977. – 199 с.

Хотинский Н.А. Дискуссионные проблемы реконструкции и корреляции палеоклиматов голоцена // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.: АН СССР, 1989. – С. 12–17.

Хотинский Н.А., Немкова В.К., Сурова Т.Г. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1982. – С. 148–153. – (Вопросы археологии Урала; Вып. 16).

Хэкель Й. Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма) / Пер. с нем. и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 107 с.

Цветкова И.К. Украшения и скульптуры из неолитического поселения Черная гора // Экспедиции ГИМа: Докл. на сессии Ученого Совета ГИМа. – М.: ГИМ, 1969. – С. 25–38.

Чаиркин С.Е., Жилин М.Г. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Европы и Зауралья. – М.: Академия, 2005. – С. 252–273.

Чаиркина Н.М. Среднее Зауралье в эпоху энеолита (культурно-генетический аспект) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического совещания / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Урал. Гос. ун-т. – Екатеринбург, 1993. – С. 216–217.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 20 с.

Чаиркина Н.М. Зауральско-североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита (проблемы энеолита Среднего Зауралья) // Уральский исторический вестник. – 1997. – № 4. – С. 28–39.

Чаиркина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1998. – Вып. 23. – С. 81–104.

Чаиркина Н.М. Тайны торфяников // Культурные памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 109–143.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – 314 с.

Чаиркина Н.М. Керамическая коллекция стоянки Варга 2 // Варга-2: Раннеэнеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург: Режевской печатный дом, 2007. – С. 39–63.

Чаиркина Н.М. Некоторые итоги и перспективы исследования торфяниково-сапропелевых отложений верхнего течения р. Конды // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 179–189.

Чаиркина Н.М. Торфяниковые памятники Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010а. – № 4. – С. 85–92.

Чаиркина Н.М. Археологическое исследование стоянки VI Разрез Горбуновского торфяника в 2007 г. // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010б. – Вып. 6. – С. 140–164. – (Охранные археологические исследования на Среднем Урале; Вып. 6).

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Среднего Зауралья (по материалам культово-погребальной площадки Скворцовская гора V). – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 224 с.

Чаиркина Н.М. Археологическое исследование VI Разреза Горбуновского торфяника в 1926 г. (по материалам раскопок Д.Н. Эдинга) //

Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М.: ИА РАН, 2012а. – С. 685–708.

Чаиркина Н.М. Модели освоения вмещающего ландшафта в мезолите – раннем железном веке Зауралья (по материалам торфяниковых памятников) // Уральский исторический вестник. – 2012б. – № 4 (37). – С. 42–49.

Чаиркина Н.М. Глиняные тарелки VI Разреза Горбуновского торфяника // Уральский исторический вестник. – 2013а. – № 2 (39). – С. 113–127.

Чаиркина Н.М. Глиняные тарелки со стилизованными антропоморфными изображениями с VI Разреза Горбуновского торфяника // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013б. – № 3 (55). – С. 68–80.

Чаиркина Н.М. Большой Шигирский идол // Уральский исторический вестник. – 2013в. – № 4 (41). – С. 100–110.

Чаиркина Н.М. Деревянная антропоморфная скульптура Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014а. – № 1 (57). – С. 81–89.

Чаиркина Н.М. Археологическое исследование VI Разреза Горбуновского торфяника в 1927 г. (по материалам раскопок Д.Н. Эдинга) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2014б. – Т. 13. Вып. 6: Археология и этнография. – С. 58–67.

Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – № 1 (24), 2014. – Тюмень. – С. 4–13.

Чаиркина Н.М., Ерохин Н.Г., Панова Н.К., Хижняк В.А., Погорелов С.Н., Чаиркин С.Е. Археологическое исследование торфомассива Водяное-Глухое // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – Вып. 3. – С. 54–76.

Чаиркина Н.М., Павлова О.А., Вилисов Е.В. Археологическое исследование раскопа № 72 VI Разреза Горбуновского торфяника в 2009 г. // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 1 (42). – С. 112–122.

Чаиркина Н.М., Савченко С.Н., Литвяк А.С., Сериков Ю.Б. Археологические памятники Шигирского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 198 с.

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 41–53.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. – М.: Наука, 1971. – 120 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. В4-12 (2)).

Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита (доклад, прочитанный на сессии ОИН в марте 1970 г.) // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 10–16.

Чернявский М.М. Исследования неолитических поселений Кривинского торфяника // Древности Белоруссии. Докл. к конф. по археологии Белоруссии. Март 1969. – Минск, 1969. – С. 71–88.

Чернявский М.М. Хронологические рамки неолита северо-западной Белоруссии // КСИА. – Вып. 153. – 1978. – С. 42–46.

Шатилов М.Б. Ваховские остяки: этнографические очерки. – Томск: Изд-во Том. краев. музея, 1931. – 175 с.

Шмидт Е.А. Традиционное мировоззрение северных угров по материалам культа медведя: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1989. – 18 с.

Широков В.Н. Медведь в наскальных изображениях Урала // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 15–18.

Шорин А.Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 25 с.

Шорин А.Ф. Энеолитические комплексы I Береговой стоянки Горбуновского торфяника (по раскопкам 1989–1990 гг.) // Охранные

археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – Вып. 1. – С. 49–61.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 181 с.

Шорин А.Ф. Стратиграфические и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // РА. – 2000. – № 3. – С. 88–101.

Шорин А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типа по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. – С. 154–161.

Шорин А.Ф. Аятская культура: возможности анализа археологических источников и реконструкции истории ее населения // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. – С. 23–28.

Шорин А.Ф. VIII Разрез – памятник археологии в торфе Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 113–123. – (Охранные археологические исследования на Среднем Урале; Вып. 6).

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Радиоуглеродные даты Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала.– Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011а. – Вып. 26. – С. 249–254.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011б – № 3 (47) – С. 70–77.

Шорин А.Ф., Вилисов Е.В., Шорина А.А. Басьяновский археологический комплекс: основные характеристики // Переходные эпохи в археологии: Мат-лы Всерос. археол. конф. с междун. участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. – С. 31–34.

Эдинг Д.Н. Горбуновский торфяник. Предварительный очерк археологических работ 1926–1928 гг. // Материалы по изучению Тагильского округа. – Нижний Тагил: Гостипография, 1929. – Вып. 3. – Полутом 1. – С. 3–27.

Эдинг Д.Н. Раскопки стоянки у слияния старой и новой капитальных канав на Горбуновском торфянике (Урал) («у Стрелки») в 1932. – Архив ИИМК РАН. – Ф. 2/1932. – Арх. № 166. – Л. 2–7.

Эдинг Д.Н. Отчет о раскопках уральской экспедиции Гос. Исторического музея на Горбуновском торфянике Н. Тагильского района Свердловской области в 1936 г. – Архив ИИМК РАН. – Ф. 2/1936. – Ед. хр. 284. – Л. 1–24.

Эдинг Д.Н. Идолы Горбуновского торфяника // СА. – 1937. – № 4. – С. 133–145.

Эдинг Д.Н. Новые находки на Горбуновском торфянике // МИА – 1940а. – № 1. – С. 41–57.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля. – М.: [Тип. Упр-ния делами СНК СССР], 1940б. – 104 с. – (Тр. ГИМ; Вып. 10).

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. музей. – Вып. 3. – Тверь, 1998. – С. 238–246.

Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. Хронология верхневолжской раннеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья.) // РА. – 1998. – № 2. – С. 11–21.

Янитс Л.Ю. Поселение эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). – Таллин: Акад. наук Эстонской ССР, 1959. – 382 с.

Аугараа А. Russia kivikauden taideloytoja // Suomen Museo, 1929. – Helsinki, 1930. – P. 82–88.

Bennike P. The Early Neolithic Danish bog finds: a strange group of people! // Bog Bodies, Sacred Sites and Wetland Archaeology. – Edited by Bryony Coles, John Coles and Mogens Schou Jorgensen. – WARP Occasional. – Paper 12. – University of Exeter, 1999. – P. 27–32.

Berzins V. Sarnate: living by coastal lake during the East Baltic Neolithic. – Oulu, 2008. – 473 p.

Carpelan K. Algoch bjornhuvudforemal fran Europas nordliga delar // Suomen Museo, 82. – Helsinki, 1977. – P. 5–67.

Chairkina N. The dates of the Scigirsky wooden Idol // The newsletter of the wetland archaeology research project. University of Exeter (England), 2000. – № 27. – P. 14.

Chairkina N., Kosinskaia L. Early Hunter-Gatherer Ceramics in the Ural and Western Siberia // Ceramics before farming: the dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers / Peter Jordan, Marek Zvelibit, editors. – Publications of the Institute of Archaeology, University College London, 2009. – P. 209–235.

Chairkina N., Kuzmin Y., Burr G. Chronology of the perishables: first AMS ¹⁴C dates of wooden artefacts from Aeneolithic – Bronze Age waterlogged sites in the Trans-Urals, Russia // Antiquity. – 2013. – V. 87. – P. 418–429.

Clark J.G.D. Prehistoric Europe. – L., 1952. 302 p.

Colles B. The development of wetland archaeology in Britain // Living on the Lake in Prehistoric Europe: 150 years of lake-dwelling research. – New York, 2004. – P. 83–97.

Gramsch B. Friesack mesolithic wetlands // The wetland revolution in prehistory. – WARP Occasional. – UK: University of Exeter, 1992. – Paper 6. – P. 65–72.

Immortal Images. Ancient antropomorphic wood carvings from northern and northwest Europe. By Wijnand van der Sanden and Torsten Capelle. – Silkeborg, 2001. – 101 p.

Driehaus J. Die Altheimer Gruppe und das Jungneolithikum in Mitteleuropa. – Bonn, 1960.

Fischer C. The Tollund Man and the Elling Woman and other bog bodies from Central Jutland // Bog bodies, sacred sites and wetland archaeology. – Edited by Bryony Coles, John Coles and Mogens Schou Jorgensen. – WARP Occasional. –

University of Exeter, 1999. – Paper 12. – P. 93–98.

Keller F. Pfahlbauten // Mitteilungen der Antiquarischen Gesellschaft in Zürich, 1856–1888. – Berichte 1–9. – Bd. 9, 12–15, 19, 20, 22.

Living on the lake in prehistoric Europe: 150 years of lake-dwelling research. Edited by Francesco Menotti. – New York, 2004. – 238 p.

Lozovski V.M. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. – Treignes: CEDARC, 1996. – 96 p.

Mazurkevich A.N., Arslanov Kh.A., Savel'eva L.A., Kulkova M.A., Zaitseva G.I. Mesolithic and Neolithic in the Western Dvina–Lovat Area // Dolukhanov P.M., Graeme R. Sarson, Shukurov A.M. (ed.). The East European Plain on the Eve of Agriculture. – Oxford, 2009. – P. 197–211. – (BAR International Series).

Mazurkevich A., Dolbunova E., Maigrot Y., Hookk D. Results of underwater excavations of Serteya II and research of pile-dwellings in Northwest Russia // *Archaeologia Baltica*. – 2010. – № 14. – P. 47–64.

Marzatico F. 150 years of lake-dwelling research in northern Italy // *Living on the Lake in Prehistoric Europe: 150 years of lake-dwelling research*. – New York, 2004. – P. 98–114.

Menotti F. The lake-dwelling phenomenon and wetland archaeology // *Living on the Lake in Prehistoric Europe: 150 years of lake-dwelling research*. – New York, 2004. – P. 1–7.

Mordant C., Mordant D. Noyen-sur-Seine: a Mesolithic waterside settlement // *The wetland revolution in prehistory*. – WARP Occasional. – UK, University of Exeter, 1992. – Paper 6. – P. 55–64.

Petrequin P., Bailly M. Lake-dwelling research in France: from climate to demography // *Living on the Lake in Prehistoric Europe: 150 years of lake-dwelling research*. – New York, 2004. – P. 36–49.

Raftery B. Recent developments in Irish wetland research // The wetland revolution in prehistory. – WARP Occasional. – UK, University of Exeter, 1992. – Paper 6. – P. 29–36.

Rimantene R. Sventoji. Narvos kultūros gyvenvietes. – Vilnius, 1979. – 188 p.

Rimantene R. Sventoji. Pamariu kultūros gyvenvietes. – Vilnius, 1980. – 86 p.

Rimantiene R. Die Steinzeitfischer an der Ostseeelagure in Litauen. – Litauisches Nationalmuseum, 2005. – 467 s.

Ruoff U. Lake-dwelling studies in Switzerland since «Meilen 1854» // Living on the Lake in Prehistoric Europe: 150 years of lake-dwelling research. – New York, 2004. – P. 9–21.

Ruttkay E., Cichocki O., Pernicka E., Pucher E. Prehistoric lacustrine villages on the Austrian lakes: past and recent research developments // Living on the Lake in Prehistoric Europe : 150 years of lake-dwelling research. – New York, 2004. – P. 50–58.

Schlichtherlte H. Lake-dwellings in south-western Germany: history of research and contemporary perspectives // Living on the Lake in Prehistoric Europe: 150 years of lake-dwelling research. – New York, 2004. – P. 22–35.

Schobel G. Lake-dwelling museums: academic research and public information // Living on the Lake in Prehistoric Europe: 150 years of lake-dwelling research. – New York, 2004. – P. 221–236.

Smith C. Late Stone Age Hunters of the British Isles. – London and New York: Routledge, 1992. – 206 p., 78 fig., 15 pl. 7 tabl.

Sturms Ed. Die Moorsiedlungen in Ostbaltikum und Westsiberien. – Fornvannen, 1948. – Hefte 1, 5, 6. – P. 362–364.

Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen im nordlichen Mitteleuropa. – Koln-Graz, 1968. – 326 s. – 190 tafl.

Turner R. Dating the Lindow Moss and other Britisc bog bodies and the problems of assigning their cultural context // Bog bodies, sacred sites and wetland archaeology. – Edited by Bryony Coles, John Coles and Mogens Schou Jorgensen. –

WARP Occasional, 1999. – Paper 12. – P. 227–234.

Urgeschichte der Schweiz. – Bd. I. Hrsg. O. Tschumi. – Frauenfeld, 1949.

Veluscek A. Past and present lake-dwelling studies in Slovenia: Ljubljansko barje (the Ljubljana Marsh) // Living on the Lake in Prehistoric Europe: 150 years of lake-dwelling research. – New York, 2004. – P. 69–82.

Vogt E. Pfahlbaustudien // Das Pfahlbauproblem. – Zurich, 1955. – P. 199–222.

Van der Sanden W. Mumien aus dem Moor – Die vor- und frühgeschichtlichen Moorleichen aus Nordwesteuropa. – Drents Museum / Batavian Lion International. – Amsterdam, 1996. – S. 48–49.

Zaretskaya N.E., Hartz S., Terberger T., Savchenko S.N., Zhilin M.G. Radiocarbon chronology of the Shigir and Gorbunovo archaeological bog sites, Middle Urals. Russia // Radiocarbon. – № 54 (3–4). – 2012. – P. 783–794.

Zurn H. Das jungsteinzeitliche Dorf Ehrenstein. (Kreis Ulm). Ausgrabung 1960. – Teil I, II: Die Funde, Stuttgart 1965 (Veröffentlichungen des Staatlichen Amtes für Denkmalpflege Stuttgart, Reihe A, Vor- und Frühgeschichte). Heft 10/II. P. 7–77.

Список сокращений

АО	Археологические открытия. М.
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. СПб.
МГУ	Московский государственный университет
ГИМ	Государственный исторический музей. М.
ЗУОЛЕ	Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург/Свердловск
ИА АН СССР	Институт археологии Академии наук СССР. М.
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук. М.
ИАЭТ СО РАН	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск
ИИиА	Институт Истории и археологии. Екатеринбург
ИИиА УрО РАН	Институт Истории и археологии Уральского Отделения Российской Академии наук. Екатеринбург
ИИМК РАН	Институт Истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
ИПОС СО РАН	Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Тюмень
ИЯЛИ	Институт языка, литературы и истории
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР/РАН. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР/РАН. М.–Л./СПб.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.

НТГСПА	Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Нижний Тагил
НТМЗ	Нижнетагильский музей–заповедник. Нижний Тагил
ПБВ	Поздний бронзовый век
РА	Российская археология. М.
РАИМК	Российская академия истории материальной культуры
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СОКМ	Свердловский областной краеведческий музей. Екатеринбург
СЭ	Советская этнография
ТГУ	Томский государственный университет
ТИЭ	Труды Института этнографии АН СССР
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УАС	Уральское археологическое совещание
УГИ	Уральский горный институт. Свердловск
УЗ ПГУ	Ученые записки Пермского государственного университета
УНЦ	Уральский научный центр
УрО АН СССР	Уральское отделение Академии наук СССР
УрО РАН	Уральское отделение Российской Академии наук
ХМАО	Ханты-Мансийский автономный округ
AMS	Accelerator Mass Spectrometry (Ускорительная масс-спектрометрия)